

В. Б. Ремизов

УХОД ТОЛСТОГО

КАК ЭТО БЫЛО

В. Б. Ремизов

УХОД ТОЛСТОГО

КАК ЭТО БЫЛО

В. Б. Ремизов

УХОД ТОЛСТОГО

КАК ЭТО БЫЛО

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

«ПРОСПЕКТ»

Москва
2018

УДК 929
ББК 63.3-8
Р38

Электронные версии книг
на сайте www.prospekt.org

Автор:

Ремизов В. Б. — литературовед, исследователь творчества Л. Н. Толстого и проблем культуры, кандидат филологических наук; педагог, основатель эксперимента «Школа Л. Н. Толстого», заслуженный учитель России. В 1980-е гг. — доцент кафедры русской литературы Воронежского государственного университета; в дальнейшем — профессор, заведующий кафедрой духовного наследия Л. Н. Толстого Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого.

Работал в музее-заповеднике «Ясная Поляна» заместителем директора по научной работе. С 2001 по 2012 г. — директор Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва). Лауреат премии Правительства Российской Федерации; почетный доктор наук Воронежского государственного университета; почетный член Российской академии художеств. Награжден орденом Почета и орденом «Слава России».

Ремизов В. Б.

Р38

Уход Толстого. Как это было. — Москва : Проспект, 2018. — 704 с.
ISBN 978-5-392-27305-8

В книге впервые представлена развернутая хроника последних месяцев жизни Льва Толстого: с 19 июня по 7 ноября 1910 г. Построенная на подлинных материалах — дневниках, письмах, документах, мемуарах участников событий, — она передает неповторимость каждого дня, создает условия для объективного и правдивого восприятия смысла происходящего. Читателю предоставлена возможность, минуя многочисленные трактовки и интерпретации, ощутить себя свободным в поисках ответов на сложные вопросы разыгравшейся драмы. Повествовательный ряд обогащен огромным количеством уникальных фотографий из фондов Государственного музея Л. Н. Толстого.

Издательство и автор книги благодарят Государственный музей Л. Н. Толстого за предоставленную возможность использовать в качестве иллюстраций уникальные материалы из его коллекций изобразительных и рукописных фондов.

УДК 929
ББК 63.3-8

Научно-популярное издание

Ремизов Виталий Борисович

УХОД ТОЛСТОГО.

КАК ЭТО БЫЛО

Подписано в печать 15.02.2018. Формат 60×90 1/16.

Печать офсетная. Печ. л. 44,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 1228

ООО «Проспект»

111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

ISBN 978-5-392-27305-8

© Ремизов В. Б., 2017
© ООО «Проспект», 2017

ПЕРЕД УХОДОМ

«Я отстаивал свою свободу»

Тому, что произошло ночью 28 октября 1910 года в Ясной Поляне, дано много определений: «бегство», «исчезновение», «внезапный отъезд», «освобождение», «последнее воскресение», «художественный жест», «уход». Но чаще всего употребляемо последнее. Связанные с ним вопросы — почему, кто виноват и есть ли чья вина, как, зачем, куда... — по сей день возникают в душе читателя и не имеют однозначных ответов, хотя об уходе и смерти Льва Толстого написаны тома книг, а подшивка вырезок из газет и журналов хранится в 20 огромных папках-томах.

Предлагаемые страницы развернутой хроники, воссозданной по подлинным материалам (дневникам, письмам, мемуарам, документам) свидетелей событий столетней давности, позволяют читателю заглянуть в мир общения ее героев, поразмыслить наедине с ними о случившемся и *почувствовать себя свободным от имеющихся трактовок и интерпретаций*¹.

Собранная таким образом хроника дается впервые. Быть может, кому-то покажется излишним цитирование стоящих на различных позициях участников драматических событий, но объемно сферическая их подача является защитой от однобокости субъективных оценок.

Оскорбительные и уничижительные суждения по поводу ухода Толстого из Ясной Поляны, как и его личности («выживший из ума старик», женоненавистник, «жестокосердный

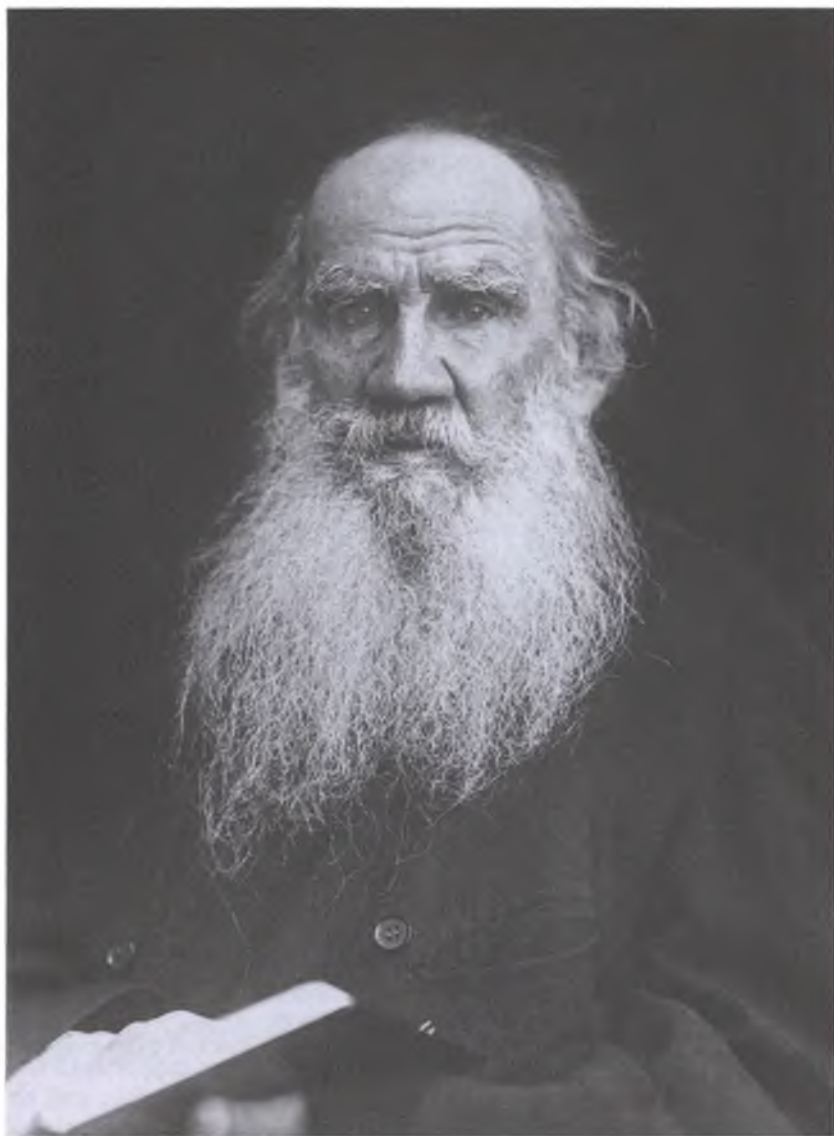
¹ Выделение жирным шрифтом, курсивом, жирным курсивом, подчеркивание здесь и далее в моем тексте и цитируемых материалах мои. Курсив и иного рода выделения в цитатах других авторов оговариваются особо. — В.Р.

*развратник, перешагнувший через супружескую верность, опозоривший себя и семью, оставивший жену, детей и 25 внуков без средств к существованию», «человек, уставший от жизни и общения с людьми», «пиарщик, возжелавший еще большей славы»...), **встречались и ранее, но в наше время их стало так много, что количество стало переходить в новое качество. Толстой оказался зажатым в круг обывательских представлений и безудержной пошлости.***

Важно подчеркнуть один момент во всем этом калейдоскопе суждений. **Мнение о духовной и физической немощи Толстого в последние месяцы жизни не имеет ничего общего с реальностью.** Кому-то важно представить его чуть ли не маразматиком, не ведающим, что он творит. Между тем творческая и жизненная активность Толстого в последние пять месяцев своей жизни поражает. Дни болезни перемежаются с постоянной верховой ездой, вплоть до ухода (27 октября вместе с Д. П. Маковицким он верхом проехал 16 верст), долгими пешими путешествиями по окрестностям Ясной Поляны, Отрадного, Кочетов.

Не ослабевает духовное общение писателя с современниками: **с июня по ноябрь 1910 года он написал более 250 писем 175 адресатам.** Многие письма отличаются глубиной философского и социально-общественного содержания, проникновенностью, на каждом лежит печать самобытности личности автора. Среди них — письма к молодому Ганди, Ф. А. Страхову, К. Ф. Смирнову о запое, священникам Д. Н. Ренскому и Д. Е. Троицкому о невозможности стать на путь догматического Богословия, одному из бывших учителей яснополянской школы Н. П. Петерсону, оригинальному мыслителю XX века П. П. Николаеву, В. И. Шпигановичу о проблеме самоубийства, издателю И. И. Горбунову-Посадову о народных изданиях «Посредника» и о том, что следует издавать, друзьям-единомышленникам, своим биографам — русскому П. И. Бирюкову, итальянцу Джулио Витали, американцу Эйльмеру Мооду. Большой массив писем представляет собой

Перед уходом. «Я отстаю свою свободу»

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 1908. Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. Толстой среди родных и гостей в день своего 75-летия.
28 августа 1903 г. Ясная Поляна. Фотография Ф. Т. Протасевича.
Слева направо стоят: Е. Ю. Игумнова, Н. Л. Оболенский, В. А. Кузминская,
П. А. Буланже, А. Б. Гольденвейзер, И. И. Горбунов-Посадов, К. В. Орлов
(корреспондент), Л. Л. Толстой, С. Л. Толстой, А. Л. Толстая, Т. Л. Сухотина,
А. И. Толстая и П. А. Сергеенко;
в среднем ряду: Вера Сидоркова (дочь слуги), Е. С. Денисенко,
О. К. Толстая с дочерью Соней, С. А. и Л. Н. Толстые, М. Л. Оболенская,
Д. Ф. Толстая, С. Т. Семенов;
в первом ряду: Д. В. Никитин, М. М. Сухотин, М. Л. Толстой с Онисимом
Денисенко, И. Л. Толстой, А. Л. Толстой и А. А. Берс

переписку Толстого с родными и близкими, выявившую суть жизненных позиций Толстого и тех, кто его окружал в последние месяцы жизни.

Практически ни на день не прекращалось общение писателя с многочисленными гостями — представителями разных классов, разных идейных убеждений, разных возрастов и национальностей. Приходили к Толстому за советом, материальной поддержкой, с житейскими просьбами, но в основном — с желанием разрешить тот или иной мучительный вопрос земного существования, поговорить о душе и Боге.

Как и раньше, велик интерес писателя к чтению. Он жидет-ся на его давних пристрастиях к тем или иным авторам и его жажде быть всегда на острие переломных событий в мире. Все чаще чтение уводит Толстого от «суеты сует», от недоброй атмосферы в домашнем окружении, от одиночества, которое мучает его и возрастает с каждым днем.

Так, 5 октября, через день после тяжелого обморока, еще достаточно слабый, Толстой ведет разговор о писателях: Ги де Мопассане, Гоголе, В.В. Розанове, Н.А. Бердяеве, В.С. Соловьеве, М.П. Арцыбашеве. Он вслух декламирует свои любимые стихотворения — *Silentium* Тютчева и «Воспоминание» Пушкина. Через день его душа нуждается в «чтении Шопенгауэра»; 8, 9, 18 и 22 октября Толстой штудировал книгу П.П. Николаева «Понятие о божестве как совершенной основе жизни», а 9-го «перебывает» это чтение статьей В.А. Мякотина «О современной тюрьме и ссылке» в журнале «Русское богатство».

В центре предлагаемой хроники — Лев Толстой. Вокруг него выстраиваются все другие точки зрения. Отправляя читателя в трудное путешествие, думаю, важно обратить его внимание на признание самого Льва Толстого, сделанное за два года до смерти: «и ни разу не изменил жене»¹. Не верить этому нельзя, ибо Толстой никогда не лгал. Для него

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 56. М., 1937. С. 173. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте книги с указанием тома и страницы.

с юности и до конца дней героями его жизни и творчества были правда и искренность.

В первую часть включены материалы, отражающие ситуацию до «ухода из Ясной Поляны», — **с 19 июня по 28 октября 1910 года**, во вторую — непосредственно **уход и смерть на полустанке в Астапове.**

В ОТРАДНОМ

В гостях у Владимира Григорьевича Черткова

Из дневника Льва Николаевича Толстого 1910 г.

19 июня. Отрадное

Долго спал и возбужден. Придумал важное изменение в Предисловии и кончил письмо в Славянский съезд. Теперь 2-й час. Записать:

1) Ужасно не единичное, бессвязное, личное, глупое безумие, а безумие общее, организованное, общественное, умное безумие нашего мира. [...]

Ездил с Чертковым в Троицкое (посещения Троицкой окружной психиатрической больницы. — В.Р.) Необыкновенное великолепие чистоты, простора, удобств. Были у 1) испытуемых мужчин. Там экспроприатор, защищавший насилие, старообрядец, приговоренный к смертной казни и потом 20 годам каторжных работ за убийство, потом отцеубийца, 2) беспокойные, 3) полуспокойные и 4) слабые. То же деление у женщин. Особенно тяжелое впечатление женщин, испытываемых и беспокойных.

Дома известие, что Черткову «разрешено» быть в Телятинках во время приезда матери. Ванна. Песни — Саша.

20 июня. Отрадное

Встал бодрым. Поправил и «Славянам», и «Предисловие». И написал «Детскую Мудрость». **Хочу попытаться сознательно бороться с Соней добром, любовью.** Издалека кажется

Л. Н. Толстой на верховой прогулке в с. Мещерском.
1910. Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. Толстой среди больных и врачей Троицкой окружной
психиатрической больницы (близ села Мещерское).
1910. Фотография В. Г. Черткова

возможным. Постараюсь и вблизи исполнить. Душевное состояние очень хорошее. Молитва благодарности уже не так действует. **Теперь молитва всеобщей любви.** Не то, что с тем, с кем схожусь, а со всеми, всем миром. И действует. И те молитвы: не заботы о людском суждении и о благодарности оставили осязательные, радостные следы.

* * *

«СЛАВЯНСКОМУ СЪЕЗДУ В СОФИИ

Получил приглашение ваше и с радостью приехал бы, если бы не мои года и нездоровье. Приехал бы с тем, чтобы лично побеседовать с вами о том предмете, который собрал вас. Постараюсь сделать это хотя бы письменно.

Единение людей, то самое, во имя чего вы собрались, есть не только важнейшее дело человечества, но в нем я вижу и смысл, и цель, и благо человеческой жизни. Но для того, чтобы деятельность эта была благодетельна, нужно, чтобы она была понимаема во *всем* ее значении без умаления, ограничения, извращения. Так это по отношению всех важнейших деятельностей человеческих, так это и по отношению религии, любви, служения человечеству, науки, искусства. Все до конца, до последних выводов, как бы они ни были чужды или неприятны нам. Все или ничего. И именно *ничего*, а не кое-что, потому что все эти величайшие деятельности человеческой души, как только они не доведены до конца, не только не полезны, не только не приносят свою, хоть малую пользу, как думают и говорят многие, но губительны и более всего другого задерживают достижение той самой цели, к которой они как будто бы стремятся. Так это с религией, допускающей слепую веру, так это с любовью, допускающей борьбу — противление, так это со служением людям, допускающим насилие над людьми. Так во всем и особенно в деятельности, имеющей целью единение людей.

Несомненно, что соединенные люди сильнее разъединенных. Семья сильнее отдельного человека. Шайка грабителей

сильнее, чем каждый порознь. Община сильнее отдельных личностей. Соединенное патриотизмом государство сильнее разрозненных народностей. Но дело в том, что преимущество соединенных людей против разъединенных и неизбежное последствие этого преимущества, порабощение или хотя бы эксплуатация разъединенных, естественно вызывает в разъединенных желание соединиться для того, чтобы сначала противодействовать насилию, а потом и совершать его. Славянским народностям естественно, испытывая на себе зло соединения австрийского, русского, германского, турецкого государств, желать, для противодействия этому злу, сложиться в свое соединение, но новое соединение это, если только состоится, неизбежно будет вовлечено точно в такую же деятельность не только борьбы с другими единениями, но и в подавление и эксплуатацию более слабых соединений и отдельных личностей.

Да, в единении и смысл, и цель, и благо человеческой жизни, но цель и благо это достигаются только тогда, когда это единение *всего* человечества во имя основы, общей *всему* человечеству, но не единение малых или больших частей человечества во имя ограниченных, частных целей. Будь это единение семьи, шайки грабителей, общины или государства, народности или “священный союз” государств, такие соединения не только не содействуют, но более всего препятствуют истинному прогрессу человечества. И потому для того, чтобы сознательно служить истинному прогрессу, я, по крайней мере, так думаю, должно не содействовать всем таким частным соединениям, а всегда противодействовать им. Единение есть ключ, освобождающий людей от зла. Но для того, чтобы ключ этот исполнил свое назначение, нужно, чтобы он был продвинут до конца, до того места, где он отворяет, а не ломается сам и не ломает замок. Так и единение для того, чтобы оно могло произвести свойственные ему благодетельные последствия, оно должно иметь целью единение *всех* людей, во имя общего *всем* людям, одинаково признаваемого всеми начала. А таким единением может быть только единение, основанное на той религиозной основе жизни, которая одна соединяет людей и,

к несчастью, признается ненужной, отжившей большинством людей, в наше время руководящим народами.

Мне скажут: мы признаем и эту религиозную основу, но не отрицаем и основы единения племенной, народной, государственной. Но дело в том, что одно исключает другое. Если признано целью жизни человечества единение всемирное, религиозное, то это самое признание отрицает всякие другие основы единения и, наоборот, признание основой единения начала племенного, народного, патриотическо-государственного неизбежно отрицает религиозное начало как действительную основу жизни.

Думаю, почти уверен, что эти высказанные мною мысли будут признаны неприложимыми и неправильными, но я счел своим долгом вполне откровенно высказать их тем людям, которые, несмотря на мое отрицание племенного и народного патриотизма, все-таки более близки мне, чем люди других народов. Скажу более, откинув соображения о том, что по этим словам моим меня могут уличить в непоследовательности и противоречии самому себе, скажу, что особенно побудила меня высказать то, что я высказал, моя вера в то, что та основа всеобщего религиозного единения, которая одна может, все более и более соединяя людей, вести их к свойственному им благу, что **эта основа будет принята прежде всех других народов христианского мира народами именно славянского племени.**

Отрадное, 20 июня 10 г.» (курсив Л. Н. Толстого. — В.Р.)¹.

* * *

21 июня. Отрадное

Нам дано одно, но зато неотъемлемое благо любви. **Только любви, и все радость: и небо, и деревня, и люди, и даже Сам.** А мы ищем блага во всем, только не в любви. А это искание его

¹ Т. 38. С. 175–176.

**Л.Н. Толстой, В.Г. Чертков и Д.П. Маковицкий около дома
в имении Отрадное близ с. Мещерского.
Московская губ. 1910. Фотография Т. Тапселя**

в богатстве, власти, славе, исключительной любви — все это мало того, что не дает блага, но, наверное, лишает его.

22 июня. Отрадное

Встал рано. Немного, мало спал. Посмотрим, что будет во мне, а не вне меня. Помоги, Бог. [...] Почти ничего не работал: кончил книжечки. Заснул. Ездил с Чертковым в Лебучане. Там ходил на фабрику — проявление безумия. [...] Вечером Страхов (Федор Алексеевич, философ, единомышленник Л.Н. Толстого. — В.Р.) читал статью об идеале христианства. Хорошо. Ложусь спать. **Телеграмма из Ясной — тяжело.**

**Из комментариев Николая Сергеевича Родионова
к дневникам Л.Н. Толстого 1910 г.**

22 июня. В 5 часов вечера

«...На имя А.Л. Толстой была получена телеграмма из Ясной Поляны от В.М. Феофритовой (подруга дочери писателя А.Л. Толстой, секретарь С.А. Толстой. — В.Р.) следующего содержания: “Софье Андреевне сильное нервное расстройство, бессонница, плачет, пульс сто, просит телеграфировать. Варя”.

Сама же **С.А. Толстая** в своем “Ежедневнике” 22 июня пишет:

“Больна нервами и сердцем. Варвара Михайловна телеграфировала Льву Николаевичу, но он не придет!.. Отвратительна эта старческая влюбленность в фальшивого лицемера Черткова, нашего разлучника, и я его ненавижу за это. **Хочется смерти и боюсь самоубийства; но, вероятно, воспитаю в себе эту мысль.** Невыносима жизнь с этим незаслуженным, постоянно недобрым ко мне отношением Льва Николаевича. Ох! Как я что-то страдаю! Сердце, голова, душа — все болит”.

В.М. Феофритова (подруга дочери Л.Н. Толстого Саши, секретарь С.А. Толстой. — В.Р.), находившаяся неотступно в последние дни с С.А. Толстой, продолжая свои записки, пишет:

Л. Н. Толстой читает вслух свою статью «О безумии».
Мещерское. 21 июня 1910 г. Фотография Т. Тапселя.
Слева направо: Ф. А. Страхов, А. Я. Григорьев, В. Ф. Булгаков (стоит),
А. С. Бутурлин, Л. Н. Толстой, В. Г. Чертков, Д. П. Маковицкий,
А. К. Черткова, П. Н. Орленев, А. П. Сергеенко (стоит)

“Я пришла, она спросила, не было ли телеграммы от Льва Николаевича, и где расписка от посланной? Я ей отдала. Она сама лично написала еще телеграмму и просила послать немедленно. Телеграмма вот такая: “Умоляю приехать скорей — двадцать третьего. Толстая”. Опять начались стоны и ужасные упреки Льва Николаевича. [...] Принесли телеграмму от Льва Николаевича: “Удобнее приехать завтра днем, телеграфируйте, если необходимо, приедем ночью”. Как только она прочла телеграмму, начала рыдать, бросилась с постели и кричала: “Разве вы не видите, что это слог Черток-ва, он его не пускает, они хотят меня уморить, но ведь у меня есть опиум... вот он”. Она побежала к шкафу и показала мне склянку с опиумом и нашатырным спиртом и кричала, что отравится, если не приедет Лев Николаевич. — “Пошлите срочную”»¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого 23 июня [Отрадное]

Жив. Теперь 7 часов утра. Вчера только что лег, еще не засыпал, телеграмма: **«Умоляю приехать 23»**. Поеду и рад случаю делать свое дело. Помогите, Бог.

Ясная Поляна. Нашел хуже, чем ожидал: истерика и раздражение. Нельзя описать. Держался не очень дурно, но и не хорошо, не мягко.

Из комментариев Николая Сергеевича Родионова

«В. Ф. Булгаков (секретарь Л. Н. Толстого. — В. Р.), отмечая в [своем] дневнике получение от Софьи Андреевны телеграмм, пишет:

“Именно с этих двух злополучных телеграмм, полученных в Мещерском 22 июня, начался последний крестный путь Льва Николаевича, приведший его через Астапово к могиле...”»².

¹ Т. 58. С. 428.

² Т. 58. С. 428, 429.

Л. Н. Толстой с дочерью Александрой Львовной
и врачом Д. П. Маковицким в Отрадном.
Московская губ. 1910. Фотография В. Г. Черткова

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Из дневника Льва Николаевича Толстого

24 июня. Ясная Поляна

Много записать нужно. Встал, мало выспавшись. Ходил гулять. Ночью приходила Соня. Все не спит. Утром пришла ко мне. Все еще взволнована, но успокаивается.

1) **Вышел на прогулку после мучительной беседы с Соней.** Перед домом цветы, босоногие, здоровые девочки чистят. Потом ворочаются с сеном, с ягодами. Веселые, спокойные, здоровые. Хорошо бы написать две картинки.

Перечитал письма. Написал ответ о запое. Ничего особенного вечером. Успокоение.

25 июня

Рано встал. Писал о безумии и письма. И вдруг Соня опять в том же раздраженном истерическом состоянии. Очень было тяжело. Ездил с ней в Овсянниково (имение Т.Л. Толстой-Сухоотиной. — В.Р.). Успокоилась. Я молчал, но не мог, не сумел быть добр и ласков. [...] Как-то нехорошо на душе. Чего-то стыдно. Ложусь спать, 12-й час.

26 июня

Встал рано. Ходил, потерял шапку. Дома — письма и только перечел «О сумасшествии» и начал писать, но не кончил. Поехал верхом, дождь. Вернулся домой. **Соня опять возбуждена, и опять те же страдания обоих.**

Помоги, Господи. Вот где место молитвы. 1) **Только перед Богом.** 2) Все дело сейчас. И не делаю. 3) **Благодарю за испытание.**

Из дневника Софьи Андреевны Толстой 1910 г.

26 июня

[В первой половине 1910 года С.А. Толстая дневник не вела. Настоящая запись — первая. — В.Р.]

Дом Л. Н. Толстого (со стороны террасы).
Ясная Поляна. 1908. Фотография К. К. Буллы.
У террасы стоит Л. Н. Толстой с внуками Таней и Ваней,
детьми М. Л. Толстого

«Лев Николаевич, муж мой, отдал все свои дневники с 1900 года Вл. Гр. Черткову и начал писать новую тетрадь там же (в Отрадном. — В.Р.), в гостях у Черткова, куда ездил гостить с 12-го июня. В том дневнике, который он начал писать у Черткова, который он дал мне прочесть, между прочим сказано: **“Хочу бороться с Соней добром и любовью” (здесь и далее в дневниках и письмах курсив С.А. Толстой. — В.Р.).** Бороться?! С чем бороться, когда я его так горячо и сильно люблю, когда одна моя мысль, одна забота — чтоб ему было хорошо. **Но ему перед Чертковым и перед будущими поколениями, которые будут читать его дневники, нужно выставить себя несчастным и великодушно-добрым, борющимся с мнимым каким-то злом.**

Жизнь моя с Льв. Ник. делается со дня на день невыносимее из-за бессердечия и жестокости по отношению ко мне. **И все это постепенно и очень последовательно сделано Чертковым.** Он всячески забрал в руки несчастного старика, он разлучил нас, он убил художественную искру в Л.Н. и разжег осуждение, ненависть, отрицание, которые чувствуются в статьях Л.Н. последних лет, на которые его подбивал его глупый злой гений.

Да, если верить в дьявола, то в Черткове он воплотился и разбил нашу жизнь.

Все эти дни я больна. Жизнь меня утомила, измучила, я устала от трудов самых разнообразных; живу одиноко, без помощи, без любви, **молю Бога о смерти; вероятно, она недалеко.** Как умный человек, **Лев Никол.** знал способ, как от меня избавиться, и с помощью своего друга — Черткова **убивал меня постепенно, и теперь скоро мне конец.**

Заболела я внезапно. Жила одна с Варварой Михайловной в Ясной Поляне. [...] Для Сашиного здоровья после ее болезни, для чистоты и уничтожения пыли и заразы, меня вынудили в доме все красить и исправлять полы. Я наняла всяких рабочих и сама таскала мебель, картины, вещи с помощью доброй Варвары Михайловны. Было и много и корректур, и хозяйственных дел. Все это меня утомило ужасно,

С. А. Толстая на балконе дома в Ясной Поляне.
1902. Фотография С. А. Толстой

разлука с Л.Н. стала тяжела, и со мной сделался нервный припадок, настолько сильный, что Варвара Михайловна послала Льву Никол. телеграмму: "Сильный нервный припадок, пульс больше ста, лежит, плачет, бессонница". На эту телеграмму он написал в дневнике: "Получил телеграмму из Ясной. Тяжело". И не ответил ни слова и, конечно, не поехал.

К вечеру мне стало настолько дурно, что от спазм в сердце, головной боли и невыносимого какого-то отчаяния я вся тряслась, зубы стучали, рыдания и спазмы душили горло. **Я думала, что я умираю.** В жизни моей не помню более тяжелого состояния души. Я испугалась и, как бы спасаясь от чего-то, естественно, **бросилась за помощью к любимому человеку** и вторично ему телеграфировала уже сама: «Умоляю приехать завтра, 23-го». Утром 23-го вместо того, чтоб приехать с поездом, выходящим в 11 часов утра, и помочь мне, была прислана телеграмма: "Удобнее приехать 24-го утром, если необходимо, приедем ночным".

В слове удобнее я почувствовала стиль жестокосердного, холодного деспота Черткова. Состояние моего отчаяния, нервности и болей в сердце и голове дошло до последних пределов. [...]

Вечером, 23-го, Лев Ник. — со своим хвостом — вернулся недовольный и неласковый. Насколько я считаю Черткова нашим *разлучником*, настолько Лев Ник. и Чертков считают *разлучницей* меня.

Произошло тяжелое объяснение, я высказала все, что у меня было на душе. **Сгорбленный, жалкий сидел Лев Ник. на табуретке и почти все время молчал. И что мог бы он мне сказать?** Минутами мне было ужасно жаль его. **Если я не отравилась эти дни, то только потому, что я трусиха.** Причин много, и надеюсь, что Господь меня приберет и без греховного самоубийства.

Во время нашего тяжелого объяснения вдруг из Льва Ник. **выскочил зверь: злоба засверкала в глазах, он начал говорить что-то резкое, я ненавидела его в эту минуту**

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков идут купаться на реку Воронка.
Ясная Поляна. 1905. Фотография С. А. Толстой

и сказала ему: “А! Вот когда ты настоящий!” — и он сразу притих. [...]

Сегодня я прочла данный мне Льв. Ник. его дневник, — и опять меня обдало холодом и расстроило известие, что Лев Ник. все дневники свои от 1900 года отдал Черткову, якобы делать выписки [...], везде с умыслом он выставляет меня, как и теперь, мучительницей, с которой надо как-то бороться и самому держаться, а себя — великодушным, великим, любящим, религиозным...

А мне надо подняться духом, понять, что перед смертью и вечностью так не важны интриги Черткова и мелкая работа Л.Н. унижить и убить меня.

Да, если есть Бог, ты видишь, Господи, мою ненавидящую ложь душу и мою не умственную, а сердечную любовь к добру и многим людям!

Вечер. Опять было объяснение, и опять мучительные страдания. Нет, так невозможно, надо покончить с собой. Я спросила: “С чем во мне Лев Ник. хочет бороться?” Он говорит: “С тем, что у нас во всем с тобой разногласие: и в земельном, и в религиозном вопросе”. Я говорю: “Земли не мои, и я считаю их семейными, родовыми”. — “Ты можешь свою землю отдать”. Я спрашиваю: “А почему тебя не раздражает земельная собственность и миллионное состояние Черткова?” — “Ах! Ах, я буду молчать, оставь меня...”. **Сначала крик, потом злобное молчание. [...]**

Я, кажется, обдумала, что мне надо делать. На днях, до отъезда Льва Ник. к Черткову, он негодовал на нашу жизнь, и когда я спросила: “Что же делать?” — он негодующим голосом кричал: “Уехать, бросить все, не жить в Ясной Поляне, не видеть нищих, черкеса, лакеев за столом, просителей, посетителей, — все это для меня ужасно!”

Я спросила: “Куда же теперь нам, старикам, уехать?” — “Куда хочешь: в Париж, в Ялту, в Одоев... Я, разумеется, поеду с тобой”.

Слушала я, слушала всю эту гневную речь, взяла 30 рублей и ушла; хотела ехать в Одоев и там поселиться. Была

страшная жара, добежала до шоссе, задохнулась от волнения и усталости, легла возле ржи в канаву на травке. Слышу, едет кучер в кабриолете. Села, обессиленная вернулась домой. У Льва Никол. на короткое время сделались перебои в сердце. Что тут делать? Куда деваться? Что решать? **Это был первый надрез в наших отношениях (далеко не первый — В.Р.). [...]**

И вот сегодня вечером, обходя раз десять аллеи в саду, я решила без ссор, без разговоров **нанять угол в чьей-нибудь избе и поселиться в ней, бросив все дела, всю жизнь, стать бедной старушкой в избе, где дети, и их любить. Надо попробовать.**

Когда я стала говорить, что на перемену более простой жизни с Льв. Ник. я не только готова, но смотрю на нее, как на радостную идиллию, только прошу указать, *где* именно он хотел бы жить, он сначала мне ответил: “На юге, в Крыму или на Кавказе...” Я говорю: “Хорошо, поедем, только скорей...” На это он мне начал говорить, что прежде всего нужна *доброта*.

[...] *Доброта!* А когда в 20 лет, может быть, в первый раз он мог показать свою доброту, которую я давно не чувствую, когда я умоляла его приехать, он с Чертковым сочинял телеграмму, что *удобнее* не приезжать. [...] Неужели я не умру от тех страданий, которые я переживаю...

Сегодня Лев Ник. упрекал меня в розни с ним *во всем*. В чем? В земельном вопросе, в религиозном, да во всем... И это неправда. Земельный вопрос по Генри Джорджу я просто не понимаю; отдать же землю, помимо моих детей, считаю высшей несправедливостью. Религиозный вопрос не может быть разный. Мы оба верим в Бога, в добро, в покорность воле божьей. Мы оба ненавидим войну и смертную казнь. Мы оба любим и живем в деревне. Мы оба не любим роскоши... Одно — я не люблю Черткова, а люблю Льва Ник-а. **А он не любит меня и любит своего идола»¹.**

¹ Толстая С. А. Дневники. В 2 т. М.: Худож. литература, 1978. Т. 2. М., 1978. С. 119–124.

**Из дневника Варвары Михайловны
Феокритовой-Полевой**

24 июня

«Удобнее от меня отделаться...» «Удобнее!» — подхватила она (С.А. Толстая. — В.Р.) слово из телеграммы.

Она опять подошла к столу и стала писать Льву Николаевичу: «Хорошо ли изучил дома для сумасшедших женщин, куда вы с Чертковым хотите меня засадить? Не дамся... убили...»

— Нет, вы посмотрите, — кричала она, — какой он лжец: в то время, как мне пишет ложно-любовные письма, он занимается своим гнусным влюбленным романом со своим красивым идиолом!

[...] Она показала и дала мне прочесть статью о последних минутах самоубийцы, которую она хотела поместить в газеты.

— Пускай Лев Николаевич прочтет, как я мучилась, я ему покажу, пусть узнает себя в ней и своего идола. Как бы мне назвать его: «Чертов?.. Сатанов?.. Демонов?.. Да... Демонов, это хорошо! Я ему покажу, когда он приедет сюда, как мне будет удобно... Мне бы только Льва Николаевича вырвать из его лап, я только теперь этого добиваюсь, а то я Льва Николаевича приберу к своим рукам. Я не выпущу его больше из глаз. Он гулять, — и я за ним, он верхом, — и я в кабриолете за ним, он к Черткову, — и я за ним. Чертков ко Льву Николаевичу в кабинет, — и я за ним... минуты не оставляю...»¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

27 июня

Вчера говорила о переезде куда-то. Ночь не спал. Очень устал. Ходил гулять и думал все о том же. Есть обязанность перед Богом и людьми, которую должен исполнить в эти последние дни или часы жизни, и потому надо быть твердым. Fais ce que doit, advienne que pourra. («Делай, что должен, будь, что будет». — В.Р.) [...]

¹ Из записок В. М. Феокритовой-Полевой «Последний год жизни Л.Н. Толстого» // Уход Льва Толстого. М., 2011. С. 331, 332. (Далее ссылки на это издание приводятся с указанием аббревиатуры названия книги УЛТ и страницы).

А.Л. Толстая и В.М. Феокритова-Полевая (слева). 1910 г. (?). Тула (?)

7) Сумасшествие всегда следствие неразумной и потому безнравственной жизни. Кажется, верно, но надо проверить, обдумать.

8) Сумасшедшие всегда лучше, чем здоровые, достигают своих целей. Происходит это от того, что для них нет никаких нравственных преград: ни стыда, ни правдивости, ни совести, ни даже страха.

28 июня

Мало спал. С утра прекрасное настроение Сони. Просила не ехать (в Никольское-Вяземское на день рождения сына Сергея Львовича. — В.Р.). [...] **Хорошее письмо Черткова**. Но она все-таки возбуждена против него. [...] Приехали к Сереже. Неприятный рассказ газетчицы. Приятные разговоры с рабочими. **У Сережи бездна народа и скучно, тяжело**. Ходил к дьячку и говорил с бабами. Как мы можем жить среди этой ужасной, напряженной нужды?

**Из Яснополянских записок
Душана Петровича Маковицкого**

29 июня

«Лев Николаевич утром ходил в дер. Никольское, прошел ее всю, останавливаясь и разговаривая. Днем все пошли в лес. В 4.30 выехали на станцию: Лев Николаевич, Софья Андреевна и я на бричке в дышле парой. Проезжая мимо домиков дер. Никольской, Лев Николаевич сказал что-то сочувственное про никольских крестьян и спросил меня: “Помните? Край родной, край долготерпенья”. И слезы выступили у него на глазах, дальше не мог говорить»¹.

[Толстой вспомнил первую строфу стихотворения Тютчева:

Эти бедные селенья,

Эта скудная природа....

Край родной долготерпенья,

Край ты русского народа!». — В.Р.]

¹ Маковицкий Д. П. У Толстого, 1904–1910: «Яснополянские записки». В 5 кн. М.: Наука, 1979–1981. (Лит. наследство. Т. 90). Кн. 4. С. 290.

Л. Н. Толстой в гостях у сына Сергея Львовича в имении
Никольское-Вяземское Тульской губ. 28 июня 1910 г.

Фотография М. Н. Толстой (жены сына).

Слева направо: Н. Н. Ге (сын), Ф. И. Горяин, В. В. Нагорнова с сыном
С. Н. Нагорновым, Сережа Толстой (внук Л. Н. Толстого), Д. Н. Орлов,
Т. С. Берс, С. А. и Л. Н. Толстые

**Письмо Владимира Григорьевича Черткова
Софье Андреевне Толстой**
28 июня. Телятинки. 1910 г.

«Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна, спешу от лица моей матери и моего сердечно поблагодарить Вас за внимание, оказанное Вами ей присылкою за ней Ваших лошадей. Она доехала сюда очень удобно и была тронута Вашей любезностью. Я очень надеюсь, что Вы с ней познакомитесь, потому что она хорошая и достойная женщина, и я уверен, что Вы ее оцените. У нее нет тех недостатков, которые есть у меня, и **добрые отношения между Вами и ею послужат, я в том уверен, новым душевным звеном между Вами и мною, помимо главного звена — Льва Николаевича**, сердечно нас сблизившего. По этому поводу чувствую потребность Вам сказать, что я слышал, что последнее время Вы выражаете ко мне неприязненное чувство. Я не могу поверить, чтобы это Ваше чувство ко мне было бы чем-либо иным, как временным раздражением, вызванным какими-нибудь недоразумениями, которые при личном свидании очень скоро улетучились бы, как постороннее, наносное наваждение. В лице Льва Николаевича слишком многое — и притом самого лучшее, что у нас обоих есть в жизни — нас с Вами связывает и связывает глубоко и неразрывно. Мы можем иногда временно сердиться друг на друга, но мы никак не можем стать врагами. Напротив того, Вы были глубоко правы, дорогая Софья Андреевна, **когда в день юбилея Льва Николаевича так задушевно сказали мне, что я лучший друг Вашей семьи**. Никакие наговоры против меня за моей спиной моих врагов не могут изменить этого радостного для меня факта, хотя и могут временно возбудить Вас против меня. Я уверен, что при первой личной с Вами беседе легко устранился то, что как будто стало между нами. А в свое время надеюсь, что **Бог предоставит мне случай уже не на словах, а на деле доказать мою истинную дружбу к Вам и ко всей Вашей семье**. Мы давно не виделись, и у Вас, очевидно, сложились обо мне представления, которые рассыпятся при первом возобновлении наших личных сношений. Я так

в этом уверен, что решаюсь теперь усердно просить Вас позволить мне поцеловать Вашу руку и **засвидетельствовать мою ничем не нарушимую, истинную преданность**. В. Чертков»¹.

Из письма Софьи Андреевны Толстой В.Г. Черткову

1 июля

«Владимир Григорьевич,

вы спрашивали Льва Николаевича, почему я так внезапно к вам изменила свое отношение, считая вас еще недавно самым близким человеком нашей семьи. Действительно, я так и относилась к вам и ценила, что вы так старательно распространяли мысли Льва Ник<олаевича> и берегли его писанья. Но в писаньи дороги *мысли*, а ценность *рукописей* имеет уже другое значение.

Возникло мое дурное чувство к вам, во-первых, уже потому, что, когда я заболела, Лев Николаевич на мой отчаянный вызов: “Умоляю приехать”, — вместо того, чтобы приехать, как это было раньше и всю жизнь, холодно ответил, что “удобнее приехать на другой день”. Конечно, я предписала это вашему влиянию и в слове “удобнее” узнала ваш стиль.

Когда я со слезами упрекала Льву Николаевичу, что ему Эрденко (скрипач, гость В.Г. Черткова. — В.Р.) и жизнь у Чертовых дороже больной жены, он мне предложил прочесть в его дневнике, как он любовно ко мне относился за глаза. В дневнике была только одна фраза: “хочу *бороться* с С. любовью и...” чем-то еще, не помню.

Бороться? Бороться с чем? Ведь не злодейка же я, любя его 48 лет нашей супружеской жизни. Мне было больно, и Лев Николаевич сказал, что верно он писал обо мне в другом дневнике [...]

— Дневники у Черткова? — спросила я уже с волнением.

— Не знаю, вероятно, у него, я ему позволял брать мои дневники для того, чтобы делать выписки, и он их мне всегда возвращал. [...]

¹ Т. 58. С. 434–435.

С.А. Толстая за работой на площадке перед домом.
Ясная Поляна. 1901. Фотография С.А. Толстой

Л. Н. Толстой в Телятинках у В. Г. Черткова. 5 июля 1910 г.
Фотография Т. Тапселя. Слева от Толстого — В. Г. Чертков

То, что вы даже от Льва Ник<олаевича> скрыли, куда девали дневники его. [...] Теперь вы их совсем похитили. Может быть, я ошибаюсь, и вы и теперь их вернете, и я верну вам свое уважение и расположение и сама успокоюсь. Теперь же мне даже тяжело вас видеть после того, как я так ошиблась в вас. Кроме всего того, я сама пишу свои “Записки” и воспоминания, и мне дневники Льва Ник<олаевич>а служили дорогим материалом; теперь я этого лишена, и мне это очень больно. Если вам хоть сколько-нибудь дороги отношения со мной и спокойствие Льва Николаевича [...] — отдайте мне дневники Льва Николаевича.

[...] Вот и все. Будем видаться, и если вы исполните мою просьбу, то мы будем друзьями более чем когда-либо. Если же нет, то Льву Николаевичу будет больно видеть наши отношения, — переломить же мое сердце в другую сторону я не в состоянии. Слишком поразило меня это исчезновение дневников. Простите и утешьте, если можете. Ответ ваш выслушаю, когда буду поздоровее, а теперь я очень слаба от болезни и всего пережитого мной»¹.

Из письма Владимира Григорьевича Черткова

С. А. Толстой

1 июля

Телятинки (поселок, находящийся недалеко
от Ясной Поляны. — В. Р.)

«Многоуважаемая Софья Андреевна!

Благодарю Вас за Ваше письмо. Благодарю потому, что надеюсь, что оно послужит первым шагом к устранению того недоразумения, которое возникло между нами. Но ответить на Ваше письмо мне необходимо внимательно и обстоятельно, чего я сегодня сделать не успел. [...]

Пока скажу только, что я решительно не вижу никакого основания для того, чтобы добрые отношения между нами не продолжались, и что с своей стороны я всегда готов и твердо намерен сделать все от меня зависящее все <не> только для

¹ УЛТ. С. 371, 372.

Л. Н. Толстой в гостях у А. Б. Гольденвейзера в Телятинках, гостившего в доме Александры Львовны Толстой. 1905. Фотография В. Г. Черткова. Слева направо: Л. Н. Толстой, Н. А. и Н. Б. Гольденвейзеры, А. А. и А. Б. Гольденвейзер

поддержания прежних наших добрых отношений, но и для большего и большего нашего взаимного понимания, как и подобает лицам, каждый по-своему, столь близко связанным с дорогим Львом Николаевичем.

Почтительно преданный Вам В. Чертков»¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

7 июля

Е. б. ж. Жив, но дурной день. Дурной тем, что все не бодр, не работаю. Даже корректуру не поправил. Поехал верхом к Черткову. Вернувшись домой, застал Софью Андреевну в раздражении, никак не мог успокоить. Вечером читал. Поздно приехал Гольденвейзер (А. Б. Гольденвейзер — пианист, друг Л. Н. Толстого. — В. Р.) и Чертков. **Соня с ним (с Чертковым. — В. Р.) объяснялась и не успокоилась.** Но вечером поздно очень хорошо с ней поговорил. Ночь почти не спал.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

10 июля

«Лев Николаевич, разумеется, не посмел в дневнике своем написать, как он поздно вечером вошел ко мне, плакал, обнимал меня и радовался нашему объяснению и нашей близости, а везде пишет: “Держусь”. Что значит “держусь”? Большой любви, желания блага, бережности нельзя дать, чем я отдаю ему. Но дневники отдаются Черткову, он их будет издавать, он всему миру постарается повестить, что, как он говорил, от такой жены, как я, надо застрелиться или бежать в Америку.

Уехал сегодня Л. Н. верхом с Чертковым в лес. [...]

Приехав, Чертков хватился, что потерял часы. Он нарочно подъехал к балкону и сказал Льву Ник-у, где думает, что потерял часы. И Л. Н., жалкий, покорный, обещал после обеда *пойти искать* часы господина Чертова в овраге.

¹ УЛТ. С. 372.

С.А. Толстая за работой. Ясная Поляна. 1901.
Фотография С.А. Толстой

К обеду приехали приятные гости. [...] Я думала, что Льву Ник. будет совестно потащить всех нас, почтенных людей, в овраг и на кручь искать часы господина Черткова. Но он так его боится, что не остановился даже перед положением быть смешным — *ridicule* — **исканья часов Черткову целым обществом в восемь человек.** [...]

На другое утро Лев Ник. встал рано, пошел на деревню, **созвал ребят и с ними нашел часы в овраге.**

Вечером [...] высказала Льву Ник. свое чувство неудовольствия и отчасти стыда за то, что повел вместо прогулки все общество в овраг за чертковскими часами; он, конечно, рассердился, произошло опять столкновение, и опять я увидала ту же жестокость, то же отчуждение, то же выгораживание Черткова. Совсем больная и так, я почувствовала снова этот приступ отчаяния; я легла на балконе на голые доски [...] Ночь холодная, и мне хорошо было думать, что где я нашла его любовь, там я найду и смерть. Но, видно, я ее еще не заслужила.

Вышел Лев Николаевич, услыхав, что я шевелюсь, и начал с места на меня кричать, что я ему мешаю спать, что я уходила бы. Я и ушла в сад и два часа лежала на сырой земле в тонком платье. Я очень озябла, но очень желала и желаю умереть.

[...] Если б кто из иностранцев видел, в какое состояние привели жену Льва Толстого, лежащую в два и три часа ночи на сырой земле, окоченевшую, доведенную до последней степени отчаяния, — как бы удивились добрые люди! Я это думала, и мне не хотелось расставаться с этой сырой землей, травой, росой, небом, на котором беспрестанно появлялась луна и снова пряталась. Не хотелось и уходить, пока мой муж не придет и не возьмет меня домой, потому что он же меня выгнал. **И он пришел только потому, что Лева-сын кричал на него, требуя, чтоб Л.Н. пришел ко мне, и они меня с Левой привели домой.** Три часа ночи, ни он, ни я, мы не спим. **Ни до чего мы не договорились, ни капли любви и жалости я в нем не вызвала.**

Ну и что ж! Что делать! Что делать! Жить без любви и нежности Льва Николаевича я не могу. А дать мне ее он не может. 4-й час ночи...

[...] Когда совсем рассвело, мы еще сидели у меня в спальне друг против друга и не знали, что сказать. [...] Наконец я взяла Льва Ник-а за руку и просила его лечь, и мы пошли в его спальню. Я вернулась к себе, но меня опять потянуло к нему, и я пошла в его комнату. [...] **Опять мы оба плакали, и я наконец увидела и почувствовала его любовь.**

Я молила Бога, чтоб он помог нам дожить мирно и по-прежнему счастливо последние годы нашей жизни»¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

11 июля

Жив еле-еле. Ужасная ночь. До 4 часов. И ужаснее всего был Лев Львович (сын Л. Н. Толстого. — В. Р.). Он меня ругал, как мальчишку, и приказывал идти в сад за Софьей Андреевной. Утром приехал Сергей. Ничего не работал — кроме книжечки. Праздность. Ходил, ездил. Не могу спокойно видеть Льва. Еще плох я. **Соня, бедная, успокоилась. Жестокая и тяжелая болезнь. Помогите, Господи, с любовью нести. Пока несую кое-как.** [...] Теперь 11 часов. Ложусь.

Из комментариев Николая Сергеевича Родионова

11 июля

«В ночь с 10 на 11 июля истерическое состояние С. А. Толстой на почве невозвращения ей дневников Толстого от Черткова. Резкое столкновение с отцом Л. Л. Толстого, ставшего на сторону матери. Утром приезд С. Л. Толстого».

«Семейный совет детей Толстого: Сергея Львовича, Льва Львовича и Александры Львовны, как оградить отца от мучительного для него поведения матери»².

¹ Т. 2. С. 137–139.

² Т. 58. С. 256.

Тридцать четвертая годовщина свадьбы. 23 сентября 1896 г.
С.А. и Л.Н. Толстые, сын Лев Львович Толстой
и его жена Дора Федоровна.
Ясная Поляна. Фотография С.А. Толстой

Письмо Льва Николаевича Толстого С.А. Толстой

14 июля

«1) Теперешний дневник никому не отдам, буду держать у себя.

2) Старые дневники возьму у Черткова и буду хранить сам, вероятно, в банке.

3) Если тебя тревожит мысль о том, что моими дневниками, теми местами, в которых я пишу под впечатлением минуты о наших разногласиях и столкновениях, что этими местами могут воспользоваться недоброжелательные тебе будущие биографы, то, не говоря о том, что такие выражения временных чувств, как в моих, так и в твоих дневниках никак не могут дать верного понятия о наших настоящих отношениях, — если ты боишься этого, то я рад случаю выразить в дневнике или просто как бы в этом письме мое отношение к тебе и мою оценку твоей жизни.

Мое отношение к тебе и моя оценка тебя такие: как я смолodu любил тебя, так я, не переставая, несмотря на разные причины охлаждения, любил и люблю тебя. **Причины охлаждения эти были** (не говорю о прекращении брачных отношений — такое прекращение могло только устранить обманчивые выражения ненастоящей любви), — причины эти были, во-первых, все большее и большее (ударения поставлены Толстым. — В.Р.) **удаление мое от интересов мирской жизни и мое отвращение к ним, тогда как ты не хотела и не могла расстаться**, не имея в душе тех основ, которые привели меня к моим убеждениям, что очень естественно, и в чем я не упрекаю тебя. **Это во-первых.** Во-вторых (прости меня, если то, что я скажу, будет неприятно тебе, но то, что теперь между нами происходит, так важно, что надо не бояться высказывать и выслушивать всю правду), **во-вторых, характер твой в последние годы все больше и больше становился раздражительным, деспотичным и несдержанным.** Проявления этих черт характера не могли не охлаждать — не самое чувство, а выражение его. **Это во-вторых.** **В-третьих. Главная причина была роковая, та, в которой**

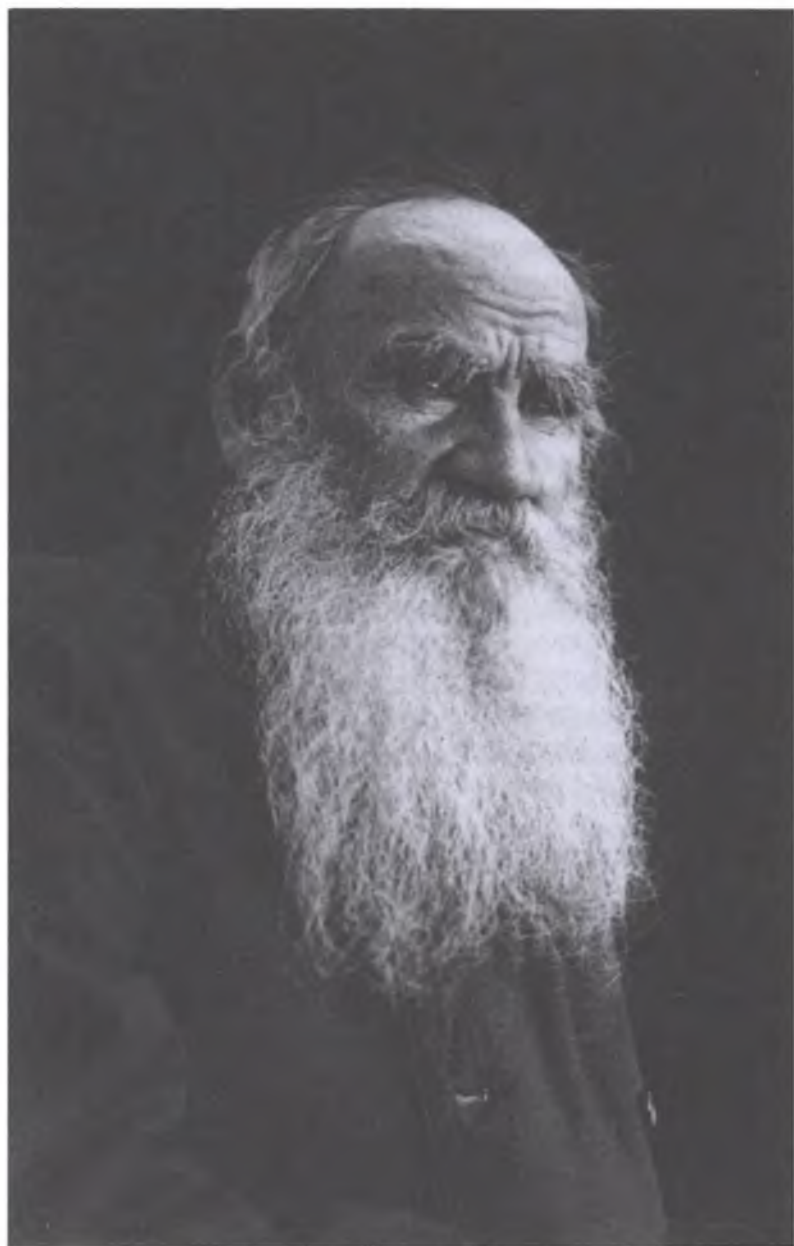
одинаково не виноваты ни я, ни ты, — это наше совершенно противоположное понимание смысла и цели жизни. Все в наших пониманиях жизни было прямо противоположно: и образ жизни, и отношение к людям, и средства к жизни — собственность, которую я считал грехом, а ты — необходимым условием жизни. Я в образе жизни, чтобы не расставаться с тобой, подчинялся тяжелым для меня условиям жизни, ты же принимала это за уступки твоим взглядам, и недоразумение между нами росло все больше и больше. Были и еще другие причины охлаждения, виною которых были мы оба, но я не стану говорить про них, потому что они не идут к делу. Дело в том, что я, несмотря на все бывшие недоразумения, не переставал любить и ценить тебя.

Оценка же моей твоей жизни со мной такая: я, развратный, глубоко порочный в половом отношении человек, уже не первой молодости, женился на тебе, чистой, хорошей, умной 18-летней девушке, и, несмотря на это мое грязное, порочное прошедшее, ты почти 50 лет жила со мной, любя меня, трудовой, тяжелой жизнью, рожая, кормя, воспитывая, ухаживая за детьми и за мною, не поддаваясь тем искушениям, которые могли так легко захватить всякую женщину в твоём положении, сильную, здоровую, красивую. Но ты прожила так, что я ни в чем не имею упрекнуть тебя. За то же, что ты не пошла за мной в моём исключительном духовном движении, я не могу упрекать тебя и не упрекаю, потому что **духовная жизнь каждого человека есть тайна этого человека с Богом**, и требовать от него другим людям ничего нельзя. **И если я требовал от тебя, то я ошибался и виноват в этом.**

Так вот верное описание моего отношения к тебе и моя оценка тебя. А то, что может попасться в дневниках (я знаю только, ничего резкого и такого, что бы было противно тому, что сейчас пишу, там не найдется).

Так это 3) о том, что может и не должно тревожить тебя о дневниках.

4) Это то, что если в данную минуту тебе тяжелы мои отношения с Чертковым, то я готов не видаться с ним, хотя

Л. Н. Толстой. 1907. Ясная Поляна. Фотография В. Г. Черткова

скажу, что это мне не столько для меня неприятно, сколько для него, зная, как это будет тяжело для него. Но если ты хочешь, я сделаю.

Теперь 5) то, что если ты не примешь этих моих условий доброй, мирной жизни, то я беру назад свое обещание не уезжать от тебя. Я уеду. Уеду, наверное, не к Черткову. Даже поставлю непременно условием то, чтобы он не приезжал жить около меня, но уеду непременно, потому что *далее так жить, как мы живем теперь, невозможно.*

Я бы мог продолжать жить так, если бы я мог спокойно переносить твои страдания, но я не могу. Вчера ты ушла взволнованная, страдающая. Я хотел спать лечь, но стал не то что думать, а чувствовать тебя, и не спал и слушал до часу, до двух — и опять просыпался и слушал и во сне или почти во сне видел тебя. Подумай спокойно, милый друг, послушай своего сердца, почувствуй, и ты решишь все, как должно. Про себя же скажу, что я с своей стороны решил все так, что иначе не могу, не могу (курсив Толстого. — В.Р.). Перестань, голубушка, мучить не других, а себя, себя, потому что ты страдаешь в сто раз больше всех. Вот и все.

Лев Толстой. 14 июля, утро. 1910 г.»¹.

Из комментариев Николая Сергеевича Родионова

14 июля

«Попытка Толстого прочесть это письмо Софье Андреевне, ее бурный протест».

«Получение А. Л. Толстой, по поручению отца, от В. Г. Черкова семи тетрадей дневников за десять лет, начиная с 1900 года и передача их Т. Л. Сухотиной».

«С утра волнение Софьи Андреевны и симуляция ее отравления опиумом. Ее требование выдачи дневников или ключа от сейфа в банке, куда они будут положены. Предупреждение Львом Толстым Софьи Андреевны через В. М. Феофритову, что

¹ Т. 84. С. 398–400.

она делает сама все для того, чтобы он осуществил свое намерение уйти»¹.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

Ночь 13 на 14 июля

«Если трусость моя пройдет и я наконец решусь на самоубийство, то, как покажется всем в прошлом, моя просьба легко исполнима. [...]

Будут объяснять мою смерть всем на свете, только не настоящей причиной: и истерией, и нервностью, и дурным характером, — и никто не посмеет, глядя на мой, убитый моим мужем труп, сказать, что я могла бы быть спасена только таким простым способом — возвращением в письменный стол моего мужа четырех или пяти клеенчатых тетрадок.

И где христианство? Где любовь? Где их сопротивление? Ложь, обман, злоба и жестокость.

Эти два упорных человека — мой муж и Чертков взяли крепко за руки и давят, умерщвляют меня. И я их боюсь; уж их железные руки сдавили мое сердце, и я сейчас хотела бы вырваться из их тисков и бежать куда-нибудь. Но я **чего-то еще боюсь...**

Говорят о каком-то праве каждого человека. [...] И причем *праве*, когда дело идет о жизни, об общем умиротворении, о хороших со всеми отношениях, о любви и радости, о здоровье и спокойствии всех, — и, наконец, об излюбленном Л. Н. *непротивлении*. Где оно?

Завтра [...] я буду свободна, и **если не Бог, то еще какая-нибудь сила поможет мне уйти не только из дома, но из жизни...**

Я даю способ *спасти* меня — вернуть дневники. Не хотят — пусть променяются: дневники останутся *по праву* у Черткова, а **право жизни и смерти останется за мной.**

Мысль о самоубийстве стала крепнуть. Слава Богу! Страдания мои должны скоро прекратиться»².

¹ Т. 58. С. 257.

² Т. 2. С. 142, 143.

14 июля

«Не спала всю ночь и **на волоске была от самоубийства**. Как бы крайне ни были мои выражения о страданиях моих — все будет мало. Вошел Лев Никол., и я ему сказала в страшном волнении, что на весах, с **одной стороны, возвращение дневников, с другой — моя жизнь, пусть выбирает. И он выбрал, спасибо ему, и вернул дневники от Черткова. [...]**

Дневники запечатала моя дочь Таня, и завтра их повезут Таня с мужем в Тулу, в банк. Расписку напишут на имя Льва Н-а и его наследников, и расписку привезут Л.Н. Только бы меня опять не обманули. [...]»¹.

15 июля

«Всю ночь не спала [...] Недаром я волнуюсь! Ведь **обещал** же он мне при Черткове, **что отдаст дневники мне, и обманул, положив их в банк**. Как же успокоиться и выздороветь, когда **живешь под угрозами “уйду и уйду”?**

Как жутко голова болит — затылок. Уж не нервный ли удар? Вот хорошо бы — только совсем бы насмерть. А больно душе быть убитой своим мужем. Сегодня утром, не спав всю ночь, я просила Льва Ник. — а отдать мне расписку от дневников, которые завтра свезут в банк. [...]

Он страшно рассердился, сказал мне: «Нет, это ни за что, ни за что», — и сейчас же бежать. Со мной опять сделался тяжелый припадок нервный, хотела выпить опий, опять струсил, **гнусно обманула Льва Ник-а**, что выпила, сейчас же созналась в обмане, — плакала, рыдала, но сделала усилие и овладела собой. Как стыдно, больно, но... нет, больше ничего не скажу; **я больна и измучена. [...]**

Дорого мне досталось отнятие дневников у Черткова; но если б сначала — опять было бы то же самое; и за то, чтоб они никогда не были у Черткова, я готова отдать весь остаток моей жизни и **не жалею той потраченной силы**

¹ Т. 2. С. 144, 145.

С.А. Толстая на балконе дома в Ясной Поляне.
Август 1903 г. Фотография С.А. Толстой

С. А. Толстая. 1889. Москва.
Фотография М. А. Шиндлера и А. И. Мея
под фирмою «Шерер, Набгольц и Ко»

и здоровья, которые ушли на выручку дневников; и теперь эта потеря здоровья и сил пали на ответственность и совесть моего мужа и Черткова, так упорно державшего эти дневники.

Положены они будут на имя Льва Н-а, с правом их взять только ему. Какое недоброе по отношению к жене и не деликатное, недоверчивое отношение! Бог с ним!

[...] Я так устала от всех осложнений, хитростей, скрываний, жестокости, от признаваемого моим мужем его *охлаждения* ко мне! **За что же я-то буду все горячиться и безумно любить его? Повернись и мое сердце и охладей к тому, который все делает для этого, признаваясь в своем охлаждении.** Если надо жить и не убиваться — надо искать утешения и радости. Скажу и я: “Так жить — невозможно! Холод сердца — мне, горячность чувств — Черткову”»¹.

16 июля

«Узнав, что я пишу дневник ежедневно, все окружающие принялись чертить вокруг меня *свои* дневники. **Всем нужно меня обличать, обвинять и готовить злобный материал против меня за то, что я осмелилась заступиться за свои супружеские права и пожелать больше доверия и любви от мужа и отнятия дневников у Черткова.**

Бог с ними, со всеми; **мне нужен мой муж, пока его *охлаждение* еще не заморозило меня, мне нужна справедливость и чистота совести, а не людской суд**»².

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Из дневника В. М. Феокритовой-Полевой

17 июля

«Проводили Татьяну Львовну домой. Все ее очень жалели и любили, и всем как-то жутко стало оставаться опять одним, без такой хорошей поддержки, как Татьяна Львовна.

¹ Т. 2. С. 146, 147.

² Т. 2. С. 147.

Когда мы с Сашей утром вышли пить кофе, то были очень обрадованы, увидев Елизавету Валерьяновну Оболенскую (племянница Толстого, дочь его сестры Марии Николаевны Толстой. — *В.Р.*) и Веру Сергеевну Толстую (племянница Толстого, дочь его брата Сергея Николаевича Толстого; была близка Толстому по взглядам. — *В.Р.*), которые только что приехали.

— Слава Богу, что вы приехали! — вырвалось у нас обеих.

Оказывается, Елизавета Валерьяновна видела Михаила Сергеевича Сухотина (муж дочери Толстого Татьяны Львовны. — *В.Р.*), который многое ей рассказал о Софье Андреевне, и это побудило ее погостить у нас, чтобы хоть сколько-нибудь отвлечь внимание Софьи Андреевны ото Льва Николаевича и тем дать ему какую-нибудь возможность отдохнуть от нее. Начались рассказы, обсуждения, советы, но никто не мог придумать облегчения Льву Николаевичу, потому что власть Софьи Андреевны распространялась так далеко, что при каждом, нам кажущемся, выходе из этого тяжелого положения мы натывались на препятствия с ее стороны, Софьи Андреевны. Единственно, что хотел Лев Николаевич и все его поддерживали в этом — это позвать специалиста по нервным болезням, чтобы объяснить нам, с кем мы имеем дело? Если она душевнобольная, то ей многое можно простить, но если это только жестокость и желание добиться своих целей — это непростительно.

Так и сделали: не говоря об этом Софье Андреевне, вызвали из Москвы Никитина (Дмитрий Васильевич — домашний врач. — *В.Р.*), старого знакомого и прекрасного человека и доктора, и Россолимо (Григорий Иванович — психиатр, профессор Московского университета. — *В.Р.*). Все с волнением ждали их приезда.

Елизавета Валерьяновна и Вера Сергеевна нашли Льва Николаевича сильно изменившимся, похудевшим и постаревшим на несколько лет, а особенно их огорчало его страдальческое, слабое выражение глаз; и они без слез не могли говорить про него.

Сегодня Лев Львович опять нашел нужным пойти ко Льву Николаевичу и сказать ему много неприятного и грубого. Между прочим, он сказал ему, что когда Лев Николаевич не согласует свои поступки со своими писаниями, он его ненавидит. Лев Николаевич рассказывал это Саше и говорил ей, что с трудом переносит Льва Львовича. А он все живет у нас, самонадеянный, дерзкий, полный сознания своего величия.

После завтрака Лев Николаевич решил поехать к Черткову, предварительно сказав об этом Софье Андреевне. Она мило-стиво его отпустила, но просила сидеть недолго. Лев Николаевич уехал, а Софья Андреевна опять стала бранить Черткова и волноваться и ежеминутно спрашивать, который час»¹.

[ПОСЕЩЕНИЕ ТОЛСТЫМ ЧЕРТКОВА 17 ИЮЛЯ 1910 Г. БЫЛО ПОСЛЕДНИМ: БОЛЬШЕ ТОЛСТОЙ У ЧЕРТКОВА НЕ БЫЛ НИ РАЗУ. — В.Р.]

«Софья Андреевна успокоилась, пошла делать свои корректуры и все говорила о необыкновенном количестве дел, которые она одна, и только одна, может и должна исполнять. В чем состоял этот огромный труд, этот воз, по ее словам, который она везла не по силам, мы никто не знаем. Она жила, как живут многие и многие богатые барыни. Вставала в 11 или в 12 часов, пила кофе, шла гулять, собирала цветы, гнала всех, кто к ней приходил что-нибудь спрашивать или за деньгами. Потом обедала, что-нибудь шила себе, иногда поправляла корректуры для своего же издания, писала свой дневник, отвечала на письма — вот и все, что мы видели, и потому не понимали, о каком непосильном труде она так много говорит и за что она себя так жалеет.

За обедом Лев Николаевич много говорил о Паскале, которого он читал теперь, восхищался им и удивлялся, как он раньше не видел всей прелести и глубины этой книги»².

¹ Редакция Н.Н. Гусева. ОР ГМТ (Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого). С. 81–83.

² Там же. С. 85.

19 июля

«19 утром Лев Николаевич встал довольно слабым, но пошел гулять, а потом сел заниматься у нас в комнате.

Получилась телеграмма от Никитина, что он приезжает с профессором Россоломо сегодня скорым. Софья Андреевна еще спала. Саша отдала телеграмму отцу, и как только Софья Андреевна проснулась, Лев Николаевич пошел с телеграммой к ней. Она очень взволновалась, удивилась, зачем их вызвали теперь, когда она чувствует, что она почти здорова, и даже как будто сконфузилась и все говорила:

— Приехали лечить здоровую! Если бы меня не мучили дневниками и отдали бы их мне, то ничего бы и не было, и все были спокойны, а теперь только даром деньги платить им.

К завтраку она вышла со слабыми глазами и, видимо, стараясь показаться физически больной, и все говорила о докторах. Никто ей не сочувствовал в этом, и все думали, что лучше, что доктора приедут. Только Душан Петрович сказал об их приезде:

— О, это безразлично, разве только у Софьи Андреевны будет выход из ее положения теперь.

Когда Саша рассказала это Льву Николаевичу, он очень смеялся и говорил:

— Ах, какая умница! Совершенно верно, что безразлично.

И Душан Петрович был прав. Доктора ничего не изменили и дела не поправили; да и как можно было здесь помочь, когда дело было не в болезни физической или душевной, а в эгоистических требованиях и в достижении своих целей какими бы то ни было путями!

Доктора приехали, и Саша успела кое-что им рассказать и таким образом познакомить их с личностью и характером “болезни” матери.

Рассказывать много и не нужно было. Софья Андреевна сама со свойственной ей несдержанностью и злобой посвятила их во все последние события и рассказала им и про дневники, и про ненависть к Черткову, и про обман и ложь, которыми она будто бы окружена. Из всего этого доктора могли заключить только,

что если нервы у нее и расстроены, то это вследствие упорного домогательства своей цели. Россолимо был так растерян, что даже не мог скрыть своего удивления и откровенно сказал:

— Я поражен той низкой степенью развития, на которой стоит Софья Андреевна; когда я ехал сюда, я не мог себе представить, чтобы супруга такого великого человека была так мало развита; была бы так нелогична и имела бы такой узкий взгляд, и это проживши почти 50 лет в таком обществе! Она прямо страдает слабоумием и паранойей с детства, и теперь ничего сделать нельзя, а теперь еще и истерией, а потом эта ненависть к Черткову, эти дневники... Ничего нельзя сделать. Нужно бы уступать, но ее требования будут все больше и больше...

— Что же уступать? Папа все уступил, что можно, что не противоречит с его совестью, а больше он не может, и так слишком много сделал и уступил, — сказала Саша.

— Да, положение тяжелое, я понимаю, что Лев Николаевич не может уступать, да я и не знаю, лучше ли будет от этого, — сказал Россолимо, совершенно растерявшись и не зная, что тут делать. — Только Лев Николаевич не выдержит, вам предстоит еще много, много борьбы с ней, не выдержит, — прибавил он.

За обедом Лев Николаевич старался, по-видимому, узнать с духовной стороны нового доктора, навел его на религиозные разговоры, но тот был человек науки в полном смысле слова. **Заговорили о безумии и самоубийстве**, Лев Николаевич объяснял эти частые теперь случаи самоубийства отсутствием религиозного сознания; профессор же — условиями жизни теперешней молодежи, усталостью и вялостью мозговых клеток. Лев Николаевич, усмехаясь, сказал:

— **Вы не видите главной причины.**

— Какой? — спросил доктор, — религии?

— Вот именно, религии, — ответил Лев Николаевич.

— **Мы с вами подходим к одному и тому же выводу, только с разных концов**, — сказал Россолимо, во многом согласившись со Львом Николаевичем или делая вид и не оспаривая авторитетности Льва Николаевича.

После обеда пошли гулять: доктора со Львом Николаевичем, а мы разбрелись кто куда. Софья Андреевна пошла готовиться к осмотру и опять волновалась. Говорили много, говорили все вместе и каждый порознь, но результату вышло мало, ни к чему не пришли, и у нас осталось все по-прежнему.

Единственный совет, который дали доктора — это **разъехаться Льву Николаевичу и Софье Андреевне хотя бы на время, но совет этот вызвал целую бурю со стороны Софьи Андреевны. Она всех подозревала, особенно Льва Николаевича, и говорила, что доктора подкуплены и подговорены дать этот совет, но что она ни за что не уедет**¹.

«Анализ профессором Г.И. Россолимо психического состояния С.А. Толстой:

Восприятие внешних впечатлений не нарушено, ориентировка в месте и времени сохранена вполне. Сознание совершенно ясное и остается даже таковым во время возбуждения. Внимание в общем не расстроено, но у Софьи Андреевны проглядывает стремление сделать себя, свою личность, свои интересы центром, на который были бы обращены взоры не только ее близких родных, друзей, знакомых, но и случайных лиц, с кем ей приходится сталкиваться. Память сохранена очень хорошо, и она принимает факты близкого и далекого прошлого не только в их общих очертаниях, но припоминает и мелкие детали их. Со стороны суждения и критики у Софьи Андреевны наблюдается известные расстройства. Эти расстройства выражаются в слабости критики и особенно в самокритики. Считая свои взгляды, стремления справедливыми, она не обращает внимания на доводы окружающих и, в стремлении отстоять свои взгляды, нередко уклоняется от правдивой передачи виденного или слышанного. Будучи настойчива в достижении намеченной цели, она может совершать поступки опасные для ее жизни. Но нельзя отрицать, что степень опасности ею учитывается, конечная же цель — достижение желаемого. Все ее действия и поступки вытекают

¹ Редакция Н.Н. Гусева. ОР ГМТ. С. 89–92.

из определенного эмоционального состояния. В суждениях Софьи Андреевны проглядывает непоследовательность и отсутствие связи между изложениями и выводом. В моменты возбуждения она настолько слабо может подавлять проявление этого, что в состоянии выйти из рамок обычных, повседневных отношений.

Вот те выводы о психической индивидуальности графини, которые дают мне известное право заключить, что Софья Андреевна, страдая психопатической нервно-психической организацией (истерической), под влиянием тех или иных условий может представлять такие припадки, что можно говорить о кратковременном, преходящем душевном расстройстве»¹.

**Письмо Льва Львовича Толстого (сына Л. Н. Толстого)
В. Г. Черткову**

22 июля 1910 г. Ясная Поляна

«Владимир Григорьевич,

твое появление в доме моих родителей каждый раз, с тех пор, что я здесь, как ты сам видел вчера, глубоко волнует мою мать и крайне вредно для ее слабого здоровья. **Расстраивая мать, ты этим самым расстраиваешь отца**, у которого вчера болела печень, так что он плохо спал ночь. На нас, детей, волнение родителей действует также очень чувствительно. Говорю это, чтобы ты видел, до какой степени эти волнения сильны и не здоровы. Не для того, чтобы оберечь собственный покой.

Было бы естественно, чтобы **ты прекратил хотя бы временно свои посещения, несмотря на приглашения родителей** — и ограничил свои отношения с отцом письменно. Но, может быть, ни ты, ни отец, ни мать ради отца не желает этого, и посещения твои будут продолжаться. Тогда я очень прошу тебя сделать все возможное для установления с матерью простых и открытых добрых отношений. Скажи ей, что ты

¹ Редакция Н. Н. Гусева. ОР ГМТ. С. 249–250. В. М. Феокритовой-Полевой отмечено, что копия сделана рукой Т. А. Кузминской и хранится в ее архиве в ОР ГМТ.

Лев Львович Толстой, сын писателя. 1903–1904 гг. Египет.
Любительская фотография

готов все сделать, чтобы успокоить ее, чтобы твое появление у них не было ей тяжелым, что ты жалеешь, что осуждал ее, что признаешь, что она больна и слаба, вообще что-нибудь такое человеческое, доброе. Тогда все могло бы устроиться и отношения всех вас и нас стали бы нормальными. Не говори никому, ни отцу, ни друзьям, об этом письме. Не отвечай мне на него много, не сердись на меня и верь, что я лично не желаю ничего, кроме покоя родителей и доброго к тебе отношения. Нельзя осуждать слабую и больную женщину и требовать от нее самообладания, в котором она бессильна. Надо щадить ее последние дни. Такое мое впечатление. Ей я внушаю всячески, чтобы она великодушно с добротой и любовно подходила к тебе. Вот все. Лев.

Рад был бы переговорить с тобой, но до конца, без волнения. **А то мы называли друг друга дураками, и этим ограничились. Это грустно. Не правда ли?»¹.**

Из письма Льва Николаевича Толстого В.Г. Черткову
26 июля 1910 г. Ясная Поляна

«Думаю, что мне не нужно говорить вам, **как мне больно и за вас, и за себя прекращение нашего личного общения, но оно необходимо.** Думаю, что тоже не нужно говорить вам, что требует этого от меня то, во имя чего мы оба с вами живем. Утешаюсь — и, думаю, не напрасно — мыслью, что прекращение это только временное, что болезненное состояние это пройдет. **Будем пока переписываться [...]**»².

Из письма Владимира Григорьевича Черткова
Л.Н. Толстому
22 июля

«А что касается разлуки с вами, то я сознаю такое глубокое, ничем не нарушимое духовное единение с вами, что с личной разлукой я радостно мирился бы, если бы знал, что она

¹ УЛТ. С. 402, 403.

² Т. 89. С. 96.

Л. Н. Толстой играет в шахматы с В. Г. Чертковым.
Мещерское. 1910.
Фотография В. Г. Чертова

действительно нужна для Бога и сколько-нибудь содействует вашему покою.

Так что мне не приходится переносить ничего подобного тому, что приходится переносить вам. [...]»

26 июля

«Получил сегодня ваше письмо о том, что вы решили со мной не видаться. Начало этого моего письма может служить ответом на это ваше решение. **Но вы говорите также, что вы “не будете скрывать своих и моих писем, если пожелают их видеть”**. Что касается ваших писем ко мне, то могу только сказать, что мне кажется, что это ошибка с вашей стороны предоставлять Софье Андреевне вторгаться в ваше письменное общение со мной. Но это мне только так *кажется* (здесь и далее, в других текстах, курсив В.Г. Черткова. — В.Р.). Судить об этом и решать, как вам поступать с вашими письмами ко мне, можете только вы одни. **Но относительно моих писем к вам мне уже не кажется, а я всем своим существом сознаю, что я не могу согласиться на то, чтобы вы их показывали ей.** Желание ее читать наши письма есть желание *нехорошее*; и я, с своей стороны, поступил бы нехорошо перед *своей* совестью, если бы согласился на это [...]»¹.

Из письма Владимира Григорьевича Черткова

Л.Н. Толстому

27 июля 1910 г.

«[...] **Цель же состояла и состоит в том, чтобы, удалив от вас меня, а если возможно и Сашу, путем неотступного совместного давления *выпытать от вас или узнать из ваших дневников и бумаг, написали ли вы какое-нибудь завещание*, лишшающее ваших семейных вашего литературного наследства; если не написали, то путем неотступного наблюдения над вами до вашей смерти помешать вам это сделать; а если написали, то не отпускать вас никуда, пока не успеют**

¹ УЛТ. С. 406, 407.

пригласить черносотенных врачей, которые признали бы вас впадшим в старческое слабоумие для того, чтобы лишить значения ваше завещание. [...]

Предупредить же этот грех и вообще прервать то дурное дело, которое готовится и которым сейчас напряженно заняты ваши семейные в Ясной, возможно вам только одним и при том очень простым путем: это безотлагательно уехать из Ясной в Кочеты [...]»¹.

В тульское отделение Государственного банка

1910 г. 16 июля. Я. П.

«Посылаю в Тульское Отделение Государственного Банка на хранение ящик с своими рукописями и прошу выдать их обратно только лично мне или зятю моему Михаилу Сергеевичу Сухотину, а по смерти моей — моим наследникам.

Лев Толстой.

16-го июля 1910 года. Ясная Поляна»².

22 июля

[ТОЛСТОЙ ПОДПИСЫВАЕТ В ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ФОРМЕ СВОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В ЛЕСУ, БЛИЗ ДЕРЕВНИ ГРУМОНТ].

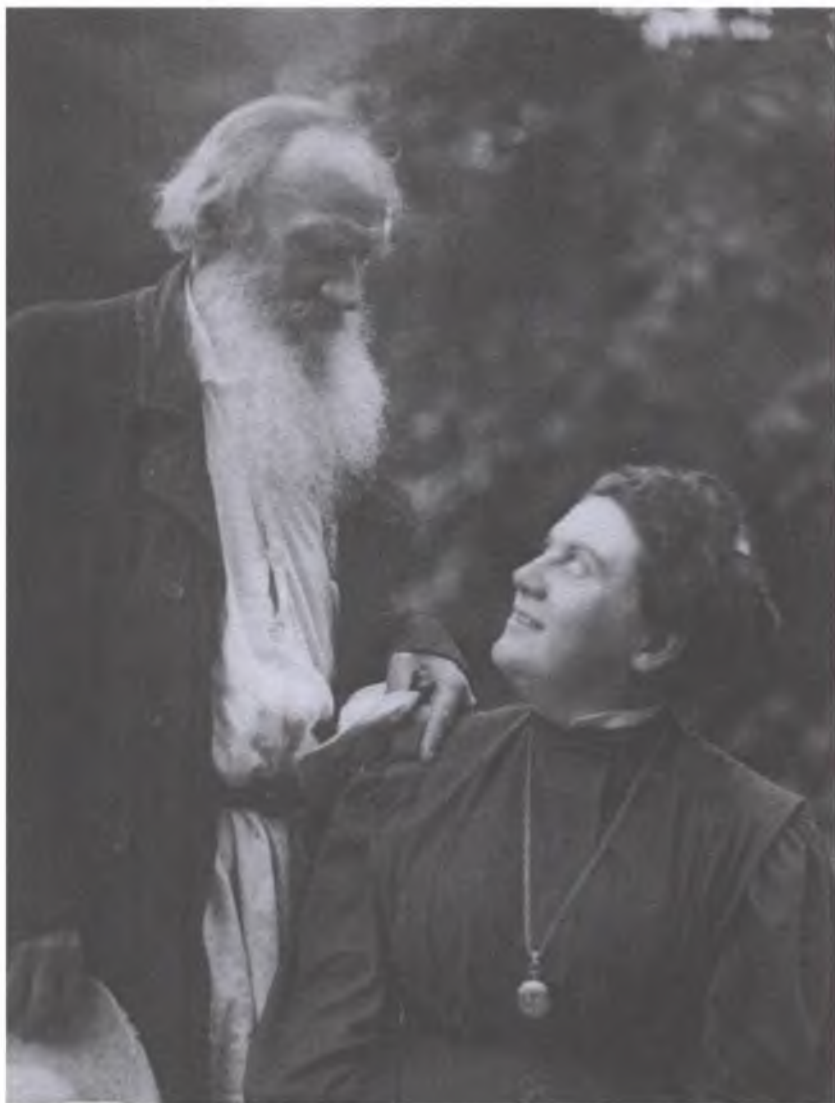
«ЗАВЕЩАНИЕ

1910 г. 22 июля. Лес близ деревни Грумонт

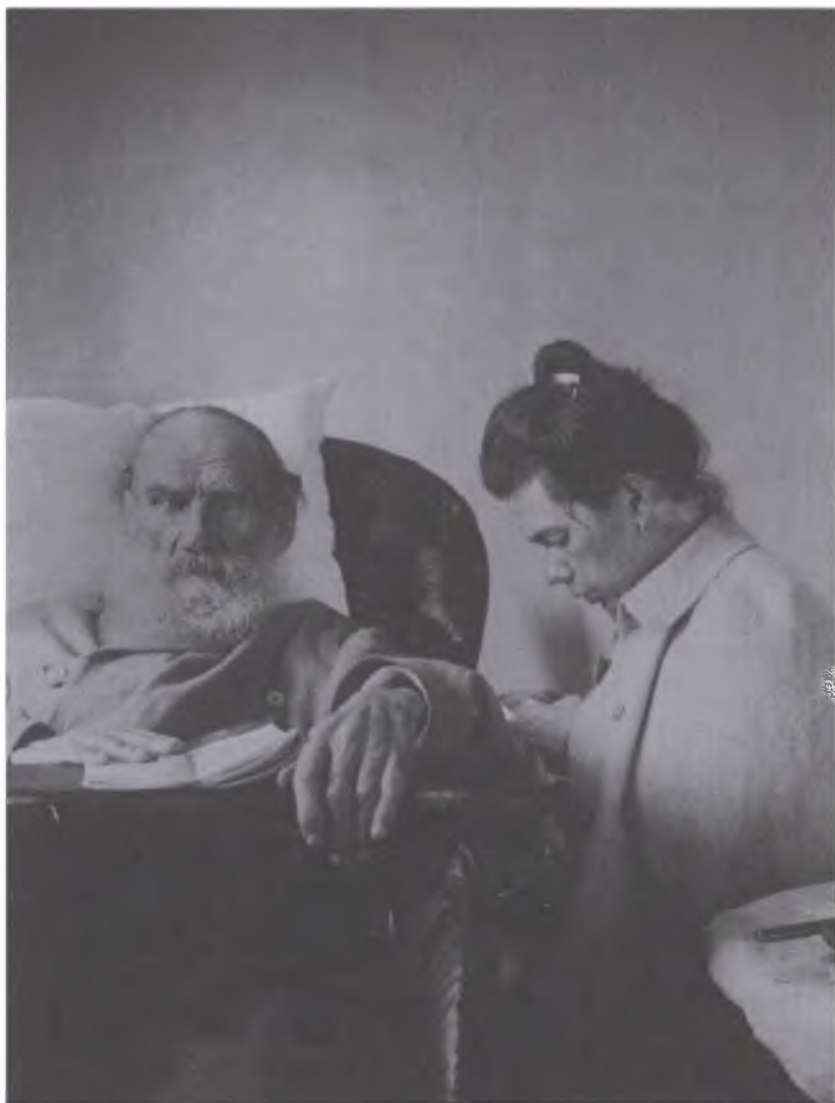
Тысяча девятьсот десятого года, июля (22) дватцать второго дня, я, нижеподписавшийся, находясь в здравом уме и твердой памяти, на случай моей смерти делаю следующее распоряжение: все мои литературные произведения, когда-либо написанные по сие время и какие будут написаны мною до моей смерти, как уже изданные, так и неизданные, как художественные, так и всякие другие, оконченные и неоконченные, драматические и во всякой иной форме, переводы,

¹ УЛТ. С. 409.

² Т. 82. С. 226.

Л. Н. Толстой с дочерью Александрой Львовной. Ясная Поляна. 1908.
Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. Толстой с дочерью Татьяной Львовной Сухотиной.
Гаспра (Крым). 1902. Фотография С. А. Толстой

переделки, дневники, частные письма, черновые наброски, отдельные мысли и заметки, словом все без исключения мною написанное по день моей смерти, где бы таковое ни находилось и у кого бы ни хранилось, как в рукописях, так равно и напечатанное и притом как право литературной собственности на все без исключения мои произведения, так и самые рукописи и все оставшиеся после меня бумаги завещаю в полную собственность дочери моей **Александре Львовне Толстой**. В случае, если дочь моя **Александра Львовна Толстая** умрет раньше меня, все вышеозначенное завещаю в полную собственность дочери моей **Татьяне Львовне Сухотиной**.

Лев Николаевич Толстой.

Сим свидетельствую, что настоящее завещание действительно составлено, собственноручно написано и подписано графом Львом Николаевичем Толстым, находящимся в здравом уме и твердой памяти.

Свободный художник **Александр Борисович Гольденвейзер**. В том же свидетельствую, мещанин **Алексей Петрович Сергееenko**. В том же свидетельствую, сын подполковника **Анатолий Дионисиевич Радынский**.

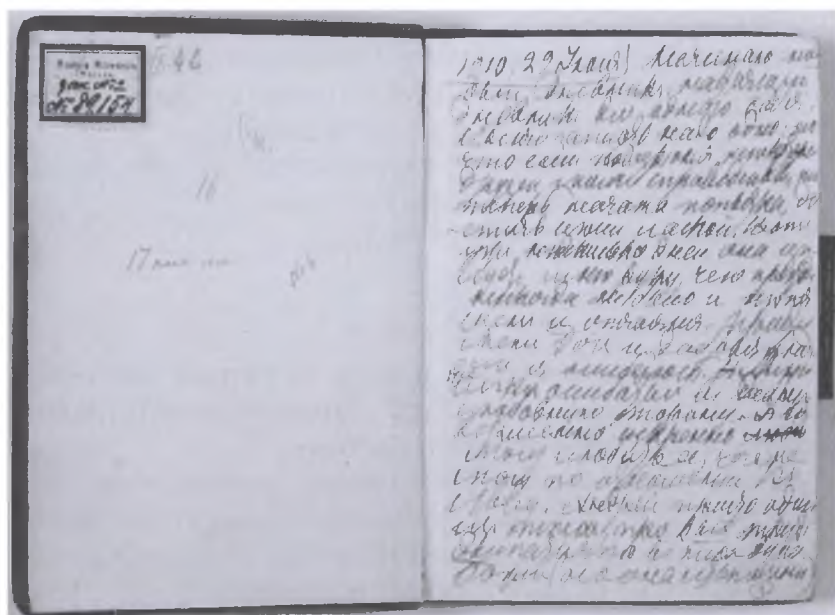
16 ноября 1910 г. Тульский окружной суд в публичном судебном заседании утвердил к исполнению это завещание Толстого»¹.

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого 1910 г.**

29 июля

Начинаю новый дневник, настоящий дневник для одного себя. Нынче записать надо одно: то, что если подозрения некоторых друзей моих справедливы, то теперь начата попытка достичь цели лаской. Вот уже несколько дней она целует мне руку, чего прежде никогда не было, и нет сцен

¹ Т. 82. С. 227.

Дневник для одного себя Л. Н. Толстого.
Первая страница 29 июля 1910 г. Автограф

и отчаяния. Прости меня, Бог и добрые люди, если я ошибаюсь. Мне же легко ошибаться в добрую, любовную сторону. Я совершенно искренно могу любить ее, чего не могу по отношению к Льву. Андрей просто один из тех, про которых трудно думать, что в них душа Божия (но она есть, помни). Буду стараться не раздражаться и стоять на своем, главное, молчанием.

Нельзя же лишить миллионы людей, может быть, нужного им для души. Повторяю: «может быть». Но даже если есть только самая малая вероятность, что написанное мною нужно душам людей, то нельзя лишить их этой духовной пищи для того, чтобы Андрей мог пить и развратничать и Лев мазать и... Ну да Бог с ними. Делай свое и не осуждай... Утро.

День, как и прежние дни: нездоровится, но на душе меньше недоброго. Жду, что будет, а это-то и дурно.

Софья Андреевна совсем спокойна.

30 июля

Чертков вовлек меня в борьбу, и борьба эта очень и тяжела, и противна мне. Буду стараться любя (страшно сказать, так я далек от этого) вести ее.

В теперешнем положении моем едва ли не главное нужное — это *не делание, не говорение*. Сегодня живо понял, что мне нужно только не портить своего положения и живо помнить, **что мне ничего, ничего не нужно** (курсив Л. Н. Толстого. — В. Р.).

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ЗАВЕЩАНИЮ

1910 г. 31 июля. Я. П.

«К «формальному» завещанию, имеющему юридическую силу, Лев Николаевич прибег не ради утверждения за кем бы то ни было собственности на его писания, а, наоборот, для того, чтобы предупредить возможность обращения их после его смерти в чью-либо частную собственность.

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков в яснополянском кабинете писателя. 1909

Для того, чтобы предохранить тех, кому он поручил распорядиться его писаниями согласно его указаниям, от возможности отнятия у них этих писаний на основании законов о наследстве, Льву Николаевичу представлялся только один путь: написать обставленное всеми требуемыми законом формальностями завещание на имя таких лиц, в которых он уверен, что они в точности исполнят его указания о том, как поступить с его писаниями. Единственная, следовательно, цель написанного им “формального” завещания заключается в том, чтобы воспрепятствовать предъявлению со стороны кого-либо из его семейных их юридических прав на эти писания в том случае, если эти семейные, пренебрегая волей Льва Николаевича относительно его писаний, пожелали бы обратить их в свою личную собственность.

Воля же Льва Николаевича относительно своих писаний такова:

Он желает, чтобы:

1) **Все его сочинения**, литературные произведения и писания всякого рода, как уже где-либо напечатанные, так и еще не изданные, **не составляли после его смерти ничьей частной собственности, а могли бы быть издаваемы и перепечатываемы всеми, кто этого захочет.**

2) Чтобы **все рукописи и бумаги** (в том числе: дневники, черновики, письма и проч. и проч.), которые останутся после него, **были переданы В.Г. Черткову** с тем, чтобы последний, после смерти Льва Николаевича, занялся пересмотром их и изданием того, что он в них найдет желательным для опубликования, причем в материальном отношении Лев Николаевич просит В.Г. Черткова вести дело на тех же основаниях, на каких он издавал писания Льва Николаевича при жизни последнего.

3) Чтобы В.Г. Чертков выбрал такое лицо или лица, которым передал бы это уполномочие **на случай его, Черткова, смерти с тем, чтобы и эта лицо или эти лица поступили также на случай своей смерти, и так далее до минования в этом надобности.**

4) Чтобы те лица, кому Лев Николаевич завещал “формальную” собственность на все его писания, завещали эту собственность дальнейшим лицам, избранным по соглашению с В.Г. Чертковым или теми, кому перейдет вышеупомянутое уполномочие Черткова, и так далее до минования в этом надобности».

«Совершенно согласен с содержанием этого заявления, составленного по моей просьбе и в точности выражающее мое желание.

Лев Толстой. 31 июля 1910 г.»¹.

Письмо

Андрея Львовича Толстого (сына Л.Н. Толстого)

Т.Л. Сухотиной (дочери Л.Н. Толстого)

29 июля 1910 г. — дата получения. Ясная Поляна

«Милый друг Таня! Получил твое письмо и с начала до конца с тобой не согласен, разве только могу согласиться в том, что в настоящее время мамá действительно нервно возбуждена. **Относительно ненависти к Черткову**, то ты достаточно хорошо знаешь **мое отношение к этому подлецу**, и скрывать свое отношение к нему я не буду ни перед отцом, ни перед матерью, ни перед ним самим. Относительно же свойственности ненависти к людям, могу тебе ответить, что **ненависть свойственна людям так же, как и доброта, любовь**. Люди не могли бы быть добры к одним, если бы не ненавидели других. **Отец первый обожает Черткова и этим ненавидит сыновей**. Где его пресловутая, проповедуемая им доброта и отношение к людям? Ведь никто, как он, сделал, что большинство сыновей его, стали его ненавидеть и почти презирать.

Относительно того, чтобы (ей) мамá потакать во всем, конечно, я этого делать не буду, но все-таки всегда скажу, что **она права в своем теперешнем отношении к Черткову**, и вижу в этом, как тебе ни покажется странно, пользу для отца.

¹ Т. 82. С. 227, 228.

Андрей Львович Толстой, сын писателя. 1905 (?).
Любительская фотография

Если б отец был бы добр, а не зол, то половины этих историй бы не было. Лева, Миша и я не дураки и не идиоты, ставши открыто на сторону мамá, и если бы ты отбросила пристрастие к Л. Н., то тоже поняла бы, кто виноват. **Я не считаю, что мамá права, валяясь на земле и грозя отравиться опиумом,** а надо подумать и узнать, что вызвало это, и тогда, может быть, и ты будешь другого мнения.

Относительно же поездки в Кочеты я тоже не согласен, оттого, что это вызовет только новую историю, ибо мамá не хочет отпускать отца одного или сама хочет ехать.

Вот тебе мое мнение, прости, что оно противоположное твоему.

Твой брат Ан. Т.»¹.

Письмо Татьяны Львовны Сухотиной А.Л. Толстому
31 июля 1910 г. Кочеты

«Не отвечала тотчас по получении твоего письма, так как боялась написать лишнее.

Теперь же, вполне успокоившись и совершенно трезво обсуди́в твои письмо и поведение, скажу, что они будут в истории человечества служить примером бесстыдства, грубости и жестокости.

Это неслыханно: окружить 82-хлетнего старика атмосферой ненависти, злобы, лжи, шпионства и даже препятствовать тому, чтобы он уехал отдохнуть от всего этого. Чего еще нужно от него? Он в имущественном отношении дал нам гораздо больше того, что сам получил. Все, что он имел, он отдал семье. И теперь ты не стесняешься обращаться к нему — ненавидимому тобой — еще с разговорами о его завещании.

Неужели ты не понимаешь, насколько такое поведение не вяжется с простым понятием о приличии и порядочности. О нравственной стороне вопроса я умалчиваю.

Далеко ты зашел. Т. Сухотина»².

¹ УЛТ. С. 411, 412.

² Там же. С. 418.

Т. Л. Толстая. Тула. Конец 1880-х — нач. 1890-х гг.
Фотография И. Ф. Курбатова

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

31 июля

«Перечитывая письма Л. Н. к разным лицам, меня поражала его неискренность. [...] **Еще меня поразило в письмах частое упоминание, что “тяжело жить, как живу, среди роскоши и поневоле...”**. А кому, как не Льву Николаевичу, нужна **эта роскошь?** Доктор — для здоровья и ухода; две машины пишущие и две переписчицы — для писаний Льва Никол.; Булгаков — для корреспонденции; Илья Васильевич — лакей для ухода за стариком слабым. Хороший повар — для слабого желудка Льва Н-а.

Вся же тяжесть добывания средств, хозяйства, печатанье книг — все лежит на мне, чтоб всю жизнь давать Льву Ник. спокойствие, удобство и досуг для его работ. Если б кто потруился вникнуть в мою жизнь, то всякий добросовестный человек увидал бы, что мне-то лично ничего не нужно. Я ем один раз в день; я никуда не езжу; мне служит одна девочка 18 лет; одеваюсь теперь даже бедно. Где это давление роскоши, производимое будто бы мной? Как жестоко несправедливы могут быть люди! Пусть святая истина, высказываемая в этой книге, не пропадет и уяснит людям то, что затемнено теперь¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

2 августа

Е. б. ж. Очень, очень понял свою ошибку. **Надо было собрать всех наследников и объявить свое намерение, а не тайно. Я написал это Черткову. Он очень огорчился.** Ездил в Колпну. Софья Андреевна выехала проверять, подкарауливать, копается в моих бумагах. Сейчас допрашивала, кто передает письма от Черткова: «Вами ведется тайная любовная переписка». Я сказал, что не хочу говорить, и ушел, но мягко. Несчастная, как мне не жалеть ее. **Написал Гале** («домашнее» имя Анны Константиновны, жены В. Г. Черткова. — В. Р.) **письмо.**

¹ Т. 2. С. 163, 164.

Л. Н. Толстой в кругу родных и гостей. Ясная Поляна. 1908.
Фотография К. К. Буллы. Слева направо: Д. П. Маковицкий, А. Л. Толстая,
Е. В. Оболенская, В. Г. Чертков, Л. Н. Толстой, И. О. Шураев (слуга),
С. А. Толстая, И. В. Сидорков (слуга), Ваня (Михайлович) Толстой,
гувернантка детей М. Л. Толстого, Н. Н. Гусев, В. М. Феофанова

Крестьяне-просители под «деревом бедных» в Ясной Поляне. 1902.
Фотография П. А. Сергеев

Из письма Льва Николаевича Толстого В.Г. Черткову
2 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Вчера говорил с Пошей (П.И. Бирюков, друг и первый биограф Л.Н. Толстого. — В.Р.), и он очень верно сказал мне, что я виноват тем, что сделал завещание тайно. Надо было или сделать это явно, объявив тем, до кого это касалось, или все оставить, как было, — *ничего не делать* (курсив Л.Н. Толстого. — В.Р.). И он совершенно прав, я поступил дурно и теперь плачусь за это. Дурно то, что сделал тайно, предполагая дурное в наследниках, и сделал, главное, несомненно дурно тем, что воспользовался учреждением отрицаемого мной правительства, составив по форме завещание. Теперь я ясно вижу, что во всем, что совершается теперь, виноват только я сам. Надо было оставить все, как было, и ничего не делать [...]»¹.

Из письма Льва Николаевича Толстого
А.К. Чертковой
1910 г. 2 августа. Я. П.

«Милая Анна Константиновна,
пишу вам, а не Диме («домашнее» имя В.Г. Черткова. — В.Р.) потому, что ему надо слишком много сказать, а я не сумею сейчас. Надеюсь, что наш верный друг Гольденвейзер передаст ему мои чувства и мысли. А кроме того, вам мне легче говорить о том горе, которое я делаю ему и в котором каюсь, но которое до времени не могу исправить, облегчить. Пусть то, что я написал ему, не смущает и не огорчает его. В теперешних тяжелых условиях я больше, чем когда-нибудь, чувствую мудрость и благодетельность *неделания* (курсив Л.Н. Толстого. — В.Р.) и ничего не предпринимаю и не предприиму не только на деле, но и на словах. Говорю и слушаю как можно меньше и чувствую, как это хорошо.

Простите меня, милые друзья, что я делаю вам больно. [...] Она, несомненно, больная, и можно страдать от нее, но мне-то уже нельзя — или я не могу — не жалеть ее.

¹ Т. 89. С. 199.

Л. Н. Толстой в кругу семьи в день своего 75-летия. 28 августа 1903 г.
Фотография Ф. Т. Протасевича.

Слева направо стоят: Илья, Лев, Александра, Сергей;
сидят: Михаил, Татьяна, С. А. и Л. Н. Толстые, Мария и Андрей

Целую вас обоих, милые друзья, и прошу не давать вашей любви ко мне уменьшаться. Она мне очень дорога — нужна»¹.

Из письма
Владимира Григорьевича Черткова
Л.Н. Толстому

3 августа 1910 г. Телятинки

«[...] На вопрос Павла Ивановича (Бирюков. — В.Р.) о том, почему вы не пожелали теперь же огласить вашего посмертного распоряжения, **вы ответили ему, что не сознавали в себе сил вынести неизбежных последствий этого**, на что он с большей логикой, чем душевной чуткостью, ответил, что в таком случае лучше было бы этого вовсе не делать. И вы тотчас же с ним согласились, по-видимому, полагая вместе с П<авлом> И<вановиче>м, что ничто иное, как малодушие, побудило вас поступить так, как вы поступили. Но дело в том, что, хотя более чем вероятно, что вы и не выдержали бы последствий преждевременного оглашения вашей посмертной воли, тем не менее, действительная **причина того приема**, который вы в этом случае избрали, лежала вовсе **не в этом эгоистическом опасении**, а как раз **наоборот, в соображениях совершенно противоположного характера, в вашей любви к людям, в вашем желании поступить “по-Божьи”**, а именно так, чтобы, по возможности, не вводить в лишний соблазн враждебных к вам членов вашей семьи, не подвергать лишним усложнениям и страданиям самых близких и преданных душе вашей друзей ваших, чтобы, по возможности, предотвратить ненависть, раздоры и борьбу, чтобы, наконец, исполнить сознаваемый вами долг ваш перед Богом и людьми, **не допуская обращения в личную собственность вашей семьи того, что должно принадлежать Богу и человечеству [...]**»².

¹ Т. 89. С. 200, 201.

² УЛТ. С. 422.

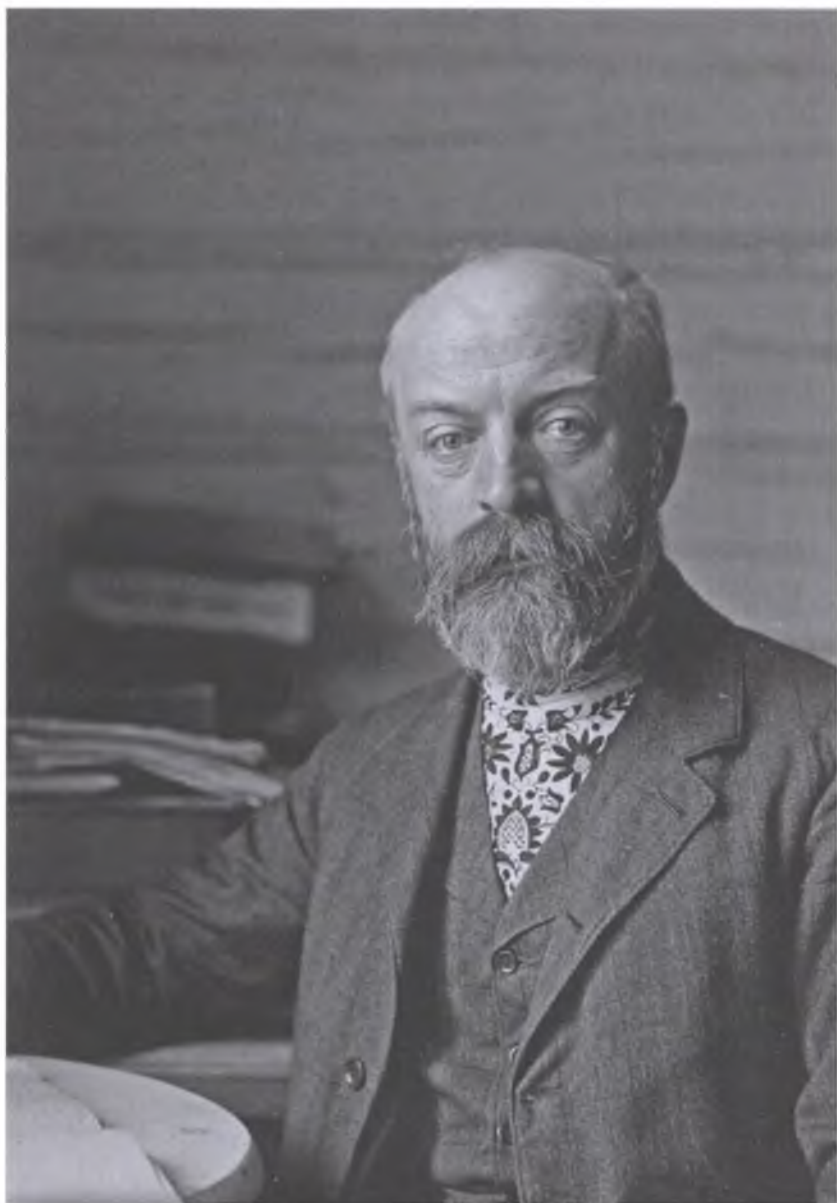
**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
2 августа**

«Варвара Михайловна называет кроткое, нежное, внимательное отношение Л. Н. к Софье Андреевне “подлизыванием” и спрашивает: почему он уступает ей и почему причиняет страдание Черткову и больной Александре Львовне? Я себе это объясняю так: “Софья Андреевна, во-первых, действительно ревнует, а не только притворяется ревнивой; во-вторых, она, в сущности, расчетливая мать — хочет потомство обеспечить материально и потому выслеживает, есть ли завещание. Л. Н. чувствует (жалея ее), что здесь только лаской и, в известной степени, уступчивостью может удерживать ее от ужасных припадков иступления. Поэтому и не считается с тем, как его отношение (к Софье Андреевне) будет воздействовать на дочь и на Черткова...”»¹

**Из дневника Софьи Андреевны Толстой
3 августа**

«Хотела объяснить Льву Ник-у источник моей ревности к Черткову и принесла ему страничку его молодого дневника, 1851 года, в котором он пишет, как он никогда не влюблялся в женщин, а много раз влюблялся в мужчин. Я думала, что он, как П. И. Бирюков, как доктор Маковицкий (Душан Петрович — доктор, единомышленник Л. Н. Толстого, который сопровождал его во время ухода. — В. Р.), поймет мою ревность и успокоит меня, а вместо того он весь побледнел и пришел в такую ярость, каким я его давно, давно не видала. “Уходи, убирайся! — кричал он. — Я говорил, что уеду от тебя, и уеду...” Он начал бегать по комнатам, я шла за ним в ужасе и недоумении. Потом, не пустив меня, он заперся на ключ со всех сторон. Я так и остолбенела. Где любовь? Где неппротивление? Где христианство? И где, наконец, справедливость и понимание? Неужели

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 310.

Д. П. Маковицкий, единомышленник и врач Л. Н. Толстого.
Телятинки. 1911. Фотография Е. Н. Фелтена

старость так ожесточает сердце человека? Что я сделала? За что? Когда вспомню злое лицо, этот крик — просто холодом обдает.

Потом я ушла в ванну, а Лев Никол., как ни в чем на бывало, вышел в залу и пил с аппетитом чай и слушал, как Душан Петрович, переводя с славянского, читал о Петре Хельчицком.

Когда все разошлись, Лев Ник. пришел ко мне в спальню и сказал, что **пришел еще раз проститься**. Я так и вздрогнула от радости, когда он вошел; но когда я пошла за ним и начала говорить о том, что как бы дружной дожить последнее время нашей жизни, и еще о чем-то, он начал меня отстранять и говорил, что **если я не уйду, он будет жалеть, что зашел ко мне. Не поймешь его!**¹.

Письмо
Софьи Андреевны Толстой
Е. И. Чертковой (матери В. Г. Черткова)
3 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Многоуважаемая Елисавета Ивановна, вполне разделяю ваше материнское негодование и огорчение. Но то, что я перестрадала за это время, не может сравниться ни с какой человеческой скорбью.

Распространять гнусные обвинения против вашего сына я нигде не могла, так как никого не вижу, почти не выхожу из своей комнаты и все время болею. Не знаю, кому охота заниматься сплетнями и придавать произвольный смысл моим словам.

То, что я сказала вам при свидании, то повторяю: ваш сын настолько деспотично распространил свое влияние на моего ослабевшего от лет старого мужа, что постепенно, особенно с последнего пребывания Льва Николаевича у Владимира Григорьевича, отдалял его от меня и восстанавливал меня.

¹ Т. 2. С. 166, 167.

В.Г. Чертков с матерью Е. И. Чертковой и сыном Владимиром (Димой).
Англия. 1900. Фотография фирмы «Y West and Son»

Вы говорите о моих низменных интересах. Все, кто меня знает, отлично понимают мое личное, бескорыстное отношение ко всякой собственности. Было время, когда Лев Николаевич отдавал мне *все*, включая и права авторские. И я со слезами отказалась от всего.

Но многим, в том числе и всей семье Льва Николаевича, непонятно и обидно, что не одни мысли Льва Николаевича дороги Черткову, но и *рукописи*, которые он коллекционирует, как и фотографии, и выманивает у Льва Николаевича, пользуясь его пристрастием к себе. И это нельзя назвать порядочностью и бескорыстием со стороны Владимира Григорьевича. Для рукописей существуют музеи, где они безопасны и вместе с тем доступны людям.

Принимать же и желать видеть человека, который на весь мой дом провозглашал, что “он не понимает женщины, которая всю жизнь занимается убийством своего мужа”, — я не в состоянии. Это мнение Владимира Григорьевича не может расположить меня вновь к нему никогда. Он стал между нами после нашей 48-летней супружеской жизни; и я решительно не в силах выносить его присутствие, хотя и старалась.

Да, я безумно ревную Льва Николаевича и не уступлю его, хотя бы это стоило мне жизни, и считаю влияние Владимира Григорьевича на всю нашу жизнь вредным.

Вмешиваться в отношения мужа и жены никто не имеет права. А как меня будет судить крошечный кружок толстовцев, — мне, право, решительно все равно. За мной 48 лет безупречной жизни и преданной любви к мужу, которого без всякого постороннего вмешательства я берегла, помогала ему и жила душа в душу, одной жизнью.

Равно и в отношении каждого человека к Богу вмешательство людей не может иметь места.

Простите меня, если я вам причинила неприятность; могу одним только оправдаться — моими тяжелыми страданиями...

С почтением Софья Толстая» (ОР ГМТ).

Из дневника Льва Николаевича Толстого

3 августа

Е. б. ж. Жив, тоскливо. Но лучше работал над корректурами. Чудное место Паскаля. Не мог не умиляться до слез, читая его и сознавая свое полное единение с этим, умершим сотни лет тому назад, человеком. Каких еще чудес, когда живешь этим чудом?

Ездил в Колпну с Гольденвейзером. **Вечером тяжелая сцена**, я сильно взволновался. Ничего не сделал, но чувствовал такой прилив к сердцу, что **не только жутко, но больно стало.**

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

5 августа

Немножко светлее думал. Совестно, стыдно, комично и грустно мое воздержание от общения с Чертковым. Вчера утром была очень жалка, без злобы. Я всегда так рад этому — **мне так легко жалеть и любить ее, когда она страдает, а не заставляет страдать других.**

6 августа

Сейчас встретил [...] Софью Андреевну. Она идет скоро, страшно взволнованная. Мне очень жалко стало ее. Сказал дома, чтобы за ней посмотрели тайно, куда она пошла. Саша же рассказала, что она ходит не без цели, а подкарауливая меня. **Стало менее жалко.** Тут есть недоброта, и я еще не могу быть равнодушен — в смысле любви к недоброму. Думаю уехать, оставив письмо, и боюсь, хотя думаю, что ей было бы лучше. Сейчас прочел письма, взялся за «Безумие» и отложил. Нет охоты писать, ни силы. Теперь 1-й час. **Тяжело вечное прятание** (речь идет о завещании. — В.Р.) **и страх за нее.**

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

5 августа

«Провела ужасную ночь; переживала опять в воспоминаниях все, чем страдала это время. Как оскорбительно, что муж мой даже не вступился за меня, когда Чертков мне нагрубил. Как он его боится! Как весь был подчинен ему! Позор и жалость! [...]

Во многом я виновата, конечно. Но мое раскаяние тоже так велико, что добрый муж простил бы меня, в чем я виновата [в моем болезненном, истеричном состоянии. — *Прим. С. А. Толстой.*], и к концу — к смерти приблизил бы меня, хотя бы за то, что я с такой горячей, страстной любовью вернулась к нему сердцем, и за то, что никогда не изменила ему.

Как я была бы счастлива, если б он меня приласкал и приблизил. Но этого уж никогда не будет, даже если и удалить Черткова от него!

Лев Ник. сегодня опять холоден и чужд. Грустно!»¹.

6 августа

«Как и все это последнее время — нет сна. Утром просыпаешься с каким-то ужасом: что даст сегодняшний день? Так было и нынче. Заглянула в 10-м часу в комнату Льва Николаевича, его еще нет, он на своей обычной утренней прогулке. Наскоро оделась, побежала в елочки, куда он ходит по утрам, бегу, думаю: “Ну, как он там с Чертковым?” Идет милый, спокойный, старенький, — и один. Но Чертков мог уже уехать. Встречаю детей, спрашиваю: “Видели, детки, старого графа?” — “Видели, на лавочке сидел”. — “Один?” — “Один”. Я начала себя обуздывать и успокаивать. Дети милые со мной, видят, что я не нахожу грибов, — где уж там! — дали мне пять подберезников и с сожалением сказали: “Да ты не видишь ничего, ты слепая”. Пришел в елочки Лева, случайно или ко мне — не знаю. Потом верхом встретил меня возле купальни»².

¹ Т. 2. С. 168.

² Т. 2. С. 169.

Л. Н. и С. А. Толстые в яснополянском кабинете писателя. 1902.
Фотография фирмы «Шерер, Набгольц и КО»

Из письма Льва Николаевича Толстого В.Г. Черткову
7 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Не знаю, успею ли после написать вам. А сижу в саду (не могу нынче ничего работать), думаю о вас и вот пишу вам. Сказать мне вам чего-нибудь такого, чего вы не знаете, нет ничего. Одно скажу, что мне в последнее время как-то совестно, смешно и вместе неприятно избегать вас, но не могу, не умею ничего сделать другого. Мне жалко ее, и она, несомненно, жалче меня, так что мне было бы дурно, жалея себя, увеличить ее страдания. Мне же, хотя я и устал, мне в сущности хорошо, так хорошо, что, тоже в последнее время, внешний успех моей деятельности, прежде очень занимавший меня, совсем не интересует меня. **Все ближе и ближе подходит раскрытие, навверное, благой, предугадываемой тайны, и приближение это не может не привлекать, не радовать меня.** [...]»¹.

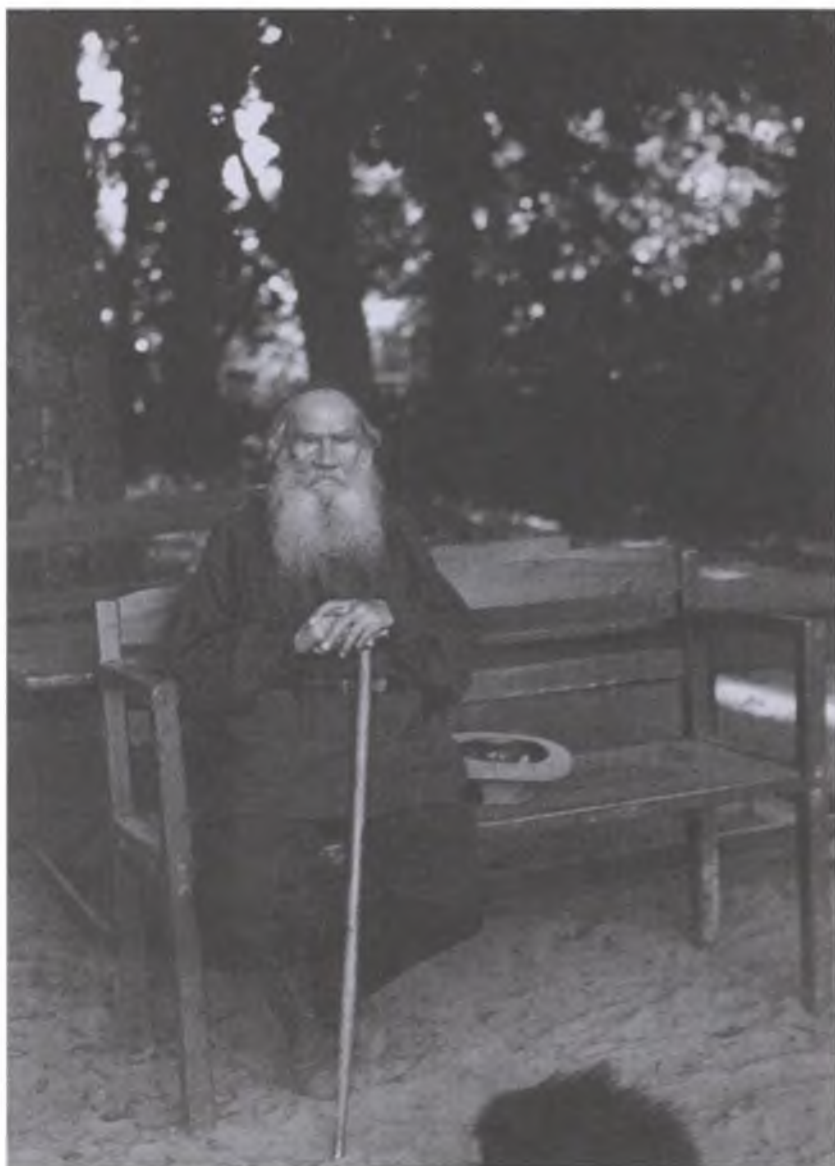
Из письма Анны Константиновны Чертковой
Л.Н. Толстому
9 августа 1910 г. Телятинки

«Дорогой Лев Николаевич [...] **Моя любовь и доверие к вам, к вашей мудрой любви — так дороги мне, что мне страшно потерять хоть каплю из сердца моего,** и потому я молю Бога, чтобы дал мне понять ваш образ действий и стараюсь, мучительно стараюсь понять, входя всем сердцем в ваше положение — и если еще не вполне уяснила себе всего, то не теряю надежды на это, а пока стараюсь восстановить в сердце своем доверие к вам и смирение перед обстоятельствами — спокойно и терпеливо ждать — как ждет Дима (муж Чертков. — В.Р.), наш добрый, дорогой батя, всегда надеясь на все лучшее, на то, что Бог с нами и за нас, в деле, где совесть чиста.

Я знаю, как ему горько не видеть вас и все же он удивительно переносит это тяжелое испытание. Ваша Галя» ².

¹ Т. 89. С. 201, 202.

² УЛТ. С. 426, 427.

Л.Н. Толстой. Ясная Поляна. 16 августа 1905 г.
Фотография Д.А. Олсуфьева

А.К. Черткова. Художник М.В. Нестеров. 1890.
В письмах и дневниках Л.Н. Толстого — Галя

В.Г. Чертков с женой А.К. Чертковой (Галя)

Из дневника Софьи Андреевны Толстой
8 августа

«...Не спала опять ночь, все думала, что надо предложить Льву Никол-у опять видаться с Чертковым, и рано утром, когда он встал, я это ему и сказала. Он махнул рукой, сказал, что переговорит после, и ушел гулять. Ушла и я в 9-м часу, бродила по всей Ясной, по садам и лесам, упала прямо плашмя на грудь и живот, рассыпала грибы и, нарвав дубовых веток и травы, легла на них в изнеможении на лавке из березовых палочек и до тех пор плакала, пока задремала с какими-то фантастическими видениями во сне. Ветки были мокрые от дождя, и я вся промокла, но лежала в этой тишине, с соснами перед глазами, более часа. **Всего я отсутствовала более 4-х часов из дома, без пищи. конечно.**

Когда я вернулась, Лев Ник. меня позвал к себе и сказал (я так счастлива была уже тем, что услышала его голос, обращенный ко мне): “Ты предлагаешь видаться с Чертковым, но я этого не хочу. **Одно, чего я более всего желаю, — это прожить последнее время моей жизни как можно спокойнее.** Если ты будешь тревожна, то и я не могу быть спокоен. **Лучше всего мне бы уехать на недельку к Тане и нам расстаться, чтоб успокоиться**”¹.

12 августа

«Вечером Таня (дочь. — В.Р.) начала целый ряд тяжелых на меня обвинений, из которых почти все несправедливые, и я в них так и узнала подозрительность и ложь Саши, которая всячески старается меня оклеветать, со всеми поссорить и разлучить с отцом ее. **Вот где настоящий крест. Иметь такую дочь хуже всяких Чертковых:** ее не удалишь, а замуж никто не возьмет с ее ужасным характером. Я часто обхожу двором, чтобы с ней не встречаться, того и гляди или опять **плюнет**

¹ Т. 2. С. 171.

А. Л. Толстая. 10 декабря 1905 г. Тула.
Фотография В. И. Вакуленко

мне в лицо, или зло накинется на меня с ее отборно грубыми и лживыми речами. Сколько горя в старости! За что?»¹.

Письмо Льва Николаевича Толстого В.Г. Черткову
12 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Пишу на листочках, потому что пишу в лесу, на прогулке. И с вчерашнего вечера и с нынешнего утра думаю о **вашем вчерашнем письме** (большое письмо В.Г. Черткова от 11 августа 1910 г. о необходимости таинства завещания Толстого. — *В.Р.*). Два главные чувства вызвало во мне это ваше письмо: отвращение к тем проявлениям грубой корысти и бесчувственности, которые я или не видел, или видел и забыл; и огорчение и раскаяние в том, что я сделал вам больно своим письмом, в котором выражал сожаление о сделанном. Вывод же, какой я сделал из письма, тот, что Павел Иванович (Бирюков. — *В.Р.*) был неправ, и также был неправ и я, согласившись с ним, и что я вполне одобряю вашу деятельность, но своей деятельностью все-таки недоволен: чувствую, что можно было поступить лучше, хотя я и не знаю как. **Теперь же я не раскаиваюсь в том, что сделал, т.е. в том, что написал то завещание, которое написано, и могу быть только благодарен вам за то участие, которое вы приняли в этом деле.**

Нынче скажу обо всем Тане, и это будет мне очень приятно. Лев Толстой»².

Из письма Льва Николаевича Толстого В.Г. Черткову
14 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Владимир Григорьевич,
прочел ваше длинное письмо (от 13–14 августа 1910 г. — *В.Р.*) и во всем согласен с вами, кроме того, что вы думаете и говорите о том стеснении своей свободы, в которое я будто бы себя поставил своим обещанием. Согласен, что обещания никому, а особенно человеку в таком положении, в каком она

¹ Т. 2. С. 174, 175.

² Т. 89. С. 203, 204.

теперь, не следует давать, **но связывает меня теперь никак не обещание** (я и не считаю себя обязанным перед ней и своей совестью исполнить его), а **связывает меня просто жалость, сострадание, как я это испытал особенно сильно нынче и о чем писал вам.**

Положение ее очень тяжелое. Никто не может этого видеть и никто так сочувствовать ему. [...]»¹.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

14 августа

«Тревога усилилась, с утра опять дрожанье сердца, прилив к голове. Мысль о разлуке с Льв. Ник. мне невыносима. **Колебалась весь день, остаться в Ясной или ехать с Льв. Н. к Тане в Кочеты, и решила последнее.** Наскоро уложились»².

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

14 августа 1910 г.

Все хуже и хуже. Не спала ночь. Выскочила с утра: «С кем ты говоришь?» Потом рассказывала ужасное: половое раздражение. Страшно сказать. [*Вымарано три слова.*]

Ужасно, но, слава Богу, жалка, могу жалеть. Буду терпеть. Помоги, Бог. **Всех измучила и больше всего себя.** Едет с нами. Варю как будто выгоняет. Саша огорчена. Ложусь.

КОЧЕТЫ. В ГОСТЯХ У ДОЧЕРИ

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

15 августа 1910 г. Кочеты

Дорогой в Кочеты думал о том, как, если только опять начнутся эти тревоги и требования, я уеду с Сашей. Так

¹ Т. 89. С. 206.

² Т. 2. С. 175.

Л.Н. и С.А. Толстые. Ясная Поляна. 1908.
Фотография К.К. Буллы

Дом в Кочетах, в имении М. С. Сухотина, мужа Татьяны Львовны. 1910.
Фотография Е. П. Сухотиной

Л. Н. Толстой в Кочетах с семьей дочери Татьяны. 1910

и сказал. Так думал дорогой. Теперь не думаю этого. Приехали спокойно, но вечером я брал у Саши тетрадь, она увидала: «Что такое?» — Дневник. Саша списывает.

16 августа

Нынче утром опять не спала. Принесла мне записку о том, что Саша выписывает из дневника для Черткова мои обвинения ее. Перед обедом я старался успокоить, сказав правду, что выписывает Саша только отдельные мысли, а не мои впечатления жизни. Хочет успокоиться и очень жалка. Теперь 4-й час, что-то будет. **Я не могу работать.** Кажется, что и не надо. На душе недурно.

17 августа

Нынче хороший день. Соня совсем хороша. Хороший и тем, что мне тоскливо. И тоска выражается молитвой и сознанием.

Из письма Татьяны Львовны Сухотиной В. Г. Черткову
16 августа 1910 г. Кочеты

«Дорогой друг, дела наши ни хороши, ни плохи, но лучше гораздо яснополянских. Мать тиха, скромна, с Сашей очень ласкова, к отцу ни в вагоне, ни здесь не пристаёт и даже избегает. Было одно огорчение и расстройство, когда она подстрожила вечером, что папá пришел к Саше за своим дневником. И сегодня написала ему об этом записку. Но потом послушалась моей просьбы не говорить об этом и сказала, что овладеет собой. [...]

В вагоне она говорила, что **ей очень тяжело иметь врага, что никогда у нее врагов не было**, на что я сказала ей, что это очень легко изменить, и что ей стоит только протянуть Вам руку. Но потом ей представилось, как ей будет трудно выносить Ваше присутствие, и **она сказала, что если бы вы приняли ее условие ездить раз в неделю — то она бы на это охотно согласилась.** [...]

Думаю, что если бы Вы ей написали о том, что устранены препятствия к Вашему житью в Телятинках, и сказали бы ей,

что Вам было бы приятно, если бы она вернула Вам свое доброе отношение, может быть, могли бы прибавить, что жалеете, если какие-нибудь Ваши слова ее оскорбили, то она рада была бы возможности помириться с Вами»¹.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

17 августа

«Так как у меня теперь много дела по изданию и я желала бы знать, сколько мы тут проживем, я спросила об этом Льва Н-а, а он мне грубо сказал: “Я не солдат, чтоб мне назначать срок отпуска”. Вот и живи с таким человеком! Боюсь, что он, с свойственным ему коварством, зная, что мне необходимо вернуться, будет жить здесь месяцы.

Но тогда и я ни за что не уеду, брошу все, пропадай все! Кто кого одолеет? И подумать, что возникла эта злая борьба между людьми, которые когда-то так сильно любили друг друга! Или это старость? Или влияние посторонних? Иногда смотрю я на него, и мне кажется, что он мертвый, что все живое, доброе, пронизательное, сочувствующее, правдивое и любовное погубило и убито рукою сухого сектанта без сердца — Черткова»².

18 августа

«Ужасное известие прочла в газетах. Черткова правительство оставляет жить в Телятинках! И сразу Лев Николаевич повеселел, помолодел; походка стала легкая, быстрая, а у меня с мучительной болью изныло все сердце; билось оно в минуту 140 ударов, болит грудь, голова.

Рукою Бога, по его воле мне послан этот крест, и Чертков с Львом Николаевичем избраны орудиями моей смерти. Может быть, когда я буду лежать мертвая, у Л. Н. откроются глаза на моего врага и убийцу, и он тогда возненавидит его и раскается в своем греховном пристрастии к этому человеку.

¹ УЛТ. С. 451.

² Т. 2. С. 180.

Л. Н. Толстой в Кочетах. 19 мая 1910 г.
Фотография В. Г. Черткова

И со мной теперь как вдруг изменились отношения. Явилась ласковость, внимание: авось, мол, теперь она примирится с Чертковым, и все будет по-старому. **Но этого никогда не будет, и Черткова я принимать не буду.** Слишком глубока и болезненна та рана, которая открылась у меня и терзает мое сердце. И слишком невозможно мне простить грубости Черткова мне и его внушения Льву Николаевичу, что я его *всю жизнь убиваю*¹.

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
18 августа**

Софья Андреевна, узнав о разрешении Черткову жить в Телятинках, пришла в болезненное состояние. «Я его убью». Я просил не говорить и молчал. И это, кажется, подействовало хорошо. Что-то будет. Помогите мне, Бог, быть с Тобою и делать то, что Ты хочешь. А что будет, не мое дело. Часто, нет, не часто, но иногда бываю в таком душевном состоянии, и тогда как хорошо!

**Из дневника Софьи Андреевны Толстой
19 августа**

«Когда я спросила Льва Н-а, что до тех пор уедем ли мы отсюда? он поспешно стал говорить, что ничего не знает, не решает вперед. И я уже предвижу новые мученья; он, вероятно, что-нибудь затевает и, конечно, отлично знает, что, но привычка и любовь к неопределенности и к тому, чтоб этим меня мучить всю жизнь, так велика, что он без этого уж не может.

Ходила с Таней за грибами, их такая пропасть, потом играла все время с детьми, делала бумажные куколки. Не могу заниматься делом, сердце просто *физически* болит, и такие приливы к голове! Наполовину я убита Л. Н. и Чертковым, сообща, и еще два, три припадка сердечных, как вчера, — и мне конец. Или

¹ Т. 2. С. 180.

С.А. Толстая. Ясная Поляна. 1903. Автопортрет

же делается нервный удар. И хорошо бы! А мучить меня будут, наверное, бить же себя и не хочу, чтоб не уступить Льва Ник-а Черткову.

Как вышло странно, и даже смешно. Чертков сказал, что я убиваю своего мужа, вышло же совершенно обратное: Л.Н. и Ч. уже наполовину убили меня. Все поражаются, до чего я похудела и переменялась — без болезни, только от сердечных страданий!

Уехал Лев Н. верхом с Душаном Петровичем; места незнакомые, и я тревожилась. Вечером рассказала гр. Д.А. Олсуфьеву всю печальную историю с Чертковым (С.А. Толстая часто с членами семьи, друзьями дома, гостями, не стесняясь, обсуждала проблемы взаимоотношений мужа и В.Г. Черткова; естественно, это не могло не оскорблять Л.Н. Толстого. — В.Р.), и он посоветовал мне подождать писать Столыпину об удалении Черткова. Теперь именно это нельзя сделать, так как его только что вернули. Если же Чертков будет заниматься какой-нибудь пропагандой и наталкивать на это Льва Ник. или Лев Ник. возобновит с ним свои пристрастные отношения, то лучше мне самой, лично, переговорить тогда со Столыпиным. Все это в будущем, а пока надо жить сегодняшним днем.

Часа три подряд Лев Ник. играл с большим увлечением в карты в винт. Как грустно видеть все его слабости именно в тот возраст (82 г.), когда духовное должно над всем преобладать! Хочется на все его слабости закрыть глаза, а сердцем отвернуться и искать на стороне света, которого уже не нахожу в нашей семейной тьме»¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

19 августа

Опять все то же. Слабость. Отсутствие энергии к работе. [...] Говорил с Софьей Андреевной и напрасно согласился не делать портреты (речь о запрете Черткову фотографировать

¹ Т. 2. С. 181, 182.

Л. Н. и С. А. Толстые. Ясная Поляна. 28 августа 1903 г.
Фотография С. А. Толстой и И. Л. Толстого

Л. Н. Толстого. — В. Р.). **Не надо уступки.** И теперь писать не хочется. Ложусь, 12-й час.

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
20 августа**

Хорошо говорил с сторожем. Нехорошо, что рассказал о своем положении. Ездил верхом, и вид этого царства господского так мучает меня, что подумываю о том, чтобы убежать, скрыться.

Нынче думал, вспоминая свою женитьбу, что это было что-то роковое. Я никогда даже не был влюблен. А не мог не жениться.

**Из письма Татьяны Львовны Сухотиной
В. Г. Черткову
21 августа 1910 г. Кочеты**

«Получила сейчас Ваше письмо, дорогой друг, и сейчас же имею случай Вам ответить, поэтому не откладываю. Спасибо за него, как за всякое выражение доброго чувства, которое дает радость и заражает.

Если бы Вы сейчас видели мать, Вы не могли бы ее не жалеть. Она сегодня вышла вся трясущаяся и красная, потому что не могла заснуть ночи от того, что вчера видела Вас, снятого на одной фотографии с отцом. Она сказала сегодня, что она дошла до того, *что она сознает, что это сумасшествие*, и надеется побороть его, но что она еще не может с собой сладить. Я советовала ей повидать Вас теперь, когда она одна будет в Ясной, но она говорит, что не в силах еще этого сделать. Потом я сказала ей, что если она будет стоять на этой точке зрения, то мы все ей поможем, но тут уже пошло безумие: “Зачем эта физическая близость... У меня глаза открылись...” и т. п. Какой тут корыстный расчет? Одно безумие и страдание. [...]»¹.

¹ УЛТ. С. 455.

Л. Н. Толстой — жених. 1862. Москва.
Фотография М. Б. Тулинова

С.А. Берс — невеста. 1862. Москва.
Фотография М.Б. Тулинова

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

22 августа — день рождения С.А. Толстой

«День моего рождения, мне 66 лет, и все та же энергия, обостренная впечатлительность, страстность и — люди говорят — молодость. Но эти последние два месяца сильно меня состарили и, Бог даст, приблизили к концу. Встала утомленная бессонницей, пошла ходить по парку. Прелестно везде: старые аллеи всяких деревьев, полевые вновь зацветшие цветы; рыжики и другие грибы, тишина, одиночество, — одна с Богом. Все время ходила и молилась. Молилась о смирении, о том, чтоб перестать с помощью Бога так страдать душевно. Молилась и о том, чтоб Бог вернул мне перед нашей смертью любовь мужа. Я верю, что я вымолю эту любовь, столько слез и веры я кладу в свои молитвы.

Миленькие дети и Леля пришли утром меня поздравить. Лев Ник. во время моей прогулки два раза заходил спросить обо мне. Надо же, для приличия хотя бы, поздравить жену с рождением. Так и смотрю ему в глаза, чтоб поймать хоть минутное проявление его прежней, доверчивой любви ко мне. Когда я ее верну, то, возможно, что и с Чертковым примирюсь. Хотя трудно! Опять все пойдет то же, сначала.

Ездил Лев Ник. далеко верхом к скопцу, который тут бывал уже и раньше приезжал к Черткову, когда там был Лев Николаевич. Проехал взад и вперед 20 верст и не устал. Вот здоровье железное. Играл опять вечером в винт. Играла и я за другим столом; учили, по ее желанью, Лелю Сухотину, а я очень утомила зрение, читая весь день и весь вечер присланную мне корректуру, и игра в карты — отдых глазам.

Корректура была из “Военных рассказов”. Какая красота многих мест из севастопольских рассказов! Я очень восхищалась и наслаждалась, читая их! Да! Это художник настоящий, гениальный — мой муж! И если б не Чертков и его влияние — науськивание на такие брошюры, как “Единое на потребу” и другие, — совсем другая была бы литература Льва Толстого за последние годы. Чувствую себя немного менее нервной, хотя болит сердце, и каждую минуту боюсь

Л.Н. и С.А. Толстые. Ясная Поляна. 9 августа 1903 г.
Фотография И.Л. Толстого

новых взрывов и припадков. Даже с детьми сегодня играла вяло и скучно.

Как и чем разрешится наша жизнь, я даже себе представить не могу! После рождения Льва Ник-а поеду в Ясную Поляну и, вероятно, в Москву — а потом?..»¹.

Из письма Льва Львовича Толстого Т.Л. Сухотиной

22 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Милая Таня, спасибо за письмо и фотографии. [...]

Здесь мне очень, очень хорошо и, хотя бы не надо это писать именно теперь, но не могу не высказать этого. Все-таки нигде я не чувствую себя более самим собой, чем здесь. К сожалению, условия жизни наших стариков последнее время так тяжелы для близких и окружающих, что невольно страдаешь и не хочешь возить в такую атмосферу семью.

Целую тебя и Мишу. Лев»².

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

24 августа

Понемногу оживаю. Софья Андреевна, бедная, не переставая страдает, и я **чувствую невозможность помочь ей**. Чувствую грех своей исключительной привязанности к дочерям.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

25 августа

«Сегодня утром была неожиданно обрадована появлением Льва Николаевича у моей двери. Я умывалась и не могла сразу подойти к нему. Поспешно набросила на мокрые плечи халат и спросила его: **“Ты что, Левочка?” — “Ничего; я пришел узнать, как ты спала и как твое здоровье?”** Я ответила, и он ушел. Но через несколько минут вернулся и говорит: “Я хотел тебе сказать, что вчера ночью, часов в двенадцать, я все о тебе

¹ Т. 2. С. 184, 185.

² УЛТ. С. 456.

Л.Н. и С.А. Толстые в парке. 17 апреля 1905 г. Ясная Поляна.
Фотография И.К. Дитерихса

думал и хотел даже пойти к тебе. Я думал, что тебе одиноко одной, ночью, и что ты делаешь, — и мне жалко стало тебя...” При этом слезы показались у него на глазах, и он заплакал. А меня охватила такая радость, такое счастье, что весь день я им жила, хотя чувствовала себя нездоровой, а приближающаяся моя поездка в Ясную и Москву не перестает меня волновать»¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого
24 августа

Только при тех положениях, которые мы называем бедствиями и при которых начинается борьба души с телом, только при этих положениях, начинается возможность истинной жизни и самая жизнь, если мы боремся сознательно и побеждаем, т. е. душа побеждает тело.

Из письма Льва Николаевича Толстого В.Г. Черткову
25 августа 1910 г. Кочеты

«Нынче из письма Варвары Михайловны к Саше узнал, что вы больны, и это мне было огорчительно, особенно тем, что, наверное, содействовали этому все те неприятности, которых я невольная причина. Будем мужаться, милый друг, и не поддаваться влияниям тела. Мне все яснее и яснее становится возможность этого. И иногда достигаю этого. [...] Пишите мне, пожалуйста, почаще не содержательные письма, а просто, что придет в голову.

Как вам, я уверен, хочется знать про меня, просто, в каком я духе, чем занят, что думаю, чувствую, хоть в главном, — так и мне хочется знать про вас.

Про себя скажу, что мне здесь очень хорошо. Даже здоровье, на которое тоже имели влияние духовные тревоги, гораздо лучше. Стараюсь держаться по отношению к Софье Андреевне как можно и мягче и тверже и, кажется, более или менее достигаю цели — ее успокоения, хотя главный

¹ Т. 2. С. 186.

пункт: отношение к вам, остается то же. Высказывает она его не мне. Знаю, что вам это странно, но она мне часто ужасно жалка. Как подумаешь, каково ей одной по ночам, которые она проводит больше половины без сна с смутным, но большим сознанием, что она не любима и тяжела всем, кроме детей, нельзя не жалеть»¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

26 августа

Ездил в Труханетово. **Очень тяжела роскошь — царство господское и ужасная бедность — курных изб.**

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

26 августа

«Какая бы я ни была, **больше того, что я дала мужу, дать нельзя.** Я горячо, самоотверженно, честно и заботливо любила его, окружала всякой заботой, берегла его, помогала в чем могла и умела; не изменяла ни единым словом или движением хотя бы пальца; что же может женщина дать больше самой сильной любви? Я на 16 лет моложе мужа и на 10 лет всегда казалась моложе своего возраста. И все-таки всю страстность моей здоровой, энергической любви я отдавала только ему. Я понимала, что **вся святость философии моего мужа останется только в книгах, что ему нужна для его работы привычная, удобная обстановка, и он всю жизнь прожил в этой обстановке — будто бы для меня!..** Бог с ним, и помоги мне, Господи! Помоги и людям открыть и увидеть истину, а не фарисейство! И какие бы козни против меня ни сочинялись любовь Льва Н-а ко мне проскакивает всюду, и перед всяким возникнет вопрос: если 48 лет люди прожили вместе, любя друг друга, то было за что любить? (курсив С.А. Толстой. — В.Р.).

Теперь принят такой тон, что **я ненормальная, истеричная, чуть ли не сумасшедшая, и потому все, что**

¹ Т. 89. С. 208, 209.

Л. Н. Толстой идет вдоль вспаханного поля около деревни Ясная Поляна.
1908. Фотография В. К. Черткова

Деревня Ясная Поляна. Фотография начала 1900-х гг.

Л. Н. и С. А. Толстые. В канун 80-летнего юбилея писателя. 1908.
Фотография В. Г. Черткова

будет исходить от меня, надо приписывать моему нездоровью. Но люди, а главное Господь, разберут по-своему»¹.

**Из письма Льва Львовича Толстого
Л. Н. Толстому
26 августа**

«Дорогой папаша, жалею, что не могу приехать к 28-му (28 августа — день рождения Л. Н. Толстого. — В. Р.). Очень бы хотел любить тебя, как всегда, и не могу не любить. Надо нам всем проще и открытей быть друг с другом. Ну что ж, что **мне, например, иногда кажется вредным для других и себя и несправедливым многое из того, что ты говоришь, что ты кажешься непоследователен в жизни и словах, что тебе я кажусь глупым и дурным.** Пусть все это будет нам иногда казаться, а мы все-таки будем дружны и любить друг друга, как нам подобает и как с моей стороны не может не быть. Если я говорил тебе о моих недобрых чувствах к тебе, то для того, чтобы их вырвать из сердца и потому, что они были временными и вследствие пережитого здесь. [...] Целую тебя. Лева»².

**Из письма
Владимира Григорьевича Черткова
Л. Н. Толстому**

27 августа 1910 г. Ясенки Тульской губ.

«Милый друг, [...] сведения о моей болезни были совсем ошибочные. Я был и есмь совершенно здоров. Просто я был душевно уставши и, как всегда бывает со мной, это производит на добрых, слишком добрых ко мне окружающих людей, в особенности на женщин, впечатление, что я болен. [...] Наш скопец (приезжий гость. — В. Р.) поступил самоотверженно и мужественно; но зато какого блаженства он лишил себя,

¹ Т. 2. С. 188.

² УЛТ. С. 461.

**Л. Н. Толстой с сыном Львом и внуком Лёвушкой (Три Льва).
Ясная Поляна. 1899. Фотография С. А. Толстой**

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков. С.-Петербург. 1897. Фотография В. И. Кривоша

Партия в шахматы с Владимиром (Димой) Чертковым, сыном В. Г. Чертова. Ясная Поляна. Июнь 1907 г. Фотография В. Г. Чертова

потеряв возможность испытывать радость успешной борьбы духа с телом в этой области! По этому поводу я на днях записал в свой дневник прилагаемую мысль, вероятно азбучную, но которую я вдруг почувствовал очень ярко. [...]

В. Ч.

Москва, Славянский Базар. 24 августа, 1910 г.

Даже с точки зрения самой эгоистической приятности, для человека с пробудившимся разумением, **уступка** каким бы то ни было поползновениям или порывам **половой похоти**, — **нерасчетливо**. Минута острого, чисто физического наслаждения, — покупаемая ценою потери целых дней, недель, месяцев высшей духовной радости и бодрой разумной деятельности внутренней и внешней! Если бы еще нужно было продолжительно страдать и днями, неделями, месяцами напряженно бороться, чтобы преодолеть позыв похоти. Но ведь этого нет. Достаточно, при наплыве этого соблазна, кинуться во власть своего высшего, духовного сознания для того, чтобы наступавший враг оказался обезоруженным. **А потому отдаваться похоти, когда тебе доступна духовная жизнь — просто глупо.**

Телятинки, 27 августа, 1910 г.

Прибавить к этому имею то, **что человеку духовного сознания отдаваться похоти не только глупо; но есть вопиющее нарушение задачи его жизни**, состоящей в том, чтобы предпочтением духовного телесному достигать все большего и большего освобождения от своей личности и все большего и большего сознания своей божественности, попутно (но не намеренно) достигая этим наивысшего блаженства, доступного человеку на земле. **Плотская похоть вещь прекрасная, очень нужная, для духовного роста; но только в том случае, если пользоваться ею, как следует, а именно бороться с нею и превозмогать ее».**¹

¹ УЛТ. С. 464, 465.

Из дневника Льва Николаевича Толстого
28 августа — день рождения Л. Н. Толстого

[...] Очень хорошо было на душе. [...] Вечером не удержался — возразил Софье Андреевне, и началось. Не выпускает и говорит. Письмо от Левы — нехорошее очень. Помоги, Господи.

Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
28 августа

Все тяжелее и тяжелее с Софьей Андреевной. **Не любовь, а требование любви, близкое к ненависти и переходящее в ненависть.**

Да, эгоизм — это сумасшествие. Ее спасали дети — любовь животная, но все-таки самоотверженная. **А когда кончилось это, то остался один ужасный эгоизм. А эгоизм самое ненормальное состояние — сумасшествие.**

Сейчас говорил с Сашей и Михаилом Сергеевичем (М. С. Сухотин, муж Т. Л. Толстой. — В. Р.), и Душан, и Саша не признают болезни. **И они неправы.**

Из дневника Льва Николаевича Толстого
29 августа

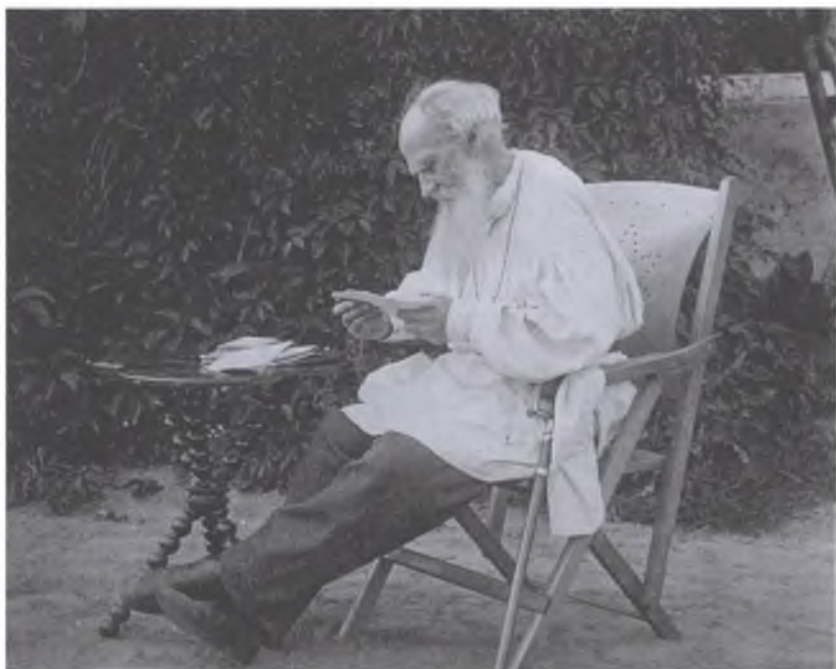
Опять пустой день. Прогулки, письма. Думать думаю и хорошо, но не могу сосредоточиться. **Софья Андреевна была очень возбуждена**, ходила в сад и не возвращалась. Пришла в 1-м часу. И **хотела опять объяснения**. Мне было очень тяжело, но я сдержался, и она затихла. **Она решила ехать нынче** (из Кочетов в Ясную Поляну. — В. Р.). Спасибо Саша решила ехать с ней. Прощалась очень трогательно, у всех прося прощение. **Очень, очень мне ее любовно жалко.** Хорошие письма. Ложусь спать. Написал ей письмецо.

Из записной книжки № 5 Льва Николаевича Толстого
29 августа — 2 сентября

Странная моя судьба и странная моя жизнь!

Едва ли есть какой бы ни было забитый, страдающий от роскоши богатых бедняк, который бы чувствовал

Перед уходом. «Я отстоял свою свободу»

Л. Н. Толстой за чтением писем. Кочеты. 1910.
Фотография В. Г. Черткова

**Изба крестьянина Тугаева в селе Протасове Лукояновского уезда
Нежигородской губернии. 1892. Фотография М. Дмитриева**

Л. Н. Толстой в окне
крестьянского дома. В селе
Большие Вяземы. 1909.
Фотография В.Г. Черткова

Л. Н. Толстой с внучкой Таней.
1907. Фотография С.А. Толстой

и чувствует всю несправедливость, жестокость, безумие богатства среди бедности так, как я, а между тем я то и живу и не могу, не умею, не имею сил выбраться из этой ужасной мучающей меня среды. [...]

Может быть, это мое положение затем, чтобы я сильнее, без примеси зависти и озлобления, а с чувством раскаяния и стыда сознавал бы это и яснее, живее высказал бы всю ложь, весь ужас этого положения. Сейчас у скотной голые оборванные, грязные дети и дома Таничка (в оригинале. — В.Р.) маленькая, чистенькая, с нянями, игрушками, сластями, заботами о росте Танички. Да, только бы дал Бог силы обличить громко, сильно, так, чтобы слышали. Помоги, Бог (29 августа утро на гулянье).

Смотрю — голые дети. Вшивый, грязный старик в черной избе, богатый владелец нанимает нищих за нищенскую плату, солдат: «Так точно». Табунщик пьет и с гордостью говорит про это. У мальчиков нет книг. Учитель учит тому, что считает дурным. Продавец водки. Сенатор присуждает: 180 тысяч — в тюрьмах, миллион — в солдатах. Миллиард рублей с народа. Отчего? Отчего ложная религия? Отчего все это? От чего? Один ответ — от того, что нет веры. А нет веры потому, что те, кто живет неправдой, боятся истинной веры¹.

Письмо Льва Николаевича Толстого С.А. Толстой

29 августа 1910 г. Кочеты

«Ты меня глубоко тронула, дорогая Соня, твоими хорошими и искренними словами при прощанье. Как бы хорошо было, если бы ты могла победить то — не знаю, как назвать — то, что в самой тебе мучает тебя. Как хорошо бы было и тебе, и мне. Весь вечер мне грустно и уныло. Не переставая думаю о тебе. Пишу то, что чувствую, и не хочу писать ничего лишнего. Пожалуйста, пиши. Твой любящий муж. Л.Т.

Ложусь спать 12-й час»².

¹ Т. 58. С. 212, 213.

² Т. 84. С. 401.

[ВОЗВРАЩЕНИЕ СОФЬИ АНДРЕЕВНЫ ТОЛСТОЙ В ЯСНУЮ ПОЛЯНУ. — В.Р.]

Письмо Софьи Андреевны Толстой Т.Л. Сухотиной

30 августа 1910 г. Ясная Поляна. 5 часов утра.

«Сейчас благополучно приехали домой, здесь Марья Александровна и Катерина Васильевна, и Лева. Все благополучны. Поразителен мороз и зимний, северный ветер. Берегите папá от простуды, чтоб не *ездил* (курсив С.А. Толстой. — В.Р.) никуда. Нам прислали много теплых вещей, и то мерзли руки и голова. Благодарю, милая Таня, вас за заботы и гостеприимство, всем привет. Тебя, Таничку (орфография эпохи. — В.Р.) и папá целую. Твоя мать. С. Толстая»¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

30 августа. Кочеты

Грустно без нее. Страшно за нее. Нет успокоения. Ходил по дорогам. Только хотел заниматься. Приехал Mavor. Профессор. Очень живой, но профессор и государственный, и нерелигиозный. Классический тип хорошего ученого. Письмо от Черткова. Присылает статьи английские. Ничего даже не читал. Вечером карты. Голова болит. От Саши телеграмма. Доехали хорошо. Ложусь. **А обдумывал поутру работу о безумии и безрелигиозности — хорошо!**

Из письма Софьи Андреевны Толстой Т.Л. Сухотиной

31 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Спасибо тебе, милая Таня, за твои два письма. Письмо папá в первую минуту, по-старому, обрадовало меня ужасно; но, перечитав его несколько раз, я вдруг поняла, что в нем живет все та же надежда, что я должна *победить* в себе что-то такое, что сделает, что и ему, и мне будет лучше; т.е. ему, потому что под этой победой подразумевается возобновление отношений с Чертковым. **А я, как и раньше, предоставляю**

¹ УЛТ. С. 466.

С. А. Толстая с дочерью Татьяной. Ясная Поляна. 1897.
Фотография С. А. Толстой

ему выбор: или я, жена его, или Чертков. Места нам обоим нет и быть не может никогда, никогда. Успокоюсь же я только тогда, когда пойму, что отец твой *твердо и добро* утвердит мои права и мое место любящей жены при себе и не променяет меня на теперь так безумно любимого им человека [...]»¹.

Письмо Софьи Андреевны Толстой Л. Н. Толстому
31 августа 1910 г. Ясная Поляна

«Сейчас проводила Леву (сына. — В.Р.), милый Левочка, и очень мне его жаль; он, конечно, не спокоен и со мной так нежно прощался. Обещал 3-го мне сюда телеграфировать о решении суда (суд был над изданной сыном Львом статьей его отца “Восстановление ада”, которую арестовали. — В.Р.).

Получила утром и твое, и Танины письма, которые меня очень обрадовали. На меня здесь навалилось столько дела и забот, что я немного ошалела, тем более, что встала так же рано, как в Кочетах, а вчера легла так же поздно.

Погода восхитительная, но какое-то **странное впечатление произвела на меня Ясная Поляна**. Все совершенно изменилось, т. е., конечно, мой взгляд на все изменился. Точно что-то похоронила навеки и надо по-новому начать жизнь. **И как после похорон (хотя бы Ванички) долго, долго болело сердце от утеряннного любимого существа, так и теперь болит та рана, которую так неожиданно послала мне судьба от утерянного счастья и спокойствия.**

Здесь, пока, я как будто стала спокойнее в привычной обстановке и без множества устремленных на меня посторонних глаз, перед которыми совестно, так как никому не известен и не интересен источник моего горя.

Искренна я была всегда, несмотря ни на какие другие, бесчисленные мои недостатки. **Искренно любила и люблю тебя, и глубоко сожалею, что причиняю тебе страдания, что горячо и искренно выразила тебе. Твоя С. Толстая.**

¹ УЛТ. С. 468.

С.А. Толстая. Октябрь 1904 г. С.-Петербург.
Фотография К.К. Буллы

Очень меня огорчило в письме твоём опять все то же: **желанье, чтоб я себя победила**, т.е. чтоб опять можно было по-прежнему общаться с любимым человеком, и не скрою, что я очень плакала. **Что делать? И ты не можешь победить себя, как и я**¹.

Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
31 [августа], 1 [сентября]

Я написал из сердца вылившееся письмо Соне.

Из письма Льва Николаевича Толстого С.А. Толстой
1 сентября 1910 г. Кочеты

«Ожидал нынче от тебя письмеца, милая Соня, но спасибо и за то коротенькое, которое ты написала Тане. Не переставая думаю о тебе и чувствую тебя, несмотря на расстояние. **Ты заботишься о моем телесном состоянии, и я благодарен тебе за это, а я озабочен твоим душевным состоянием. Каково оно? Помогай тебе Бог в той работе, которую, я знаю, ты усердно производишь над своей душой.** Хотя и занят больше духовной стороной, но хотелось бы знать и про твое телесное здоровье. Что до меня касается, то если бы не тревожные мысли о тебе, которые не покидают меня, я бы был совсем доволен. Здоровье хорошо, как обыкновенно по утрам делаю самые дорогие для меня прогулки, во время которых записываю радующие меня, на свежую голову приходящие мысли, потом читаю, пишу дома. Нынче в первый раз стал продолжать давно начатую статью о причинах той безнравственной жизни, которой живут все люди нашего времени (статья «О безумии». — В.Р.). [...] Третьего же дня был Mavor (Джемс Мэвор — профессор политической экономии в Торонто (Канада). Был у Толстого в 1889 году, состоял с ним в переписке. — В.Р.). Он очень интересен своими рассказами о Китае и Японии, но я очень устал с ним от

¹ УЛТ. С. 467.

напряжения говорить на мало знакомом и обычном языке. Нынче ходил пешком. Сейчас вечер. Отвечаю письма и прежде всего тебе.

Как ты располагаешь своим временем, едешь ли в Москву и когда? Я не имею никаких определенных планов, но желаю сделать так, чтобы тебе было приятно. Надеюсь и верю, что мне будет так же хорошо в Ясной, как и здесь. Жду от тебя письма. Целую тебя. Лев»¹.

Из письма Софьи Андреевны Толстой Л. Н. Толстому
1 сентября 1910 г. Ясная Поляна

«Мне нечего писать тебе хорошего, милый Левочка; **я чувствую себя все так же больной и несчастной.** Ничего не предпринимаю, потому что ничто не ладится, и ничего не готово для моей поездки в Москву. Болит голова, болит невралгически нерв под правой лопаткой, и даже писать больно, а ночью спать не дает.

[...] Мне здесь не хочется гулять, я больше дома, за своими делами. Я испортила себе впечатления прекрасного Кочетовского парка, поливая его две недели своими слезами и наполняя своими страданиями. Я не хочу того же делать с Ясной Поляной и вносить то же в те светлые, счастливые воспоминания моей долгой здесь жизни, когда я легкой походкой и с легким сердцем обходила счастливая и радостная все те места, которые в настоящее время при ярком, солнечном и лунном освещении так необыкновенно красивы.

С Сашей жили хорошо и дружно, но сегодня вечером она влетела в залу и, услышав мой разговор с Марьей Александровной (Шмидт. — В.Р.), с места начала на меня кричать, и своей обычной, резкой грубостью, к сожаленью, и во мне вызвала гнев. Произошел тяжелый разрыв, и я все-таки не могу согласиться испрашивать у дочери позволения, о чем мне беседовать с моими друзьями. Марья Александровна ходила ей выговаривать за ее выходку. Да ее уже не исправишь,

¹ Т. 84. С. 401, 402.

Л. Н. Толстой с дочерью Александрой Львовной
за роялем в зале яснополянского дома. 1907.
Фотография С. А. Толстой

натура не мягкая и не нежная. Но это обстоятельство только еще больше меня расстроило и сделало нездоровой.

Как ты живешь, здоров ли? Сколько поставил ремизов и сколько партий проиграл или выиграл в шахматы? Так и слышу ваши оживленные голоса в столовой. А у нас грустно, грустно! Но когда я одна, в своей комнате, и за работой, тогда лучше.

Ну, прощай, ты просил писать, вот и пишу, *не сочиняя*, а как вышло.

Твоя несчастная, одинокая жена»¹.

**Из письма Александры Львовны Толстой
(дочери Л. Н. Толстого) Л. Н. Толстому
1 сентября 1910 г. Ясная Поляна**

«Милый папенька. [...]

За эти сутки еще более убедилась, что мамá нормальна, **т. е. так же ненормальна, как была всегда**. Вчера вечером, говоря о дневниках и о том, что ты их прячешь, сказала: “Я не имею основания думать, что папá *от меня* запирает дневник, он ни разу мне прямо не сказал. 48 лет тому назад он дал мне право все читать, и я пользуюсь им до сих пор”. **Говорит спокойно, не волнуясь. По поводу твоего письма сказала, что ты написал для того, чтобы видаться с Чертковым, но что она, конечно, не успокоится.** И опять, и опять я думаю: ей, с ее точки зрения, нет надобности успокаиваться. В Москву мамá не едет, а, кажется, хочет ехать со мной в Кочеты. Это будет причиной оттянуть еще на день другой приезд к вам. [...] Целую тебя, Саша»².

**Из письма Александры Львовны Толстой Л. Н. Толстому
1 сентября 1910 г. Ясная Поляна**

«Милый папаша, [...] нынче вспомнила сказку, мудрую сказку о рыбаке и рыбке. [...] **А наша старуха все дальше**

¹ УЛТ. С. 470.

² Там же. С. 469.

и дальше получает все, что требует, и нет конца, прости меня за выражение, ее злomu самодурству.

Я убеждена, что при первом серьезном отпоре она **смирилась бы**, и наоборот, при дальнейшем достижении ею целей ее состояние будет все ухудшаться, пока не дойдет до ужасающих размеров. И тут-то я чувствую, что мне ужасно, ужасно тяжело.

[...] делается что-то не то, даже по-моему недоброе, не-хорошее дело — **поощрение самых ужасных поступков и даже преступлений**, то мне это невыносимо тяжело, и все с каждым днем тяжелее и тяжелее.

Имею ли я право, глупая, дрянная девчонка, писать тебе все это? Пишу, потому что привыкла говорить тебе все, что думаю, а не думать так тоже не могу. [...] Твоя дочь Саша»¹.

Из дневника
Льва Николаевича Толстого
1 сентября

Очень сильное впечатление контраста достойных уважения, сильных, разумных, трудящихся людей, находящихся в полной власти людей праздных, развращенных, стоящих на самой низкой степени развития — почти животных. Устал от них. Они все на границе безумия. Обед. Усталость, карты. [...] Хочу перестать играть во всякие игры.

Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
2 сентября

...получил очень дурное письмо от нее. **Те же подозрения, та же злоба**, то же **комическое**, если бы оно не было так ужасно и мне мучительно, **требование любви**.

Нынче в «Круге чтения» Шопенгауэра: «Как попытка **принудить к любви вызывает ненависть**, так...».

¹ УЛТ. С. 471.

Л. Н. Толстой в гостях у дочери Т. Л. Сухотиной в имении Кочеты. 1910.
Фотография Т. Тапселя. Слева направо: Т. Л. и М. С. Сухотины,
Е. П. Сухотина, Л. М. и С. М. Сухотины, П. Г. Дашкевич, Танечка Сухотина
с няней, слуга Сухотиных, В. Ф. Булгаков, Д. П. Маковицкий, В. Г. Чертков

Из «Круга чтения»

2 сентября

Веру, как любовь, нельзя вызвать насильно. Поэтому вводить ее или стараться утвердить государственными мероприятиями — дело рискованное, ибо, как попытка принудить к любви вызывает ненависть, так попытка принудить к вере вызывает неверие.

Шопенгауэр

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

2 сентября

«Занималась с утра работой над “Воскресением” для издания. Днем посылала за священником, который отслужил молебен с водосвятием. Прекрасные молитвы, кроме последней, “Победы государю императору” и проч. Не у места, рядом с молитвой о грехах, о смягчении сердец, об избавлении от бед и скорби, молить Бога о победе, т. е. убийстве людей»¹.

Из дневника Варвары Михайловны Феокритовой-Полевой

2 сентября

«Софья Андреевна вовсе не была верующая и религиозная; она не отрицала православия, но никогда и не соблюдала его, и у нее религии настоящей никогда и не было. И теперь, если она и вспомнила об одном обряде из православия, то вовсе не затем, чтобы искренно помолиться, а для того только, чтобы рассказать о Черткове священнику и повредить ему сколько возможно.

Служили молебен у нее в спальне, а потом кропили весь верх и в спальне, и в кабинете Льва Николаевича. Софья Андреевна потом призналась, что она все рассказала о Черткове, и что священник был поражен его поступками и грубостью и жалел ее»².

¹ Т. 2. С. 195.

² ОР ГМТ.

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
3 и 4 сентября**

Приехала Саша. Привезла дурные вести. Все то же. Софья Андреевна пишет, что приедет. **Сжигает портреты, служит молебен в доме.** Когда один, готовлюсь быть с ней тверд и как будто могу, **а с ней ослабеваю.** Буду стараться помнить, что она больная.

Нынче 4-го была тоска, хотелось умереть и хочется.

**Из дневника Льва Николаевича Толстого
4 сентября**

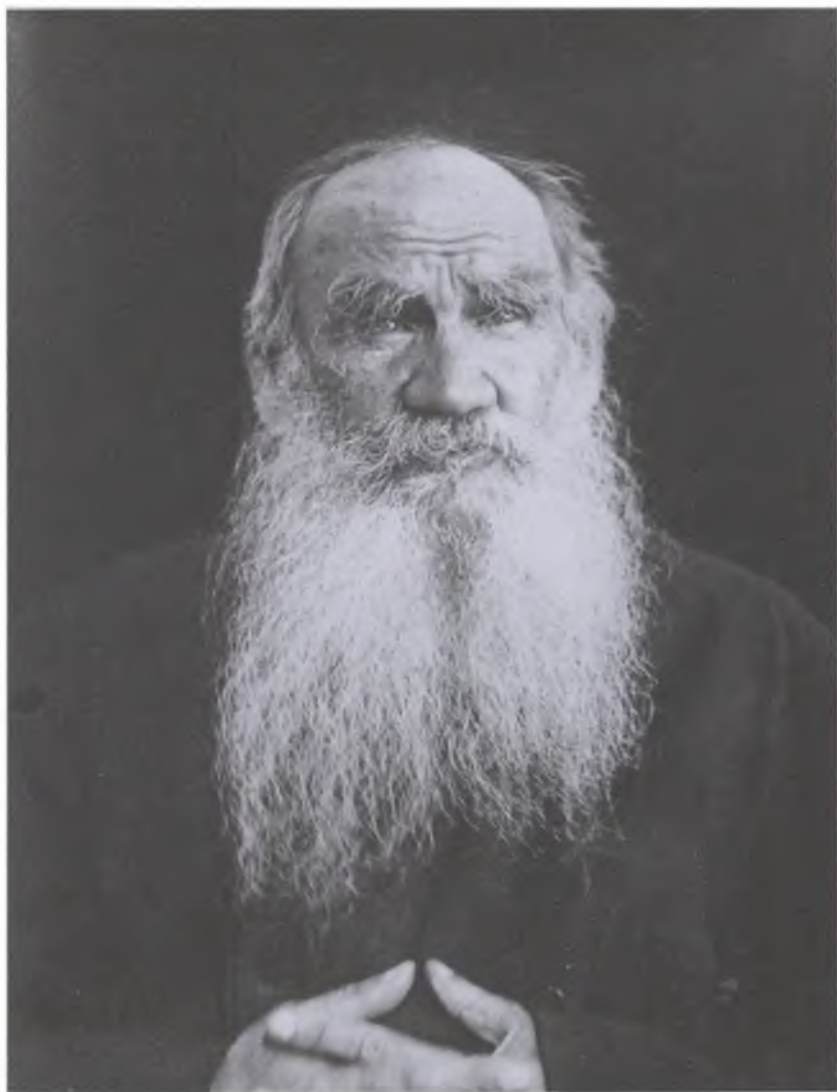
Понятие греха и совершение поступков и воздержание от поступков, не ради выгоды или славы людской, **а ради страха греха, есть необходимое условие истинно человеческой, разумной, доброй жизни.** Люди, живущие без понятия греха и без воздержания от него, живут одной животной жизнью. И так живут все так называемые просвещенные люди (курсив Л. Н. Толстого. — В. Р.).

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
5, 6, 7, 8 сентября**

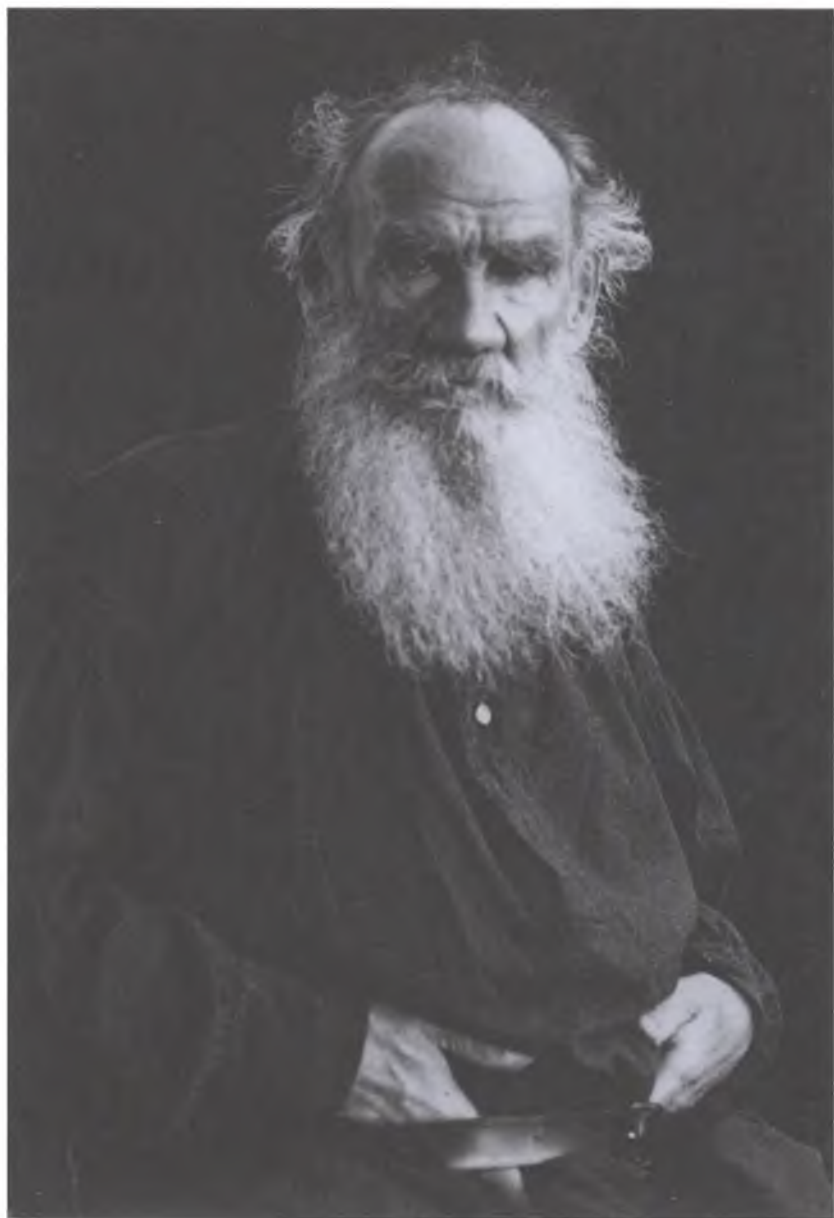
Приехала Софья Андреевна (из Ясной Поляны в Кочеты. — В. Р.). Очень говорлива, но сначала ничего не было тяжелого, **но с вчерашнего дня началось, намеки, отыскивание предлогов осуждения.** Очень тяжело. Нынче утром прибежала, чтобы рассказать гадость про Зосю (С. А. Стахович. — В. Р.). Держусь и буду держаться, **сколько могу, и жалеть, и любить ее. Помоги, Бог.**

**Из дневника Льва Николаевича Толстого
8 сентября**

Только написал письма: одно Индусу, одно о непротивлении русскому. **Софья Андреевна становится все раздражительнее**

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 1910.
Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. Толстой. 1906. Ясная Поляна.
Фотография В. Г. Черткова

и раздражительнее. Тяжело. Но держусь. **Не могу еще дойти до того, чтобы делать, что должно, спокойно.** Боюсь ожидаемого письма Черткова. [...]

Получил письмо от Черткова и Софья Андреевна его письмо. Еще перед этим был тяжелый разговор о моем отъезде (из Кочетов в Ясную Поляну. — В.Р.). **Я отстоял свою свободу.** Поеду, когда я (курсив Л.Н. Толстого. — В.Р.) захочу. Очень грустно, разумеется, потому, что я плох.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой 8 сентября

«Приехала в Кочеты более спокойная, а теперь опять все сначала. [...] Когда я днем решила наконец спросить Льва Ник-а, *когда он вернется домой*, он страшно рассердился, начал на меня кричать, некрасиво махать руками с злыми жестами и злым голосом, **говоря о какой-то свободе.** В довершение всего злобно прибавил, что раскаивается в обещании мне не видеть Черткова. Я поняла, что *все* в этом раскаянии. **Он мстит мне за это обещание и будет еще долго и упорно мстить.** Вина моя на этот раз была только в том, что я спросила о *приблизительном* сроке возвращения Л.Н. домой.

Конечно, **я не обедала, рыдала, лежала весь день, решила уехать**, чтоб не навязывать себя в огорченном состоянии всей семье Сухотиных. Но я почувствовала, как **безжалостно и упорно Лев Ник. содействовал моему нервному нездоровью** и моей все более и более ускорявшейся смерти, и это приводило меня в отчаяние. Я только одного желала — **отвратить мое сердце, мою любовь от мужа, чтоб так не страдать.** Получила письмо от Черткова: лживое, фарисейское письмо, в котором ясна его цель примирения, для того чтоб я его опять пустила в дом»¹.

¹ Т. 2. С. 198.

**Из письма Владимира Григорьевича Черткова
Л.Н. Толстому**

9 сентября 1910 г. Ясенки Тульской губ.

«Дай Бог также, чтобы вы не вернулись пока в Ясную, а остались в Кочетах, пока вам возможно там жить. Это не только лучше для вас самих, но и гораздо лучше для Софьи Андреевны, как все, что накладывает на нее малейшее стеснение.

Думал о том, что мне вполне понятно, что вам хорошо и спокойно на душе, когда вы ей уступаете; и что вам лично менее радостно на душе, когда в чем-либо ей отказываете. Но значит ли это, что чем больше уступать, тем лучше? Так можно ради собственного удовольствия, причинять ей большой вред и вместо того, чтобы помогать ей овладеть собою, толкать ее еще дальше вниз под гору. [...] хочу умолять вас Христом Богом, из любви к ней, **не возвращаться в Ясную как можно дольше, а то и никогда»¹.**

Из дневника Льва Николаевича Толстого

9 сентября

Жив, но плох. С утра началось раздражение, болезненное. Я же не совсем здоров и слаб. Говорил от всей души, но очевидно, ничего не было принято. Очень тяжело. Понемногу два раза ходил по парку. Вечером играл в карты. **Скучно, дурно, а иногда странное чувство чего-то нового.** Ложусь поздно, усталый.

10 сентября

Встал рано. Мало спал, но свежее вчерашнего. **Софья Андреевна все также раздражена. Очень тяжело.** Ездил с Душаном немного верхом. Хорошее письмо от крестьянина о вере. Отвечал. И очень хорошее от Итальянца в Риме о моем мировоззрении. Софья Андреевна второй день ничего не ест. Сейчас обедают. Иду просить ее пойти обедать. **Страшные сцены целый вечер.**

¹ ОР ГМТ.

Перед уходом. «Я отстоял свою свободу»

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 1908.
Фотография С. А. Баранова

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
10 сентября**

Вчера 9-го целый день была в истерике, ничего не ела, плакала. **Была очень жалка.** Но никакие убеждения и рассуждения неприемлемы. Я кое-что высказал и, слава Богу, без дурного чувства, и она приняла, как обыкновенно, не понимая. **Я сам вчера был плох — мрачен, уныл.** Она получила письмо Черткова и отвечала ему. От Гольденвейзера письмо с выпиской В.М., ужаснувшей меня.

Нынче 10-го все то же. Ничего не ест. Я вошел. Сейчас укоры и о Саше, и что ей надо в Крым. **Утром думал, что не выдержу, и придется уехать от нее. С ней нет жизни. Одна мука.** Так ей и сказал: мое горе то, что я не могу быть равнодушен.

**Из комментариев
Николая Сергеевича Родионова**

«В.М. Феокритова подробно записала слова С.А. Толстой, сказанные в присутствии М.А. Шмидт и ее, относительно своих планов на писания Толстого после его смерти. Планы эти состояли в том, что если Лев Николаевич умрет, не оставив никакого нотариального завещания, то Софья Андреевна будет сейчас же издавать все. Цитируем дальше слова С.А. Толстой по записи В.М. Феокритовой от 4 сентября.

“Если бы даже он и оставил все Черткову или на общую пользу, то я неизданные сочинения все равно не отдам, ведь там годов нет. Когда было что написано — поди угадай. Мне все поверят, что они были написаны до 81 года. Да, положим, все равно, мы ведь завещания не оставим без оспаривания, ни я, ни сыновья, ведь у нас аргумент очень сильный, **мы докажем, что он был слаб умом последнее время**, что с ним часто делались обмороки, ведь это правда, и все это знают, и докажем, что в минуту слабости умственной его и заставили написать Завещание, а что он сам никогда не хотел обижать своих детей”.

По поводу этого письма с выпиской из Дневника В. М. Фео-
критовой. Толстой писал 21 октября А. Б. Гольденвейзеру
(см. т. 82). «Напрасно вы думаете, милый Александр Борисович,
что ваше сообщение было мне неприятно. Как ни тяжело знать
все это и знать, что столько чужих людей знают про это, знать
это мне полезно. Хотя в том, что пишет Варвара Михайловна
и что вы думаете об этом, есть большое преувеличение в дур-
ную сторону, недопущение и болезненного состояния и пере-
мешивания добрых чувств с нехорошими»¹.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

11 сентября

К вечеру начались сцены беганья в сад, слезы, крики.
Даже до того, что, когда я вышел за ней в сад, она закричала:
это зверь, убийца, не могу видеть его, и убежала нани-
мать телегу и сейчас уезжать. И так целый вечер. Когда же
я вышел из себя и сказал ей *son fait* (всю правду. — *В. Р.*), она
вдруг сделалась здорова, и так и нынче 11-го. **Говорить с ней**
невозможно, потому что, во-первых, для нее не обязательна
ни логика, ни правда, ни правдивая передача слов, которые ей
говорят или которые она говорит. **Очень становлюсь близок**
к тому, чтобы убежать. Здоровье нехорошо стало.

12 сентября

Софья Андреевна после страшных сцен уехала (**отъезд**
С. А. Толстой из Кочетов в Ясную Поляну. — *В. Р.*). Понемногу
успокаиваюсь.

Из письма Татьяны Львовны Сухотиной С. А. Толстой

14 сентября 1910 г. Кочеты

«[...] **Бедная тетя Таня!** (Кузминская Т. А., родная сестра
С. А. Толстой. — *В. Р.*) Сколько у нее горя в жизни, сколько она
тяжелого перенесла и не впала в отчаяние. Что она выносила

¹ Т. 58. С. 597, 598.

Т. А. Кузминская с сыном Дмитрием в Ясной Поляне. Август 1901 г.
Фотография С. А. Толстой

всю жизнь от дяди Саши: тяжелый сухой характер, скупость, измены (по словам людей), дети вышли почти все неудачны, а она все не только терпит, но всегда всех покрывает. В детях внушала уважение и послушание отцу.

А вы с таким мужем, как папá, ухитряетесь считать себя несчастной и стараетесь всем внушить, что нет тех низких и дурных сторон, которых бы в папá не было. И этим вы больше всего отдаляете от себя людей: **ведь никто из-за ваших слов не поверит, что папá изверг, а всякий постарается во второй раз этого не услышать, потому что дурное слушать о ком бы то ни было тяжело, а о любимом и близком человеке — невыносимо.** И когда вы спрашиваете, что вы нам всем сделали, то самое тяжелое именно это. И самое непонятное: как не радоваться разлуке с таким человеком? Ваша Таня»¹.

**Из дневника
Льва Николаевича Толстого
15 сентября**

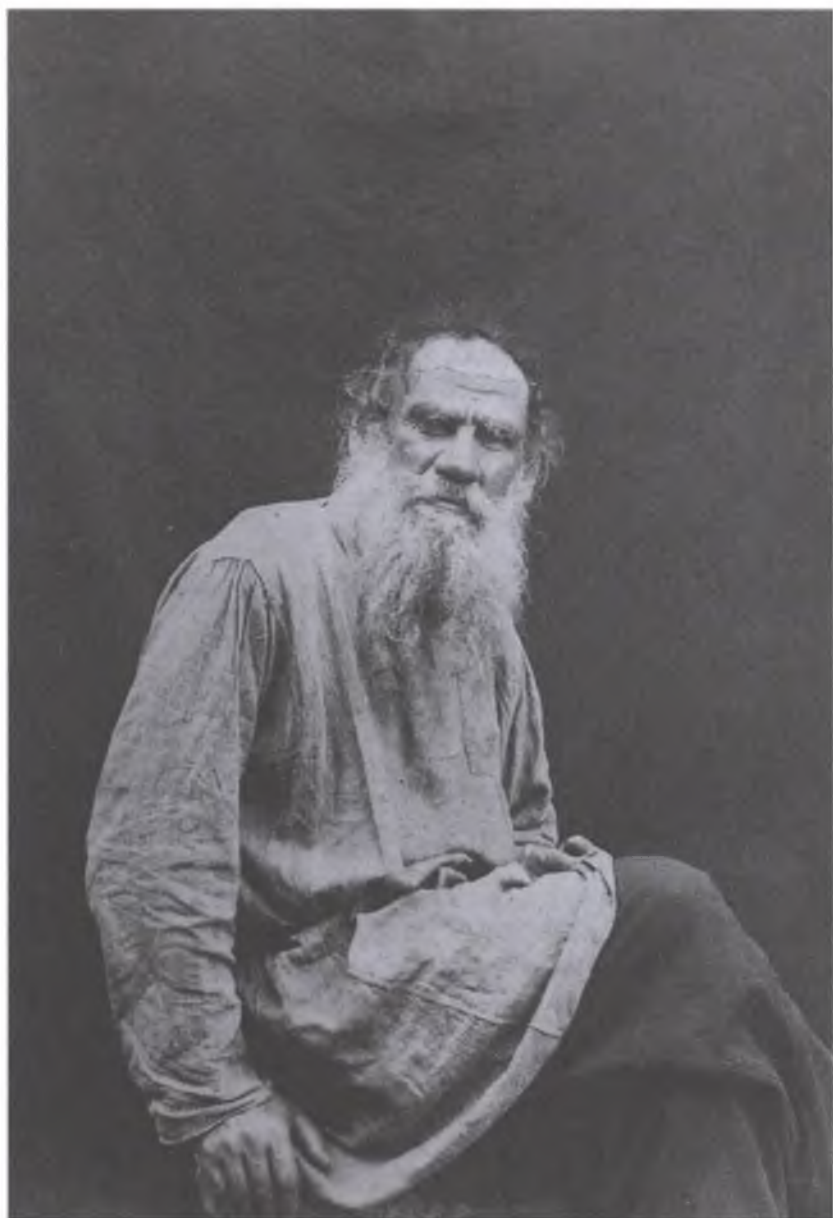
[...] 6) Материнство для женщины *не есть высшее призвание.*
7) Самый глупый человек это тот, который думает, что все понимает. Это особый тип [...] 10) **Не могу привыкнуть смотреть на ее слова, как на бред.** От этого вся моя беда.

Нельзя говорить с ней, потому что для нее **не обязательна ни логика, ни правда, ни сказанные ею же слова, ни совесть — это ужасно.**

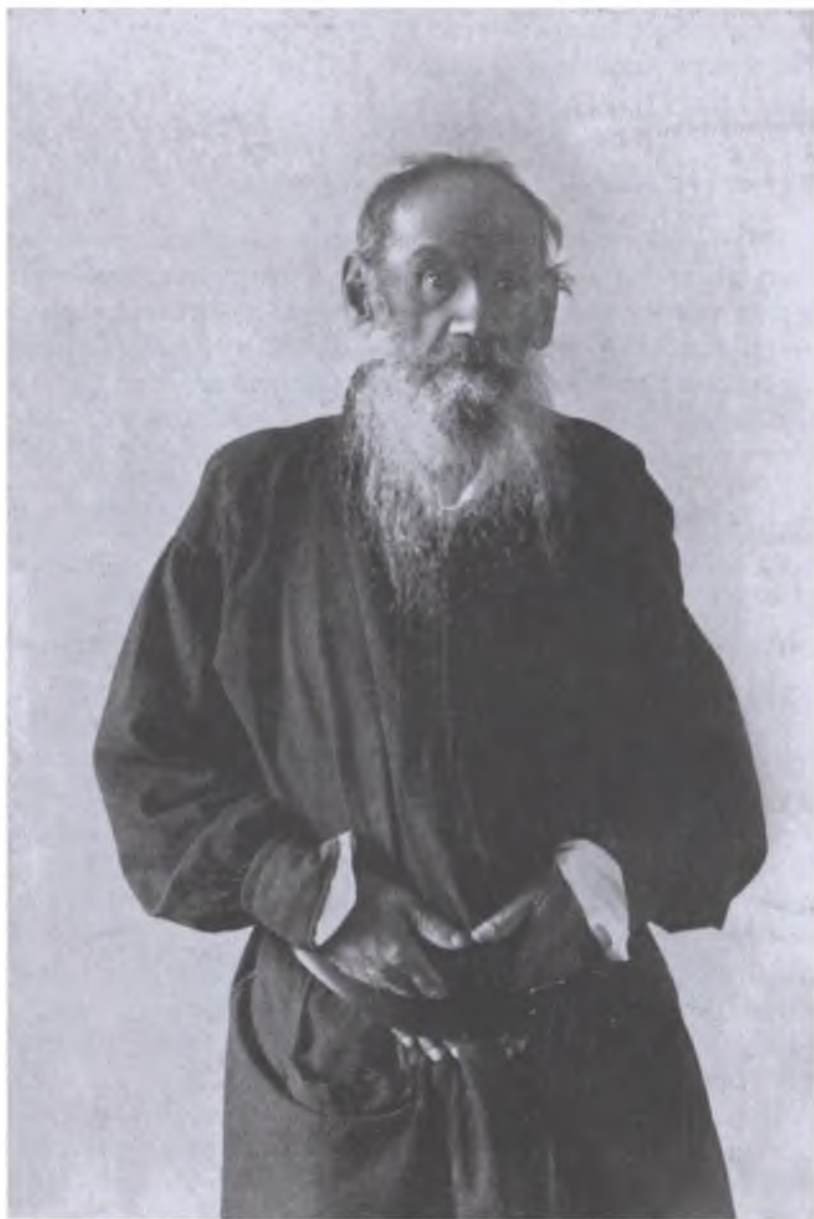
11) **Не говоря уже о любви ко мне, которой нет и следа, ей не нужна и моя любовь к ней, ей нужно одно: чтобы люди думали, что я люблю ее** (курсив Л. Н. Толстого. — В. Р.). **Вот это-то и ужасно.**

12) Одно и только одно, мы (...) несомненно знаем, это одно единственно несомненно и прежде всего известное нам есть наше «я», наша душа, т. е. та бестелесная сила, которая связана с нашим телом. А потому и всякое определение чего бы то ни

¹ УЛТ. С. 482, 483.

Л. Н. Толстой. Хутор Русаново Тульской губ. 1891.
Фотография Е. С. Томашевича

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 9 октября 1902 г.
Фотография фирмы «Шерер и Набгольц»

было в жизни, всякое знание в основе своей имеет это одно, общее всем людям знание.

Из «Дневника для одного себя» Льва Николаевича Толстого

16–17 сентября

Но письма из Ясной ужасные. Тяжело то, что в числе ее безумных мыслей есть и мысль о том, чтобы выставить меня ослабевшим умом и потому сделать недействительным мое завещание, если есть таковое. Кроме того, все те же рассказы обо мне и признания в ненависти ко мне. Получил письмо от Черткова, подтверждающее советы всех о твердости и мое решение. Не знаю, выдержу ли.

Нынче ночь 17-го

Хочу вернуться в Ясную 22-го.

Из письма Льва Николаевича Толстого В.Г. Черткову

16 сентября 1910 г. Кочеты

«Пишу вам, милый друг, чтоб сказать, что я все по-прежнему в среднем и телесно и духовно состоянии. Стараюсь смотреть на мои тяжелые, скорее трудные отношения с Софьей Андреевной, как на испытание, нужное мне, и которое от меня зависит обратить себе в благо, но редко достигаю этого. Одно скажу, что в последнее время **«не мозгами, а боками»**, как говорят крестьяне, дошел до того, что **ясно понял границу между противлением — деланием зло за зло, и противлением неуступания в той своей деятельности, которую признаешь своим долгом перед своей совестью и Богом. [...]**

Мне тоже очень хочется видиться с вами, и я, хотя и не знаю как, но, думаю, устрою это, когда приеду. И, разумеется, объявив об этом тем, кому это неприятно. [...]»¹.

¹ Свидание Толстого с Чертковым состоялось лишь 7 октября. — В.Р. Т. 89. С. 213, 214.

Перед уходом. «Я отстоял свою свободу»

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков во время прогулки. 1910.
Фотография Т. Тапселя

Письмо Софьи Андреевны Толстой В.Г. Черткову
11–18 сентября 1910 г. Кочеты — Ясная Поляна

«Владимир Григорьевич,

Перемена, происшедшая во мне к вам, произошла, хотя и из старых источников, но теперь, действительно, с пребывания Льва Николаевича у вас. Причина первая та, что вы повлияли и удержали Льва Николаевича для цыганаскрипача, когда я, заболев, умоляла его приехать, а он с вами вместе телеграфировал, что *удобнее* приехать позднее. В слове “удобнее” я поняла ваш стиль и ваше влияние, так как Лев Николаевич потом говорил: “я чувствовал, что надо было ехать утром”. *На мои упреки он уверял меня, что он чувствует ко мне все самое доброе и любовное, и покажет мне в дневнике, как он хорошо обо мне писал. Он сделал движение, чтоб достать дневники, их не нашел и смутился, вероятно, забыв о их похищении*¹. Тогда он повел меня к Саше спросить ее, не знает ли она где они? И Саша солгала, и Лев Николаевич должен был признаться, что они у вас. Вы видели, как меня огорчило и смутило это обстоятельство. Я не могу отделить от себя мужа, с которым прожила почти полвека. Его дневники — это святая святых его жизни, следовательно, и моей с ним, это отражение его души, которую я привыкла чувствовать и любить, и они не должны быть в руках постороннего человека. А между тем тайно от меня они были увезены присланными вами людьми и находились у вас в деревянных помещениях с риском пожара или обыска, и так долго, что можно бы их десять раз переписать, а не только производить разные работы. Когда я в добром и горячем письме просила вас их возвратить, вы резко отказали и выставили неблагоприятные мотивы, что я боюсь, что посредством дневников вы будете меня и детей моих *обличать*, и злобно прибавили, что “если б я хотел, то давно имел возможность *напакостить* вам

¹ Здесь и далее жирным курсивом выделен текст, подчеркнутый графитным карандашом, вероятно, В.Г. Чертковым. — Это примечание принадлежит Ю. Ядовкер; выделение курсивом принадлежит С. А. Толстой, жирным шрифтом — мне. — В.Р.

С. А. Толстая с внучкой Соней (Андреевной) Толстой. 1903–1904 гг.
Фотография С. А. Толстой

и вашим детям, и если я этого не сделал, то только из любви к Льву Николаевичу”.

Понять эти слова превратно, как вы пишете, невозможно, все ясно, — и не так уж я глупа! Все прежние дневники у меня в музее, естественно, было мне желать взять и последние. Но вы зло и упорно отказывали, а Лев Николаевич своей слабой волей подчинялся вам, и, наконец, вы сказали, что от такой жены вы или убежали бы в Америку, или застрелились. Потом, сходя с лестницы, вы сказали во всеуслышание сыну моему Льву: “Не понимаю такой женщины, которая всю жизнь занимается убийством своего мужа!”

Зачем же вам теперь искать общения с убийцей?

Вы вступили со мной в борьбу за дневники, и увидали, что борьба не равная, и озлились на меня. *И тогда я совершенно искренно поставила вопрос так: или моя жизнь, или дневники будут отданы мне. Лев Николаевич понял, что я, несомненно, исполню свою угрозу, и обещал отдать мне дневники, но испугался вас и отдал их не мне, а положил в банк.* Если вы хотите быть добросовестны, вы должны были слышать, как он мне сказал после вашей расписки о возвращении дневников, на мою просьбу написать мне свое обещание отдать дневники: “Какие расписки жене, обещал и отдам”. И не отдал, а дал Тане положить их в банк.

Две недели борьбы за дневники усилили мое нервное тяжелое состояние. Если б вы не уперлись с самого начала так злобно, ничего тяжелого не произошло бы, и все было бы по-старому. (Вот и *непротивление* ваше все сразу рушилось!)

Отдали бы хотя Льву Николаевичу сразу дневники, брали бы по одной тетради для работ и по мере окончания возвращали бы, и я успокоилась бы.

Странные и весьма неблагородные ваши предположения, что какие-то мистические лица имели на меня вредное влияние по отношению к вам. Правда, я редко встречала кого-либо, кто, помимо корысти, любил бы вас. Но я уже стара и у меня слишком независимый характер, чтоб я подчинялась мнению и влиянию людей. Слово *наговоры* напоминает сплетни

Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков у «дерева бедных» в Ясной Поляне. 1905.
Фотография А.Л. Толстой и В.Г. Черткова

дворовых людей и прислуги. В своем письме вы обходите все главные вопросы, которые я ставлю ясно и правдиво, и вы все говорите о недоразумениях. Это прием фарисейский. Недоразумения надо честно выяснять. Вы пишете, что готовы это всегда делать. Но вспомните, например, сколько раз я просила вас сказать мне, как вы распорядились с бумагами и рукописями Льва Николаевича после вашей смерти, и вы всегда злобно мне в этом отказывали. Вы правды и ясности не любите. А разве не естественно знать это жене — не для корысти, как вы это часто подозревали, что меня крайне возмущало, так как вы меня, конечно, и переживаете — а просто из любви к мужу, умственной жизнью которого и сочинениями которого я привыкла интересоваться.

Озлобление сыновей, если оно есть, — на той же почве. Вы издавали сочинения Льва Николаевича, в этом ваша заслуга. Но почему же вы постоянно отбираете его *рукописи*? В этом *ваша* корысть, а не моя. Вы скажете, что он сам их отдает. И вот в этом-то и во многом другом я усмотрела ваше все возрастающее влияние на все больше и больше ослабевающего волей старого и уже мало интересующегося земными делами человека. Вы поработили его своим деспотическим характером (в чем, т.е. в деспотизме, согласилась со мной и ваша мать).

Дурное и тяжелое влияние ваше и крайнее пристрастие к вам моего мужа отдалили его от меня. Вы стали между нами. Если б раньше при нем кто-нибудь так оскорбил его жену, как оскорбили вы меня (это, верно, по-христиански и по-дружески), то муж мой, вероятно, энергично расправился бы с таким грубым человеком. И вот не то, что вы такой невоспитанный, что могли до такой степени забыть, а то отношение к этому Льва Николаевича крайне возмутило меня. Он, боясь вас, продолжать с вами обниматься и видаться с вами по два раза в день, приветливо встречая вас. Я не могла этого выносить, и как вы могли заметить, — после того как я видела это и у меня открылись глаза на это слабое и пристрастное отношение к чужому, постороннему лицу, — я не могла уже вас видеть и возненавидела

Перед уходом. «Я отстоял свою свободу»

Л. Н. и С. А. Толстые.
Ясная Поляна. 1895.
Фотография С. А. Толстой

Ванечка Толстой, младший сын
Л. Н. и С. А. Толстых, умерший
в 7 лет. Москва. Зима 1893—1894 гг.
Фотография М. А. Шиндлера
и А. И. Мея под фирмою «Шерер,
Набгольц и Ко»

вас. Поднялась у меня гордость не за себя лично, я слишком презираю такую низкую грубость, а за жену Толстого, за свое положение честной женщины, бабушки 25-ти внуков. А главное, я вдруг поняла, почему Лев Николаевич ко мне относится недобро, сухо, чуждо, чего никогда не было, и это убивает меня. Вы внушаете ему, что от такой жены надо бежать или стреляться. И вы первый в моей жизни осмелились сделать эту несправедливость.

О каких еще ненормальных подозрениях вы говорите, я не знаю, не хочу ни знать, ни понимать. Я вам никогда ничего подобного не выражала, и если есть люди с нечистым воображением, толкующие мои мысли и чувства по-своему, я в них не ответственна.

Подозрительность во мне явилась исключительно потому, что последнее время все от меня скрывалось: разговоры, свиданья, дневники, письма, тайная передача каких-то бумаг в сообщинстве дочери Саши и разных ваших секретарей, чего прежде никогда не было в долгое время моего замужества. Если так усердно все от меня скрывают, то есть что скрывать, и невольно возбуждает страх и подозрение.

То, что я пережила в эти почти три месяца, не может сравниться ни с какими страданиями во всей моей жизни. Смерть Ванички (последний ребенок С.А. и Л.Н. Толстых. — В.Р.) **я легче пережила, потому что в ней была воля Божья.** В отнятии же у меня любви Льва Николаевича и во вмешательстве постороннего человека в нашу супружескую, любовную жизнь я чувствую волю злую. Вы сами пишете, что и раньше я это усматривала. Между нами никогда никого не было — и не будет. **Я поставила Льву Николаевичу категорично выбор: или вы, или я. Он избрал пока последнее и обещал мне: 1) с вами не видаться, 2) дневников вам не давать и 3) не разрешать фотографий с него.**

Мое отчаяние доведено до такой степени, что если я не лишила себя жизни, то потому, что не хочу, уйдя из жизни, уступить вам моего мужа. Пусть посылает вам свои бумажки, которые вы так старательно у него отбираете, это

Сестры С. А. Толстая и Т. А. Кузминская. Ясная Поляна. Август 1901 г.
Фотография С. А. Толстой

дело его. Но если Лев Николаевич не сдержит своих обещаний, я уеду от него, это навверное. Я не могу больше жить с такими страданиями, которые испытывала все это время, и вы не вправе это нам причинять.

Цель вашего якобы доброго письма мне уже слишком ясна и очень наивна: вы хотите возобновить свои отношения личные с Львом Николаевичем. Это и понятно. Всякое расположение людей лестно, а тем более такого человека. Но он без вас теперь жил в Кочетах весело и спокойно, смеялся, шутил, играл в шахматы и в винт почти ежедневно до 12-го часа ночи и совсем не имел вид страдающего, как вы пишете, а напротив, гораздо более радостного, чем под вашим гнетом. Почему же и в Ясной Поляне не быть тому же, как было всегда без вас? Недолго нам осталось жить на свете, и пусть мы кончим последние дни нашей жизни в том же общении без посторонних влияний, в каком мы начали нашу молодую супружескую жизнь.

Как могу я измениться, если мотивы моих страданий останутся те же? Если вы можете быть справедливы, вы должны признать, что лично вам я никогда не сказала ни одного неучтеного слова и никогда не позволяла себе вмешиваться в ваши семейные и личные дела, не внушая ни вам, ни вашей жене, застрелилась бы я от таких супругов?

И это письмо вызвано вами. Я считала между нами все оконченным навсегда и вас в жизни нашей — совсем лишним.

Извините за мой искренний и правдивый ответ. Другого я дать не могла — все было бы ложью, которую я ненавижу.

Не знаю, что я буду думать, чувствовать и делать со временем. Но пока я еще больна и разбита и душой и телом от всего пережитого, чему причиной вы и мой муж отчасти. До вашего вмешательства в мою семью — ничего подобного в моей жизни не было, что произошло теперь, и, надеюсь, не будет после вашего удаления из личных отношений с моим мужем.

Вот и все! Софья Толстая»¹.

¹ УЛТ. С. 490–492.

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

22 сентября. Утро

Еду в Ясную, и ужас берет при мысли о том, что меня ожидает. Только *fais ce que doit...* («делай, что должно». — В.Р.). А главное, молчать и помнить, что в ней душа — Бог.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

22 сентября

Опять мало спал и возбужден. [...]

Нигде, как в деревне, в помещичьей усадьбе не видна так ясно вся греховность жизни богатых.

Ясная Поляна. Проехали очень хорошо. [...] Дома застал Софью Андреевну раздраженной: упреки, слезы. Я молчал.

23 сентября

[48-Я ГОДОВЩИНА СВАДЬБЫ Л.Н. ТОЛСТОГО И С.А. ТОЛСТОЙ. — В.Р.]

Нынче с утра Софья Андреевна ушла куда-то; потом в слезах. Было очень тяжело. Куча писем. Есть интересные. Саша раздражена и не права (возражала против фотографирования супругов. — В.Р.). [...] Ложусь, 12 часов. **Избегаю пасьянсы, хочу избегать игры.** Жизнь только в настоящем.

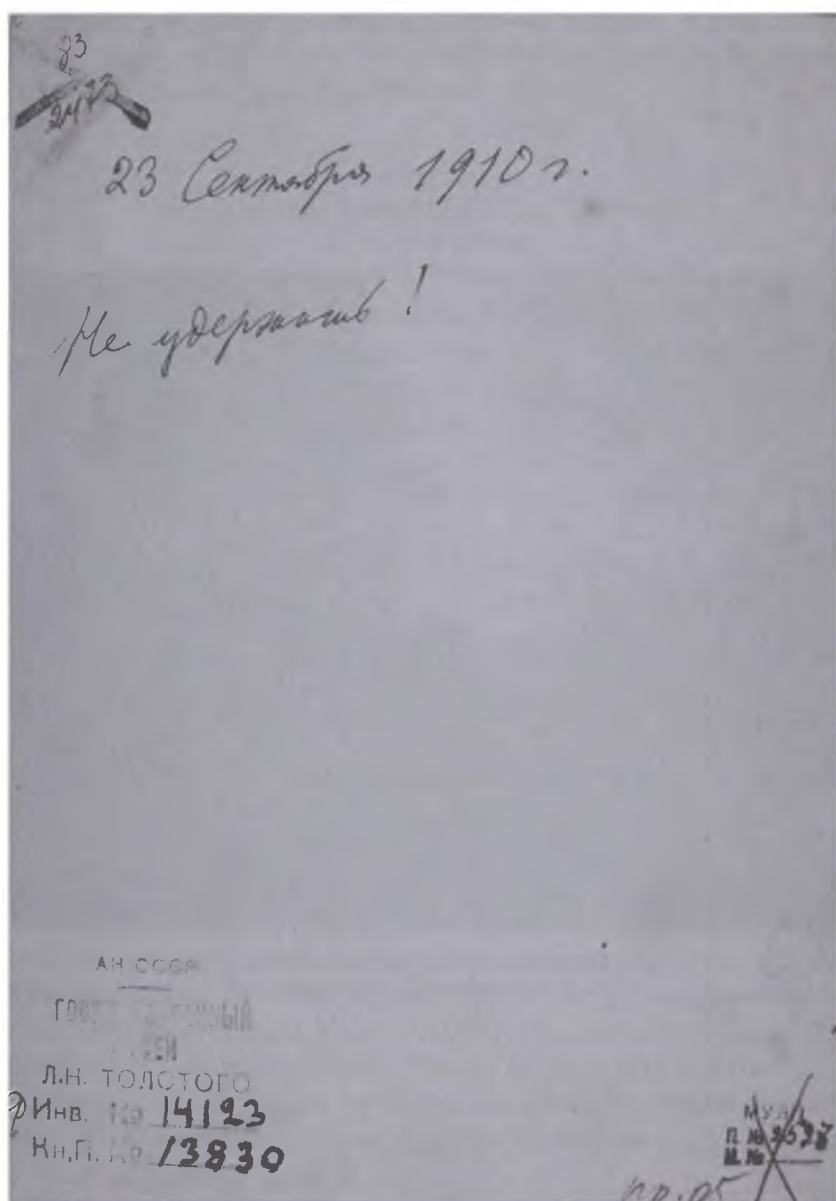
Из дневника Софьи Андреевны Толстой

23 сентября

«Ну вот и свадебный день. Я долго не выходила из своей комнаты и проплакала одна в своей комнате. Хотела было пойти к мужу, но, отворив дверь, услышала, что он что-то диктует Булгакову, и ушла бродить по Ясной Поляне, вспоминая счастливые времена, — не очень их было много — моей 48-летней брачной жизни. **Просила потом Льва Ник-а позволить нас фотографировать вместе.** Он согласился, но фотография вышла плохая, — неопытный Булгаков не сумел снять.

Л.Н. и С.А. Толстые в 48-ю годовщину их свадьбы. 23 сентября 1910 г.
Ясная Поляна. Фотография С.А. Толстой

На обороте автограф С.А. Толстой:
«23 сентября 1910 г. Не удержаться!»

Окрестности Ясной Поляны. Б/г.
Фотография В.Г. Черткова

К вечеру Л.Н. стал как-то мягче и добрее, и мне стало легче на душе. Почувствовала некоторое успокоение, точно я действительно нашла вновь свою *половину*»¹.

Из письма
Владимира Григорьевича Черткова
Л.Н. Толстому

24 сентября 1910 г. Ясенки Тульской губ.

«Дорогой друг Лев Николаевич, с вашим возвращением в Ясную меня, мою душу занимает не столько уродливая неестественность нашей искусственной разлуки на таком близком расстоянии, [...] сколько беспокоит ее, мою душу, то, что в связи со мною, вы дали себя втянуть, разумеется, бессознательно и желая только хорошего, в двусмысленное и даже не вполне правдивое положение. [...]

Вы в связи со мною, дали Софье Андреевне несколько определенных обещаний. [...] Софья же Андреевна, которой вы дали эти обещания, естественно, считает вас связанными ими, и будет, вполне основательно считать вас связанными до самого того времени, когда вы ей заявите, что берете назад ваши обещания, как ошибку, о которой теперь жалеете. [...]

Так что, если у вас не хватит решимости развязать обещания, данные вами в связи со мной третьему лицу, то, мне кажется лучше нам ждать, пока созреет у вас эта решимость. А в противном случае, **лучше никогда не видаться лицом к лицу, нежели видаться при таких фальшивых, недостойных наших отношений условиях, при которых самая святость этих отношений как бы отдается на поругание** и при которых встречи наши будут происходить не тогда, когда угодно нашей душе и нашему Богу, а когда угодно другому, такому же, как мы с вами, не более, как *человеческому* существу, которому вы сами добровольно и сознательно вручили эту власть над собою [...]»².

¹ Т. 2. С. 202.

² УЛТ. С. 495, 496.

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
24 сентября [Ясная Поляна]**

Потерял маленький дневник. Пишу здесь. Начало дня было спокойно. Но за завтраком начался разговор о «Детской мудрости», что Чертков, коллекционер, собрал. Куда он денет рукописи после моей смерти? Я немного горячо попросил оставить меня в покое. Казалось, ничего. Но после обеда начались упреки, что я кричал на нее, что мне бы надо пожалеть ее. Я молчал. Она ушла к себе, и теперь 11-й час, она не выходит, и мне тяжело. От Черткова письмо с упреками и обличениями. **Они разрывают меня на части. Иногда думается: уйти ото всех.** Оказывается, она спала и вышла спокойная. Я лег после 12-ти.

25 сентября

Проснулся рано, написал письмо Черткову. Надеюсь, что он примет его, как я прошу. Сейчас одеваюсь. **Да, все дело мое с Богом, и надо быть одному. Опять просьба стоять для фотографии в позе любящих супругов.** Я согласился, и все время стыдно. Саша рассердилась ужасно. Мне было больно. Вечером я позвал ее и сказал: мне не нужна твоя стенография, но твоя любовь. И мы оба хорошо, целуясь, поплакали.

**Из дневника Льва Николаевича Толстого
26 сентября**

Дурно спал, дурные сны. **Встав, перевесил портреты по местам;** ходил. Начал писать Чешским юношам, продолжал заниматься книжками Для Души. [...] Поехал верхом с Душаном. Вернувшись, застал Софью Андреевну в волнении. **Она сожгла портрет Черткова.** Я было начал говорить, но замолчал — невозможно понять. [...] Я очень устал. Софья Андреевна пыталась опять говорить. Я отмалчивался. Сказал только до обеда то, что **она перевесила в моей комнате мои**

Л.Н. Толстой на прогулке около реки Воронки. 1908.
Фотография В.Г. Черткова

Л. Н. Толстой в кабинете яснополянского дома. 1909.
Фотография В. Г. Черткова

В. Г. Чертков. 1909. Телятинки.
Фотография Т. Тапселя

портреты, потом сожгла портрет моего друга, и я оказываюсь виноват во всем этом. Продолжение дня было то, что Саша с Варварой Михайловной вернулись по вызову Марьи Александровны. Софья Андреевна встретила их бурно, так что Саша решила уехать.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

26 сентября

«С утра все было мирно и хорошо. [...] Проходя через кабинет Льва Н-а, **я увидела, что портрет Черткова**, который я в отсутствие Л. Н. перевесила на дальнюю стенку, заменив его портретом отца Л. Н-а, — **снова повешен над головою и креслом Льва Н-а, в котором он всегда сидит.** Мне тяжело было видеть портрет этого ненавистного мне человека ежедневно над Льв. Н-чем, когда я по утрам приходила с ним здороваться; я и удалила его. То, что Лев Ник. восстановил его на прежнее место, привело меня опять в страшное отчаяние. Не видая его, он не мог расстаться с его портретом. **Я сняла его, изорвала на мелкие части и бросила в клозет. Разумеется, Лев Ник. рассердился, справедливо упрекал меня в лишении свободы** (он теперь вдруг на этом помешался), о которой всю жизнь не только не заботился, но и не думал. **К чему свобода, когда мы всю жизнь любили друг друга и старались сделать все приятное и радостное друг для друга.**

Опять я пришла в безумное отчаяние, опять поднялась ревность к Черткову самая едкая, и опять я поплакалась до изнеможения и головной боли. **Думала о самоубийстве, думала, что надо убрать себя из жизни Льва Ник. и дать ему желанную свободу.** Я пошла в свою комнату, достала фальшивый пистолет, и, думая приобрести себе настоящий, попробовала выстрелить из пугача. Потом, когда Лев Ник. вернулся с верховой езды, я выстрелила и вторично, но он не слышал»¹.

¹ Т. 2. С. 203.

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого**

26 сентября

Опять сцены из-за того, что я повесил портреты, как были. Я начал говорить, что *невозможно так жить. И она поняла.* Душан говорил, что она **стреляла из детского пистолета, чтобы испутать меня.** Я не испугался и не ходил к ней. И действительно, лучше. Но очень, очень трудно. Помогите, Господи.

27 сентября

Как комично то противоположение, в котором я живу, в котором без ложной скромности: **вынашиваю и высказываю самые важные, значительные мысли, и рядом с этим: борьба и участие в женских капризах, и которым посвящаю большую часть времени.**

Чувствую себя в деле нравственного совершенствования совсем мальчишкой, учеником, и учеником плохим, мало усердным.

Вчера была ужасная сцена с вернувшейся Сашей. Кричала на Марью Александровну (Шмидт, единомышленница Л. Н. Толстого. — В. Р.). Саша сегодня уехала в Телятинки. **И она преспокойная, как будто ничего не случилось.** Показывала мне пугач-пистолет — **и стреляла, и лгала.** Нынче ездила за мной на прогулке, вероятно, выслеживая меня. Жалко, но трудно. Помогите, Господи.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

27 сентября

С утра проводил Сашу — она уехала совсем в Телятинки. Гулял, записал прибавление к письму Грота. **Дома книжки и письма. Больше ничего.**

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого**

28 сентября

Очень тяжело. Эти выражения любви, эта говорливость и постоянное вмешательство. Можно, знаю, что **можно все-таки любить. Но плох.**

Л. Н. и С. А. Толстые в гостях у М. А. Шмидт в Овсянникове. Апрель 1903 г.
Фотография А. Л. Толстой

Л. Н. Толстой и А. Л. Толстая. Перед отправкой почты в Козлову Засеку.
Ясная Поляна. 1903. Фотография И. В. Толстого

**Из дневника
Льва Николаевича Толстого
29 сентября**

Встал рано. Мороз и солнце. Все слаб. Гулял. Сейчас вернулся. Прибежала Саша. Софья Андреевна не спала и тоже встала в 8-м часу. Очень нервна. Надо быть осторожнее. Сейчас, гуляя, раза два ловил себя на недовольстве то тем, что **отказался от своей воли**, то тем, что будут продавать на сотни тысяч новое издание, но оба раза поправлял себя тем, что **только бы перед Богом быть чистым. И сейчас сознаешь радость жизни.**

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
29 сентября**

Саша хочет еще пожить вне дома. Боюсь за нее. Софья Андреевна лучше. Иногда находит на меня ложный стыд за свою слабость, а иногда, как нынче, радуюсь на эту слабость.

Нынче в первый раз **увидал возможность добром — любовью покорить ее. Ах, как бы...**

30 сентября

Нынче все то же. Много говорит для говоренья и не слушает. Были нынче тяжелые минуты от своей слабости: видел неприятное, тяжелое, где его нет и не может быть для истинной жизни.

**Из дневника
Льва Николаевича Толстого
30 сентября**

Софья Андреевна говорит, что не понимает любви к врагам, что в этом есть аффектация. Она, да и многие не понимают этого, главное, потому, что думают, что то пристрастие, которое они испытывают к людям, есть любовь.

Л. Н. и С. А. Толстые в годовщину свадьбы.
Ясная Поляна. 23 сентября 1905 г.
Фотография С. А. Толстой

**Из «Дневника для одного себя
Льва Николаевича Толстого**

1 октября

Ужасно тяжело недоброе чувство к ней, которое не могу преодолеть, когда начинается это говоренье, **говоренье без конца и без смысла и цели. Черткова статья о душе и Боге, боюсь, что слишком ум за разум.** Радостно, что одно и то же у всех истинно самобытных религиозных людей. У Antoin'a le Guérisseur (Антуан целитель. — В.Р.) то же.

2 октября

С утра первое слово о своем здоровье, потом осуждение, и разговоры без конца, и вмешательство в разговор. И я плох. Не могу победить чувства нехорошего, недоброго. **Нынче живо почувствовал потребность художественной работы и вижу невозможность отдаться ей от нее, от неотвязного чувства о ней, от борьбы внутренней.** Разумеется, борьба эта и возможность победы в этой **борьбе важнее всех** возможных художественных произведений.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

2 октября

Встал больной. Походил. Северный, неприятный ветер. Ничего не записал, но ночью очень хорошо, ясно думал о том, как могло бы быть хорошо художественное изображение всей пошлости жизни богатых и чиновничьих классов и крестьянских рабочих, и среди тех и других, хоть по одному духовно живому человеку.

3 октября

Вчера не дописал вечера. Хорошо говорил с Сережей и Бирюковым о болезни Сони. Потом прекрасно играл Голденвейзер и с ним хорошо поговорили. Тани не дождался, поздно заснул. Сегодня ночью, странное дело, упорно видел скверные

Л. Н. Толстой (улыбающийся) . Ясная Поляна. 1907.
Фотография В. Г. Черткова

сны. Проснулся рано, погулял по хорошей погоде, приехала Саша. С ней хорошо. Писать не хочется.

Записать: 1) Я себе много раз говорил, что **при встрече, при общении со всяким человеком надо вспоминать то, что перед тобой стоит проявление высшего духовного начала**, и соответственно этого воспоминания обойтись с ним. Вспомнить значит сознать себя, т. е. вызвать в себе Бога. А если вызвал, и уже не ты будешь обходиться с этим человеком, а Бог в тебе, то все будет хорошо.

2) Музыка, как и всякое искусство, но особенно музыка вызывает желание того, чтобы все, как можно больше людей, участвовали в испытываемом наслаждении. Ничто сильнее этого не показывает истинного значения искусства: переносишься в других, хочется чувствовать через них.

Из письма Александры Львовны Толстой С. А. Толстой
2 октября 1910 г. Телятинки

«...Отъезд мой, так же как и приезд обратно, совершенно не зависит от Вари. [...] Уехала я главным образом из-за того, что **не могла более переносить твоих оскорбительных для моего отца наговоров** и что я не в первый за последнее время слышала от тебя оскорбления: **“Я тебя выброшу, вон!”**, **“Ототру, как оттерла Ч.”** и т. п. Последний же раз ты мне прямо **пригрозила вышвырнуть меня вон из дома вместе с братьями** и не было ни одного бранного слова, оскорбительного слова, которое бы ты не сказала мне, хотя с моей стороны не было ничего сказано оскорбительного по отношению к тебе, кроме того, что я сказала, что **я приехала, потому что в доме пальба и что я беспокоюсь за отца**. [...] Ты пишешь, что как только мы вышли из экипажа, мы начали на тебя кричать. Ты забыла, вероятно, что мы при тебе из экипажа не выходили, а обошли [...] от черного крыльца и стали стучать старухам. Сделали мы это именно потому, что я, должна сознаться, **боялась встречи с тобой, боялась сказать тебе слишком откровенно свое мнение о твоём поведении по отношению к отцу**. Но ты нас встретила

А.Л. Толстая. Ясная Поляна. 1903.
Фотография С.А. Толстой

и словами **“Зачем вы, сумасшедшие дуры, прилетели”** заставила меня тебе сказать, хотя и не резко, свое мнение о твоих поступках.

Но я считаться с тобой не хочу. Я знаю, что всегда, как и с Чертковым, который ничем перед тобой не виноват, так и с Варей и со мною, **ты сумеешь обвинить опять-таки не себя, а всех нас.** [...]»¹.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

3 октября

«Утром Лев Ник. гулял, потом недолго ездил верхом, весь окоченел, ноги застыли, и, чувствуя себя ослабевшим, он даже не снял холодных сапог, повалился на постель и заснул. Он долго не приходил к обеду, я обеспокоилась и пошла к нему. Он как-то бессмысленно смотрел, беспрестанно брал часы и справлялся, который час, поминая об обеде, но тотчас же впадал в забытие. Потом, к ужасу моему, он стал заговариваться, и вскоре началось что-то ужасное! **Судороги в лице, полная бессознательность, бред, бессмысленные слова и страшные судороги в ногах.** Двое и трое мужчин не могли удержать ног, так их дергало. Я, благодаря бога, не растерялась; с страшной быстротой налила мешки и бутылки горячей водой, положила на икры горчичники, мочила голову одеколоном, Таня давала нюхать соли; обложили все еще ледяные ноги горячим; принесла я ром и кофе, дали ему выпить, — **но припадки продолжались, и судороги повторились пять раз.** Когда, обняв дергающиеся ноги моего мужа, я почувствовала то крайнее отчаяние при мысли потерять его, — раскаяние, угрызение совести, безумная любовь и молитва с страшной силой охватили все мое существо. **Все, все для него** — лишь бы остался хоть на этот раз жив и поправился бы, **чтоб в душе моей не осталось угрызания совести за все те беспокойства и волнения, которые я ему доставила своей нервною и своими болезненными тревогами.**

¹ УЛТ. С. 504, 505.

Принесла я и тот образок, которым когда-то благословила **своего Левочку** на войну тетенька Татьяна Александровна, и привязала его к кровати Льва Николаевича. Ночью он пришел в себя, но решительно ничего не помнил, что с ним было»¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

5 октября

Два дня с 3-го был тяжело болен. Обморок и слабость. Началось это 3-го дня и 3-го октября. После дообеденного сна. **Хорошее последствие этого было примирение Софьи Андреевны с Сашей и Варварой Михайловной.** Но Чертков еще все так же далек от меня. Мне особенно жалко его и Галю, которым это очень больно.

**Из дневника Варвары Михайловны
Феокритовой-Полевой**

3 октября

«Саша узнала, что **болезнь Льва Николаевича была последствием его тяжелого разговора с Софьей Андреевной о нашем отъезде из Ясной и о письме Софьи Андреевны ко мне.** Говорят, Софья Андреевна страшно растерялась и испугалась болезни Льва Николаевича, плакала, молилась и все твердила:

— **Только бы не на этот раз!.. Если он умрет, я не прощу себе никогда!..**

В Ясной гостили Сергей Львович и Татьяна Львовна. Они упрекали Софью Андреевну и говорили ей, что назначат над ней опеку, потому что она совершенно измучила отца»².

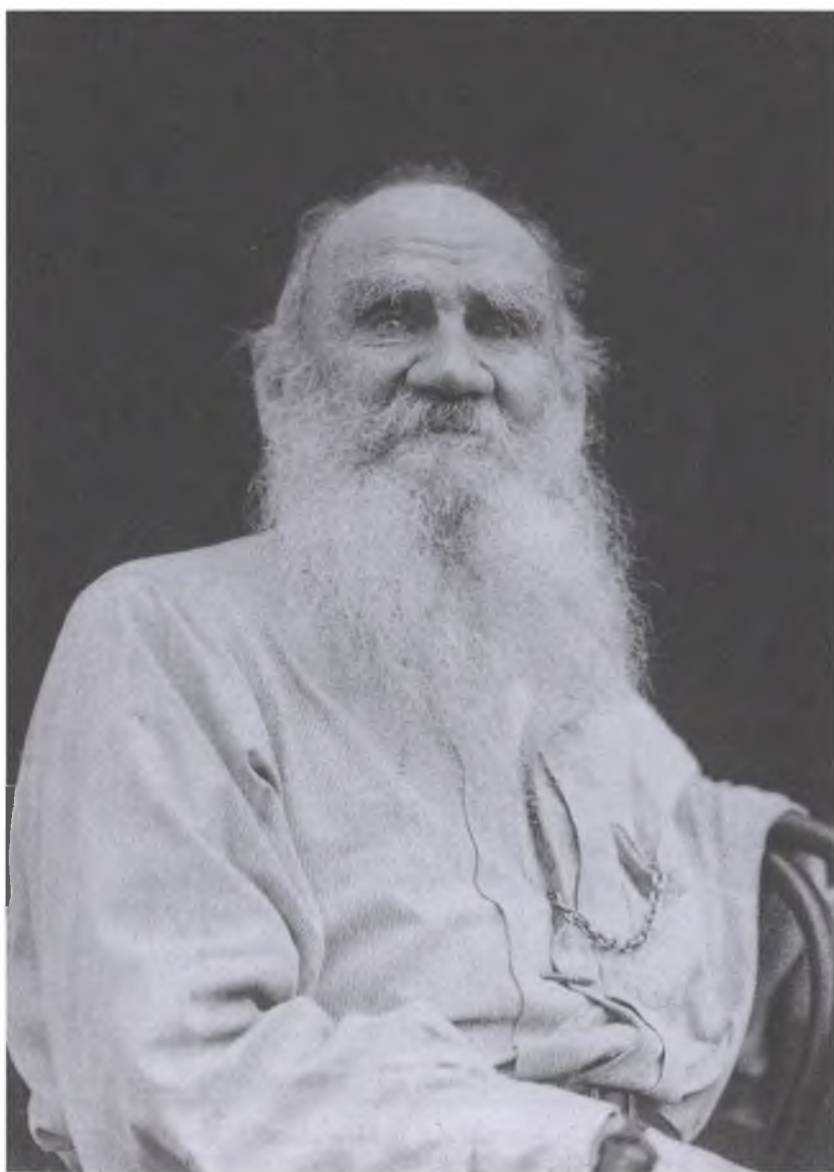
**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого**

5 октября

Отдал листки и нынче начинаю новое. И как будто нужно начинать новое: 3-го я после передобеденного сна **впал**

¹ Т. 2. С. 206.

² ОР ГМТ.

Л.Н. Толстой. Ясная Поляна. 1907.
Фотография В.Г. Черткова

Л. Н. Толстой и Д. П. Маковицкий
в спальне Толстого в яснополянском доме. 1909.
Фотография Т. Тапселя

в беспамятство. Меня раздевали, укладывали, [...] я что-то говорил и ничего не помню. Проснулся, опомнился часов в 11. Головная боль и слабость. Вчера целый день лежал в жару, с болью головы, ничего не ел и в той же слабости. Так же и ночь. Теперь 7 часов утра, все болит голова и печень, и ноги, и ослаб, но лучше. Главное же моей болезни то, что она помирила Сашу с Софьей Андреевной. Саша особенно была хороша. Варя приехала. Еще посмотрим. Борюсь с своим недобрым чувством к ней, **не могу забыть этих трех месяцев мучений всех близких мне людей и меня. Но поборю.** Ночь не спал, и не сказать, чтобы думал, а бродили в голове мысли.

**Из комментариев
Николая Сергеевича Родионова
5 октября**

Толстой читает вслух свои любимые стихотворения Тютчева **Silentium** и Пушкина «Воспоминание»¹.

SILENTIUM!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

¹ Т. 58. С. 265.

Из дневника Льва Николаевича Толстого
6 октября

Да, любовь есть последствие блага. Первое не любовь, а благо. Вернее сказать, что Бог — это благо, чем то, что Бог есть любовь.

Из письма Льва Николаевича Толстого В.Г. Черткову
6 октября 1910 г. Ясная Поляна

«Получил ваше письмо, милый, дорогой друг, и, как мне ни грустно то, что я не общаюсь с вами непосредственно, мне хорошо, особенно после моей болезни или, скорее, припадка. Сашин отъезд, приезд и влияние Сергея и Тани, и теперь моя болезнь имели благотворное влияние на Софью Андреевну, и она мне жалка и жалка. **Она больна и все другое, но нельзя не жалеть ее и не быть к ней снисходительным. И об этом я очень, очень прошу вас ради нашей дружбы, которую ничто изменить не может,** потому что вы слишком много сделали и делаете для того, что нам обоим одинаково дорого, и я не могу не помнить этого. Внешние условия могут разделить нас, но то, что мы — позволяю себе говорить за вас — друг для друга, никем и ничем не может быть ослаблено.

Я только как практический совет в данном случае говорю — **будьте снисходительны. [...]»¹.**

Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
7 октября

Вчера 6 октября. Был слаб и мрачен. Все было тяжело и неприятно. От Черткова письмо. Он считает это напрасно. Она старается и просила его приехать. Сегодня Таня ездила к Чертковым. Галя очень раздражена. Чертков решил приехать в 8, теперь без 10 минут. Софья Андреевна просила, чтобы я не целовался с ним. Как противно. Был истерический припадок.

¹ Т. 89. С. 220, 221.

Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков в кабинете яснополянского дома. 1909.
Фотография В.Г. Черткова

Из дневника Льва Николаевича Толстого

7 октября

Мало спал. Та же слабость. Гулял и записал о панибратстве с Богом. Саша списала. Ничего не делал, кроме писем, и то мало. Таня ездила к Черткову. Он хочет приехать в 8, т. е. сейчас. Буду помнить, что надо помнить, что я живу для себя, перед Богом. Да, горе в том, что когда один — помню, а сойдусь — забываю. Читал Шопенгауера. Надо сказать Черткову. Вот и все до 8 часов.

Был Чертков. Очень прост и ясен. Много говорили обо всем, кроме наших затрудненных отношений. Оно и лучше. Он уехал в 10-м часу. **Соня опять впала в истерический припадок, было тяжело.**

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

8 октября

Я высказал ей все то, что считал нужным. Она возражала, и я раздражился. И это было дурно. Но может быть, все-таки что-нибудь останется. Правда, что все дело в том, чтобы **самому не поступить дурно, но и ее не всегда, но большею частью искренне жалко.** Ложусь спать, проведя день лучше.

9 октября

Она спокойна, но затевает говорить о себе. Читал истерию. Все виноваты, кроме нее. **Не поехал к Чертковым и не поеду.** Спокойствие дороже всего. На душе строго, серьезно.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

9 октября

Здоровье лучше. Ходил и хорошо поутру думал, а именно:

1) Тело? Зачем тело? Зачем пространство, время, причинность? Но ведь вопрос «Зачем?» есть вопрос причинности. И тайна, зачем тело, остается тайной.

2) Спрашивать надо: не зачем я живу, а что мне делать.

Дальше не буду выписывать. Ничего не писал, кроме пустого письма. На душе хорошо, значительно, религиозно и от того хорошо.

10 октября

Встал поздно, в 9. Дурной признак, но провел день хорошо. Начинаю привыкать к работе над собой, к вызыванию своего высшего судьи и к прислушиванию к его решению о самых, кажущихся мелких, вопросах жизни. Только успел прочитать письма и «Круг чтения» и «На каждый день». Потом поправил корректуры трех книжечек «Для Души». Они мне нравятся. [...] Записать:

1) Дело наше здесь только в том, чтобы **держаться, как орудие, которым делается хозяином непостижимое мне дело** — держать себя в наилучшем порядке, — чтобы, **если я соха, чтобы сошники были остры**, чтобы, **если я светильник, чтоб ничего не мешало ему гореть**. То же, что делается нашими жизнями, нам не дано знать, да и не нужно.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

10 октября

Тихо, но **все неестественно и жутко**. Нет спокойствия.

Из дневника

Льва Николаевича Толстого

11 октября

Летят дни без дела. Поздно встал. Гулял. Дома **Софья Андреевна опять взволнована, воображаемыми моими тайными свиданиями с Чертковым**. Очень жаль ее, она больна. [...] Записать:

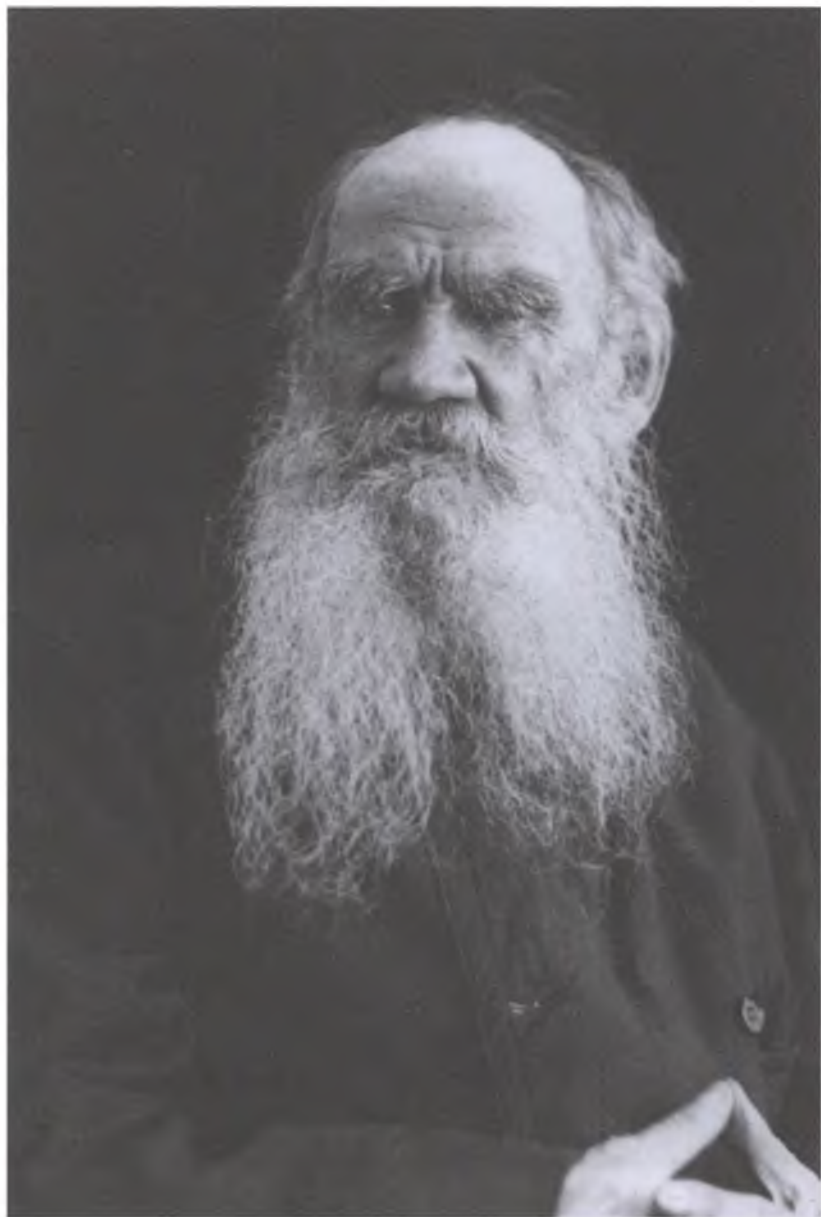
1) Любовь к детям, супругам, братьям — это образчик той любви, какая должна и может быть ко всем.

Л. Н. Толстой в парке около дома. 1908.
Фотография В. Г. Черткова

Л.Н. Толстой. Ясная Поляна. В кабинете. 1909.
Фотография В.Г. Черткова

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 1907.
Фотография В. Г. Черткова

2) **Надо быть, как лампа, закрытым от внешних влияний — ветра, насекомых, и при этом чистым, прозрачным и жарко горящим.**

Все чаще и чаще при общении с людьми вспоминаю, **кто я настоящий** и чего от себя требую, **только перед Богом, а не перед людьми.**

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

11 октября

С утра разговор о том, что я вчера тайно виделся с Чертковым. Всю ночь не спала. Но спасибо, борется с собой. Я держался хорошо, молчал. **Все, что ни случается, она переводит в подтверждение своей мании — ничего...**

12 октября

Опять с утра разговор и сцена. Что-то, кто-то ей сказал о каком-то моем завещании дневников Черткову. Я молчал. **День пустой, не мог работать хорошо.** Вечером опять тот же разговор. Намеки, выпытывания.

Из письма Льва Николаевича Толстого Т.Л. Сухотиной

12 октября 1910 г. Ясная Поляна

«Вот и пишу тебе, милая Таничка. И так совесть мучает, что не написал до сих пор. Хорошо ли у вас дома? Надеюсь, что хорошо. А у нас не похваюсь: все так же тяжело. Особенного нет, но **каждый день упреки, слезы.** Вчера и нынче было особенно худо. Сейчас 12-го и 12-й час ночи. Только что были разговоры с упреками о каком-то завещании Черткову, о котором она откуда-то, как говорит, узнала. Я молчал, и так разошлись. **Нынче же утром думал о том, что объявлю, что уезжаю в Кочеты, и уеду. Но потом раздумал. Да, странно, вы, любящие меня, должны желать, чтобы я не приезжал к вам. Надеюсь, что и не приеду. Остальное все хорошо. [...]**»¹.

¹ Т. 82. С. 188, 189.

Л. Н. Толстой с дочерью Татьяной Львовной.
Затишье, хутор Х. Н. Абрикосова близ Кочетов. 1910.
Фотография В. Г. Черткова

Из письма Татьяны Львовны Сухотиной Л. Н. Толстому
19 октября 1910 г. Кочеты

«Спасибо, милый Папенька, за твое письмо, которое шло почему-то необыкновенно долго. Да, пожалуй, ты прав, что **как нам ни хорошо, когда ты в Кочетах живешь, а твоему приезду, пожалуй, скорее испугаешься, чем обрадуешься.**

Я, было, надеялась на успокоение — хотя и неполное — у вас, но по последним письмам вижу, что до него еще далеко. **С советами я больше соваться не буду: я совершенно запуталась и ничего придумать не могу. И чувствую, что и помощи оказать не могу.** Сейчас приходил Миша (М. С. Сухотин, муж Т. Л. Сухотиной-Толстой. — В. Р.) и велел сказать, что, напротив, он очень тебя приглашает в Кочеты, а Таничка (дочка Т. Л. Сухотиной-Толстой. — В. Р.) велела написать: “Милый Дедушка, я тебя крепко, крепко целую”. **Конечно, хорошо бы тебе было у нас, и нам с тобой, да, видно, нельзя.** Я издали чувствую, как тебе нужно одно — **покой**, а на твое несчастье, **к тебе со всех сторон предъявляется бесчисленное количество требований**, многие даже материального характера — что так тебе чуждо, — и приходится кое-как на все отвечать. **Спасение твое, конечно, в том, что у тебя есть твоя внутренняя работа, и этим ты счастливее окружающих тебя.** [...]»¹.

Из письма Татьяны Львовны Сухотиной С. А. Толстой
13 октября 1910 г. Кочеты

«Милая маменька, [...]

Папá любит Черткова. Так и на здоровье! **Слава Богу, что на старости лет у него есть друг-единомышленник,** который кладет все свое сердце и все свои силы и деньги на распространение его мыслей, которые считает важными и достойными распространения. **Нам — семье — только надо быть ему за это благодарными, если в нас нет корыстного отношения к произведениям папá.** В этом смысле, разумеется, то, что получает Чертков от папá, есть ценность. Но

¹ УЛТ. С. 524, 525.

Л. Н. Толстой с внучкой Танечкой Сухотиной в имении Кочеты. Май 1910 г.
Фотография В. Г. Черткова

ведь вы примирились с тем, что сочинения папá после 82-го года принадлежат всем. **И Чертков — это только передаточная ступень от папá к публике. Не будь Черткова — был бы другой.** А ведь в смысле привязанности папá к нему я не вижу, чтобы мы от этого теряли бы каплю любви папá к нам. Как я вам сто раз говорила — я думаю, что **для папá теперь земные привязанности настолько второстепенны, что он ни к кому особенно исключительно относиться не может.** И отношение его к вам и к семье совершенно иное, чем к Черткову, и эти отношения друг у друга ничего отнимать не могут. **Бросьте вы это безумие: ничего, кроме плохого, из этого выйти не может.**

Я, приехавши из Ясной, до того страдала болями в области сердца, что ничего делать не могла: ставила себе горчичники, горячий мешок, и только через два дня у меня отлегло. [...]

До свидания. Всех целую. Ваша Таня»¹.

Из письма Софьи Андреевны Толстой Т.Л. Сухотиной
15 октября 1910 г. Ясная Поляна

«Милая Таничка, очень тебя благодарю за твое письмо, в котором ты так стараешься все умиротворить; но, поверишь ли, мне, самое слово «Чертков» стало так ненавистно и болезненно, что я в твоём письме в первую минуту пропустила все, что ты о нём пишешь [...] в той области — ад, в котором сжигается моя жизнь, но думаю, что **мои страдания спасают душу Льва Николаевича от греха пристрастия к этому врагу.**

Конечно, у отца твоего *другое* чувство к нему, чем к нам, а главное, ко мне. Но в этом-то и горе, в этом-то и мое несчастье.

Обещанье не видеть Черткова, ведь я вернула папá, он теперь добился, чего хотел, свободы, о которой сожалел; но он ни разу, спасибо ему, не поехал еще к Черткову, и я радуюсь и люблюсь твердостью его воли над собой; он, по-видимому, спасается от зла, от возможности причинять мне новые

¹ УЛТ. С. 515, 516.

страдания. Что-то будет дальше! **Неужели же так и нельзя жить без этого негодяя?** Ведь жили же раньше, и как были счастливы! Кажется, папá понял, что *можно* жить и без него.

Теперь я твердо задалась одной целью: беречь, покоить, не расстраивать ничем папá, и продолжать любить его — что бы ни случилось. **За поступки свои могу еще отвечать, но за чувства и мысли — невозможно.** [...]»¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

13 октября

Софья Андреевна очень взволнована и страдает. Казалось бы, как просто то, что предстоит ей: доживать старческие годы в согласии и любви с мужем, не вмешиваясь в его дела и жизнь. Но нет, ей хочется — Бог знает чего хочется — хочется мучить себя. **Разумеется, болезнь, и нельзя не жалеть.**

14 октября

Все то же. Но нынче телесно очень слаб. **На столе письмо от Софьи Андреевны с обвинениями и приглашением — от чего отказаться?** Когда она пришла, я попросил оставить меня в покое. Она ушла. У меня было стеснение в груди и пульс 90 слишком. Опять поправлял «О социализме». — Пустое занятие. Перед отъездом пошел к Софье Андреевне и **сказал ей, что советую ей оставить меня в покое, не вмешиваясь в мои дела.** Тяжело. Ездил верхом.

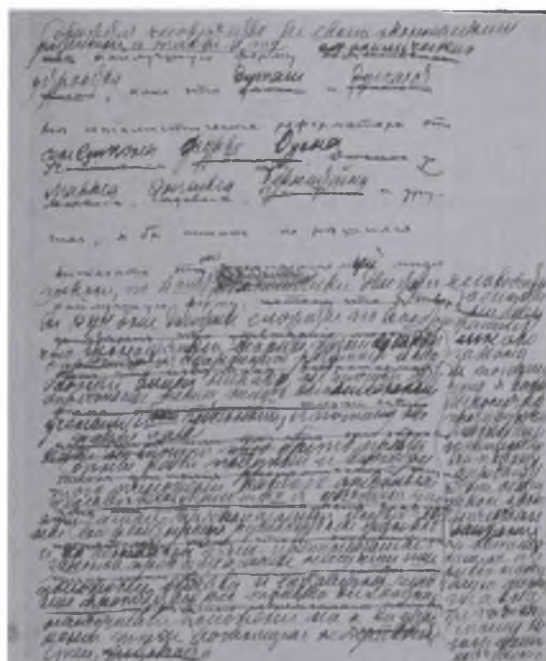
Из письма Владимира Григорьевича Черткова

Л. Н. Толстому

14 октября 1910 г. Телятинки

«Дорогой Лев Николаевич, Александра Львововна мне все рассказала о том, что у вас происходит, и мне хочется вам сказать только одно: **уезжайте, ради Бога, уезжайте поскорее опять в Кочеты, пока Сухотины еще там. Если вы не хотите сделать это для себя, то сделайте это ради Софьи**

¹ УЛТ. С. 519, 520.

Л.Н. Толстой. Статья
«О социализме». 1910.
Черновой автограф

Л.Н. Толстой.
Ясная Поляна. Март 1903 г.
Фотография С.А. Толстой

Андреевны. Она совершенно очевидно опять увлечена по тому же пути душевного волнения и требовательности, которых сама остановить не в силах [...]»¹.

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
13 октября**

Оказывается, она нашла и унесла мой дневник маленький. Она знает про какое-то, кому-то, о чем-то завещание — очевидно, касающееся моих сочинений. Какая мука из-за денежной стоимости их — и боится, что я помешаю ее изданию. И всего боится, несчастная.

**Письмо Софьи Андреевны Толстой Л. Н. Толстому
14 октября 1910 г. Ясная Поляна**

«Ты каждый день меня как будто участливо спрашиваешь о здоровье, о том, как я спала, а с каждым днем новые удары, которыми сжигается мое сердце, которые сокращают мою жизнь и невыносимо мучают меня и не могут прекратить моих страданий.

Этот новый удар, злой поступок относительно лишения авторских прав твоего многочисленного потомства, судьбе угодно было мне открыть, хотя сообщник в этом деле и не велел тебе его сообщать мне и семье.

Он (Чертков. — В. Р.) грозил мне напасть, мне и семье, и блестяще это исполнил, выманив бумагу от тебя с отказом. Правительство, которое во всех брошюрах вы с ним всячески бранили и отрицали, — будет по закону отнимать у наследников последний кусок хлеба и передавать его Сытинным и разным богатым типографиям и аферистам, в то время как внуки Толстого по его злой и тщеславной воле будут умирать с голода.

Правительство же, Государственный банк хранит от жены Толстого его дневники.

¹ УЛТ. С. 517.

С.А. Толстая со своими детьми около дома гр. С.В. Паниной в Гаспре.
1902. Крым. Фотография С.А. Толстой.

Слева направо: И.Л. Толстой, А.Л. Толстой, Т.Л. Сухотина, Л.Л. Толстой,
С.А. Толстая, М.Л. Толстой, М.Л. Оболенская, С.Л. Толстой, А.Л. Толстая

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков в Ясной Поляне. 1906.
Фотография С. А. Толстой

Христианская любовь последовательно убивает разными поступками самого близкого (не в твоём, а в моём смысле) человека — жену, со стороны которой во все время поступков злых не было никогда, и теперь кроме самых острых страданий — тоже нет. Надо мной же висят и теперь разные угрозы. И вот, Левочка, ты ходишь молиться на прогулке — помолясь, подумай хорошенько о том, что ты делаешь под давлением этого злодея, — потуши зло, открой свое сердце, пробуди любовь и добро, а не злобу и дурные поступки, и тщеславную гордость (по поводу своих авторских прав), ненависть ко мне, к человеку, который любя отдал тебе всю жизнь и любовь.

Если тебе внушено, что мною руководит корысть, то я лично официально готова, как дочь Таня, отказаться от прав наследства мужа. На что мне? Я очевидно скоро так или иначе уйду из этой жизни. Меня берет ужас, если я переживу тебя, какое может возникнуть зло на твоей могиле и в памяти детей и внуков. Потуши его, Левочка, при жизни! Разбуди и смягчи свое сердце, разбуди в нем Бога и любовь, о которых так громко гласишь людям. С. Т.»¹.

**Из «Дневника для одного себя» Льва Николаевича
Толстого
14 октября**

Письмо с упреками за какую-то бумагу о правах, как будто все главное в денежном вопросе — и это лучше — яснее, но **когда она преувеличенно говорит о своей любви ко мне, становится на колени и целует руки, мне очень тяжело.** Все не могу решительно объявить, что поеду к Чертковым.

**Из дневника Софьи Андреевны Толстой
16 октября**

«Встала спокойная, хотя нездоровая. Утро не спалось, и все думала, как бы выручить из банка государственного в Туле

¹ УЛТ. С. 516, 517.

дневники Льва Николаевича. Вышла к завтраку, и вдруг Лев Ник. объявил, что едет к Черткову. [...] Не сумею выразить, что сделалось со мною! Точно во мне оторвалась вся внутренность. Вот они угрозы, под которыми я теперь постоянно живу! Я тихо сказала: “Только второй день, как я стала немного поправляться”, — и ушла к себе. Потом оделась и вышла пройтись, но вернулась, отозвала мужа и тихо, почти шепотом, ласково ему сказала: “Если можешь, Левочка, погоди еще ездить к Черткову, мне ужасно тяжело!” [...] — и когда я повторила свою просьбу, чувствуя себя немняемой от внутреннего страдания, он уже с большей досадой повторил, что не хочет ничего обещать. Тогда я ушла, лазила по каким-то оврагам, где меня трудно бы было когда-либо найти, если б мне сделалось дурно. Потом вышла в поле и оттуда почти бегом направилась в Телятинки с биноклем, чтобы видеть все далеко кругом. В Телятинках я легла в канаву недалеко от ворот, ведущих к дому Чертковых, и ждала Льва Н-а. Не знаю, что бы я сделала, если б он приехал; я все себе представляла, что я легла бы на мост через канаву, и лошадь Льва Ник-а меня бы затоптала.

Но он, к счастью, не приехал. [...] В 5-м часу я ушла и опять пошла бродить. Стало темно, я пришла в сад и долго лежала на лавке под большой елкой у нижнего пруда. Я безумно страдала при мысли о возобновлении сношений и исключительной любви к Черткову Льва Николаевича. Я так и видела их в своем воображении запертыми в комнате, с их вечными тайными о чем-то разговорами, и страданья от этих представлений тотчас же сворачивали мои мысли к пруду, к холодной воде, в которой я сейчас же, вот сию минуту, могу найти полное и вечное забвение всего и избавление от моих мук ревности и отчаяния! Но я опять из трусости не убила себя. [...]

Вот как без оружия, но метко убивают людей. Оказалось, что Лев Ник., измучив меня и не обещав ничего, к Черткову не поехал [...] Когда я вечером спросила Л.Н., зачем же он меня измучил, не сказав, когда я его спрашивала, поедет ли он

Л. Н. и С. А. Толстые. Ясная Поляна. 23 сентября 1902 г.
Фотография С. А. Толстой

к Черткову, он мне с злобой начал кричать: **“Я хочу свободы, а не подчиняться твоим капризам; не хочу быть в 82 года мальчишкой, тряпкой под башмаком жены!”** И много еще тяжелого и оскорбительного говорил он, а я страдала ужасно, слушая его. Потом сказала ему: “Не так ты ставишь вопрос: не в том дело, не так ты все толкуешь. **Высший подвиг человека есть жертвовать своим счастьем, чтоб избавить от страданий близкого человека**”. Но это ему не нравилось, и он одно кричал: **“Все обещания беру назад, ничего не обещаю, что хочу, то буду делать”**, — и т. п.

Лишаться общения с Чертковым ему, конечно, невыносимо, и потому он так злится, что я *не могу*, прямо произвольно не могу выносить возобновления дружбы личной с этим негодяем. [...] Только что началась мирная спокойная жизнь, и опять все омрачилось, и я еще на более долгий срок ослабею и буду хворать; и опять и Лев Ник. подкосил свои силы и здоровье и не может работать. **А все от какой-то его *idée fixe*, что он хочет быть свободен (чем он не свободен, кроме общения с Чертковым), и безумно желает видаться с Чертковым**¹.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

16 октября

Нынче разрешилось.

Хотел уехать к Тане, но колеблюсь. Истерический припадок, злой.

Все дело в том, что она **предлагала мне ехать к Чертковым**, просила об этом, а нынче, когда я сказал, что поеду, **начала бесноваться**. Очень, очень трудно. Помоги Бог. Я сказал, что никаких обещаний не дам и не даю, **но сделаю все, что могу, чтобы не огорчить ее**. Отъезд завтрашний едва ли приведу в исполнение. А надобно (Толстой отменил поездку к Черткову. — В. Р.). Да, это испытание, и мое дело в том, **чтобы не сделать недоброго. Помоги Бог.**

¹ Т. 2. С. 217–219.

Л. Н. и С. А. Толстые на балконе дома в Ясной Поляне. 1902.
Фотография С. А. Толстой

Из дневника Льва Николаевича Толстого

16 октября

[...] Сказал за завтраком, что поеду к Чертковым. Началась бурная сцена, убежала из дома, бегала в Телятинки. Я поехал верхом, послал Душана сказать, что не поеду к Чертковым, но он не нашел ее. Я вернулся, ее все не было. Наконец, нашли в седьмом часу. Она пришла и неподвижно сидела одетая, ничего не ела. И сейчас вечером объяснялась нехорошо. Совсем ночью трогательно прощалась, признавала, что мучает меня, и обещала не мучить. Что-то будет?

17 октября

Встал в 8, ходил по Чепыжу. Очень слаб. Хорошо думал о смерти и написал об этом Черткову. **Софья Андреевна пришла и все так же мягко, добро обходилась со мной.** Но очень возбуждена и много говорит. Ничего не делал, кроме писем. Не могу работать, писать, но, слава Богу, могу работать над собой. Все подвигаюсь. [...] Читал **Сашин дневник. Хорошо, просто, правдиво.** [...] слаб. Близкой смерти не противлюсь.

Письмо Льва Николаевича Толстого В. Г. Черткову

17 октября 1910 г. Ясная Поляна

«Хочется, милый друг, по душе поговорить с вами. Никому так, как вам, не могу так легко высказать, — знаю, что никто так не поймет, как бы неясно, недосказано ни было то, что хочу сказать.

Вчера был очень серьезный день. Подробности фактические вам расскажут, но мне хочется рассказать свое — внутреннее.

Жалею и жалею ее и радуюсь, что временами без усилия люблю ее. Так было вчера ночью, когда **она пришла покаянная и начала заботиться о том, чтобы согреть мою комнату,** несмотря на измученность и слабость, толкала ставеньки, заставляла окна, возилась, хлопотала о моем... телесном покое. Что же делать, если **есть люди, для которых (и то, я думаю, до времени) недоступна реальность духовной жизни.** Я вчера

Перед уходом. «Я отстоял свою свободу»

Л. Н. и С. А. Толстые в кабинете яснополянского дома. 1907.
Фотография С. А. Толстой

с вечера почти **собирался уехать в Кочеты, но теперь рад, что не уехал**. Я нынче телесно чувствую себя слабым, но на душе очень хорошо. И от этого-то мне и хочется высказать вам, что я думаю, а главное, чувствую.

Я мало думал до вчерашнего дня о своих припадках, даже совсем не думал, но вчера я ясно, живо представил себе, как я умру в один из таких припадков. И понял то, что, несмотря на то, что **такая смерть в телесном смысле**, совершенно без страданий телесных, **очень хороша, она в духовном смысле лишает меня тех дорогих минут умирания, которые могут быть так прекрасны**. И это привело меня к мысли о том, что, если я лишен по времени этих последних сознательных минут, то ведь в моей власти распространить их на все часы, дни, может быть, месяцы — годы (едва ли), которые предшествуют моей смерти, могу относиться к этим дням, месяцам, так же серьезно, торжественно (не по внешности, а по внутреннему сознанию), как бы я относился к последним минутам сознательно наступившей смерти. **И вот эта-то мысль, даже чувство**, которое я испытал вчера и испытываю нынче и буду стараться удержать до смерти, меня особенно радует, и вам-то мне и хочется передать ее. В сущности это всё очень старо, но мне открылось с новой стороны.

Это же чувство и освещает мне мой путь в моем положении и из того, что было и могло бы быть тяжело, делает радость.

Не хочу писать о делах — после.

А вы также открывайте мне свою душу.

Не хочу говорить вам: прощайте, потому что знаю, что вы не хотите даже видеть того, за что бы надо было меня прощать, а говорю всегда одно, что чувствую: **благодарю за вашу любовь**.

Это я позволил себе так рассентиментальничаться, а вы не следуйте моему примеру.

Жаль мне только, что Галю до сих пор не удалось видеть. Вот ее прошу простить. И она, вероятно, исполнит мою просьбу»¹.

¹ Т. 89. С. 225, 226.

Из дневника Софьи Андреевны Толстой

17 октября

«Мучаюсь любопытством, что пишет в дневнике мой муж? Его теперешние дневники — сочинения ввиду того, что будут из них извлекать мысли и делать свои заключения. Мои дневники — это искренний крик сердца и правдивые описания всего, что у нас происходит. [...] Решила не ездить больше никуда: ни в Москву, ни в концерты, — никуда. Я так стала дорожить каждой минутой жизни с Львом Ник., так его сильно люблю, как-то вновь, как последнее пламя догорающего костра, что расставаться с ним не буду. [...] Помимо моей ревности к Черткову, я окружаю его такой любовью, заботой и лаской, что другой дорожил бы этим. А его избаловало все человечество, которое судит его по книгам (по словам), а не по жизни и делам. Тем лучше!». ¹

Из дневника

Льва Николаевича Толстого

18 октября

Все слаб. Да и дурная погода. Слава Богу, без желания чувствую хорошую готовность смерти. Мало гулял. Тяжелое впечатление просителей двух — не умею обойтись с ними. Грубого ничего не делаю, но чувствую, что виноват, и тяжело. И поделом. Ходил по саду. Мало думал. Спал и встал очень слабый. Читал Достоевского.

19 октября

Ночью пришла Софья Андреевна: «Опять против меня заговор». — «Что такое, какой заговор?» — «Дневник отдан Черткову. Его нет». — «Он у Саши». Очень было тяжело, долго не мог заснуть, потому что не мог подавить недоброе чувство. [...]

Опять ничего не делал, кроме писем. Здоровье худо. Близка перемена. Хорошо бы прожить последок получше. Софья

¹ Т. 2. С. 219, 220.

Толстой подает милостыню у крыльца яснополянского дома. 1908.
Фотография В. Г. Черткова

Андреевна говорила, что жалеет вчерашнее. Я кое-что высказал, особенно про то, что **если есть ненависть хоть к одному человеку, то не может быть истинной любви.** [...] Дочитал, пробежал первый том Карамазовых. Много есть хорошего, но так нескладно. Великий инквизитор и прощание Засима. Ложусь. 12.

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

17 октября

Слаб. Софья Андреевна лучше, как будто кается, но есть и в этом истерическая преувеличенность. Целует руки. Очень возбуждена, говорит не переставая. Чувствую себя нравственно хорошо. Помню, кто я. Читал Шри Шанкара. Основная метафизическая мысль о сущности жизни хороша, но все учение путаница, хуже моей.

18 октября

Все то же **тяжелое отношение страха и чуждости.** Нынче ничего не было. Начала вечером разговор о вере. **Просто не понимает, в чем вера.**

19 октября

Очень тяжелый разговор ночью. Я дурно перенес. Саша говорила **о продаже за миллион** (о продаже сочинений Л.Н. Толстого издательству «Просвещение». — В.Р.). **Посмотрим что. Может быть, к лучшему.** Только бы поступить перед высшим судьей, заслужить его одобрение.

20 октября

Нечего записывать плохого. **Плохо.** Одно запишу, как меня радует и как мне слишком **мила и дорога Саша.**

Из письма Владимира Григорьевича Черткова

Л. Н. Толстому

20 октября 1910 г.

«[...] Александра Львовна передала мне ее разговор с вами по поводу приезда г-жи Альмединген (о продаже права на издание произведений Л. Н. Толстого за миллион. — *В. Р.*) и ваше желание услышать мой совет относительно практической стороны дела, и вашу мысль о том, не сделать ли Вам предупредительное заявление в печати. Признаюсь, что все последнее время я именно такого вопроса от вас ожидал. Со своей стороны я давно убежден, что время созрело для **нового вашего заявления в печати**, подтверждающего прежние и решительно устраняющего [...] поползновения обойти ваши распоряжения относительно ваших писаний “за давностью лет” и совершить с вашими писаниями, по возможности даже помимо вашего ведома, такие денежные операции, которые прямо противоречили бы выраженной вами в свое время печатно вашей воле [...]»¹.

Из письма Льва Николаевича Толстого В. Г. Черткову

22 октября 1910 г. Ясная Поляна

«[...] Заявление прекрасно. Я подписал его, но посылать повременю. [...]»².

Из дневника Льва Николаевича Толстого

21 октября

Ходил не думая. Дома много писем*, отвечал. Попробовал продолжать «О социализме» и решил бросить. Дурно начато, да и не нужно. Будут только повторения. Потом пришли Ясенские «лобовые» (призывники в армию из крестьян. — *В. Р.*). Говорил с ними. Слишком мы далеки: не понимаем друг друга. Ходил по саду. Обед. Вечером приехал Дунаев (А. Н. Дунаев, единомышленник Л. Н. Толстого. — *В. Р.*). Много говорит. Устал.

¹ Т. 89. С. 532.

² Т. 89. С. 228.

Одиночества мучительно хочется. Что-то было записать, забыл. В таком состоянии, как теперь, хорошо и очень хорошо то, что чувствуешь презрение к себе. С Софьей Андреевной хорошо.

*** Из комментариев Николая Сергеевича Родионова:**

«21 октября Толстой ответил на семь писем¹: 1) оренбургскому крестьянину Павлу Брызгалову — о ненужности устройства особых общин для христианской жизни, так как “Царство Божие внутри вас есть”; 2) неизвестной гимназистке из Саранска, по поводу ее критики окружающей среды; 3) Петру Подмарькову — о целомудрии; 4) крестьянину из Костромы Алексею Яковлевичу Смирнову, по поводу его разочарования в “социалистических теориях” и его согласия с жизнепониманием Толстого; 5) Виктору Дмитриевичу Строганову (р. 1848 г.) из Одессы — о смысле жизни; 6) своему старому единомышленнику Ивану Михайловичу Трегубову, по поводу устроенной им в Петербурге “общины свободных христиан”; 7) С.А. Трейгеру — о сионизме»². [Также он написал еще два рекомендательных письма с просьбой о месте для сына М.П. Новикова. — В.Р.]

Из «Дневника для одного себя»

Льва Николаевича Толстого

21 октября

Очень тяжело несу свое испытание. Слова Новикова: **«Походил кнутом, много лучше стала»** (об отношениях мужа и жены. — В.Р.) и Ивана: **«В нашем быту вожжами»**, все вспоминаются, и недоволен собой. **Ночью думал об отъезде.** Саша много говорила с ней, а я с трудом удерживаю недоброе чувство.

22 октября

Ничего враждебного нет с ее стороны, но мне тяжело это притворство с обеих сторон. [...]

¹ См. Т. 82.

² Т. 58. С. 551.

Л. Н. Толстой на фоне яблоневого «Красного сада». Ясная Поляна.
1 сентября 1905 г. Фотография С. А. Толстой

Л. Н. Толстой за письменным столом в яснополянском кабинете. 1909.
Фотография В. Г. Чертова

23 октября

Все так же тяжело обоюдное притворство, стараюсь быть прост, но не выходит. Мысль о Новикове не покидает (желание поселиться после ухода у друга М. П. Новикова. — В.Р.). Когда я поехал верхом, **Софья Андреевна пошла следить за мной, не поехал ли я к Черткову.** Совестно даже в дневнике признаться в своей глупости. Со вчерашнего дня начал делать гимнастику — помолодеть, дурак, хочет — и повалил на себя шкаф и напрасно измучился. То-то дурак 82-летний.

24 октября

Саша ревела о том, что поссорилась с Таней. И я тоже. Очень тяжело, та же напряженность и неестественность.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

24 октября

Нынче получил два письма: одно о статье Мережковского, обличающего меня, другое от немца за границей, тоже обличающее*. И мне было больно. Сейчас же подумал с недоумением: **зачем нужно, чтоб людей бранили, осуждали за их добрые стремления?** И сейчас же понял, как это не то, что оправдывается, но как это неизбежно, необходимо и благотельно. Как бы вознесся, возгордился человек, если бы этого не было, как бы незаметно удовлетворение мнению людскому подменило бы для него исполнение дела своей души. Как сразу освобождает такая ненависть и презрение людей — незаслуженные, от работы о людском мнении и переносит на одну единственную, незыблемую основу жизни: **исполнение воли своей совести, она же и воля Бога.** Приехал Гастев, и г-жа Альмединген (П.Н. Гастев — последователь Л.Н. Толстого; Н.А. Альмединген, сотрудник издательства «Просвещение». — В.Р.). Читал письма и отвечал, больше ничего не делал. Утром *обыскался*. Начал делать несвойственную годам гимнастику и повалил на себя шкаф. То-то дурень. Чувствую себя слабым. Но помню

себя, и за то спасибо. Немного занялся социализмом. Гастев очень хорошо рассказывал о Сютееве и казаке. Необходимо для народа руководитель в религиозной области и начальник в мирской.

1) Очень живо представил себе рассказ о Священнике, обращающем свободного религиозного человека, и как обратитель сам обращается. Хороший сюжет. Ездил с Булгаковым. Вечер тяжело.

*** Из комментариев**

Николая Сергеевича Родионова:

«24 октября, в числе других писем, Толстой получил письмо от петербургского студента Александра Бархударова, который обличал Толстого, указывая, что в теории он одно, а на практике другое; в доказательство непоследовательности Толстого приводил цитаты из книги Мережковского: “Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество” [...]»

Дмитрий Сергеевич Мережковский (р. 1866 г.) — писатель, поэт, литературный критик и публицист. После ухода и смерти Толстого резко переменял бывшее ранее у него отрицательное отношение к Толстому как религиозному мыслителю и в ряде статей стал указывать на величайшую значимость его как религиозного мыслителя.

Второе письмо от “немца”, о котором записал Толстой в дневнике, — тоже обличительное от Иогана Альбрехта (Johannes Albrecht) из Бреслава от 31 октября, которое, как «ругательное», Толстой оставил без ответа»¹.

Письмо Льва Николаевича Толстого

М. П. Новикову*

24 октября 10 года, Ясная Поляна

«Михаил Петрович,

В связи с тем, что я говорил вам перед вашим уходом, обращаюсь к вам еще с следующей просьбой: если бы

¹ Т. 58. С. 556.

В.К. Сютаев (1819–1892), крестьянин Тверской губернии, основатель нравственно-религиозного учения, встречался с Л.Н. Толстым. Фотография Ю. Штейнберга

М.П. Новиков. Фотография 1890-х гг.

Перед уходом. «Я отстоял свою свободу»

Новикову.

24 Октября, 10 года.
Я: ая Поляна.

Михаилъ Петровичъ,

Въ связи съ тѣмъ, что я говорилъ вамъ передъ вашимъ уходомъ
обращаюсь къ вамъ еще съ слѣдующей просьбой: если бы дѣйстви-
тельно случилось то, чтобы я пріѣхалъ къ вамъ, то не могли ли бы
вы найти мнѣ у васъ въ деревнѣ, хотя бы самую маленькую, но от-
дѣльную и теплую хату, такъ что ^{васъ} / я съ семьей я бы стѣснялъ самое
короткое время. Еще сообщая вамъ то, что если бы мнѣ пришлось
телеграфировать вамъ, то я телеграфировалъ бы вамъ не отъ своего
имени, а отъ Т. Николаева.

Буду ждать вашего отвѣта, дружески жму руку.

Левъ Толстой

Имѣйте ввиду, что все это должно быть извѣстно только вамъ
одному.

Л. Н.

Письмо Л. Н. Толстого М. П. Новикову. 24 октября 1910 г.

действительно случилось то, чтобы я приехал к вам, то **не могли бы вы найти мне у вас в деревне хотя бы самую маленькую, но отдельную и теплую хату**, так что вас с семьей я бы стеснял самое короткое время. Еще сообщая вам то, что если бы мне пришлось телеграфировать вам, то я телеграфировал бы вам не от своего имени, а от Т. Николаева. Буду ждать вашего ответа, дружески жму руку. Лев Толстой. Имейте в виду, что все это должно быть известно только вам одним. Л. Т.»¹.

*Михаил Петрович Новиков (1871–1939) — крестьянин д. Боровково Тульской губ. М.П. Новиков был в Ясной Поляне 20–21 октября 1910 г.

**Из дневника
Льва Николаевича Толстого
25 октября**

Встал очень рано, но все-таки ничего не делал. Ходил в школу* и к Прокофию (Прокофий Власович Власов, яснополянский крестьянин, бывший ученик Толстого. — В.Р.), поговорил с его сыном, отданным в солдаты. Хороший малый, обещал не пить. Потом немного о социализме. Ездил в школу с Альмединген и потом с Душаном далеко. **Вечером читал Montaign’a**. Приехал Сережа (сын Л. Н. Толстого. — В.Р.). Он мне приятен. Софья Андреевна все так же тревожна.

*** Из комментариев**

Николая Сергеевича Родионова:

«[...] Утром 25 октября Толстой носил в яснополянскую школу для раздачи ребятам экземпляры детского журнала «Солнышко», привезенные Н.А. Альмединген. [...] В 2 часа дня Толстой верхом поехал в школу, чтобы спросить у ребят, что они поняли из тех книжек журнала “Солнышко”, которые он утром снес им. Выяснилось, что учитель утром их не раздал, и Лев Николаевич сам раздал их. Вслед за ним в школу

¹ Т. 82. С. 210, 211.

Л. Н. Толстой в яснополянском кабинете. 1908.
Фотография К. К. Буллы

Л. Н. Толстой на открытии народной библиотеки
Московского общества грамотности в д. Ясная Поляна. 31 января 1910 г.
Фотография В. Г. Чертова

пришли пешком А.Л. Толстая с В.М. Феокритовой и С.А. Толстая с Н.А. Альмединген. [...]»¹.

Из воспоминаний Сергея Львовича Толстого

«25 октября вечером я приехал в Ясную из Тулы. Никого посторонних не было; были только моя мать, сестра Саша, Душан Петрович и Варвара Михайловна. Я пошел в кабинет к отцу, думая, что он захочет со мною поговорить о матери, а может быть, и о моих делах. Но мать все время была тут же и все время говорила без умолку. Он начнет говорить, а она его перебивает, говоря совсем о другом. Он умолкал, ждал, когда она даст ему возможность вставить слово, и тогда продолжал говорить о том, о чем начал. Точно его перебивал посторонний шум [Далее С.Л. Толстой в этот вечер разговаривал с отцом о литературе, играл в шахматы и по его просьбе играл на фортепьяно. — *Н.С. Родионов*]. Когда я сыграл “Ich liebe dich” Грига (в аранжировке Грига же), он всхлипнул (последняя музыка, слышанная в жизни Л.Н. Толстым. — *В.Р.*). Уходя спать, я пошел в кабинет прощаться с ним. Кроме нас, никого в комнате не было. Он спросил меня: “Почему ты скоро уезжаешь?” Я собирался уезжать рано утром на следующий день. Я сказал, что мне надо устроить свои дела. Я очень хотел пожить в Ясной некоторое время, несколько разобраться в том, что там происходило, и, может быть, помочь, но мне сперва хотелось уладить свои личные дела... Как мне теперь кажутся ничтожными эти дела. Отец на это сказал: **“А ты бы не уезжал”**. Я ответил, что скоро опять приеду. Впоследствии я вспомнил, что он сказал эти слова с особенным выражением; он, очевидно, думал о своем отъезде и хотел, чтобы я после его отъезда оставался при матери: он всегда думал, что я могу несколько влиять на нее. **Прощаясь, он торопливо и необычно нежно притянул меня к себе с тем, чтобы со мной поцеловаться.** В другое время он просто подал бы мне руку»².

¹ Т. 58. С. 558.

² Т. 58. С. 558, 559.

С.Л. Толстой в Ясной Поляне. 28 августа 1903 г.
Фотография Ф.Т. Протасевича

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
25 октября**

Все то же тяжелое чувство. Подозрения, подсматривание и грешное желание, чтобы она подала повод уехать. Так я плох. А подумаю уехать и об ее положении, и жаль, и тоже не могу. Просила у меня письмо Чертковой Гале.

**Из дневника
Софьи Андреевны Толстой
25 октября**

«[...] Вечером приезжал сын Сережа, играл с отцом в шахматы, а потом на рояле. Приезд Сережи всегда приятен. [...] Сегодня Лев Ник. переписался с Галей Чертковой. Я спросила, о чем? И теперь новая отговорка его, и он злоупотребляет этим, что забыл. **Я попросила письмо Гали, он сказал, что не знает, где оно, и опять неправда. Скажи: “Не хочу показывать”. А то последнее время эта вечная ложь, обман, отвиливание. Как он ослабел нравственно! Какое отсутствие доброты, ясности и правдивости! Грустно, тяжело, мучительно грустно! Опять замкнулось его сердце, и опять что-то зловещее в его глазах. А у меня сердце болезненно ноет; опять не хочется жить, от всего отпадают руки. Злой дух еще царит в доме и в сердце моего мужа.**

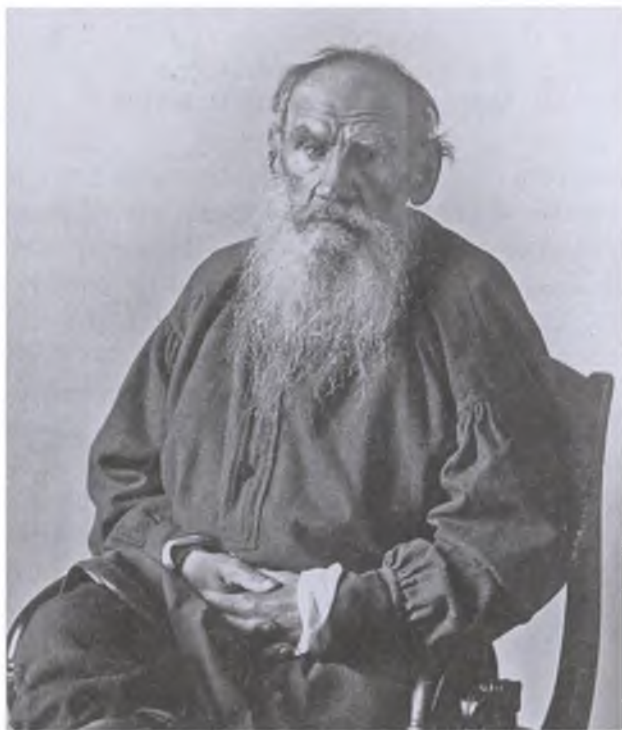
“Да воскреснет бог, и расточатся враги его!”

Кончаю и надолго запечатаю этот ужасный дневник, историю моих тяжелых страданий! Проклятие Черткову, тому, кто мне их причинил! Прости, господи»¹.

**Из дневника Александры Львовны Толстой
25 октября 1910 г.**

«Вошла к отцу. Он сидел на кресле у стола, ничего не делая. Как-то странно видеть его без книги в руке, без пера, непривычно.

¹ Т. 2. С. 225.

Л. Н. Толстой. 9 октября 1902 г. Ясная Поляна.
Фотография фирмы «Шерер, Набгольц и Ко»

Л. Н. Толстой с дочерью Александрой Львовной. Ясная Поляна. 1909.
Фотография В. Г. Черткова

— Я сижу и мечтаю, — сказал он мне, — мечтаю о том, как я уйду. Ты ведь захочешь идти непременно со мной? — спросил отец.

— Да, я не хотела бы тебя стеснять, может быть, первое время, чтобы тебе легче было уйти, не пошла бы с тобой, а вообще жить врозь с тобой я не могу.

— Да, да, но ты знаешь что, я все думаю, что ты для этого недостаточно здорова, насморки, кашель начнется...

— Нет, нет, это ничего. Мне будет лучше в простой обстановке.

— Если так, то мне самое естественное, самое приятное иметь тебя около себя как помощницу. Я думаю сделать так. Взять билет до Москвы, кого-нибудь Черткову послать с вещами в Лаптево и самому там слезть. А если там откроют, еще куда-нибудь поеду. Ну, да это, наверное, все мечты, я буду мучиться, если брошу ее, меня будет мучить ее состояние... А, с другой стороны, так делается тяжела эта обстановка, с каждым днем все тяжелее, да еще и Софья Андреевна так тяжело. Я, признаюсь тебе, жду только какого-нибудь повода, чтобы уйти»¹.

Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого
26 октября

Все больше и больше тягочусь этой жизнью. Марья Александровна не велит уезжать, да и мне совесть не дает. **Терпеть ее, терпеть, не изменяя положения внешнего, но работая над внутренним.** Помогите, Господи.

[27 октября] 25 октября

Всю ночь видел мою тяжелую борьбу с ней. Проснулся, заснул и опять тоже. Саша рассказывала про то, что говорится Варваре Михайловне. И жалко ее и невыносимо гадко.

¹ Толстая А.Л. Дневник. 1910 // Уход Льва Толстого. М., 2011. С. 301.

26 октября

Ничего особенного не было. Толькоросло чувство стыда и потребности предпринять.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

26 октября

Видел сон. Грушенька (героиня романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». — *В.Р.*), роман, будто бы Ник. Ник. Страхова. Чудный сюжет. Написал письмо Черткову. Записал для «О социализме». Написал Чуковскому (К.И. Чуковский, публицист, писатель. — *В.Р.*) о смертной казни. **Ездил с Душаном к Марье Александровне** (М.А. Шмидт, единомышленник Л.Н. Толстого. — *В.Р.*). Приехал Андрей (сын Л.Н. Толстого. — *В.Р.*). **Мне очень тяжело в этом доме сумасшедших.** Ложусь.

Из письма Льва Николаевича Толстого В.Г. Черткову

26 октября 1910 г. Ясная Поляна

«Нынче в первый раз почувствовал с особенной ясностью — до грусти — как мне недостает вас...

Есть целая область мыслей, чувств, которыми я ни с кем иным не могу так естественно делиться, — зная, что я вполне понят, — как с вами. Нынче было таких несколько мыслей-чувств. **Одна из них** о том, нынче во сне испытал толчок сердца, который разбудил меня, и, проснувшись, вспомнил длинный сон, как я шел под гору, держался за ветки и все-таки поскользнулся и упал, — т.е. проснулся. [...] Все сновидение, казавшееся прошедшим, возникло мгновенно, так одна мысль о том, что в минуту смерти будет этот, подобный толчку сердца в сонном состоянии, момент вневременный, и вся жизнь будет этим ретроспективным сновидением. [...] **Вторая мысль** — чувство это опять-таки нынче виденное мною, уже третье в эти последние два месяца, художественное, прелестное нынешнее, художественное сновидение. Постараюсь записать его и предшествующие хотя бы в виде конспектов. **Третье**, это уже не столько мысль, сколько чувство, и дурное чувство, — желание

М.А. Шмидт. Овсянниково. 1904.
Фотография М.Л. Оболенской, дочери Л.Н. Толстого

перемены своего положения. Я чувствую что-то недолжное, постыдное в своем положении, и иногда смотрю на него — как и должно — как на благо, а иногда противлюсь, возмущаюсь.

Саша сказала вам про мой план, который иногда в слабые минуты обдумываю (об уходе. — *В.Р.*). Сделайте, чтобы слова Саши об этом и мое теперь о них упоминание было бы *comme non avenue* (как не бывшее. — *В.Р.*).

[...] Если что-нибудь предприиму, то, разумеется, извещу вас. Даже, может быть, потребую от вас помощи. Л.Т.». ¹

**Из письма
Владимира Григорьевича Черткова
Л.Н. Толстому**

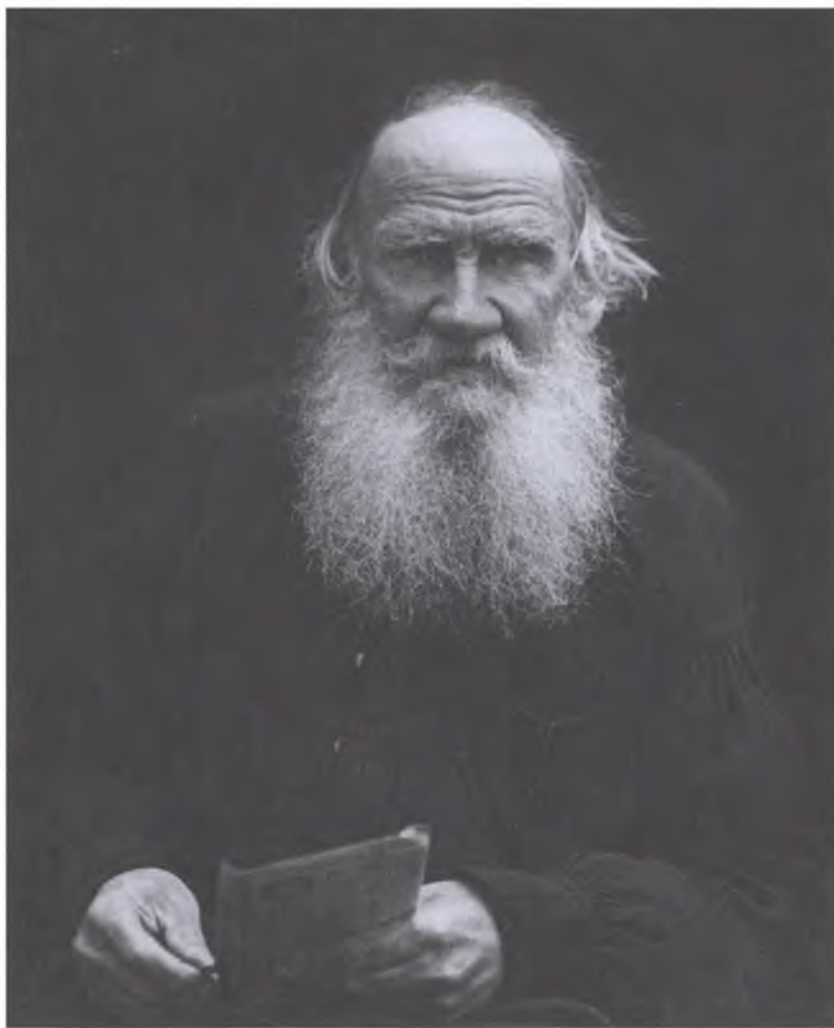
26–27 октября 1910 г. Телятинки.

«Очень мне радостно было получить сегодняшнее ваше письмо, в котором вы делитесь тем, что переживаете в глубине вашей души.

Помню, как давно выраженное вами представление о здешней жизни как о сновидении меня в свое время прельстило. **И с тех пор** в лучших состояниях своей духовной жизни, в особенности, когда бывает оттенок утомления от мирской суеты или грусти по ушедшему из этой жизни дорогому существу, — **во мне особенно живо и радостно возникает это представление об этой жизни**, как о сне, от которого предстоит проснуться. И это не только не вызывает равнодушия к этой жизни, но, наоборот, как-то помогает отличить то, что в ней есть наиболее важного и существенного.

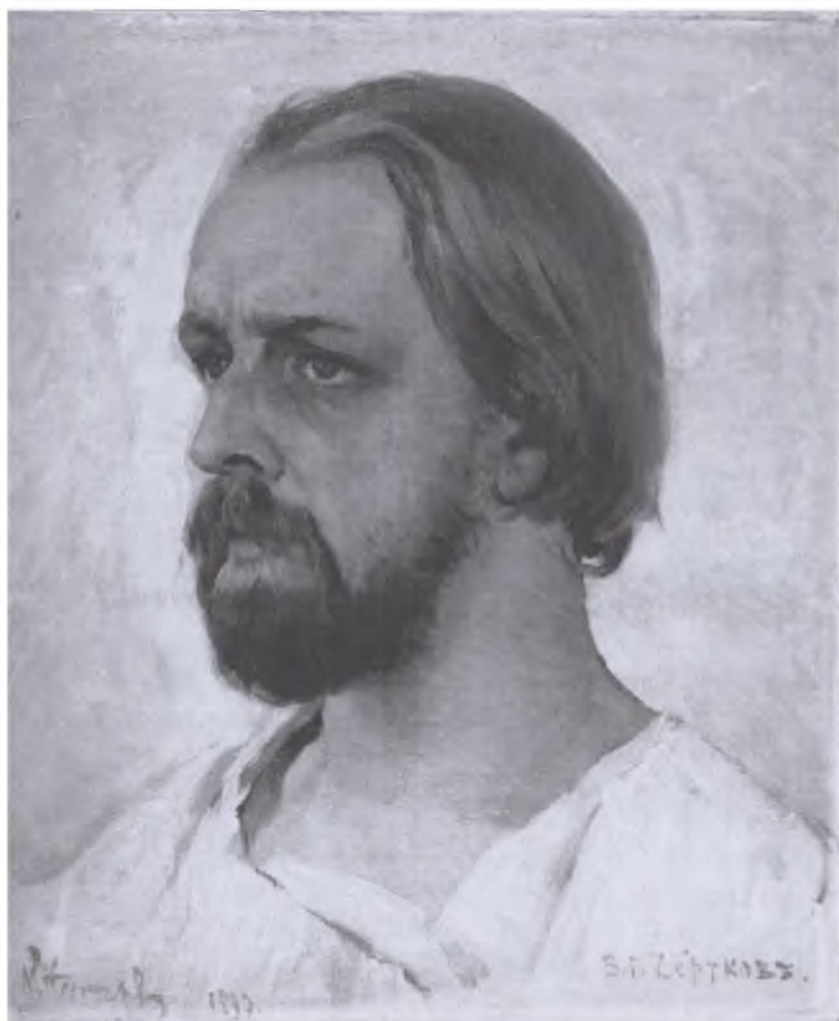
Вы просите меня писать о себе. **Я нахожусь сейчас** в таком душевном состоянии, которое можно определить словами “на распутье”. **Могу распусться и могу подтянуться**. Сильного духовного содержания еще нет, но нет и апатии, спячки. Если возьму себя в руки и буду держать себя в руках, то, судя по прошлому опыту, во мне может возобновиться духовный подъем. Этого желаю и об этом молю Бога. [...]

¹ Т. 89. С. 230, 231.

Л.Н. Толстой. Кочеты. 1910. Фотография В.Г. Черткова

Перед уходом. «Я отстоял свою свободу»

В.Г. Чертков. Художник М.В. Нестеров. 1890

Очень, очень благодарю вас за ваше сегодняшнее письмо. Все ваши письма мне дороги, но такие, в которых вы говорите о том, что переживаете, — особенно дороги.

Очень надеюсь, что вы успеете, хоть конспектно, записать содержание ваших слов. Сделайте это хоть в письме ко мне, чтобы не отнестись к своему изложению слишком требовательно»¹.

Из дневника Александры Львовны Толстой

26 октября

«Вчера вечером хорошо было. Сережа был очень мил, кроток, с отцом ласков, играл нам, но, как всегда, конфузился, забывал, останавливался...

Ночью, как мне сегодня сказал отец, мать приходила спрашивать его, что ему пишет Галя (жена В.Г. Черткова. — В.Р.). Отец сказал, что не помнит. Она была опять встревожена. Нынче утром я встала рано, вышла гулять, кажется, девяти еще не было, встречаю мать, одетую в пальто, стоит и что-то говорит Андриану, кучеру.

— Что ты так рано? — спросила я ее.

— А ты почему так рано? — ответила она мне вопросом же.

— Да я каждый день так.

— Андрюша (сын Л.Н. Толстого. — В.Р.) приезжает, я посылаю за ним сейчас в Тулу.

Сердце у меня упало. “Не было печали”, — подумала я про себя.

Утром отец писал письмо Чуковскому (К.И. Чуковский, молодой писатель, журналист. — В.Р.) о смертной казни, написал письмо бате (В.Г. Чертков. — В.Р.), упоминая между прочим о возможности своего ухода из дома к Новикову. Я утром переписала все, что было из его дневника, многое привела в порядок, написала письма. На душе хорошо, хорошо, главное, от этой близости с отцом, которую чувствую каждую минуту в нашей жизни.

¹ УЛТ. С. 544.

После завтрака я ушла одна пешком к Черткову. Выходя из деревни, я встретила Булгакова (В.Ф. Булгаков, секретарь Л.Н. Толстого. — В.Р.), он шел так же, как и я, с зеленой папкой под мышкой.

— Как дела? — спросил он меня.

— **Беда, Андрей приезжает.**

Он рассмеялся:

— Брат приезжает — это беда.

— Да что же делать, — ответила я, — ну прощайте, — и я пошла.

Ч. (Чертков. — В.Р.) и Галя, как всегда, были ласковы со мной, я чувствую, что привязываюсь к ним все больше и больше.

Когда я вернулась от Ч., Андрей уже приехал. Признаюсь, немного билось сердце, было жутко и неприятно.

Вошла мать.

— Андрюша, у вас еще не был?

— Нет.

— А ведь он хотел к вам прийти, он очень хорош, бодр, ласковый, уговаривал меня примириться с Ч.

А через несколько минут приходит и Андрей. Он вошел со словами:

— Ну, как примет меня моя сестра?

— Сестра всегда братьев одинаково принимает, — ответила я, — все зависит от самих братьев.

Мне были приятны его слова, какой он ни на есть, а все-таки почувствовал, что в последний приезд свой сделал мне больно, и хотел это загладить. Действительно, он был в хорошем настроении. В четыре с половиной приехал отец, лег спать, а в 5 часов 5 минут слышу звонок, побежала к отцу.

— Что же не дают обедать? — спросил он меня.

— Да ведь только пять часов.

— Разве, — он посмотрел на часы, — а ведь я уже вздремнул.

— Ну, так у тебя еще час впереди.

Я ушла. Признаюсь, мне было жутко, жутко, не начинается ли беспамятство, обморок. Я еще больше испугалась, когда в 6 с половиной, в 7 часов его все еще не было. Мать слушала

у одной двери, я у другой. Но, слава Богу, в 7 он проснулся. Я вошла к нему. Он был немного слаб, но не было ничего похожего на обморочное состояние. Я сказала ему, что Андрей в хорошем настроении:

— Слава Богу, слава Богу, — сказал он, — а я, признаюсь, немного боялся.

Я забыла написать, что когда утром Варя сообщила ему о приезде Андрея, он ахнул, а потом несколько раз повторил:

— **Помоги, Господи! Помоги, Господи!**

За обедом отец расспрашивал у Андрея про его службу, про крестьянский банк. Говорили спокойно, без раздражения друг против друга, как часто бывает между братьями и отцом. Вечером сидели все вместе, пили чай. [...]»¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

27 октября

Встал очень рано. Всю ночь видел дурные сны. Хорошо ходил. Дома письма. Немного работал над письмом к Н. (видимо, вариант прощального письма к Софье Андреевне. — В.Р.) и «О социализме», но нет умственной энергии. Ездил с Душаном. Обед. Чтение Сютаева (видимо, рукописи П.Н. Гастева. — В.Р.). Прекрасное письмо хохла к Черткову (письмо Ивана Диомидовича Овдиюка, крестьянина из Луганска Екатеринославской губ., о духовном перевороте под воздействием В.Г. Черткова. — В.Р.). Поправлял Чуковскому (статья «Действительное средство». — В.Р.) Записать нечего. Плохо кажется, а в сущности хорошо. Тяжесть отношений все увеличивается.

Из «Яснополянских записок» Душана Петровича Маковицкого

27 октября

«Ехали молодым лесом по такой просеке, куда никогда не ездили, по просеке параллельно Лихвинской железной дороге,

¹ УЛТ. С. 301 – 303.

Перед уходом. «Я отстоял свою свободу»

Река Воронка. Ясная Поляна. 1897.
Фотография С.А. Толстой

Возвращение Л. Н. Толстого с верховой прогулки. Ясная Поляна. 1903.
Фотография П. А. Сергеев (?)

между дорогами Жаров — Горюшино и Угрюмские казармы — Горюшино. Приехали к оврагу. Я посоветовал слезть, провел лошадей, а Л. Н. с большим трудом, отдыхая, медленно перелез. Когда подошел к лошади, очень задышался. Заметил, что мог бы и верхом на лошади проехать овраг.

Софья Андреевна сегодня говорила Варваре Михайловне, что она согласна “допустить” Черткова в дом и быть с ним такой, какая была, если ей выдадут дневники с 1900 года до теперешних. Но Л. Н-ча к Черткову не пустит, а то Чертков пригласит нотариуса и внушит Л. Н. написать завещание.

Л. Н. говорил Александре Львовне, какая тяжелая обстановка в доме: не будь ее (Александры Львовны), уехал бы.

Итак, он наготове. Вчера меня спрашивал, когда утром идут поезда на юг. Вчера говорил Марии Александровне, а перед этим нам, что уже четыре месяца ему не работается, т.к. Софья Андреевна то и дело вбегает, подозревает какие-то тайны, писанные и говоренные. [...]»¹.

Из дневника Александры Львовны Толстой

27 октября

«Нынче проспала, пришла, принесла переписанное мною письмо Чуковскому около десяти часов. Отец сидел уже и читал письма.

— Вот возьми, прочти и, пожалуй, перепиши, если разберешь, — сказал он мне, — это письмо мама, которое я оставляю ей, если уйду. А я все больше и больше думаю об этом, — прибавил он. — Уж очень тяжело. Вчера ночью опять пришла, спрашивает меня, что мне пишет Чертков. Я ответил, что письмо деловое, что секретов в нем нет, но что я принципиально не хочу ей давать читать. Пошли упреки... **Тяжела эта вечная подозрительность, постоянное заглядывание из дверей, перерывание бумаг, подслушивание, тяжело. А тут уходят последние дни, часы жизни, которые надо употребить на другое...**

¹ *Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 396, 397.*

Когда я принесла письмо, которое здесь прилагаю, я только сказала ему:

- Папа, я одна не останусь, я уйду за тобой.
- Я попросил бы тебя первое время остаться с ней.
- Не знаю, я все-таки, вернее всего, уйду с тобой.

Он взял переписанное мною и положил в свою записную книжечку. [...]

Я ему передала одно мое соображение, которое, может быть, и неверно, но о котором думала. Соображение это в том, что мне кажется, раз мать подозревает или даже знает, как она это писала, о завещании, то она не могла бы не сообщить этого Андрею, и если сообщила, это не могло не рассердить и не расстроить Андрея. Поэтому думаю, что сочинения отца запроданы ими и что, зная, что они получают за них деньги сейчас, им все равно, есть или нет завещание.

Я сообщила все это отцу и просила его подумать о том, не следует ли напечатать сейчас же, не дожидаясь того, чтобы мать продала издание, заявление в газеты. Отец сказал, что он подумает, и еще раз повторил, что он все больше и больше думает об уходе из дома.

Днем он ездил верхом, а я поехала опять к батю. Батя написал отцу небольшое письмецо, которое я и передала вечером.

Когда я вернулась от Ч., Варя отозвала меня к нам в комнату и рассказала мне происшедший между ней и матерью разговор. **Мать опять говорила об эгоизме и злобе отца**, что он к старости делается все более и более озлобленным, говорила опять о дневниках, что [два слова утрачено] отцу выбор: или чтобы он взял дневники, отдал ей, С.А. [два слова утрачено] *позволить* ему видаться с Ч. (но только не в Телятинках, а то там еще привезут нотариуса и подпишут завещание, а только в Ясной), или, если он не отдаст ей дневников, она никогда не позволит ему видаться с Ч.: **“Если он поедет к Ч., я сейчас же, сию минуту уеду и не вернусь”**.

Этот разговор я передала отцу.

— **Это только еще более укрепляет меня в моем решении уехать**, — сказал он, — но только у меня теперь другой

Л. Н. Толстой с дочерью Александрой. Ясная Поляна. 1908

Л. Н. Толстой на лавочке под «деревом бедных». 1908.
Фотография П. Е. Кулакова

план. Я уеду к Тане, а оттуда **уеду в Оптину Пустынь, приду к какому-нибудь старцу и попрошу позволения жить там.** Они, верно, меня примут, **будут надеяться обратить меня»¹.**

Из дневника Александры Львовны Толстой

28 октября

«С вечера 27-го было особенно тяжелое настроение. Сначала матери не было за чаем, она занималась корректурой, и мы сидели за чаем вчетвером: папа, Душан, Варя и я. Отец пил землянику. Через некоторое время пришла мать. Я встала, взяла свою чашку чая и молча вышла. Не просидела я в своей комнате и пяти минут, как пришла Варя:

— Лев Николаевич, как только ты ушла, встал, взял свою чашку земляники и вышел. [...]»².

28 октября

Около 2–3 часов ночи

[СОФЬЯ АНДРЕЕВНА ЗАХОДИТ В СПАЛЬНЮ К МУЖУ, СПРАШИВАЕТ «О ЗДОРОВЬЕ» И УДИВЛЯЕТСЯ НА СВЕТ, КОТОРЫЙ ОНА ВИДИТ У НЕГО. — В. Р.]

Из дневника Льва Николаевича Толстого

28 октября

Лег в половине двенадцатого. Спал до 3-го часа. Проснулся и опять, как прежние ночи, услышал отворяние дверей и шаги. В прежние ночи я не смотрел на свою дверь, нынче взглянул и вижу в щелях яркий свет в кабинете и шуршание. Это С.А. что-то разыскивает, вероятно, читает. Накануне она просила, требовала, чтобы я не запирал дверей. Ее обе двери открыты, так что малейшее мое движение слышно ей. И днем, и ночью все мои движения, слова должны быть известны ей и быть под ее контролем. Опять шаги, осторожное отпирание двери и она проходит. Не знаю отчего, это вызвало во мне неудержимое

¹ УЛТ. С. 303.

² Там же. С. 303, 304.

Л. Н. Толстой в яснополянском кабинете за работой. 1909.
Фотография С. А. Толстой

отвращение, возмущение. Хотел заснуть, не могу, поворочался около часа, зажег свечу и сел. Отворяет дверь и входит С.А., спрашивая «о здоровье» и удивляясь на свет, который она видит у меня. Отвращение и возмущение растет, задыхаюсь, считаю пульс — 97. Не могу лежать и вдруг принимаю окончательное решение уехать. Пишу ей письмо, начинаю укладывать самое нужное, только бы уехать. Бужу Душана, потом Сашу. Они помогают мне укладываться. Я дрожу при мысли, что она услышит, выйдет сцена, истерика, и уж впредь без сцены не уехать...

**Письмо Льва Николаевича Толстого,
оставленное жене в ночь ухода из Ясной Поляны**

«Отъезд мой огорчит тебя. Сожалею об этом, но пойми и поверь, что я не мог поступить иначе. Положение мое в доме становится, стало невыносимым. Кроме всего другого, я не могу более жить в тех условиях роскоши, в которых жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни.

Пожалуйста, пойми это и не езди за мной, если и узнаешь, где я. Такой твой приезд только ухудшит твое и мое положение, но не изменит моего решения. Благодарю тебя за твою честную 48-летнюю жизнь со мной и прошу простить меня во всем, чем я был виноват перед тобой, так же как и я от всей души прощаю тебя во всем том, чем ты могла быть виновата передо мной. Советую тебе помириться с тем новым положением, в которое ставит тебя мой отъезд, и не иметь против меня недоброго чувства. Если захочешь что сообщить мне, передай Саше, она будет знать, где я, и перешлет мне, что нужно; сказать же о том, где я, она не может, потому что я взял с нее обещание не говорить этого никому.

Лев Толстой. 28 октября

Собрать вещи и рукописи мои и переслать мне я поручил Саше. Л.Т.»¹.

¹ Т. 84. С. 403.

прощаю тебя во всем, мне
 жаль, что много слов написала
 тебе и твоей, Своего же тебе по-
 мириться со мной ^{хочу} ~~хочу~~ ^{хочу}
 и все ставлю перед тобой и
 не хочу, чтобы ты ~~не~~ ^{не} ~~не~~ ^{не}
 этого чувствовала. Если заметишь что
 забыла, или передала что-то
 тебе, то дай мне и переписать, и
 так будет, скажи мне в том, что
 не передала, и в том, что ~~не~~ ^{не} ~~не~~ ^{не}
 этого не передала. ~~Итого 28 окт 1910~~

Сергей Львович
~~Толстой~~

Письмо Л. Н. Толстого к С. А. Толстой об уходе. 28 октября 1910 г.
Ясная Поляна. Автограф (окончание)

* * *

Несмотря ни на какие семейные трудности, Толстой ни на минуту не останавливал творческую писательскую деятельность.

С июня по октябрь 1910 года постоянно вел сначала один дневник, потом два сразу, семь записных книжек, отдельные листы к ним.

Осуществлял корректуру отдельных книжек и книжечек (разделов) «Пути жизни»: «Излишество», «Тщеславие», «Ложная наука», «Слово», «Смирение», «Неравенство», «Наказание», «Ложная вера», «После смерти», «Для души», «Половая похоть», «Гнев», «Гордость»...

Как публицист и философ Толстой написал *Доклад для конгресса мира в Стокгольме*, *Обращение к Славянскому съезду в Софии*, последнее предисловие к «Пути жизни», [Воспоминание о Н. Я. Гроте], статьи «О безумии», «О социализме», «Действительное средство». Как художник он создал рассказы «Нечаянно», «Благодарная почва», сказки «Всемирно», «О молодом царе, ушедшем в работники», продолжал работать над произведением «Нет в мире виноватых».

В нем жил темперамент художника. Обдумывал написание произведения на тему «Блудница. Мать», создание оригинального жанра «Очерк характеров», мечтал художественно запечатлеть «изображение всей пошлости жизни богатых и чиновничьих классов и крестьянских рабочих», написать рассказ на «хороший сюжет» о «священнике, обращающем свободного религиозного человека, и как обратитель сам обращается». Толстому хотелось писать «что-нибудь художественное», но душу тяготила тяжелая атмосфера в доме, она перекрывала свободное дыхание для свободного творчества.

В «Дневнике для одного себя» 2 октября 1910 года он с грустью пишет: «Нынче живо почувствовал потребность художественной работы и вижу невозможность отдаться ей от нее, от неотвязного чувства о ней, от борьбы внутренней. Разумеется, борьба эта и возможность победы в этой борьбе важнее всех возможных художественных произведений». И за день

до ухода, 26 октября, он сетует на отсутствие условий для свободного творчества: «Видел сон. Грушенька, роман, будто бы Ник. Ник. Страхова. Чудный сюжет. Написал письмо Черткову. Записал... “О социализме”. Написал Чуковскому “О смертной казни”. Ездил с Душаном к Марье Александровне. Приехал Андрей. Мне очень тяжело в этом доме сумасшедших».

Необходимо было сделать шаг навстречу свободе, и он сделал его.

«Я отстаю свою свободу. Поеду, когда я захочу»¹.

¹ Дневник Л.Н. Толстого. 8 сентября 1910 г.

Nels Thompson

УХОД

«Мы все братья у одного Царя»

1910

ТАЙНЫЙ ОТЪЕЗД ИЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
28 октября. Около 3 часов утра

«Утром, в 3 часа, Л.Н. в халате, в туфлях на босу ногу, со свечой, разбудил меня; лицо страдальческое, взволнованное и решительное. Сказал мне:

— Я решил уехать. Вы поедете со мной. Я пойду наверх, и вы приходите, только не разбудите Софью Андреевну. Вещей много не будем брать — самое нужное. Саша дня через три за нами приедет и привезет, что нужно¹. Сказав это, Л.Н. ушел к себе наверх.

Я, во-первых, уложил свои вещи, а потом пошел к Л.Н.; с ним встретился за дверьми моей комнаты. Опять он шел со свечой, уже одетый.

— Я вас ожидал, — сказал мне Л.Н.

Слышно было в голосе, что я ему был нужен и опоздал. Л.Н. пошел будить Александру Львовну, а я поспешил в кабинет укладывать его вещи. Белье и некоторые вещи он сам себе приготовил. Вскоре Л.Н. вернулся. Он и ночью покоя не имеет, не высыпается. Нервен. Пощупал ему пульс — 100. Может, что приключится. Пришла Александра Львовна. Л.Н. и ее попросил помочь ему укладывать вещи, особенно рукописи.

Л.Н. был уже одет, и было уже написано письмо Софье Андреевне.

¹ Здесь и далее слова Льва Толстого в его собственных текстах и в мемуарах современников выделены жирным курсивом. — В. Р.

Д. П. Маковицкий. Нач. 1900-х гг. Словакия. Zsolna.
Фотография Rek Matild

Л.Н., поговорив с Александрой Львовной, рассказал ей, что его побудило сейчас уезжать и куда поедет; предполагал в Шамордино; если в другое место, то уведомит ее телеграммой на имя Черткова с подписью *Т. Николаев* (курсив Маковицкого Д.П. — *В.Р.*). Л.Н. вскоре вернулся вверх. Вещей, которые Л.Н. брал с собой, оказалось столько, что нужен был его большой чемодан, а его Л.Н. не хотел брать, боясь разбудить Софью Андреевну. Между спальнями Л.Н. и Софьи Андреевны было три двери, которые Софья Андреевна на ночь отворяла, чтобы лучше слышать Л.Н. из своей комнаты. Все эти двери Л.Н. закрыл, чемодан без шума достал.

Вскоре за ним пришла Александра Львовна, и ей Л.Н. дал спрятать рукописи. Л.Н. был встревожен, беспокоен. Искал еще некоторые нужные ему вещи: записные книжки, перо, книгу П.П. Николаева, которую он тогда читал: «Понятие о Боге», и др. Вскоре сошел вниз и, переговорив с Александрой Львовной, ушел, торопясь в кучерскую, которая была в некотором расстоянии от дома, будить кучера — закладывать лошадей. Еще не было 5 часов утра. Ночь была темная, и Л.Н. заблудился, свернув с дорожки через яблочный сад, потерял шапку. Долго ее искал с электрическим фонарем и не нашел. И так, без шапки, дошел до кучерской, разбудил Адриана Павловича.

Когда мы кончили укладывать вещи, оказалось их очень много: большой дорожный чемодан и еще большая связка — плед, пальто, корзинка. Александра Львовна, Варвара Михайловна и я, мы понесли их на конюшню, чтобы там садиться и ехать, а не от дома, из боязни разбудить Софью Андреевну.

Было сыро, грязно, мы едва несли тяжелые вещи. На полдороге встретили Л.Н. с фонариком. Он рассказал, как потерял шапку; у меня в кармане была другая его шапка»¹.

Из дневника Александры Львовны Толстой

«Долго в эту ночь мы не спали с Варей, все нам казалось, что кто-то ходит, говорит наверху, и мы боялись, что между отцом

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 397, 398.

и матерью что-нибудь происходит. Заснули к утру и, должно быть, не проспали и часа, как слышим стук в дверь. Мы вскочили обе разом. Я подошла к двери, отворила ее.

— Кто тут?

— *Это я, Лев Николаевич, я сейчас уезжаю... совсем...*

Пойдемте, помоги мне уложиться.

— Ты один? — со страхом спросила я.

— *Нет, я беру с собой Душана Петровича.*

— А, слава Богу, — сказала я облегченно.

Мы наскоро оделись и пошли наверх укладываться. Сердце так билось, руки дрожали, что я все делала не то, что нужно, бралась не за то, спешила...

Я ждала его ухода, ждала каждый день, но, тем не менее, когда услышала, что он уходит, когда он сказал эти слова: “Я уезжаю сейчас, совсем”, — это было ошеломляющее впечатление. Я никогда, сколько бы мне ни пришлось жить, не забуду его фигуры в дверях, в блузе, со свечой в руках и светлым-светлым лицом, решительным и прекрасным.

Душан Петрович был уже наверху, такой же взволнованный и возбужденный, как и мы все. Он помогал отцу укладывать вещи, так же все ронял, спешил, суетился. Когда я вошла в кабинет, отец совершенно спокойно, аккуратно что-то укладывал в коробочки, завязывая веревкой. Он указал мне на кипу рукописей, которые лежали аккуратно сложенные на стуле, и сказал:

— *Вот, Саша, я выбрал все свои рукописи, пожалуйста, возьми и сохрани их. Я и мамá написал, что отдаю их тебе на сохранение.*

Лицо его было спокойное, розовое, движения медленные, не было заметно никакой поспешности, и только прерывающийся голос выдавал его страшное волнение.

Я отнесла рукописи к себе, спросила его, взял ли он дневник, он ответил, что взял и просил меня уложить его карандаши и перья. Я хотела уложить его клизму, но он воспротивился, сказав, что это не нужно.

Мы двигались чуть слышно и все время сдерживали друг друга: “Тише, тише, не шумите”. Двери были закрыты, и когда

Художник В. И. Россинский. Толстой сообщает об уходе

я спросила отца, кто закрыл двери, он сказал мне, что потихоньку, едва ступая, он подошел к спальне матери, затворил ее двери и дверь из коридора.

— *Ты останешься, Саша, я выпишу тебя через несколько дней, когда я решу окончательно, куда поеду, а поеду, вероятнее всего, к Машеньке. Скажи мамá, что нынче ночью была последняя капля, которая переполнила чашу. Когда я засыпал, я, как и каждую ночь, услышал шаги в кабинете, посмотрел в щель и увидел, что она перерывает бумаги. Мне стало так противно, так гадко. Я лежал, не мог заснуть, сердце билось, я счел пульс, было 97. А потом она вошла и спросила меня про мое "здоровье". Я всю ночь не спал и к утру решил уйти.*

Укладывали вещи около пол часа, отец начал волноваться, торопил Душана, но у нас руки дрожали, ремни не застегивались, чемодан не закрывался.

Наконец отец сказал, что ждать не будет, не может и пойдет на конюшню, чтобы запрягли лошадей. Я сошла за ним вниз, таща уже готовые вещи. Душан Петрович торопился укладывать остальное, Варя готовила провизию им в дорогу. Отец надел свою синюю поддевку, калоши, рыженькую шапочку, рукавицы и вышел. Мы торопливо укладывали остальные вещи. Только что собирались выносить их, как открывается наружная дверь, и отец без шапки входит назад.

— Что случилось?

— *Да такая темнота, зги не видно, я пошел по дорожке, сбился, наткнулся на акацию, упал, потерял шапку, искал ее, искал, не нашел и должен был вернуться обратно. Достань мне, Саша, другую шапку»¹.*

Из дневника Александры Львовны Толстой

28 октября

«Прощай, голубушка, прощай... Ну, да мы скоро увидимся»

«Мы с Варей побежали за шапкой, принесли две, отец выбрал самую скромную и опять вышел. (Во время сборов

¹ УЛТ. С. 304, 305.

и укладывания вещей меня поражало, что он ничего не хотел брать такого, что было не крайне необходимо, так не взял своего электрического фонарика, и только когда он упал, мне удалось попросить взять его, не хотел брать лекарств, мехового пальто, и только надел его потому, что мы не могли найти полушубка).

Отец вышел, а через несколько минут и мы пошли на конюшню, таща на себе тяжелые связки и чемоданы, было грязно, ноги скользили, и мы с трудом подвигались в темноте. Но вот около флигеля заблестел синенький огонек.

— Ах, это вы. Ну, на этот раз я дошел благополучно до конюшни, и нам уже запрягают, — сказал он. — Ну, я пойду вперед и буду светить вам.

Он пошел вперед, изредка нажимая кнопку у электрического фонаря и тотчас же отпуская ее. Отец всегда жалел тратить произведения труда человеческого понапрасну, а к таким нововведениям относился с особенно большим уважением, и ему жалко было тратить запас электричества. **Так подвигались мы, то в полном мраке, то изредка направляемые светом фонаря, который отец, жалея, тотчас же затушевывал.** Когда мы пришли на конюшню, Андриан, кучер, заводил в дышла уже вторую дышловую лошадь. Отец взял узду и стал надевать ее, но руки не слушались его, и он никак не мог застегнуть пряжки. Он все время торопил кучера, а потом сел в уголке на чемодан и, по-видимому, сразу упал духом.

— Я чувствую, — сказал он, — что вот-вот нас настигнут, и тогда все пропало. Без скандала уже не уехать.

Но вот лошади готовы, кучер оделся, Филя с факелом вскочил на лошадь.

— Трогай.

— Постой, постой, — закричала я, — папаша, дай поцеловать тебя.

— Прощай, голубушка, прощай, ну, да мы скоро увидимся, — сказал он. — Поезжай.

Вид аллеи «Прешпект» от въездных башен. Ясная Поляна. 1903–1905.
Фотография П.А. Сергеевко

Пролетка тронулась и поехала не мимо дома, а прямой дорогой, которая идет садом и прямо на “Прешпект” (название центральной аллеи в Ясной Поляне. — В.Р.).

Все это случилось так быстро, неожиданно, я так [два слова утрачено] вещи и наилучшим образом исполнить то, что он хотел, что **я не успела себе отдать отчета в том, что произошло.** И тут, стоя в темноте возле конюшни, я в первый раз поняла: **уехал совсем, навсегда**, и передо мною стала задача, которую нужно было исполнить, которую он хотел, чтобы я исполнила: приготовить мать, успокоить, уберечь ее.

Было около 5 часов утра. Мы с Варей вернулись домой, заперли двери, вошли в кабинет, затворили его, вернулись в свою комнату и тут, считая часы, просидели до восьми часов утра»¹.

**Из дневника
Льва Николаевича Толстого
28 октября**

[ЗАПИСЬ СДЕЛАНА В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ. — В.Р.]

В 6-м часу все кое-как уложено; я иду на конюшню велеть закладывать; Душан, Саша, Варя доканчивают укладку. Ночь — глаз выколи, сбиваюсь с дорожки к флигелю, попадаю в чащу, накалываясь, стучаюсь об деревья, падаю, теряю шапку, не нахожу, насилу выбираюсь, иду домой, беру шапку и с фонариком добираюсь до конюшни, велю закладывать. Приходят Саша, Душан, Варя. Я дрожу, ожидая погони (здесь и далее подчеркнуто мною. — В.Р.)

[В ШЕСТОМ ЧАСУ 28 ОКТЯБРЯ 1910 Г. В СОПРОВОЖДЕНИИ ДУШАНА ПЕТРОВИЧА МАКОВИЦКОГО Л.Н. ТОЛСТОЙ НАВСЕГДА УЕХАЛ ИЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ. — В.Р.]

¹ УЛТ. С. 304–306.

Художник В. И. Россинский. В каретном сарае

Въездные башни усадьбы Ясная Поляна. 1908.
Фотография К. К. Буллы

ЯСНАЯ ПОЛЯНА — ЩЁКИНО **«Куда бы подальше уехать?»**

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
28 октября**

«...мы поехали на станцию Щекино. **Кучер из-за грязи предложил конюху с фонарем ехать впереди прямо на шоссе, но Л.Н. предпочел через деревню.**

В некоторых избах уже светился огонь, топились печи. На верхнем конце деревни у Фили развязались поводья. Остановились. Я сошел с пролетки, отыскал конец повода, подал ему и тут посмотрел, накрыты ли у Л.Н. ноги. Л.Н. почти закричал на меня; тут вышли мужики из изб. Выехав из деревни на большак, Л.Н., до сих пор молчавший, грустный, взволнованным, прерывающимся голосом сказал, как бы жалуясь и извиняясь, что не выдержал, что уезжает тайком от Софьи Андреевны, и рассказал о толчке, побудившем его уехать: Софья Андреевна опять входила в его комнату; он не мог заснуть; решил уехать, боясь нанести ей оскорбление, что было бы ему невыносимо. Потом Л.Н. задал вопрос:

— Куда бы подальше уехать?

Я предложил в Бессарабию, к московскому рабочему Гусарову, который там живет с семьей на земле... “Только туда долго ехать, — прибавил я, — не из-за расстояния, а из-за медленного хода поезда и сообщения”. Л.Н. ничего не ответил. Гусарова и его семью хорошо знает и любит.

По пути в Щекино голова у Л.Н. озябла, а я надел ему вторую шапку поверх первой.

Л.Н. вспомнил, что в “Утренней звезде” есть его письмо к священнику с ответом священника. Удивлялся, как это напечатали, — смело. Было бы хорошо оттуда перепечатать в газеты»¹.

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 398.

**Художник В. И. Россинский. Толстой и доктор Маковицкий
едут в пролетке на станцию «Щекино»**

**Из письма протоиерея
Дмитрия Егоровича Троицкого Л. Н. Толстому
22 октября 1910 г.**

«...Ваше положение работать над собою к уничтожению грехов и пороков есть и мое положение. Я работаю над собой в этом смысле — или, по крайней мере, желаю работать — во всю мою жизнь. Но сработал ли что в своей душе, подвинулся ли вперед хотя на черепаший шаг, сказать не могу: об этом скажет Бог. Поэтому и не могу быть спокойным о содеянных мною добрых, но о содеянных мною злых беспокоюсь, даже страшусь, тем более что когда почувствуешь в себе, что поборол в себе какой-либо грех, шагнул вперед, тотчас является в душе другая язва греховная, горшая первой, самоодобрение, самопохваление, самоуспокоение, и новая труднейшая работа изгнать её, очистить душу от этой первейшей скверны... Нет труднее работы, как бороться с врагом собственным, внутри себя, и нет сил победить этого врага.

...Скорбно и страшно чувствовать свою слабость в борьбе с греховностью, но как отрадно видеть в других смиренно-религиозное состояние душ. Таковое постоянно вижу в своих религиозно настроенных прихожанах и вообще в православно-русском народе. Какой победный мир царит в душах их, какое смирение, какая молитва, какая вера, надежда и любовь! Вижу и уверен, что они, взирая на Христа распятого, поработали над собою, поборолись с греховностью, и их ждёт окончательная победа и соединение с Богом по смерти. О такой высоте добродетелей своих единовверных и близких я возвещаю всем — всем, ревнующим о внутреннем Царствии Божием. И не одни несмысленные младенцы, не одни тёмные люди, вроде якутов, но и люди даровитые и истинно интеллигентные: врачи, педагоги, юристы, люди с высшим образованием и положением, всех возрастов и состояний, — все купно составляют как бы единый сосуд Царствия Божия...»¹.

¹ Цит. по: Огнева Т. Духовный увещатель графа Льва Толстого // Православная беседа. 2014/1. URL: <http://p-beseda.ru/?article&id=302>

**Из ответного письма Льва Николаевича Толстого
протоиерею Д. Е. Троицкому
23 октября 1910 г. Ясная Поляна**

«Получил ваше доброе письмо, Дмитрий Егорович, и благодарю за него. Совершенно согласен с тем, что смирение есть величайшая и необходимая добродетель. Как я всегда говорю, человек подобен дроби, в которой знаменатель определяет его мнение о самом себе. Самое лучшее, когда знаменатель этот ноль (полное смирение), а ужасно, когда знаменатель этот возрастает до бесконечности. В первом случае, каков бы ни был знаменатель, он имеет действительное значение, во втором же случае — никакого.

Посылаю вам книги “На каждый день”, в которых на 25-е число вы найдете мое мнение об этой величайшей добродетели. Одно, с чем не согласен с вами, это то, чтобы в признании своего несовершенства и ничтожества надеяться на внешнюю помощь, а не на то внутреннее усилие, которое не должно никак ослабевать и которое одно приближает хотя немного к совершенству или хотя избавляет от порочности: Царство Божие силою берется. Еще раз благодарю вас за доброе письмо и братски приветствую»¹.

ЩЁКИНО

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
28 октября. Раннее утро**

«Решили, что на станции Щёкино я узнаю поезда и есть ли сообщение в Козельск. Л. Н. сказал, что поедет в Горбачево во втором, а дальше в третьем классе, и предложил ехать на Тулу и оттуда вернуться.

Приехав в Щёкино (оказалось, до отъезда поезда в Тулу — 20 минут, в Горбачево — полтора часа), Л. Н. вошел первым на

¹ Т. 82. С. 202, 203.

станцию, я с вещами после, и он прямо спросил буфетчика, есть ли сообщение в Горбачеве на Козельск. То же самое спросил и в канцелярии дежурного. Л.Н. позабыл не выдавать, куда едем; потом еще спрашивал, когда опять идет поезд на Тулу, и предлагал в него сесть. [...] Я отсоветовал ехать в Тулу, так как не успеем там пересестъ. Я купил билеты в Горбачево. Думал брать на другую станцию, но было неприятно лгать, да и казалось бесцельным, потому что предполагал, что удержать в тайне местопребывание Л.Н. не удастся. [...] Когда подали сигнал, что поезд подходит, Л.Н. был в 400 шагах от вокзала, гулял с мальчиком-учеником. Я побежал ему сказать и предупредить, чтобы он не спешил, что поезд будет стоять четыре минуты. Л.Н. сказал:

— *Мы вместе с мальчиком поедем*¹.

Письмо Льва Николаевича Толстого А.Л. Толстой

«Щёкино, 6 часов утра, 28 октября 1910 г.

Доехали хорошо. Поедем, вероятно, в Оптину. Письма мои читай. Черткову скажи, что если в продолжение недели, до 4 числа, не будет от меня отмены, то пусть пошлет заявление в газеты о праве (в заявлении Толстой писал: «Считаю необходимым печатно заявить, что никакие права на издание моих сочинений не подлежат продаже». — В.Р.). *Пожалуйста, голубушка, как только узнаешь, где я, а узнаешь это очень скоро, — извести меня обо всем: как принято известие о моем отъезде, и всё, чем подробнее, тем лучше*².

ТОЛСТОЙ В ДОРОГЕ ЩЁКИНО — ГОРБАЧЕВО

28 октября. 7 часов 55 минут утра

[ПОЕЗД № 9 ОТПРАВИЛСЯ ОТ СТАНЦИИ ЩЁКИНО В СТОРОНУ ГОРБАЧЕВА (УЗЛОВАЯ СТАНЦИЯ

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 398, 399.

² Т. 82. С. 214.

МОСКОВСКО-КУРСКОЙ И РЯЗАНО-УРАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ). — В. Р.]

Из дневника
Льва Николаевича Толстого
[Запись сделана в Оптиной Пустыни. — В. Р.]

Но вот сидим в вагоне, трогаемся, и страх проходит, и поднимается жалость к ней, но не сомнение, сделал ли то, что должно. Может быть, ошибаюсь, оправдывая себя, кажется, что я спасал себя, не Льва Николаевича, а спасал то, что иногда и хоть чуть-чуть есть во мне.

Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого

«Л. Н. сел в отдельном купе в середине вагона второго класса. Вынув подушку, я устроил так, чтобы Л. Н. прилег.

Когда Л. Н. уселся в вагоне и поезд тронулся, он почувствовал себя, вероятно, уверенным, что Софья Андреевна не настигнет его; **радостно сказал, как ему хорошо**. Я ушел. Л. Н. остался сидеть. Когда я через полтора часа заглянул в купе, Л. Н. еще сидел; он немного поспал; спросил “Круг чтения” почитать. Его не оказалось, и “На каждый день” не было.

Тревожна и утомительна была вчерашняя поездка наша верхом с Л. Н. [...] В этот день проехали около 16–18 верст, как и всегда, с тех пор, как вернулись 24 сентября из Кочетов. Раньше Л. Н. делал концы в 11–14 верст, а в последнее время больше. Мне казалось, что, с одной стороны, он наслаждался красивой осенью, с другой — желал быть дольше на свободе вне дома. И Л. Н. уезжал из дома утомленным, невыспавшимся. Кроме того, он был последние четыре месяца в напряженном, нервном состоянии. Чаша терпеливого страдания переполнялась часто.

Я согрел кофе, и выпили вместе. После Л. Н. сказал:

— **Что теперь Софья Андреевна? Жалко ее.**

Прогулка верхом. Окрестности Крекшина. Сентябрь 1909 г.
Фотография В.Г. Черткова

Вид на дом Л. Н. Толстого в Ясной Поляне
со стороны среднего пруда. 1900.
Фотография С. А. Толстой

Л. Н. Толстой в кругу семьи на площадке перед домом.
Ясная Поляна. 1892. Фотография фирмы «Шерер, Набгольц и Ко».
Слева направо: Михаил, Л. Н. Толстой, Ванечка, Лев, Александра,
Андрей, Татьяна, Софья Андреевна, Мария

Прошлые разы, когда Л. Н. ездил в Кочеты, он в вагоне диктовал или записывал. На этот раз — нет; сидел, задумавшись. Потом заговорил о том, о чем говорил в пролетке»¹.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА. ТЕЛЯТИНКИ

Толстая Александра Львовна — В. Г. Черткову

28 октября. Ясная Поляна

«Владимир Григорьевич,

Отец уехал сейчас утром в 5½ часов, куда не знаю, с Душаном Петровичем. Пришлите Булгакова, сообщу подробно»².

Письмо Владимира Григорьевича Черткова

А. Л. Толстой

28 октября 1910 г. Телятинки

«Милая Александра Львовна, не могу сказать вам, как меня обрадовала, до слез обрадовала ваша записочка об уходе Льва Николаевича. Не сомневаюсь в том, что сделал он это теперь не “для себя”, а потому что по совести убедился в том, что это был единственный *праведный* для него исход. А потому уверен, что это будет лучше всего для всех, в том числе и прежде всего для несчастной Софьи Андреевны. И по той же причине, что бы ни случилось, как будто вызванное этим его поступком, хотя бы, по-видимому, и самое нежелательное, — все будет к лучшему. Побуждение его было хорошее. Он достаточно долго откладывал, боясь совершить этот шаг не по самому лучшему побуждению, для того, чтобы мы могли быть уверены, что ушел он теперь под влиянием самого чистого от эгоизма, неотразимого побуждения.

Но вас мне пока очень жаль. Очень должно быть вам тяжело, во-первых, не быть с ним в настоящую минуту, а, во-вторых, быть в настоящую минуту с вашей матерью. Но вот понаедут

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 399, 400.

² УЛТ. С. 348.

**Боковой фасад дома В. Г. Черткова в Телятинках в трех верстах
от Ясной Поляны. 1911–1912.
Фотография С. М. Беленького**

ваши сестра и брат, и тогда вам, вероятно, возможно будет поспешить к нему. А пока он, очевидно, боялся оставить Софью Андреевну без кого-нибудь из его детей около нее. И, судя по тому, что слышу, ваше присутствие около нее, бедной, сегодня, действительно, было нужно.

Боюсь, как бы вы не простудились после сегодняшнего неожиданного купания в пруду. Дай Бог, чтобы обошлось без последствий.

Посылаю Алешу (А. П. Сергеевко, секретарь В. Г. Черткова. — В. Р.), чтобы узнать от вас побольше сведений.

Ну, крепитесь же. Оказывайте матери вашей наибольшую мягкость, на какую вы способны, не отказываясь от необходимой твердости. Я рад, что мне ее сейчас истинно жаль. Но вместе с тем несказанно радуюсь поступку Льва Николаевича.

Советую вам заявить Софье Андреевне, что вам поручена почта Льва Николаевича. (По существу это была бы не неправда); и вскрывать ее, чтобы посылать ему до поры до времени только нужные письма. В. Ч.»¹.

Из ежедневника Софьи Андреевны Толстой

28 октября. Ясная Поляна

«Лев Ник. неожиданно уехал. О, ужас! Письмо его, чтоб его не искать, он исчезнет для мирной, старческой жизни — навсегда. Тотчас же, прочтя часть его, я в отчаянии бросилась в средний пруд и стала захлебываться; меня вытащили Саша и Булгаков; помог Ваня Шураев. Сплошное отчаяние. И зачем спасли?»².

Из письма Владимира Григорьевича Черткова матери Елизавете Ивановне Чертковой

28 октября 1910 г. Ясенки Тульской губ.

«Моя Мама́, [...] сегодня утром Лев Николаевич покинул Ясную Поляну в 5½ утра, оставив Софье Андреевне очень

¹ УЛТ. С. 549.

² Т. 2. С. 325.

Л.Н. и С. А. Толстые отправляются на верховую прогулку.
Ясная Поляна. 1903. Фотография А.Л. Толстой

Л. Н. Толстой у плотины через реку Воронка. Ясная Поляна. 1908.
Фотография В. Г. Черткова

трогательное письмо, в котором говорит, что давно тяготится жизнью в безумной роскоши среди всеобщей нищеты, что делает только то, что делают многие старики, ища уединения перед смертью, уходя большей частью в монастырь, что сделал бы и он, если бы верил в обряды, а, не веря, просто удалился в уединение. Просит у нее прощения за все, прощает ее в том, в чем “она могла” быть виновата перед ним. Благодарит ее за ее честную многолетнюю супружескую жизнь и заботы о детях, просит не приезжать к нему, а привыкнуть к ее новому положению. Ни слова упрека или каких-нибудь личных счетов. Ушел он с Душаном Петровичем Маковицким — никто не знает куда, разве только Александра Львовна, которая, вероятно, поедет к нему, лишь только приедут в Ясную ее сестра и братья.

Не могу словами высказать, как я рад этому его поступку. Он столько времени откладывал, боясь сделать это “для себя”, что можно быть уверенным, что теперь в его побуждении не было ни малейшего эгоистического элемента, но что поступил он так “перед своим Богом”. И я уверен, что для всех это будет очень хорошо, начиная с несчастной Софьи Андреевны, какие бы внешние последствия это в ней ни вызвало; и даже, если бы он вскоре и раздумал и вернулся бы домой, что для человека, желающего руководствоваться одним только голосом Божиим в своей душе, также легко может быть, как и то, что он не вернется.

Когда Софья Андреевна проснулась и узнала, то была поражена и, разумеется, проделала свою обычную программу в этих случаях. Она бегала к пруду и бросилась в воду.

Александра Львовна и наш друг Булгаков... бросились в воду за ней... при помощи других сбежавшихся из дома вытащили ее из воды и понесли в дом... [...]

Радуюсь тому, что мне теперь истинно жаль эту несчастную женщину; но я уверен, что это для нее хорошо. Несмотря на все уступки Льва Николаевича, она продолжала его немилосердно изводить день и ночь. [...] И от его доброты к ней она как будто только становилась хуже. Он, очевидно, убедился

в том, что присутствие его около нее не помогает, а только вредит ей. К тому же были еще и новые домогательства с ее стороны и относительно его писаний, — вопрос, в котором он не считает себя вправе уступать»¹.

Из книги Александры Львовны Толстой «Отец»

28 октября. Ясная Поляна. Около 11 часов дня

«Моя мать, не спавшая почти всю ночь, проснулась поздно, около 11 часов, и быстрыми шагами вбежала в столовую.

— Где папа? — спросила она меня.

— Уехал.

— Куда?

— Я не знаю, — и я подала ей письмо отца.

Она быстро пробежала его глазами, голова ее тряслась, руки дрожали, лицо покрылось красными пятнами. [...]

Но С.А. не дочитала письма. Она бросила его на пол и с криком: “Ушел, ушел совсем, прощай, Саша, я утоплюсь”, — бросилась бежать.

Я крикнула Булгакову, чтобы он следил за матерью, которая в одном платье выскочила на двор и по парку побежала вниз, по направлению к среднему пруду. Видя, что Булгаков отстаёт, я, что есть духу, помчалась матери наперерез, но догнать ее не могла. Я подбежала к мосткам, где обычно полоскали белье, в тот момент, когда моя мать поскользнулась на скользких досках, упала и скатилась в воду, в сторону, где, к счастью, было неглубоко. В следующую секунду я была уже в воде и держала мать за платье. За мной бросился Булгаков, и мы вдвоем подняли ее над водой и передали толстому запыхавшемуся Семену, повару, и лакею Ване, которые бежали за нами.

В продолжение всего этого дня мы не оставляли матери. Она несколько раз порывалась снова выбегать из дома, угрожала, что выбросится в окно, утопится в колодце на дворе.

Сестре Тане и всем братьям я послала телеграммы, извещающая их о случившемся и прося немедленно приехать, вызвала

¹ УЛТ. С. 552, 553.

Дом семьи Толстых в Ясной Поляне

Купальня на Среднем пруду в Ясной Поляне. 1897.
Фотография С. А. Толстой

врача-психиатра из Тулы. Весь день и всю ночь я не переставая следила за матерью.

Но в то время, как я меняла свою мокрую одежду, она успела послать Ваню, лакея, на станцию, чтобы узнать, с каким поездом уехал отец, и послала ему телеграмму: **“Вернись немедленно — Саша”**. Вдогонку этой телеграмме я послала вторую: **“Не беспокойся, действительны телеграммы, только подписанные Александрой”**. Эти телеграммы, к счастью, не были получены отцом — он успел пересесть на другой поезд.

Трудно описать состояние нервного напряжения, в котором я находилась весь день до приезда родных. Тульский доктор мало меня утешил. Он не исключал возможности, что С.А. в припадке нервного возбуждения могла бы покончить с собой»¹.

Из дневника Александры Львовны Толстой

«Но весь этот ужасный кошмарный день у меня было двойное чувство. С одной стороны, мне все казалось, что горе матери очень преувеличено, что она ничего не сделает с собой, и только хочет напугать нас, чтобы мы дали знать отцу, а, с другой стороны, было сомнение, не может ли она действительно сделать что-нибудь с собой, и тогда ярко и настойчиво вставала мысль об отце, об его отчаянии в случае, если он узнает, что с ней могло что-нибудь случиться. И я решила во что бы то ни стало следить за ней и днем, и ночью, пока не приедут остальные, и тотчас же решила вызвать всех братьев и Таню, и психиатра из Тулы. Так и сделала. Андрей был в Крапивне и мог быть у нас в тот же день.

А мать между тем не переставая плакала, волновалась, истерически рыдала, била себя в грудь то тяжелым пресс-папье, то молотком, то коробочкой с красками “риполин”, всем, что попадалось под руки. Брала ножницы, ножи, делая вид, что колет себя ими. Пугала нас, что бросится в “колодезь” на

¹ Толстая А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. М., 1989. С. 468, 469.

дворе, и тотчас же мы забили решетку в колодец, хотела выброситься в окно, зарезаться. [...] Так продолжалось весь день. К вечеру приехал Андрей. Мне стало легче. А через час после него приехал доктор из Тулы. Доктор спокойный, с чувством собственного достоинства, потребовал видаться с матерью, говорить с ней. Определил истерию, но не нашел никаких признаков умственного или душевного расстройства. Совершенно нормальна. Но, несмотря на это, говорил, что не исключает возможности самоубийства.

Ночью дежурили: Марья Александровна, Булгаков, я вставала среди ночи узнать, что делается. Мать ходила из комнаты в комнату, то рыдая, то успокаиваясь, но уже не делала никаких попыток к самоубийству»¹.

**Из воспоминаний секретаря
Льва Николаевича Толстого
Валентина Федоровича Булгакова**

«С мостков еще вижу фигуру Софьи Андреевны: лицом кверху, с раскрытым ртом, в который уже залилась, должно быть, вода, беспомощно разводя руками, она погружается в воду... Вот вода покрыла ее всю.

К счастью, мы с Александрой Львовной чувствуем под ногами дно. Софья Андреевна счастливо упала, поскользнувшись. Если бы она бросилась с мостков прямо, там дна бы не достать. Средний пруд очень глубок, в нем тонули люди... Около берега нам — по грудь.

С Александрой Львовной мы тащим Софью Андреевну кверху, подсаживаем на бревно-козел, потом — на самые мостки.

Подоспевает лакей Ваня Шураев. С ним вдвоем мы с трудом поднимаем тяжелую, всю мокрую Софью Андреевну и ведем ее на берег. [...] С ним (Ваней. — В.Р.) на поезд № 9, с которым уехал Лев Николаевич, она отправила телеграмму такого содержания: “Вернись скорей. Саша”. Телеграмму

¹ УЛТ. С. 306, 307.

эту Ваня показал Александре Львовне, — **не из лакейского подхалимства, а из искреннего сочувствия Льву Николаевичу и привязанности к нему. Прислуга вообще не любила Софью Андреевну.** Тогда Александра Львовна послала другую телеграмму, вместе с этой, где просила Льва Николаевича верить только телеграммам, подписанным “Александра”.

Между тем Софья Андреевна все повторяла, что найдет другие способы покончить с собой. Силой мы отобрали у нее опиум, перочинный нож и тяжелые предметы, которыми она начала колотить себя в грудь...

Не прошло и часа, как снова бегут и говорят, что Софья Андреевна опять убежала к пруду. Я догнал ее в парке и почти насильно увел домой.

На пороге она расплакалась.

— Как сын, как родной сын! — говорила она, обнимая и целуя меня...

Ваня, вернувшись из Ясенков, сообщил, что на поезд №9 в кассе было выдано четыре билета: *два второго класса до станции Благодатное (откуда идет дорога в Кочеты к Сухотинным) и два третьего класса до станции Горбачево (где нужно пересаживаться, чтобы ехать в Шамордино, к М.Н. Толстой).* Сведения были достаточно неопределенны: Лев Николаевич мог поехать в том и другом направлении.

Александра Львовна телеграфно **вызвала Андрея Львовича, Сергея Львовича и Татьяну Львовну.** Кроме того, **из Тулы доктора-психиатра для Софьи Андреевны,** положение которой внушает опасения. Из Овсянникова случайно **приехала М.А. Шмидт,** которая здесь остается.

Еще в течение дня приехал из Крапивны, где он случайно находился, Андрей Львович. Самоуверенно обещал Софье Андреевне завтра же утром сказать, где находится Лев Николаевич. Хотел действовать через тульского губернатора. Потом пыл его охладел»¹.

¹ Булгаков М. А. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1960. С. 399, 400.

Л.Н. Толстой и В.Ф. Булгаков за разбором почты. Кочеты. 1910.
Фотография В.Г. Черткова

ТОЛСТОЙ В ДОРОГЕ
ГОРБАЧЕВО — КОЗЕЛЬСК
«Как хорошо, свободно!»

Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
28 октября

«Доехали до Горбачева. Л. Н. еще в пролетке сказал, что от Горбачева поедет в третьем классе. Перенесли вещи в поезд Сухиничи — Козельск. Оказался поезд товарный, смешанный, с одним вагоном третьего класса, который был переполнен, и больше чем половина пассажиров курила. Некоторые, не находя места, с билетами третьего класса переходили в вагоны-теплушки.

— Как хорошо, свободно! — сказал Л. Н., очутившись в вагоне.

Вещи внесли в вагон, и Л. Н. уселся в середине вагона. [...]

Наш вагон был самый плохой и тесный, в каком мне когда-либо приходилось ездить по России. Вход несимметрично расположен к продольному ходу. Входящий во время трогания поезда рисковал расшибить себе лицо об угол приподнятой спинки, которая как раз против середины двери; его надо было обходить. Отделения в вагоне узки, между скамейками мало простора, багаж тоже не умещается. **Духота.** Я хотел подстлать Л. Н. плед под сиденье, Л. Н. не позволил. **Он в эту поездку особенно неохотно принимал услуги, которыми раньше пользовался.**

Л. Н. вскоре вышел на переднюю площадку (чтобы освежиться); я за ним и просил его перейти на заднюю. Л. Н. вернулся, потеплее оделся (в меховое пальто, в меховую шапку, зимние глубокие калоши) и пошел на заднюю площадку, но тут оказалось пять курильщиков, и Л. Н. опять вернулся на переднюю, где стояло только трое, баба с ребенком и мужик. Л. Н. приподнял воротник и сел на свою палку с раскладным сиденьем. Мороз мог быть в один-два градуса. Через минут десять и я пришел туда спросить, не войдет ли в вагон,

а то встречный ветер от движения поезда. Л. Н. ответил, что ему — ничего, как в верховой езде. *Л. Н. там просидел на палочке три четверти часа (роковых три четверти часа!)*.

[С ЭТИХ СЛОВ НАЧИНАЕТСЯ САМОЭКЗЕКУЦИЯ Д. П. МАКОВИЦКОГО. ОН ОТМЕЧАЕТ КАЖДЫЙ ЭПИЗОД, ТАК ИЛИ ИНАЧЕ СВЯЗАННЫЙ С ФАКТОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗДОРОВЬЕ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА, А ТАКЖЕ ПРИЗНАКИ УХУДШЕНИЯ ЕГО САМОЧУВСТВИЯ. ЗДЕСЬ И ДАЛЕЕ ЭПИЗОДЫ С ХАРАКТЕРИСТИКОЙ ЗДОРОВЬЯ ТОЛСТОГО БУДУТ ВЫДЕЛЕНЫ КУРСИВОМ. — В. Р.].

Потом прилег на скамейку. Едва он прилег, как нахлынула толпа новых пассажиров и осталась стоять в продольном проходе, а против Л. Н. как раз женщины с детьми. Л. Н. спустил ноги, хотел им дать место и больше не лег. Я попросил двух парней встать и дать женщинам места, что они охотно сделали. *Но Л. Н. уже не хотел больше лечь и оставшиеся четыре часа просидел и простоял, и из них четверть часа опять на передней площадке.* Я осмотрел теплушки, думая, не пересест ли туда, но в них было грязно, сквозной ветер, окна и двери с обеих сторон настежь открыты.

Л. Н. разговаривал с сидящим против него 50-летним мужиком из Дудинщины о его семье, хозяйстве, извозе и битье кирпича — делах, которыми он занимается. Л. Н. расспрашивал подробности этой работы. *“Ein typischer Bauer”* (“типичный крестьянин” (нем.). — В. Р.), — сказал он мне про него. Мужик бойкий, смело говорил про водку, чья она, как у них производили экзекуцию за то, что лес рубили “до своей межи”, и потом вышло так, что была признанной эта “их межа”. Это рассказывал с сердцем на барина Б. Тут вмешался в разговор землемер и изложил историю возникновения экзекуции иначе, и о Б. говорил, что он был добрый человек. Мужик стоял на своем и смело опровергал землемера. Но этот тоже не уступал.

— Мы больше вас, мужиков, работаем, — сказал землемер.
Л. Н.: “Это нельзя сравнить”.

Художник В.И. Россинский. Толстой в вагоне по дороге в Козельск

Потом, когда землемер стал оправдывать экзекуцию и выделение из общины, Л. Н. вступил с ним в пререкание; говорил, что не надо крестьян принуждать и соблазнять выделяться из общины.

Мужик громко одобрял, поддакивал Л. Н-чу, землемер спорил с ним.

Потом землемер сказал:

— Я знал вашего брата, Сергея Николаевича.

Л. Н. вступил с ним в личный разговор. Оказалось, что землемер придерживался либеральных научных взглядов, был начитанным, умным, умеющим и любящим спорить из-за “красного словца”. Землемер, когда с крестьянином вступил в спор, излагал дела крестьян с помещиком со своей точки зрения, по которой правда была за помещиком. Когда же спорил с Л. Н., хотел защищать свои взгляды и, чтобы отстоять их, готов был спорить бесконечно, и не для того, чтобы дознаться правды в разговоре. Не было заметно, чтобы он хотел услышать более правильный взгляд Л. Н. и внять ему. (Такое было мое впечатление; может быть, я ошибался).

Он перевел разговор с “Единого налога” по Генри Джорджу и насилия на Дарвина, на образование. Л. Н. сначала отвечал ему, объясняя верную точку, с которой надо смотреть на эти вопросы, а потом, когда дудинец, одобряя речи Л. Н., перестал громко прерывать его (в то же самое время говорить, обращаясь к соседям) и когда в вагоне все затихли и прислушивались, **Л. Н. стал говорить, излагать для всех, отвечая землемеру.** Л. Н. был возбужден, привстал и так продолжал разговор, завладел вниманием всех в вагоне. Публика с обоих концов вагона подошла к среднему отделению, обступила и очень внимательно и тихо прислушивалась. **Были крестьяне, мещане, рабочие, интеллигенты, два еврея, одна гимназистка,** которая сначала прислушивалась и записывала разговор, потом сама в него вступила в защиту науки, возражая Л. Н-чу. **Л. Н. горячился.** Как ни тихи были слушатели, все-таки надо было напрягать голос. Я несколько раз хотел его

попросить перестать, возражения ему так и сыпались, но некогда было вставить мне сло́ва. **Говорили больше часу.** Л. Н. попросил открыть дверь вагона и потом, одевшись, сам вышел на площадку. [...] **Подъехали к Белеву**, где землемер и гимназистка слезли.

Л. Н. тоже слез, пошел в буфет второго класса, где пообедал. **Тут буфетчик и сидевшая за столом компания, очевидно, местных интеллигентов узнали его.** Ресторатор и еще один человек очень внимательно-добродушно к нему отнеслись. Дверь из буфета в кассу третьего класса с железным краем страшно хлопала; Л. Н. следил за каждым, кто проходил в дверь, которая должна была хлопнуть, *страдачески напрягал мышцы лица*, как будто готовясь принять удар после него, и побряхтывал.

Вернувшись в вагон, Л. Н. уселся на свое место против дудинца. Этот, узнав, что Л. Н. едет в Оптину Пустынь (Л. Н. расспрашивал про дорогу в Оптину Пустынь и в Шамордино и про расстояние), сказал Л. Н.:

— **А ты, отец, в монастырь определись. Тебе мирские дела — бросить, а душу — спасать. Ты в монастыре и оставайся.**

Л. Н. ответил ему доброй улыбкой.

Рабочий в конце вагона стал бойко играть на гармошке и подпевать. Пропел хорошо несколько песен. Л. Н. с удовольствием слушал и похваливал. [...]

Потом *Л. Н. пожаловался на усталость* — устал сидеть. Поезд очень медленно шел — 105 верст за 6 часов 25 минут. (Эта медленная езда по российским железным дорогам помогала убивать Л. Н.).

В 4.50 доехали до Козельска. Л. Н. вышел первым. Когда я с носильщиком снес вещи в зал ожидания вокзала, Л. Н. пришел и сказал, что уже подрядил извозчиков в Оптину Пустынь, и повел нас; сам взяв одну корзинку, снес ее на бричку, нанятую под вещи»¹.

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 400–403.

ВЕСТИ ИЗ КОЗЕЛЬСКА

28 октября

Телеграмма Льва Николаевича Толстого В.Г. Черткову, А.Л. Толстой:

1910 г. Октября 28. Козельск — Ясенки.

Ночуем Оптиной. Завтра Шамордино, адрес Подборки. Здоров.

Николаев.

[**Оптина пустынь** — мужской монастырь в Козельском уезде Калужской губернии, духовный центр русского старчества. Место поклонения многих русских писателей и мыслителей — Гоголя, Киреевских, Аксаковых, Достоевского, В. Соловьева, К. Леонтьева и др. Толстой не раз посещал монастырь. **26 июля 1877 г.** он приехал в монастырь с Н.Н. Страховым из Москвы через Калугу и Тулу, чтобы встретиться с жившим в монастырском скиту старцем Амвросием (прототип старца Зосимы в «Братьях Карамазовых») и другими монахами. **В середине июня 1881 г.** Толстой вместе со слугой С.П. Арбузовым и учителем Яснополянской школы Д.Ф. Виноградовым ходил в Оптину пустынь пешком. 15 июня имел беседы с архимандритом Ювеналием и старцем Амвросием, у которого провел два часа. Позднее в письме И.С. Тургеневу Толстой так отзовется о своем путешествии: «Паломничество мое удалось прекрасно. Я наберу из своей жизни годов пять, которые отдам за эти десять дней». Третий раз Толстой побывал в Оптиной пустыни **в феврале 1890 г.** вместе с дочерью Таней, Марией и племянницей В.А. Кузминской. Толстой вновь видел «старца Амвросия, разговаривал с ним о разных верах». После этой беседы в дневнике он написал: «Амвросий жалок до невозможности. “Учит” и не видит, что нужно». Амвросий после беседы с Толстым, как свидетельствовал К. Леонтьев, сказал: «Горд очень». **В августе 1896 г.** Толстой поехал с женой в Шамордино навестить свою сестру М.Н. Толстую — монахиню Шамординского монастыря. В Оптиной пустыни они

Общий вид Введенской Оптиной пустыни. Козельский уезд
Калужской губ. 1896. Фотография С.А. Толстой

**Амвросий, иеросхимонах, преподобный,
великий старец Оптиной пустыни. Фотография 1870-х гг.**

побывали на могилах тетки А. И. Остен-Сакен и Е. А. Ергольской. Толстой встретился со старцем о. Иосифом, смирение и доброта которого произвели на Толстого неизгладимое впечатление. Близкие писателю люди заметили, что после этой встречи Л. Н. «стал гораздо мягче».

Шамордино — женский монастырь в 12 верстах от Оптиной пустыни; монахиней этого монастыря была сестра писателя Мария Николаевна Толстая.

Подборки — почтово-телеграфное отделение Калужской губернии, недалеко от шамординского монастыря.

Николаев — конспиративная фамилия Толстого в дни ухода. — В. Р.].

Письмо Владимира Григорьевича Черткова

А. Л. Толстой

28 октября 1910 г.

Телятинки. Вечер

«Александра Львовна.

Прилагаемая телеграмма (из Козельска, см. выше. — В. Р.)
только что получена.

Подписана была согласно условию. Подпись я отрезал, чтобы не выдать псевдоним в случае, если вы покажете домашним телеграмму.

Алеша поехал сейчас ночью, зная содержание телеграммы. Завтра он в одном из указанных в телеграмме мест должен найти Льва Николаевича.

Так как мать ваша желает лишить себя жизни или делает вид, что желает, — главным образом, чтобы доказать людям, что она так любит Льва Николаевича, что не может жить без него, то важно всем его сговориться внушать ей, что, лишая или делая попытки лишать себя жизни, она всему миру доказывает, что не (курсив Черткова. — В. Р.) любит его, так как ей нельзя сделать ему больше зла, чем именно это. Наоборот, если она действительно любит его, то может это проявить только одним путем: спокойно и покорно применяясь к его желаниям и предоставляя ему пожить так, как он сознает необходимую потребность

пожить. Это вместе с этим единственное средство сохранить малейшую надежду, что он когда-нибудь к ней вернется. И для нее это самая “благородная” теперь роль в глазах людей. Это все надо ей твердить, и одни только эти соображения могут, как мне кажется, сколько-нибудь облагоразить ее.

Галя (Анна Константиновна Черткова, жена В. Г. Черткова. — В. Р.) очень просит вас беречь себя. Завтра не вставать и проч. В. Ч.»¹.

Письмо Льва Николаевича Толстого А. Л. Толстой
28 октября 1910 г. 7 часов 53 минуты вечера. Козельск

«28 октября 1910 г.

Ст. Козельск.

Доехали, голубчик Саша, благополучно. Ах, если бы только у вас бы не было не очень неблагополучно. Теперь половина восьмого. Переночуем (в Оптиной пустыни. — В. Р.) и завтра поедем, если будем живы, в Шамардино. Стараюсь быть спокойным и должен признаться, что испытываю то же беспокойство, какое и всегда, ожидая всего тяжелого, но не испытываю того стыда, той неловкости, той несвободы, которую испытывал всегда дома.

*Пришлось от Горбачева ехать в 3-м классе, было неудобно, но очень душевно приятно и поучительно. Ели хорошо и на дороге и в Белеве, сейчас будем пить чай и спать, стараться спать. Я почти не устал, даже меньше, чем обыкновенно. О тебе ничего не решаю до получения известий от тебя. Пиши в Шамардино и туда же посылай телеграммы, если будет что-нибудь экстренное. Скажи Бате (Черткову В. Г. — В. Р.), чтоб он писал и что я прочел отмеченное в его статье место, но второпях, и желал бы перечесть — пускай придет. (По-видимому, имеется в виду составленная Чертковым краткая история унитариянского движения в Англии под заглавием “Унитариянское христианство”, присланная Толстому Чертковым при его письме от 25 октября 1910 г. — Н. С. Родионов). **Варе***

¹ УЛТ. С. 549.

(В.М. Феокритова-Полевая. — В.Р.) *скажи, что ее благодарю, как всегда, за ее любовь к тебе и прошу и надеюсь, что она будет беречь тебя и останавливать в твоих порывах. Пожалуйста, голубушка, мало слов, но кротких и твердых.*

Пришли мне или привези штучку для заряжения пера (чернила взяты), начатые мною книги Montaigne, Николаев, 2-й том Достоевского, Une vie.

Письма все читай и пересылай нужные: Подборки, Шамардино.

Владимиру Григорьевичу скажи, что очень рад и очень боюсь того, что сделал. Постараюсь написать сюжеты снов и просящиеся художественные писания. От свидания с ним до времени считаю лучшим воздержаться. Он, как всегда, поймет меня.

Прощай, голубчик, целую тебя. Л. Т.

Еще пришли маленькие ножнички, карандаши, халат»¹.

[*Монтень. Опыты (на фр. яз.). Книга находится в яснополянском кабинете Л. Н. Толстого; Николаев П. П. Понятие о божестве как совершенной основе жизни. Т. 2. Книга находится в яснополянской библиотеке; Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч. Т. 14. СПб., 1882. Книга находится в яснополянском кабинете Л. Н. Толстого; Мопассан. Жизнь. — В. Р.]

КОЗЕЛЬСК — ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
28 октября. Вечер

«До Оптиной поехали с ямщиком Ф.И. Новиковым на паре в пролетке, за нами друтой ямщик с вещами. Проехав город, они стали совещаться, ехать дорогой или лугами. Дорога была ужасная, грязная, неровная, и ямщики взяли с нее влево, через луга города Козельска; несколько раз приходилось проезжать канавы.

¹ Т. 82. С. 216.

Было не очень темно, месяц светил из-за облаков. Лошади шагали. На одном месте ямщик стегнул их, они рванули, и *страшно трянуло*, Л.Н. застонал. Это проехали через глубочайшую канаву на дорогу и тут же на мост. Потом въехали в ограду, за которой монастырские земли, дорога тоже тяжелая, да еще все время приходилось нагибаться, сторониться от ветвей старых лоз, очень низких вследствие того, что выгонки обрубают.

Л.Н. спрашивал еще в вагоне и теперь ямщика, какие старцы есть, и сказал мне, что пойдет к ним. Л.Н. спрашивал ямщика, в какой гостинице остановиться; тот посоветовал остановиться у о. Михаила, говоря, что там чисто.

Долго ждали, пока дозволись парома. Л.Н. обменялся несколькими словами с паромщиком-монахом и заметил мне, что он из крестьян.

Гостинник о. Михаил с рыжими, почти красными волосами и бородой, приветливый, **отвел просторную комнату с двумя кроватями и широким диваном.** Внесли вещи.

Л.Н.: “Как здесь хорошо!”

И сейчас же сел за писание. Написал довольно длинное письмо и телеграмму Александре Львовне. [...] Адресовал Черткову для Саши. Сам вынес ее ямщику Федору, прося отправить, и подрядил его одного на завтра в Шамордино (нас свезти). Потом пил чай с медом (ничего не ел), попросил яблоко на утро и стакан, куда поставить самопишущее перо на ночь. Потом стал писать дневник; спросил, какое сегодня число. Сказал, что утром пойдет погулять и к старцу зайдет¹.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Из дневника Льва Николаевича Толстого
28 октября. Вечер

Доехали до Оптиной. Я здоров, хотя не спал и почти не ел. Путешествие от Горбачева в 3-м, набитом

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 403.

рабочим народом вагоне очень поучительно и хорошо, хотя я и слабо воспринимал. Теперь 8 часов, мы в Оптиной.

Перед сном
**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого**

«Я попросил позволить снять ему сапоги.

— **Я хочу сам себе служить, а вы вскакиваете.**

И сам с трудом снял сапоги.

Еще сказал, что чем менее обслуживали бы его, тем проще (лучше) было бы жить, и добавил:

— **Хочу до крайностей ввести простоту.**

Не желая нарушать привычку Л.Н. — спать одному в комнате, я сказал, что пойду спать в другую комнату, напротив, в коридоре.

В 10 часов лег.

У Л.Н. вид был не особенно усталый. Теперь, вечером, когда писал, больше обыкновенного торопился. Но зато днем не дорожил временем, как обыкновенно. Это мне бросилось в глаза. Весь день ни одной мысли не записывал. И в следующие два дня не дорожил временем (т.е. не использовал его для работы в той мере, как дома привык). Еще поразило меня, что не давал себе помогать (и дома неохотно принимал услуги, но сегодня и в следующие дни — куда неохотнее и совсем нет). И бережливость в расходовании денег. Л.Н. всегда старался платить за все настоящую цену, что трудно определить; не любил переплачивать.

Ночь была беспокойная, сначала от кошек, которые бегали по коридору, прыгали на мебели, расположенные как раз у стены, за которой спал Л.Н., раскачивали их, стуча. **Потом выходила в коридор выть женщина, у которой сегодня помер брат, монах-лавочник. Она же рано утром вошла**

к Л. Н. просить устроить ее малюток и припала к его ногам, что Л. Н. всегда было тяжело»¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого
29 октября. Утро

Спал тревожно, утром Алеша Сергеенко. Я, не поняв, встретил его весело. Но привезенные им известия ужасны. Софья Андреевна, прочтя письмо, закричала и побежала в пруд. Саша и Ваня побежали за ней и вытащили ее. Приехал Андрей. Они догадались, где я, и Софья Андреевна просила Андрея во что бы то ни стало найти меня. И я теперь, вечер 29-го, ожидаю приезда Андрея. Письмо от Саши. Она советует не унывать. Выписала психиатра и ждет приезда Сережи и Тани. Мне очень тяжело было весь день, да и физически слаб. Гулял, вчера дописал заметку в «Речь» о смертной казни.

Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого

Приехал Сергеенко. Все то же, еще хуже. Только бы не согрешить. И не иметь зла. Теперь нету.

[ВСТАВ В 7 УТРА, ТОЛСТОЙ ВСТРЕТИЛ АЛЕШУ СЕРГЕЕНКО, ПОМОЩНИКА И СЕКРЕТАРЯ В. Г. ЧЕРТКОВА. ТОТ ПЕРЕДАЛ ДВА ПИСЬМА ДЛЯ ТОЛСТОГО ОТ АЛЕКСАНДРЫ ЛЬВОВНЫ И ВЛАДИМИРА ГРИГОРЬЕВИЧА, РАССКАЗАЛ О СОФЬЕ АНДРЕЕВНЕ И СООБЩИЛ, ЧТО ВЛАСТИ РАСПОРЯДИЛИСЬ ОТСЛЕЖИВАТЬ КАЖДЫЙ ШАГ ПИСАТЕЛЯ. — В. Р.]

Письмо Александры Львовны Толстой Л. Н. Толстому
28 октября 1910 г. Ясная Поляна

«Милый, дорогой мой папаша, не унывай, как и я не унываю. Завтра приедут старшие, и мне будет легче.

Целую крепко, крепко. Все расскажет тебе А. Сергеенко»².

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 403, 404.

² УЛТ. С. 553.

В.Г. Чертков и А.П. Сергеенко. 1909. Фотография Т. Тапселя

Письмо
Льва Николаевича Толстого
А.Л. Толстой
29 октября. Оптина Пустынь

«Сергеенко тебе все про меня расскажет, милый друг Саша. Трудно. Не могу не чувствовать большой тяжести. Главное, не согреших, в этом и труд. Разумеется, согрешил и согрешу, но хоть бы поменьше.

Этого, главное, прежде всего желаю тебе, тем более, что знаю, что тебе выпала страшная, не по силам по твоей молодости задача. Я ничего не решил и не хочу решать. Стараюсь делать только то, чего не могу не делать, и не делать того, чего мог бы не делать. Из письма к Черткову ты увидишь, как я не то что смотрю, а чувствую. Очень надеюсь на доброе влияние Тани и Сережи. Главное, чтоб они поняли и постарались внушить ей, что мне с этими подглядыванием, подслушиванием, вечными укоризнами, распоряжением мной, как вздумается, вечным контролем, напускной ненавистью к самому близкому и нужному мне человеку (речь идет о В.Г. Черткове. — В.Р.), с этой явной ненавистью ко мне и притворством любви, что такая жизнь мне не неприятна, а прямо невозможна. что если кому-нибудь топиться, то уж никак не ей, а мне, что я желаю одного — свободы от нее, от этой лжи, притворства и злобы, которой проникнуто все ее существо. Разумеется, этого они не могут внушить ей, но могут внушить, что все ее поступки относительно меня не только не выражают любви, но как будто имеют явную цель убить меня, чего она и достигнет, так как надеюсь, что в третий припадок, который грозит мне, избавлю и ее, и себя от этого ужасного положения, в котором мы жили и в которое я не хочу возвращаться.

Видишь, милая, какой я плохой, не скрываюсь от тебя.

Тебя еще не выписываю, но выпишу, как только будет можно, и очень скоро. Пиши, как здоровье. Целую тебя.
Л. Толстой.

С.Л. и А.Л. Толстые в зале яснополянского дома. 1900.
Фотография М.Л. Оболенской (?)

Едем Шамардино.

Душан разрывается, и физически мне прелестно»¹.

**Письмо Владимира Григорьевича Черткова
Л. Н. Толстому**

28 октября 1910 г. Телятинки Тульской губ.

«Дорогой друг, посылаю вам это письмо через Сашу, не знаю куда. Не могу высказать словами, какую для меня радостью было известие о том, что вы ушли. Всем существом сознаю, что вам надо было так поступить и что продолжение вашей жизни в Ясной при сложившихся условиях было бы с вашей стороны не хорошо. И я верю тому, что вы достаточно долго откладывали, боясь сделать это “для себя”, — для того, чтобы на этот раз в вашем основном побуждении не было личного эгоизма. А то, что вы по временам неизбежно будете сознавать, что вам в вашей новой обстановке и лично гораздо покойнее, и приятнее и легче, — это не должно вас смущать. Без душевной передышки жить невозможно. **Уверен, что от вашего поступка всем** (курсив В.Г. Черткова. — *В.Р.*) **будет лучше, и прежде всего бедной Софье Андреевне, как бы он внешним образом на ней ни отразился...**

Не могу высказать вам всего того, что чувствую и думаю. К тому же сейчас спешу воспользоваться случаем в Ясную.

Галечка (жена В.Г. Черткова. — *В.Р.*) ночью во сне видела, что вы ушли. Это было, вероятно, в то самое время, когда вы уходили наяву. Она, бедненькая, волнуется — уже очень сильно она все это чувствует. Но она бодра и жалеет только о том, что не пришлось с вами проститься. Очень и очень много любви к вам сосредоточено в нашем здешнем маленьком общезжитии.

Пожалуйста, пользуйтесь мною и моими друзьями в чем только нужно: это было бы, разумеется, и для меня и для них одна только радость.

Отдайте это письмо Душану для возвращения мне при случае.

¹ Т. 82. С. 218.

(Сделали ли вы распоряжение о том, чтобы в вашем отсутствии Александра Львовна получала за вас почту? Это очень важно! В ее отсутствие вы могли бы воспользоваться, быть может, мною, давая адрес ваш так: В.Г. Черткову Ясенки Тул. губ.) Целую вас. Помогай вам Бог. В. Ч.»¹.

Письмо
Льва Николаевича Толстого
В.Г. Черткову

1910 г. 29 октября. Оптиная Пустынь

«Рад был видеть Алешу Сергеенко, но, как ни ожидаанны были всякие дурные известия, те, которые он привез, больно поразили меня. Жду, что будет от семейного обсуждения — думаю, хорошее. Во всяком случае, однако, возвращение мое к прежней жизни теперь стало еще труднее — почти невозможно, вследствие тех упреков, которые теперь будут сыпаться на меня, и еще меньшей доброты ко мне. Входить же в какие-нибудь договоры я не могу и не стану. Что будет, то будет. Только бы как можно меньше согрешить.

Спасибо вам и за письмо ко мне, и за Сергеенко, и за письмо к Саше, про которое он мне говорил.

Я не похваляюсь своим и телесным и душевным состоянием, и то и другое слабое, подавленное.

Жалко Сашу, жалко детей — Сережу и Таню, жалко вас с Галей и больше всего ее самою. Только бы жалость эта была без примеси гансине (злопамятства. — В.Р.). И в этом не могу похвалиться.

Ну, прощайте. Спасибо за любовь, очень дорожу ею. Л. Т.
29. 2-й час дня»².

[ТОЛСТОЙ ПРОДИКТОВАЛ АЛЕКСЕЮ СЕРГЕЕНКО ИСПРАВЛЕНИЯ К ПИСЬМУ КОРНЕЮ ЧУКОВСКОМУ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ. ОНО БУДЕТ НАПЕЧАТАНО ПОСЛЕ СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ 13 НОЯБРЯ ПОД НАЗВАНИЕМ «ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

¹ УЛТ. С. 549, 550.

² Т. 89. С. 233.

Л. Н. Толстой. Москва. 1909.
Фотография Ю. Мебиуса

Художник В. И. Россинский.
Толстой за последней работой (Оптина пустынь)

СРЕДСТВО». РАЗДУМЬЯ ТОЛСТОГО НОСЯТ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР: НЕ ПРИНУЖДЕНИЕ К ОТРИЦАНИЮ СМЕРТНОЙ КАЗНИ, А ПРИОБЩЕНИЕ ВСЕХ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ К МЫСЛИ О НЕДОПУСТИМОСТИ УЗАКОНЕННОГО УБИЙСТВА ЧЕЛОВЕКА. — В. Р.]

Из письма о смертной казни
литературоведа и писателя
Корнея Ивановича Чуковского
Л. Н. Толстому
1910 г. 24 октября. Ст. Куоккала
Финляндской железной дороги

«Лев Николаевич. Не кажется ли вам, что **все протесты против смертной казни — и ваше “Не могу молчать”, и Леонида Андреева “Рассказ о семи повешенных”, и Короленко “Бытовое явление” — имеют один очень большой недостаток?** Они слишком академичны, недоступны уличной толпе, слишком для нее длинны и сложны, похожи на диссертации и, увлекая наиболее чуткую часть нашего общества, равнодушных так и оставляют равнодушными. Это все тяжелая артиллерия, а в борьбе с палачеством нужны и летучие отряды — для партизанских набегов, и мне кажется, было бы хорошо, если бы в одно прекрасное утро в какой-нибудь распространенной газете сразу, внезапно появились краткие (по сорок, по пятьдесят строк!) протесты против казни, подписанные именами наиболее авторитетных в России и за границей людей. [...]

Илья Ефимович Репин вчера мне прислал свое красноречивое и пылкое осуждение виселице, — и это дает мне смелость обратиться и к вам, Лев Николаевич, с такой же мольбой: **пришлите мне хоть десять, хоть пять строчек о палачах и о смертных казнях**, и редакция “Речи” с благоговением напечатает этот единовременный протест лучших людей России против неслыханного братоубийства, к которому мы все привыкли и которое мы все своим равнодушием и своим молчанием поощряем. Любящий вас К. Чуковский»¹.

¹ Т. 58. С. 560, 561.

К.П.3546, ч. II в - 57263

Лев Николаевич. Не кажется ли Вам,
что весь протест против смертной
казни — и Ваше „Не могу молчать“,
и Леонида Андреева „Рассказы о семи
новейших“ и Короленко „Бурное
Явление“ — имеют один очень
большой недостаток? Они слишком
академичны, недоступны уличной
толпе, слишком для нее длинные
и сложные, похожи на диссертации,
и, увлекая наиболее культурную часть
нашего общества, равнодушны
так и оставляют равнодушными.

Это все тяжелая артиллерия,
а в борьбе с палачеством нужны
летучие отряды — для партизанской
набьюги, и мне кажется, было бы
хорошо, если бы в это прекрасное
утро в какой-нибудь распространя-
емой газете сразу, внезапно
появились краткие (по сорок, по

Фрагмент письма Корнея Чуковского к Л. Н. Толстому, в котором он просит писателя принять участие в акции протеста против смертной казни. 12 октября 1910 г. Автограф

къ которому мы все привыкли
и которое мы все своимъ равно-
душіемъ и своимъ безразличіемъ
поощряемъ.

Любящій Вася
К. Чуковский

Ст. Куоккала Финл. Ж.Д.
Корнею Ив. Чуковскому

Если захотите предварительно
ознакомиться со статьями
Королевско и Роткина, которые суть
ружьи, и ихъ издательство Вильд фром
Стокгольмъ.

Фрагмент письма Корнея Чуковского к Л. Н. Толстому, в котором он просит писателя принять участие в акции протеста против смертной казни. 12 октября 1910 г. Автограф (окончание)

Конверт письма Корнея Чуковского к Л. Н. Толстому.
12 октября 1910 г. Автограф

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО

[ПОСЛЕДНЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО. — В. Р.]

Само собой, разумеется, что очень рад бы был сделать все, что могу, для противодействия тому злу, которое так сильно и болезненно чувствуется (всеми) лучшими людьми нашего времени.

Но думаю, что в наше время для действительной борьбы с смертной казнью нужно не проламывание раскрытых дверей; не выражения негодования против безнравственности, жестокости и бессмысленности смертной казни (всякий искренний и мыслящий человек и, кроме того, еще и знающий с детства шестую заповедь не нуждается в разъяснениях бессмысленности и безнравственности смертной казни), не нужны также и описания ужасов самого совершения казней; такие описания могут только успешно подействовать на самих палачей, так что люди будут менее охотно поступать на эти должности и исполнять их, и правительству придется дороже оплачивать их услуги.

И потому думаю, что главным образом **нужно не выражение негодования против убийства себе подобных, не внушение ужаса совершаемых казней, а нечто совсем другое.**

Как прекрасно говорит Кант, «есть такие заблуждения, которые нельзя опровергнуть. Нужно сообщить заблуждающемуся уму такие знания, которые его просветят, тогда заблуждение исчезнет само собою».

Какие же знания нужно сообщить заблуждающемуся уму человеческому о необходимости, полезности, справедливости смертной казни, для того чтобы заблуждение это уничтожилось само собой?

Такое знание, по моему мнению, есть только одно: знание того, что такое человек, каково его отношение к окружающему его міру (земля, космос, вселенная. — В. Р.) или, что одно и то же, в чем его назначение и потому, что может и должен делать каждый человек, а главное, чего не может и не должен делать.

И потому, если уж бороться с смертной казнью, то **бороться только тем, чтобы внушать всем людям**, в особенности же распорядителям палачей и одобрителям их, ошибочно думающим, что они только благодаря смертной казни удерживают свое положение, внушать этим людям **то знание, которое одно может освободить их от их заблуждения.**

Знаю, что дело это нелегкое. **Наемщики и одобрители палачей** инстинктом самосохранения чувствуют, что знания эти сделают для них невозможным удержание того положения, которым они дорожат, и потому не только сами не усваивают этого знания, но всеми средствами власти, насилия, обмана, коварства, лжи, жестокости **стараются скрыть от людей эти знания**, извращая их и подвергая распространителей их всякого рода лишениям и страданиям.

И потому, если мы точно хотим уничтожить заблуждение смертной казни и, главное, если имеем то знание, которое уничтожает это заблуждение, то **давайте же будем**, несмотря ни на какие угрозы, лишения и страдания, **сообщать людям это знание, потому что это единственно действительное средство борьбы.**

29 октября, 1910 г. Оптиная Пустынь¹.

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого**

29 октября.

Оптина Пустынь. Первая половина дня

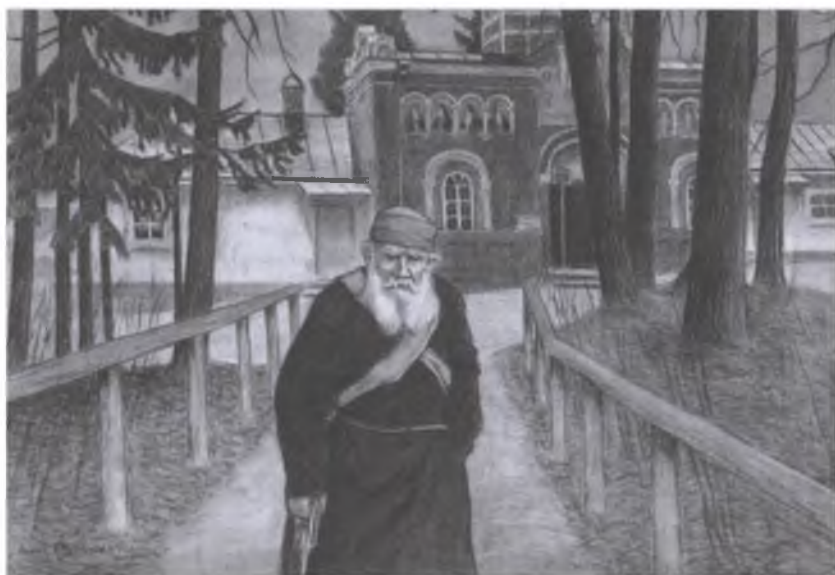
«К А.П. Сергеевко Л.Н. был очень внимателен... При нем сказал, что к старцам не пойдет.

— Монастырская обстановка вам не противна?

— *Напротив, приятна, — ответил Л.Н.*

В Оптиной Л.Н. был спокоен и был не прочь там остаться. [...]

¹ Т. 38. С. 436, 437.

Художник В. И. Россинский. Толстой в Оптиной пустыни

На вопрос, как спал, ответил, что плохо; оттого не спал, что нервы у него возбуждены. Л. Н. оставил Сергеенко переписать статью и записать данные о вдове-просительнице и вручить ей письмо Л. Н.-ча к его родне, которую просил помочь ей. Л. Н. пошел гулять. Когда выходил из комнаты, сказал:

— *Как хорошо, что не надо прятать, замыкать.*

Л. Н. ходил гулять к скиту. Подошел к его юго-западному углу. Прошел вдоль южной стены (мне так сказал рабочий, слышавший от товарищей) и пошел в лес.

Вернувшись, продолжал разговаривать с А. П. Сергеенко и пошел пить кофе. Потом написал письмо Александре Львовне и, кажется, Черткову...

В 12-м часу Л. Н. опять ходил гулять к скиту. Вышел из гостиницы, взял влево, дошел до святых ворот, вернулся и пошел вправо, опять возвратился к святым воротам, потом пошел и завернул за башню к скиту.

О. Пахомий стоял у ворот своей гостиницы. Он услышал, что Л. Н. в Оптиной Пустыни, и вышел, чтобы его увидеть. О. Пахомий с метелкой подметал; увидев Л. Н., догадался, что это он. Он ему поклонился, Л. Н. ответил поклоном и подошел к нему, спросил его:

— *Это что за здание?*

— Гостиница.

— *Как будто я тут останавливался. Кто гостинник?*

— Я, отец Пахомий грешный. А это вы, ваше сиятельство?

— *Я — Толстой Лев Николаевич. Вот я иду к отцу Иосифу, старцу, и боюсь его беспокоить; говорят, он болен.*

— Не болен, а слаб. Идите, ваше сиятельство, он вас примет.

[ПОЗЖЕ СЕСТРА ПИСАТЕЛЯ М. Н. ТОЛСТАЯ СЕТОВАЛА НА ТО, ЧТО ОТЕЦ ПАХОМИЙ НЕ ВЗЯЛСЯ СОПРОВОДИТЬ БРАТА К ОТЦУ ИОСИФУ. — В. Р.]

— *Где вы раньше служили?* (Л. Н. догадался, что он из солдат и простой, неграмотный монах.)

Тот назвал какой-то гвардейский полк в Петербурге.

— А, знаю, — сказал Л. Н. — До свидания, брат. Извините, что так называю. Я теперь всех так называю. Мы все братья у одного царя.

В руках у него была палка с раскладным сидением. Он отправился к о. Иосифу. Л. Н. пошел к скиту. Подойдя к святым воротам, повернул вправо, в лес.

Вернувшись, вошел ко мне и сказал, где гулял (около скита):

— *К старцам сам не пойду. Если бы сами позвали, пошел бы.*

У Л. Н., видно, было сильное желание побеседовать со старцами. Вторую прогулку (Л. Н. утром по два раза никогда не гулял) я объясняю намерением посетить их. Л. Н. в это же утро сказал знакомому монаху о. Василию, что приехал отдохнуть в Оптину, а не удастся — так где-нибудь в другом месте пожить.

По-моему, Л. Н. желал видеть отшельников-старцев не как священников, а как отшельников, поговорить с ними о Боге, о душе, об отшельничестве, и посмотреть их жизнь, и узнать условия, на каких можно жить при монастыре. И если можно — подумать, где ему дальше жить. [...] В час пообедали; Л. Н-чу показались очень вкусны монастырские щи да хорошо проваренная гречневая каша с подсолнечным маслом; очень много ее съел.

Когда Л. Н. уходил, он зашел к о. Михаилу в комнатку.

— *Что я вам должен?*

— По усердию.

— *Три рубля довольно?*

— Да. Мне дорого, что такой человек, как вы, посетили нас. Дайте мне вашу карточку.

— *Да какой же я человек — отверженный. Карточки у меня нет, я вам пошлю.*

— Прошу вас, распишитесь.

И Л. Н. расписался в книге посетителей, пометив: “Благодарит за прием”¹.

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 404–406.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ — ШАМОРДИНО

Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
29 октября. Вторая половина дня

«В 3-м часу выехали в Шамордино. Л. Н. ушел вперед пешком (это у него обычай такой был, когда уезжал оттуда, где гостил, уходить вперед одному).

Отец Михаил мне говорил, что **был весь нараспашку, «не застегивается; так он простудится».**

Мы с А.П. Сергеенко в экипажах догнали его на пароме. Туда сошлось около 15 монахов, чтобы видеть Л. Н., хотя он (должен сказать) в Оптиной особенно большого внимания не возбудил.

— **Жалко Льва Николаевича, ах ты, господи! Да! Бедный Лев Николаевич! Свежий старик, такой бодрый.**

Л. Н. стоял у правых перил парома и говорил, обращаясь к миловидному седому старику-монаху в очках. Спрашивал его о его зрении и рассказал анекдот, как ему, студенту (университета) в Казани, татарин предлагал: “Купи очки”. — “Мне не нужны”. — “Как не нужны! Теперь каждый порядочный барин очкам носит”.

Переправа была короткой — одна минута.

Л. Н. уселся в экипаж Федора. Армяк на вате, сапоги, калоши. Свитку накинуть отказался. Сидел на ней.

Было несколько градусов тепла.

Через версты две, где дорога шла в гору, я подошел к Л. Н. спросить, как ему, не нужно ли что, не накинёт ли свитки? Опять отказался. Л. Н. разговаривал с Федором, спрашивал его, чье это имение слева. Оказалось, Н. С. Кашкина, сверстника, старого друга Л. Н.; с ним он на *ты*. Кажется, единственный из живущих, с которым Л. Н. был на *ты*. Он живет в Калуге. Он был сослан по делу Петрашевского на Кавказ. Там подружился с Л. Н.

Через несколько верст к Л. Н. подошел Сергеенко. Ему сказал Л. Н.:

Шамордино. Казанский собор.
Козельский уезд Калужской губ. 1913

Художник В. И. Россинский.
Л. Н. Толстой у сестры М. Н. Толстой в Шамордине

— Хочу быть свободным от Софьи Андреевны. Не пойду на уступки: ни на то, чтобы с Чертковым раз в неделю видаться, ни на то, чтобы отдать ей дневники. Захочу — буду в монастыре жить. Мне это целование, притворство противно.

Л.Н. много разговаривал с Федором и уговаривал его не курить, не пить.

Уже стемнело, когда приехали в Шамордино. Остановились у гостиницы. В сенях Л.Н. встретила заведующая гостиницей мать Наталья, и Л.Н. спросил ее, где живет Мария Николаевна, его сестра; она поэтому сразу узнала Л.Н. и назвала его по имени и отчеству. Л.Н., не входя в комнату, прямо пошел к Марии Николаевне с сопровождавшей его послушницей. Мария Николаевна живет в своем доме с сестрой игуменьи и двумя келейницами.

Л.Н. пришел к Марии Николаевне, поздоровался с ней и с гостившей у нее дочерью Е.В. Оболенской, сел в большое красное кресло, а старушка Мария Николаевна напротив него, и стал говорить:

— Ты представить себе не можешь, Машенька, в каком Софья Андреевна теперь состоянии, — и начал вспоминать, как она за ним следила, не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Рассказал, как он в голенище сапога оставил книжку записную, а наутро хватился и ее уже не нашел. Затем как (*crescendo*) возрастала подозрительность и злоба в ней. — И, наконец, теперь подумай, какой ужас: в воду... — и зарыдал. Спросил, можно ли жить ему в Шамордине или в Оптиной»¹.

**Из воспоминаний дочери Марии Николаевны Толстой
Елизаветы Валериановны Оболенской,
племянницы Льва Николаевича**

«29 октября днем мы пошли с матерью походить. Погода была холодная, и было очень грязно, так что мы не выходили

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 406, 407.

Дочери М. Н. Толстой. Конец 1910-х гг. Любительская фотография.
Слева направо: Е. С. Денисенко, Е. В. Оболенская (автор воспоминаний),
В. В. Нагорнова

за ограду. Навстречу нам попалась монахиня, только что вернувшаяся из Оптиной Пустыни. Она рассказала нам, что видела там Льва Николаевича, который, узнав, что она из Шамордина и туда возвращается, сказал:

— **Скажите моей сестре, что я нынче у нее буду.**

Ждали мы долго; наконец, он пришел к нам в шесть часов, когда было уже совсем темно, и показался мне таким жалким и стареньким. Был повязан своим коричневым башлыком, из-под которого как-то жалко торчала седенькая борода. Монахиня, провожавшая его от гостиницы, говорила нам потом, что он пошатывался, когда шел к нам. Мать встретила его словами:

— Я рада тебя видеть, Левочка, но в такую погоду!.. Я боюсь, что у вас дома нехорошо.

— **Дома ужасно, — сказал он и заплакал.**

Рассказывая о том, что у них делается дома, о той невозможной жизни, которую он вел последнее время, он так волновался, так часто прерывался слезами, что я предложила ему выпить воды, но он отказался и, помолчав немного, стал говорить спокойнее. Мы обе плакали, слушая его. [...] Достаточно было взглянуть на него, чтобы видеть, до чего этот человек был измучен и телесно и душевно. Сильное волнение вызывало обмороки, сопровождавшиеся судорогами такими сильными, что его приходилось держать, чтобы он не упал с постели. После таких припадков он на короткое время терял память. Говоря нам о своем последнем припадке, он сказал:

— **Еще один такой — и конец; смерть приятная, потому что полное бессознательное состояние. Но я хотел бы умереть в памяти.**

И заплакал.

Последний толчок, принудивший его уйти из Ясной Поляны, это ночные посещения Софьи Андреевны и обман, сопровождавший их. [...] Мать высказала мысль, что Софья Андреевна больна; подумав немного, он сказал:

— **Да, да, разумеется, но что же мне было делать? Надо было употребить насилие, а я этого не мог, вот я и ушел;**

Художник В. И. Россинский. Шамордино. В гостях у сестры

и я хочу теперь этим воспользоваться, чтобы начать новую жизнь.

Мало-помалу он успокоился и сказал нам, что в гостинице Душан и А. П. Сергеенко. [...] Сергеенко даже не раздевался и, простившись со Львом Николаевичем, на тех же лошадях уехал обратно. Прощаясь, он спросил дядю:

— Вам здесь хорошо?

На что тот ответил:

— **Да, очень!**

За чаем мать стала спрашивать про Оптину Пустынь. Ему там очень понравилось (он ведь не раз бывал там раньше), и он сказал:

— **Я бы с удовольствием там остался жить. Нес бы самые тяжелые послушания, только бы меня не заставляли креститься и ходить в церковь.**

На вопрос матери, почему он не зашел к о. Иосифу, он сказал, что думал, что он “отлученного” не примет.

Весь остальной вечер он был спокоен [...] сказал, что думает пожить в Шамордине; с интересом выслушал, что около Оптиной можно нанять отдельный домик (курсив Е. В. Оболенской. — В. Р.), что там многие так устраиваются. Собираясь уходить, он спросил, что можно взять почитать? Мать сказала, что **кроме книг духовного содержания у нее ничего нет.**

— **Самое хорошее чтение, — сказал он.**

Порывшись на полках, он унес “Круг чтения” и несколько книжек “Религиозно-философской библиотеки” издания Новоселова.

Не помню сейчас, по какому поводу мать заговорила о том, как часто в монастырях “враг” смущает монахинь, являясь им то в том, то в ином виде. Между прочим, рассказала, что слышит по вечерам, когда двери уже заперты, как кто-то ходит в сенях и стучится в дверь. Уходя от нас, дядя не сразу нашел выходную дверь и говорит:

— **Я, Машенька, как “враг”, запутался у тебя в сенях.**

Мария Николаевна Толстая, сестра писателя.
Калуга. Конец 1890-х — начало 1900-х гг.
Фотография Т. В. Шитова

Я пошла проводить его; дорогой он несколько раз повторял:

— *Как твоя мать хороша, как хороша!*

— А тебе не был неприятен рассказ о “враге”? — спросила я его.

— *Нисколько; живя в монастыре, такое суеверие неизбежно.*

Потом спросил меня, сколько нужно платить за две комнаты в гостинице, если он тут останется; просил прийти к нему к 9 часам и сказал:

— *Я сделаю свою обычную прогулку и приду к вам»¹.*

Из «Яснополянских записок» Душана Петровича Маковицкого

«Мы с А. П. Сергеенко пришли к Марии Николаевне через час (чтобы проститься с Л. Н.). Застали их в радушном, спокойном, веселом разговоре. Сергеенко, пробыв с полчаса, простился. Л. Н. остался еще час... Л. Н. и Мария Николаевна были счастливы свиданием, радовались, уже успокоились; оживленность прошла, шел тихий, душевный разговор, переплетенный воспоминаниями, с юмором, которого у Марии Николаевны не меньше, чем у Л. Н., и рассказчица она удивительная. Не виделись брат с сестрой с лета 1909 года, когда Мария Николаевна в последний раз была в Ясной Поляне. Она приезжала каждое лето, кроме этого, последнего. Нemoшь и слабость ее удержали дома, в монастыре.

Л. Н. попросил у нее “Круг чтения”, “На каждый день”. Мария Николаевна предложила ему еще “Религиозно-философскую библиотеку” Новоселова, похвалив ее. Л. Н. заглянул в некоторые выпуски и, как это он умел, быстро сориентировался, чего

¹ Оболенская Е. В. Моя мать и Лев Николаевич. Интернет: ФЭБ «Русская литература и фольклор». С. 314–316. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/lg2/lg23279.htm>

стоят, и они сразу понравились ему, отобрал четыре книжечки из 21 и взял их с собой.

Мария Николаевна рассказала про старца Иосифа и советовала посетить его и показала портрет его. Л. Н-чу понравился и сказал:

— *Непременно пойду (к нему)*¹.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

Поехал в Шамордино. Самое утешительное, радостное впечатление от Машеньки, несмотря на ее рассказ о «враге», и милой Лизаньки. Обе понимают мое положение и сочувствуют ему. Дорогой ехал и все думал о выходе из моего и ее положения и не мог придумать никакого, а ведь он будет, хочешь не хочешь, а будет, и не тот, который предвидишь. Да, думать только о том, чтобы не согрешить. А будет, что будет. Это не мое дело. Достал у Машеньки «Круг чтения» и как раз, читая 28 (об этом числе см. ниже, в воспоминаниях сына писателя И.Л. Толстого. — В.Р.), был поражен прямо ответом на мое положение: испытание нужно мне, благотворное мне. Сейчас ложусь. Помогите, Господи. Хорошее письмо от Черткова (см. выше. — В.Р.).

ИЗ «КРУГА ЧТЕНИЯ» Л.Н. ТОЛСТОГО

«28 октября

Как ощущение боли есть необходимое условие сохранения нашего тела, так и страдания суть необходимые условия нашей жизни от рождения и до смерти.

[Мысли Л.Н. Толстого приводятся без подписи. — В.Р.]

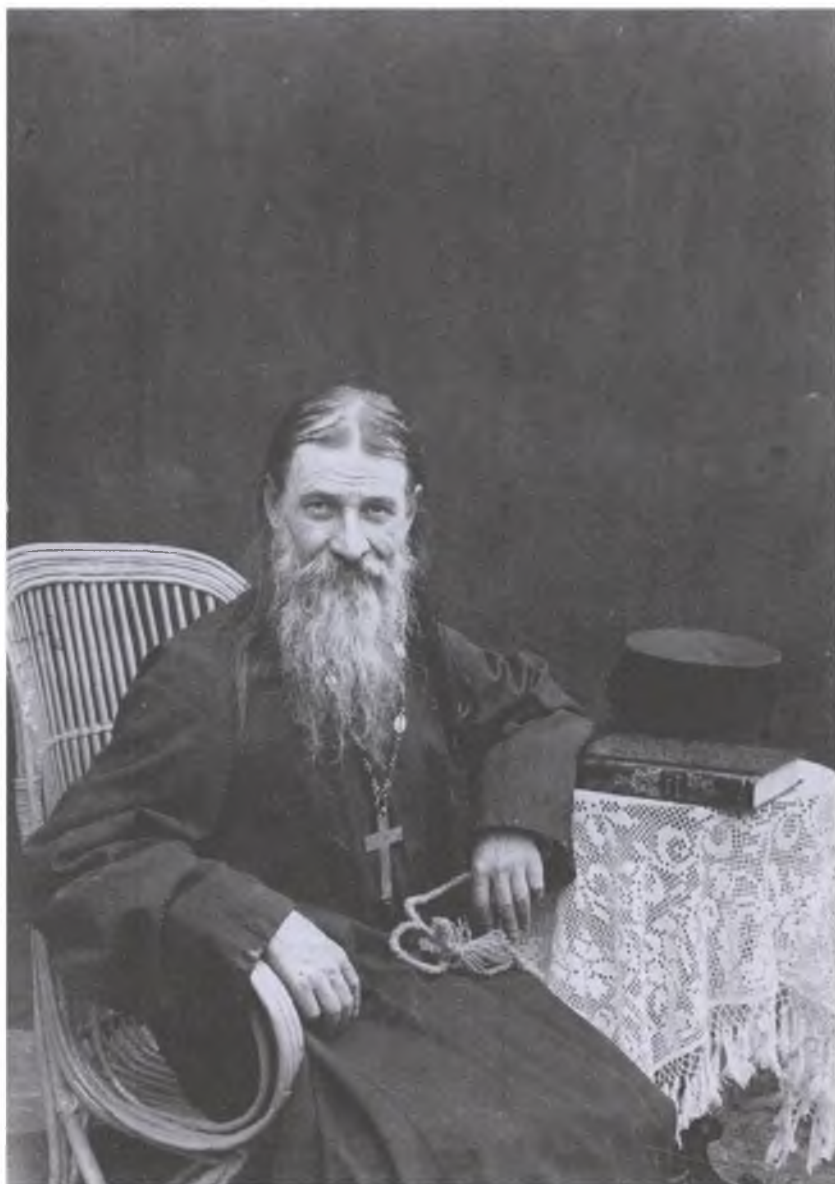
* * *

Как наше тело лопнуло бы, если бы прекратилось давление на него атмосферы, так если бы прекратилось давление на людскую жизнь нужды, тягостного труда и всякого рода

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 407, 408.

Л. Н. Толстой с сестрой М. Н. Толстой
на террасе дома в Ясной Поляне. 1905.
Фотография С. А. Толстой

**Иосиф, иеросхимонах, преподобный старец Оптиной пустыни,
ученик и духовный преемник преподобного Амвросия**

превратностей судьбы, — надменность людей возросла бы хотя и не до опасности лопнуть, но все же до явлений необузданнейшей дури и даже умопомешательства.

Шопенгауэр

* * *

Врач прописывает одному больному одно лечение, другому другое, так и Провидение прописывает нам болезни, увечья и прискорбные потери.

Как предписание врача клонится к восстановлению здоровья больного, так точно и случайности, которым Провидение подвергает человека, клонятся к нравственному оздоровлению его, к восстановлению связи его оторванного личного существования с общей жизнью всего человечества.

Итак, принимай все то, что выпадает тебе на долю, как принимают больные лекарства врача. Восстановление здоровья тела — вот смысл этих горьких лекарств; но ведь для всеобщей разумной природы сохранение каждым существом своего назначения так же важно, как для больного сохранение здоровья тела.

* * *

Поэтому тебе надо приветствовать все то, что с тобой приключается, даже самое горькое, и по смыслу таких случайностей есть здоровье и цельность мироздания. Природа, живая Его разумом, действует разумно, и все, что от нее исходит, безошибочно содействует сохранению единства.

Марк Аврелий

* * *

Страдание — это побуждение к деятельности, а только в ней мы чувствуем нашу жизнь.

Кант

* * *

Благо для человека переносить несчастья этой земной жизни, ибо это влечет его в священное уединение его сердца,

где он находит себя как бы изгнанником из своей родной земли и обязанным не доверяться никаким мирским радостям. Благо для него также встречать противоречия и упреки, когда о нем дурно думают, говорят, хотя бы намерения его были чисты и поступки правильны, ибо такой образ действий держит его в смирении и является противоядием пустой славе. В этом благо, главным образом, потому, что в такие минуты, когда нас в миру презирают, не уважают и лишают любви, мы можем беседовать с тем Богом, который живет в нас.

Фома Кемпийский

* * *

Если бы Бог давал нам таких наставников, о которых мы знали бы достоверно, что они посланы им, то мы ведь повиновались бы им свободно и радостно.

Мы и имеем таких наставников: это нужда и вообще все несчастные случаи жизни.

Паскаль

* * *

Только в буре вполне выказывается искусство мореплавателя, только на поле сражения испытывается храбрость воина; мужество же человека познается только по тому, чем он является в затруднительных и опасных положениях жизни.

Даниэль

* * *

И то, что мы называем счастьем, и то, что мы называем несчастьем, одинаково полезно нам, если мы смотрим на то и на другое как на испытание.

* * *

Не привыкай к благоденствию — оно преходяще: кто владеет — учись терять, кто счастлив — учись страдать.

Шиллер

* * *

Мучения, страдания испытывает только тот, кто, отделив себя от жизни мира, не видя тех своих грехов, которыми он вносил страдания в мир, считает себя не виноватым и потому возмущается против тех страданий, которые он несет за грехи мира.

* * *

Как справедлива по мысли легенда о вечном жиде, в наказание обреченном на вечную жизнь без смерти, так же справедлива была бы легенда о человеке, в виде наказания обреченном на жизнь без страданий»¹.

**Лист из записной книжки № 7
Льва Николаевича Толстого
29 октября**

[ТОЛСТОЙ О ЗАМЫСЛАХ НОВЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ. — В. Р.]

- «1). Феодорит и издохшая лошадь.
- 2). Священник обращенный обращаемым.
- 3). Роман Страхова Грушенька — экономка.
- 4). Охота; дуэль и любовые»².

ВДАЛИ ОТ ТОЛСТОГО

**29 октября
Ясная Поляна
Из ежедневника Софьи Андреевны Толстой**

«29 октября. Приехали все дети, кроме Левы. Они добры, старательны, но не понимают, что мне нужно для спасения и утешения моего. Был Миташа Оболенский (Д. Д. Оболенский, «старинный знакомый» семьи Толстых, приехал как

¹ Т. 42. С. 181–184.

² Т. 58. С. 235.

Усадьба Ясная Поляна 1908. Фотография К.К. Буллы

Общий вид усадьбы Ясная Поляна со стороны деревни. 1908.
Фотография К.К. Буллы

корреспондент “Нового времени” с целью писать об уходе Л.Н. Толстого. — В.Р.). Уехали Сережа, Илья и Миша. Узнавал Ваня, куда уехал Л. Ник. — На Белев. Не к сестре ли Марии Николаевне?»¹.

Из дневника Александры Львовны Толстой

«На другой день мать была все так же взволнована, так же истерически рыдала, восклицала: “Левочка, Левочка, что ты со мной наделал”, — но в этот день к ее горю присоединилась еще и злоба, которая утешила меня в том смысле, что она ничего над собой не сделает. Собрались все, за исключением Левы. Вечером пришли в мою комнату и стали спрашивать меня: что делать. **Все, за исключением Сергея, считали, что отцу следует вернуться домой.** Илья говорил очень резко о том, что отец, который всю жизнь проповедовал христианство, здесь не выдержал и сделал злой поступок, что он не прав в этом. Другие братья, все, кроме Сергея, поддерживали. Особенно горячился Андрей, и, к удивлению моему и огорчению, то же говорила и Таня. Они спрашивали меня, уеду ли я к отцу, и я сказала, что непременно поеду, но когда не скажу. **Они все написали мне письма.** Все письма были о том, чтобы отец вернулся, то же писала и Таня. Один Сергей написал краткое, но сочувствующее отцу письмо, в котором пишет, что отцу следовало уйти еще 26 лет тому назад.

Написала и мать истерическое, умоляющее письмо с угрозами убить себя, если отец не вернется»².

Из «Очерков былого» Сергея Львовича Толстого

«Саша нам сказала, что хотя она знает, куда поехал отец, но не может нам этого сказать, так как обещала не говорить.

Мать вышла к нам в залу. Она была не одета, не причесана, в каком-то капоте. Меня поразило ее лицо, вдруг постаревшее, сморщенное, трясущееся, с бегающим взглядом. Это было

¹ Т. 2. С. 325, 326.

² УЛТ. С. 307, 308.

С.А. Толстая у окна. Москва. 1901.
Фотография А.Л. Толстой и С.А. Толстой

С.А. Толстая со своими дочерьми. Ясная Поляна. 28 августа 1903 г.
Фотография Ф.Т. Протасевича.
Слева направо: Александра, Татьяна, С.А. Толстая, Мария

новое для меня выражение. Мне было и жалко ее, и жутко. Она говорила без конца, временами плакала и говорила, что непременно покончит с собой, что ей не дали утонуть, но что она уморит себя голодом. Я довольно резко сказал ей, что такое ее поведение произведет на отца обратное действие, что ей надо успокоиться и полечить свои нервы; тогда отец вернется. На это она сказала: **“Нет, вы его не знаете, на него можно подействовать только жалостью”** (т.е. возбудив в нем жалость). Я подумал, что это правда, и хотя возражал, но чувствовал, что мои возражения слабы. Впрочем, я говорил, что раз отец уехал, он не может скоро вернуться, что надо подождать, а через некоторое время он, может быть, вернется в Ясную. Особенно тяжело было то, что все время надо было держать ее под наблюдением. **Мы не верили, что она может сделать серьезную попытку на самоубийство, но, симулируя самоубийство, она могла не учесть степени опасности и действительно себе повредить.**

Не помню, в этот ли день, или на другой день приехали братья Андрей и Миша и сестра Таня. Лева был за границей. К счастью, мы все пришли к единодушному решению. **Мы решили: 1) Сашу не допрашивать**, где отец, и посоветовать ей поскорее к нему поехать; **2) всячески удерживать мать от поездки к отцу или за поисками его; 3) выписать из Москвы доктора-психиатра и двух сестер милосердия для ухода за матерью** и безотлучного наблюдения за ней. Мы сознавали, что должны быть жестоки с матерью, но вместе с тем понимали, что иначе мы не можем поступить. И Андрей совершенно верно говорил, что отыскать отца ничего не стоит, что губернатор и полиция, вероятно, уже знают, где он, что наивно думать, что Лев Толстой может где-нибудь скрыться. Газеты тоже, очевидно, сейчас же это пронюхают. Установится даже особого рода спорт: кто первый найдет Льва Толстого. Мы решили написать отцу письма. Написали письма братья Илья и Андрей, сестра Татьяна и я. **Миша не написал»¹.**

¹ УЛТ. С. 34–36.

**Из «Моих воспоминаний»
Ильи Львовича Толстого**

«Я приехал, когда в Ясной отца уже не было.

Двадцать восьмого октября 1910 года я был в Москве и вечером узнал по телефону от брата Сергея, что им получена из Ясной Поляны тревожная телеграмма, требующая его немедленного приезда. Мы (Илья и Сергей. — В.Р.) выехали в двенадцать часов ночи и рано утром были уже на станции Козловке-Засеке. От кучера Адриана Павловича мы узнали, что отец накануне утром уехал по железной дороге, и никто не знает, где он сейчас находится. [...]

Это известие было для меня совершенно неожиданно, и я помню, как тут же меня испугало одно странное совпадение, на первый взгляд незначительное, но в данном случае показавшееся мне знаменательным.

Отец ушел из Ясной Поляны 28-го числа. Опять это роковое число, совпадавшее со всеми значительными событиями его жизни!

Значит, опять произошло в его жизни что-то решительное, что-то важное. Значит, он уже не вернется! Отец не признавал никаких предрассудков, не боялся сам садиться за стол тринадцатым, часто вышучивал разные приметы, но число “28” он считал своим и любил его.

Он родился в 28 году, 28 августа. 28-го числа вышла в печать первая его книга “Детство и отрочество”, 28-го родился его первый сын, 28-го была первая свадьба одного из его сыновей и вот, наконец, 28-го он ушел из дома, чтобы больше никогда не вернуться.

Приехав в Ясную, мы застали там сестру Александру и братьев Андрея и Михаила.

В передней нас встретила мама, рыдающая, растерянная и жалкая. Весь этот день все мы ютились кучками по осиротевшим комнатам, снова и снова выслушивали рассказы о случившемся, делали предположения о том, где теперь может быть папа, может ли он вернуться, и обсуждали, что нам делать.

Сыновья Л.Н. и С.А. Толстых. Ясная Поляна. 28 августа 1903 г.
Фотография Ф.Т. Протасевича.
Слева направо: Сергей, Илья, Лев, Андрей, Михаил

С.А. Толстая с сыном Ильей в кабинете Л. Н. Толстого.
Ясная Поляна. 14 марта 1903 г.
Фотография П.А. Сергеенко

Ближайшая наша обязанность — это была забота о матери, состояние которой внушало нам серьезные опасения. Приехавший из Тулы по нашему вызову врач-психиатр посоветовал не оставлять ее одну и приставить к ней сестру милосердия. Было решено, что двое из нас в первое время должны остаться в Ясной.

Двадцать девятого октября сестра Саша готовилась ехать к отцу, но усиленно скрывала от нас, куда она поедет и когда выедет.

Измученный, больной физически и нравственно, отец поехал без цели, без ранее намеченного направления, только для того, чтобы куда-нибудь скрыться и отдохнуть от тех нравственных пыток, которые сделались ему невыносимы.

— Взвесил ли папа, что мама может не пережить разлуки с ним? — спросил я у сестры Саши.

— Да, он считался и с этим, и все-таки он решил уйти, потому что считает, что хуже того положения, которое создалось теперь, быть не может, — ответила мне она.

Вечером мы написали отцу письма и передали их ей. На словах мы поручили ей передать отцу, чтобы он не беспокоился о маме, что мы ее бережем, а ее просили заботиться о нем и беречь его.

В эту же ночь я уехал к себе в Калугу.

Никто не сказал мне, куда уехал отец, но я был так уверен в том, что он в Шамордине у тети Маши, что на следующий же день я пошел к калужскому губернатору князю Горчакову и попросил его принять меры, чтобы козельская полиция не причинила отцу неприятностей из-за того, что у него не было с собой никаких документов.

Шамордино от Калуги в пятидесяти верстах.

В это время у меня в Калуге случайно стояла тройка лошадей. Моя жена настойчиво советовала мне тогда же сесть в экипаж и ехать к Марье Николаевне, но я этого не сделал только потому, что я побоялся спугнуть оттуда отца. Ему могло быть

неприятно, что я узнал, где он находится. [...] Теперь я жалею, что я этого не сделал»¹.

ШАМОРДИНО (Продолжение)

30 октября

[ВЕЧЕРОМ СОВЕРШЕННО НЕОЖИДАННО ПРИЕХАЛИ АЛЕКСАНДРА ЛЬВОВНА С ВАРВАРОЙ МИХАЙЛОВНОЙ ФЕОКРИТОВОЙ И ПРИВЕЗЛИ Л.Н. ТОЛСТОМУ ПИСЬМА ДЕТЕЙ И СОФЬИ АНДРЕЕВНЫ. — В.Р.].

Из дневника Льва Николаевич Толстого

Е. б. ж. (если буду жив. — В.Р.).

Жив, но не совсем. Очень слаб, сонлив, а это дурной признак.

Читал Новоселовскую философскую библиотеку (М.А. Новоселов, бывший толстовец, ушедший в православие. — В.Р.). Очень интересно: о социализме. Моя статья «О социализме» пропала (позже была найдена среди рукописей писателя. — В.Р.). Жалко. Нет, не жалко. Приехала Саша. Я очень обрадовался. Но и тяжело. Письма от сыновей. Письмо от Сергея хорошее, деловитое, короткое и доброе. Ходил утром нанимать хату в Шамордине. Очень устал. Написал письмо Софье Андреевне.

Из «Яснополянских записок» Душана Петровича Маковицкого

«30 октября. Погода сырая. В 7.45 (вечер. — В.Р.) Л.Н., надевши на себя свитку и спросив послушницу, обслуживающую в гостинице, как идти на деревню и далеко ли, пошел

¹ УЛТ. С. 81–83.

туда. Деревня Шамордино ближе чем в версте от монастыря. Л. Н. пошел туда искать сам другое помещение. Вернувшись, сказал, что нашел квартиру у бабы Алены. **“Вы ремесленники будете?”** — спросила она. ***Л. Н. сказал, что она должна прийти не помню с каким еще ответом, и днем спрашивал, не приходила ли.***

[Среди бумаг Маковицкого сохранилась следующая записка, сделанная им в декабре: «Из Шамордино в Оптину Пустынь возил меня Кузьма Тимошкин. Его тесть водил Л. Н. 30 октября квартиру искать. Л. Н. его встретил на улице и спросил: ***“Где тут квартиру можно снять?”*** — “Семья ваша большая?” — ***“Нет. Мы с товарищем будем жить”***. Старик повел Л. Н. к двум вдовам — снохе Матрене со свекровью Аленой Хомкиной. Эта вдова плохо живет. Брат подает помаленьку. В их доме две комнаты (половины). В одной только они живут. Другая горница теплая, чисто и лежанка, и пол есть. Л. Н. ее за пять целковых в месяц нанял. ***“Вот и хорошо. Я здесь останусь. Вещи снесут, а я пойду к сестре Марии Николаевне. Завтра, в воскресенье, я приду”***. Л. Н. мог бы пожить в свое удовольствие в крестьянской избе хоть сколько позволило бы ему его здоровье»¹].

За “Кругом чтения” попил кофе в моем новом номере и пошел в свой новый (бывший вчера моим) номер, куда я перетащил его вещи, пока он ходил на деревню. Теперь нас разделяла только тонкая стена, через которую было можно перекликаться.

Л. Н. позвал меня. Сидел на диване, устроив из него себе кресло, и читал одну из книжек “Религиозно-философской библиотеки” Новоселова “О цели и смысле жизни. Часть вторая. Христианское мировоззрение” (Высший Волочек, 1903; читал статью Влад. Кожевникова “Отношение социализма к религии вообще и к христианству в частности”. — В. Р.). Понравилась ему. Еще заинтересовала его книжка (сказал:

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 481.

“О социализме там хорошо”) — “Социальное значение религиозной личности”. Сборник. Влад. Соловьев. Герберт Спенсер. Достоевский. Герцен. Тихомиров (Высший Волочѣк, 1904. — В.Р.).

Продиктовал (мне) письмо Новоселову:

“М.А. Новоселову, Вышний Волочѣк, Тверской губ.

Лев Николаевич у сестры в Шамординском монастыре нашел вашу “Религиозно-философскую библиотеку”. Она ему чрезвычайно нравится и он очень желал бы знать, продолжается ли она и сколько ее номеров. И присылает вам свой привет — если вы его помните (добавил Л.Н.). Д.П. Маковицкий”.

“Как интересно про социализм пишет Герцен”, — говорил Л.Н. и еще говорил — не помню что — про статьи Соловьева, Спенсера, Тихомирова.

В 10 часов через стену окликнул меня. Лежал на диване и так читал.

— Чувствую слабость и вместе с тем сонливость.

Пульс, как это бывает перед припадками, — 88, сильный, полный, правильный. Лицо не очень красное, но и не бледное.

Обмороки случаются с Л.Н. уже полтора года, обыкновенно с шестинедельными интервалами, но бывало и через три, пять, восемь недель. Причинами их нам казались то малокровие мозга, то ослабление сердечной деятельности, то вследствие переутомления литературными занятиями, посетителями, длинными прогулками, то вследствие простуды, отравы кишечника ядами при повторном колите, то вследствие артериосклероза.

Я посоветовал снять одежду, перестать читать и постараться уснуть, что Л.Н. и хотел исполнить. Л.Н. раз чихнул. Пульс еще участился, был более 90. Смерили температуру — 36,3°. Приписали это состоянию волнения, усталости последних трех дней и простуде по дороге. Кроме того, я приписал его слабость вздутию живота. Вчера с большим аппетитом два раза ел щи и кашу, и даже огурцы. И по яблоку жесткому, местной антоновки,

утром и вечером. Уже вчера вечером Л. Н. был усталый. Назвал меня Душаном Ивановичем, чего никогда не случалось. [...]

Потом слышна была через стену зевота, такая сильная, какая бывала у Л. Н. при недомогании. Вскоре я зашел к нему. Пульс упал до 80 с чем-то (Л. Н. считал). Было начало 3-го часа. Л. Н. готовился лечь спать перед обедом, который должен был быть в 3.30 у Марии Николаевны. **Л. Н. перед обедом имел привычку поспать час с лишним.** Л. Н. спрашивал:

— **Была ли баба? Так и не пришла сказать насчет квартиры?**

В 3.15 Мария Николаевна прислала свою пролетку за Л. Н. В гостинице было очень тихо. Других гостей не было. Перед нашими окнами в 30 шагах был станок, на котором молодой кузнец подковывал лошадей. Л. Н., смотря в окно:

— **Как бьет!**

Кузнец бил жестоко молотком лошадь по ляжке. Я пошел ему сказать, чтобы не бил.

Л. Н. всегда всякое горе, несчастье видел и чувствовал в высокой мере, а в последние месяцы и именно в эти дни особенно сильно. Что я еще тогда замечал у Л. Н.: стал более решителен, менее позволял себя обслуживать и стал более бережлив. Мечтал и говорил о предстоящем упрощении внешнего образа жизни. И не тяготился тем, что в эти дни мало работал.

За обедом у Марии Николаевны Л. Н. сначала был оживленный, возбужденный, потом стал спокоен, весел, шутлив. [...]

Пробыли у Марии Николаевны в беседе до 7-го часа. **Л. Н. стало холодно, накинули ему на плечи, кажется, фуфайку. На это не обратили особенного внимания,** так как Л. Н. дома очень часто зяб по вечерам и, если не сидел, закинувшись на спинку в кресле, а играл, например, в шахматы, наклонившись вперед, то ему накидывали фуфайку.

Я в этот вечер был очень усталый, дремал. Разговоров не помню.

В 7-м часу пошли пешком домой. В гостинице застали только что приехавшую вместе с Александрой Львовной В. М. Феокритову с вещами. Александра Львовна пошла

к Марии Николаевне. Л.Н. пошел за ней. Так как уже было довольно темно, я боялся, что Л.Н. собьется с дороги, и в ста шагах пошел следом за ним. И действительно, Л.Н. пропустил дом Марии Николаевны, направился дальше влево. Я догнал его и вернул и тогда уже вместе с ним вошел к Марии Николаевне. [...]

Мария Николаевна и Елизавета Валерьяновна очень не хотели, чтобы Софья Андреевна настигла Л.Н. **“Она его доконает”**, — сказала Мария Николаевна. Л.Н. твердо решил не возвращаться, по крайней мере, довольно долго, домой. [...]

Когда Александра Львовна высказала опасение, что Софья Андреевна уже в пути сюда; что утром прибудет; что надо собираться и утром в другое место уехать, Л.Н. сказал:

— **Надо обдумать. В Шамордине хорошо.**

Рассказал про квартиру в деревне, где поселится:

— **Не хочу вперед загадывать.** [...]

Александра Львовна и Варвара Михайловна настаивали на том, что **надо бежать дальше, и поскорее**. Она (Александра Львовна) оставила своих ямщиков до утра, чтобы с ними поехать к 5-часовому поезду на Сухиничи — Брянск.

Л.Н. не хотел. Он сидел, накиннув на себя фуфайку, холодно было ему, и был молчалив после прочтения писем.

Мария Николаевна и Елизавета Валерьяновна тоже не хотели, чтобы Л.Н. уезжал.

Когда Л.Н. вышел в другую комнату, Елизавета Валерьяновна вставила даже: **“А может быть, ему и нельзя ехать. Он сегодня слабость чувствовал”**.

— **Можно ли ему ехать?** — спросила Елизавета Валерьяновна, обращаясь ко мне.

— **Можно,** — ответил я, — **слабость прошла.**

Все-таки Л.Н. решил пока не ехать, потому что устал и хочет спать, а утром решить.

В 8 часов ушли от Марии Николаевны; Л.Н. не простился с ней, не намереваясь уезжать.

По дороге в гостиницу Л.Н. спрашивал, не приходила ли с ответом баба, у которой квартиру нанимал, и, когда

М. Н. Толстая и А. Л. Толстая

Шамордино. Конец 1890-х — начало 1900-х гг.
Фотография К. Фишера

узнал, что нет, решил, что можно остаться в гостинице, платя по рублю в сутки.

Л.Н. вошел в свою комнату и стал писать. Через минут 20–30, не знаю, по какому поводу и на зов ли или от себя, вошла к нему Александра Львовна. Нашла его у стола, под открытой форточкой с непокрытой головой пишущего. Просила позволить закрыть форточку, Л.Н. не согласился. Тогда просила его перейти писать в соседний, мой, номер и пусть тут (в его комнате) форточка останется открытой. И на это не согласился.

Александра Львовна пощупала пульс; был частый; насчитала что-то 90, но мне тогда об этом не обмолвилась.

Затем входил я к нему из-за этого же, но безуспешно.

Мы перешли в мою комнату, где между тем был поставлен самовар, и стали громко разговаривать — **главное, о том, куда направить путь.** Все мы были очень взволнованные и усталые.

Намечали Крым. Отвергли, потому что туда только один путь, оттуда — некуда. Да и местность курортная, а Л.Н. ищет глушь. **Говорили о Кавказе, о Бессарабии. Смотрели на карте Кавказ, потом Льгов.**

Л.Н. позвал нас к себе. Разложили карту у него на столе. Тут Александра Львовна незаметно закрыла форточку. Л.Н. **рассматривал Кавказ, а именно Грозный и его окрестности, вспоминая знакомые места, сказал:**

— **Я чую, что это опять увижу. [...]**

Ни на чем определенно не остановились. **Скорее всего, на Льгове, от которого в 28 верстах живет Л.Ф. Анненкова, близкий по духу друг Л.Н. Хотя Льгов показался нам очень близко, Софья Андреевна могла бы приехать, и тогда она ни на шаг не отстанет от него. [...]**

Л.Н. ничего не решил. Отложили отъезд до завтра. Л.Н. сказал, что “утром решим”; теперь он устал, хочет спать. Л.Н. остался в своей комнате и еще писал.

Александра Львовна, Варвара Михайловна и я в соседней комнате до 11 шумно разговаривали за чаем. Л.Н. приблизительно

Художник В. И. Россинский. Совещание о дальнейшей дороге.
Шамордино. Слева направо: Д. П. Маковицкий, А. Л. Толстая, Л. Н. Толстой,
В. М. Феофанова-Полевая

в это время, без чего-то 11, лег. Я занимался до 1-го часу и слышал его, как он ворочался в постели»¹.

ПИСЬМО ЖЕНЫ МУЖУ

Софья Андреевна Толстая Л. Н. Толстому

29 октября 1910 г. Ясная Поляна

«Левочка, голубчик, вернись домой, милый, спаси меня от вторичного самоубийства. Левочка, друг всей моей жизни, всё, всё сделаю, что хочешь, всякую роскошь брошу совсем; с друзьями твоими будем вместе дружны, буду лечиться, буду кротка, милый, милый, вернись, ведь надо спасти меня, ведь и по Евангелию сказано, что не надо ни под каким предлогом бросать жену. Милый, голубчик, друг души моей, спаси, вернись, вернись хоть проститься со мной перед вечной нашей разлукой.

Где ты? Где? Здоров ли? Левочка, не истязай меня, голубчик, я буду служить тебе любовью и всем своим существом и душой, вернись ко мне, вернись; ради Бога, ради любви Божьей, о которой ты всем говоришь, я дам тебе такую же любовь смиренную, самоотверженную, я честно и твердо обещаю, голубчик, и мы всё опростим дружелюбно; уедем, куда хочешь, будем жить, как хочешь.

Ну, прощай, прощай, может быть, навсегда.

Твоя Соня.

29 октября

1910 г.

Неужели ты меня оставил навсегда? Ведь я не переживу этого несчастья, ты ведь убьешь меня. Милый, спаси меня от греха, ведь ты не можешь быть счастлив и спокоен, если убьешь меня.

Левочка, друг мой милый, не скрывай от меня, где ты, и позволь мне приехать повидаться с тобой, голубчик мой, я не расстрою тебя, даю тебе слово, я кротко, с любовью отнесусь к тебе.

¹ *Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 408–412.*

С.А. Толстая пишет записки «Моя жизнь». Ясная Поляна. 1907.
Фотография С.А. Толстой

Л. Н. и С. А. Толстые в годовщину своей свадьбы. Ясная Поляна. 1895.
Фотография С. А. Толстой

Тут все мои дети, но они не помогут мне своим самоуверенным деспотизмом; а мне одно нужно — нужна твоя любовь, необходимо повидаться с тобой. Друг мой! Допусти меня хоть проститься с тобой, сказать в последний раз, как я люблю тебя! Позови меня или приезжай сам. Прощай, Левочка. Я всё ищу тебя и зову. Какое истязание моей душе!»¹.

ПИСЬМА ДЕТЕЙ К ОTCY

Андрей Львович Толстой Л. Н. Толстому

29 октября 1910 г. Ясная Поляна

«Милый папá!

Только самое доброе чувство, о котором я тебе говорил в последнее наше свидание с тобой, принуждает меня сказать тебе мое мнение о положении матери.

Здесь собрались Таня, Сережа, Илья, Миша и я, и сколько мы не судили, не могли найти никакого выхода, кроме одного, это оградить мать от самоубийства, на которое я уверен, она, в конце концов, окончательно решится. Способ единственный — это охранять ее, постоянным надзором наемных людей, она же, конечно, этому всеми силами противится и, уверен, никогда не подчинится. **Наше же, братьев, положение в данном случае невозможно, ибо мы не можем бросить свои семьи и службы, чтобы находиться неотлучно при матери.** Я знаю, что ты решил окончательно не возвращаться, но по долгу своей совести должен тебя предупредить о том, что ты своим окончательным решением убиваешь мать. Как тебе был тяжел гнет последних месяцев, — я знаю, но также знаю, что мать больна нервно, и жизнь последнее время друг с другом была непосильна для вас обоих, и если бы ты собрал нас для того, чтобы мы повлияли на мать, чтобы вы расстались с ней на неопределенное время по-хорошему, с надеждой, что она успокоится нервно, то не было бы тех ужасных страданий,

¹ УЛТ. С. 558.

Андрей Львович Толстой

г. инв. № 67305
Ясная Поляна. 29 Октя 1910 г.
Милый папа!
Только самое доброе чувство,
о котором я тебе говорил
в последнее наше свидание
с тобой, приучаешь меня
сказать тебе мое мнение
о покойной матери.
Здесь собрались мама,
сестра, Мел, Катя и я
и сколько мы не судили,
не могли найти никакого
выхода, кроме одного, что

Фрагмент письма сына А.Л. Толстого Л.Н. Толстому.
29 октября 1910 г. Ясная Поляна. Автограф

которые мы переживаем вместе с тобой и матерью, хотя ты и далеко от нас. Относительно же того, что ты говорил мне о роскоши и материальной жизни, которой ты окружен, то думаю, что если ты мирился с ней до сего времени, то последние годы своей жизни **ты мог бы пожертвовать семье, примирившись с внешней обстановкой.** Прости меня, мой милый папаша, за то, что мое письмо тебе покажется полно советов, но мне больно и жалко как тебя, так и мать, которую невозможно видеть без глубочайшего сострадания. Твой сын Андрей»¹.

Илья Львович Толстой Л. Н. Толстому
29 октября 1910 г. Ясная Поляна

«Милый папá, я чувствую, что в это тяжелое для всех нас время я должен тебе написать. И мне хочется сказать тебе правду, и я думаю, что и ты этого хочешь. Саша расскажет тебе, что без тебя было, как мы все собрались, что говорили и что решили, но я боюсь, что ее освещение будет немножко односторонне, и поэтому пишу сам. Мы не хотим входить в оценку твоего поступка. На всякий поступок есть тысяча причин и поводов, и даже если бы мы могли знать все эти поводы и причины (а мы знаем только часть), то и то разобраться в их соотношении мы бы не могли. Говорить нечего, что осуждать кого-нибудь из вас мы не хотим и не можем. Прежде всего мы должны сделать все, чтобы сохранить и насколько можно успокоить мамá. Она до сих пор, вторые сутки, ничего не ест и только вечером выпила глоток воды. Все время говорит о том, что жить ей нéзачем, и жалко до того, что никто из нас не мог говорить с ней без слез. Как всегда с ней бывает, многое напускное, отчасти сентиментальность, но вместе с тем, так много искренности, что нет сомнения в том, **что ее жизнь в большой опасности. Страшно и за насильственную смерть, и за медленное угасание от горя и тоски.** Я так думаю, и мы должны это сказать тебе, чтобы быть правдивыми.

¹ УЛТ. С. 559, 560.

И.Л. Толстой в Ясной Поляне. 1903.
Любительская фотография

2145. - 67506
Милый папа, я чувствую, что
в это тяжелое для тебя время
хочу и долгие твои письма.
И мне хочется сказать тебе правду
и я думаю, что и ты этого хочешь.
Самая большая трудность для нас сейчас
это, как бы не сорваться, что го-
ворим и что думаем, а я думаю,
что вся ответственность будет полностью
односторонней и поэтому твоя саж.
Мы не хотим входить в судью
твоего поступка. Не хотим поступать
суд ты сама признаешь и одобряешь и
также если бы мы могли знать, что ты
хочешь и признаешь, (а мы знаем только
то, что ты одобряешь и, как соот-
ветствие мы бы не могли. Творить нечего,
это осуждать кого-нибудь из нас мы
не хотим и не можем. Прощай

Фрагмент письма сына И.Л. Толстого Л.Н. Толстому.
29 октября 1910 г. Ясная Поляна. Автограф

Я знаю, насколько для тебя тяжела была жизнь здесь. Тяжела во всех отношениях. **Но ведь ты на эту жизнь смотрел, как на свой крест, и так и относились люди, знающие и любящие тебя. Мне жаль, что ты не вытерпел этого креста до конца.** Ведь тебе 82 года, и мамá 67. Жизнь обоих вас прожита, но надо умереть хорошо. И мне страшно стало подумать, какая это была бы смерть, если бы мамá осталась в пруду или если с ней сделается еще что-нибудь. Ведь и ты этого не пережил бы. Прости меня, что я, может быть, резко говорю правду, **и знай, что я люблю и понимаю тебя во многом и только хочу помочь.** Я не зову тебя сейчас вернуться сюда, потому что знаю, что ты этого сделать не можешь, но ради спокойствия мамá надо не прекращать с ней сношений, писать ей, дать ей возможность окрепнуть нервно, а дальше — дальше, что Бог даст. Если захочешь написать мне, я буду очень рад. Твой Илья»¹.

Татьяна Львовна Сухотина Л. Н. Толстому

29 октября 1910 г. Ясная Поляна

«Милый, дорогой папенька, — ты всегда страдал от большого количества советов, — поэтому и я не даю советов. Ты, как и всякий, поступаешь так, как можешь и как считаешь нужным. Никогда тебя осуждать не буду. О мамá скажу, что она жалка и трогательна. Она *не умеет* (курсив Т. Л. Толстой. — В. Р.) жить иначе, чем как она живет. И вероятно, никогда не изменится в корне. Но для нее нужен или страх, или власть. Мы все стараемся ее подчинить, и думаю, что это будет к ее пользе.

Я устала и глупа. Прости меня. Прощай, друг мой. Твоя Таня»².

Сергей Львович Толстой Л. Н. Толстому

29 октября 1910 г. Ясная Поляна

«Милый папá, я пишу потому, что Саша говорит, что тебе приятно было бы знать наше мнение (детей). Я думаю, что

¹ УЛТ. С. 559.

² Там же. С. 558, 559.

Т.Л. Толстая. Портрет работы И.Е. Репина. 1891

Милый, дорогой папешка, —
 для меня страшно и
 страшного постижения собо-
 тов, — потому что я не
 знаю соботов. Мы, как
 и все, поступаем так
 как можем и как слы-
 шимся изнутри. Милый
 мой осуждает не буду.
 О маме я пишу, что она
 франка и трудолюбива.
 Она не унывает, а
 знает, что она живет.

Фрагмент письма дочери Татьяны Львовны Сухотиной к Л. Н. Толстому.
 29 октября 1910 г. Ясная Поляна. Автограф

С.Л. Толстой. Москва. 1894–1895 гг.
Фотография В. Чеховского

Милый папа, я пишу
 потому, что сама товарищ
 это ~~реб~~ приятно было бы
 знать маме много (до сих пор)
 Я думаю что маме нужно
 болеть и во многом не вы-
 нима, что вам надо
 было разеяться (поэтому
 был уже давно), как это
 ни тяжело об этом. Думаю
 да же, что есть да же с
 мамой что-нибудь случи-
 ся, но я не ~~думаю~~ ^{ожидаю}, что
 вы себе угрожаете ни в
 чем не допуская. По-
 логие были безвыходные,
 и я думаю, что вы сейчас
 находитесь в выходи проси,
 что я так охотливо пишу.
 Сережа

мамá нервно больна и во многом невменяема, что вам надо было расстаться (может быть, уже давно), как это ни тяжело обоим. Думаю также, что если даже с мамá что-нибудь случится, чего я не ожидаю, то ты себя упрекать ни в чем не должен. Положение было безвыходное, и я думаю, что ты избрал настоящий выход. Прости, что я так откровенно пишу. Сережа»¹.

Шамордино. Вечер

30 октября

Из дневника

Александры Львовны Толстой

«В эту ночь, с 29 на 30, мы с Варей уехали. Поехали на Тулу, Калугу, Сухиничи, Козельск. В Козельске взяли двух ямщиков, одного для себя, другого для вещей, и поехали в Шамордино. Дорога ужасная, темнота, подъезжая к Шамордино, жутко, сердце сильнее бьется, а что если мы не застанем отца в Шамордине и он уехал неизвестно куда. Подъезжаем к монастырской гостинице.

— Кто у вас стоит? — спрашиваю у вышедшей нас встречать благообразной монахини.

— Лев Николаевич Толстой, — не без гордости ответила монахиня.

— Он дома?

— Нет, к сестрице пошли, Марии Николаевне.

Я, не раздеваясь, пошла к тете Маше, попросив монахиню меня проводить. [...]

Я тихонько вошла в дом, прошла в одну комнату, в другую, все тихо. Окликнула тетю Машу. Она испуганно спросила:

— Кто это, кто?

— Я, Саша. Где папа?

— Ах ты, он только что вышел.

— *Здоров?*

— *Да, здоров.*

¹ УЛТ.С. 558.

— Ну, слава Богу. Так немножко посижу у тебя, а потом пойду к нему в гостиницу.

— Да как же ты разошлась с ним, ведь он только что вышел. (Как оказалось потом, Душан Петрович повел отца по какой-то сокращенной дороге, и мы разошлись).

Мы поговорили с тетей Машей и Лизой (ее дочерью), я им немного рассказала о событиях в Ясной, и собиралась уже уходить, как вдруг дверь отперлась и мы лицом к лицу столкнулись с отцом. Он поцеловал меня и сейчас же спросил:

— Ну, что, как там?

— Да, теперь все благополучно, там теперь все братья и Таня съехались, она немного успокоилась, — отвечала я, зная уже о чем он спрашивает. — Я тебе привезла письма.

— Ну, давай.

Он сел к столу и внимательно прочел все письма.

— Да, — произнес он в раздумье, — как мне ни страшно, но я не могу вернуться... нет, не вернусь, — сказал он. А потом, помолчав, снова заговорил:

— Да, попробовали бы Илья Львович и Андрей Львович хоть месяц побыть в моей шкуре, что бы они сказали. А вот от Сережи очень хорошее письмо, — прибавил он, — и кратко, и добро, и умно, спасибо ему.

— Ну, расскажи, расскажи все подробно.

Я села и все рассказала, как мама приняла его отъезд, что говорила, кто при ней был, что сказал доктор.

— Так ты говоришь, что доктор не находит ее ненормальной, — переспросил он меня, — когда я сказала про мнение доктора о матери.

— Нет, не находит.

— Ага, ну да что они знают. Да я писал тебе с Сергеенко, но ты не успела получить моего письма. Я хотел, чтобы ты передала Тане и Сереже, что мне совершенно немыслимо вернуться к ней»¹.

¹ УЛТ. С. 308.

30 октября
Шамордино. Вечер
Из воспоминаний
Елизаветы Валериановны Оболенской

«Чтение писем очень его (Л.Н. Толстого. — В.Р.) взволновало: он плакал, читая их.

Когда Александра Львовна и Варвара Михайловна стали оживленно разговаривать, куда ехать — **на юг, на Кавказ, в Бессарабию (кажется, там были толстовские колонии)**, он сказал:

— **Все это мне не нравится.**

За чаем Саша верно заметила, что он был озабочен, потому что она сказала ему:

— Не унывай папенька, все хорошо. — На что он ответил:

— **Нет, нехорошо! — И, подумав, опять повторил: — Нехорошо.**

Вскоре он ушел, сказав, что ему надо побыть одному, все обдумать.

Когда мы пришли в гостиницу, Лев. Ник. Сидел у себя в комнате и писал письмо Соф. Андр., а Душан у себя над картой. Саша хотела наедине поговорить с отцом; они довольно долго сидели вдвоем, вышла она от него задумчивая и сказала:

— **Мне кажется, что папа уже жалеет, что он уехал. — На вопрос, почему она так думает, она ничего определенного не ответила, но, думаю, что она и тут не поняла его настроения.**

Немного погодя Лев Ник. пришел к нам в номер и, увидав Душана над картой, сказал:

— **Только ни в какую колонию, ни к каким знакомым, а просто в избу к мужикам.**

Потом, поговоривши немного о поездках, он сказал:

— **Я сейчас очень устал, хочу спать, утра вечера мудренее, завтра видно будет.**

На этом я с ним простилась»¹.

¹ Цит. по: Бирюков Л. И. Биография Л.Н. Толстого. Кн. 2. М., 2000. С. 630, 631.

*В ночь с 30 на 31 октября перед отъездом
Шамордино*

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого**

«В начале 4-го часа Л. Н. вошел ко мне, разбудил; сказал, что поедем, не зная куда, и что поспал 4 часа и видел, что больше не заснет (и поэтому) решил уехать из Шамордина утренним поездом дальше. Л. Н. опять, как и под утро перед отъездом из Ясной, сел написать письмо Софье Андреевне, а после написал и Марии Николаевне. Я стал укладывать вещи. Через 15 минут Л. Н. разбудил Александру Львовну и Варвару Михайловну. Они продолжали укладываться, я же пошел к Марии Николаевне. Разбудил ее дочь Елизавету Валерьяновну и сообщил ей, что Л. Н. решил уехать...»¹.

**Из воспоминаний
Елизаветы Валериановны Оболенской**

«Около 5 часов утра я услышала звонок у нашего подъезда. [...] Вышла в прихожую, вижу — стоит Душан с фонарем и говорит:

— Мы сейчас уезжаем.

— Что? Почему? Куда?

[...] когда мы с мамашей приехали в гостиницу, Лев Ник. уехал. Саша говорила, что он очень спешил, волновался, боялся опоздать.

Он оставил нам очень нежную, ласковую записку, благодарил за участие в его “испытании”»².

**Письмо
Льва Николаевича Толстого
М. Н. Толстой и Е. И. Оболенской**

«Милые друзья, Машенька и Лизанька. Не удивитесь и не осудите меня за то, что мы уезжаем, не простившись

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 412.

² Бирюков П. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 633.

Л. Н. Толстой с сестрой М. Н. Толстой. Ясная Поляна. 1898.
Фотография С. А. Толстой

Л. Н. Толстой с сестрой Марией Николаевной. Ясная Поляна. 1908.
Фотография К. К. Буллы

хорошенько с вами. Не могу выразить вам обеим, особенно тебе, голубушка Машенька, моей благодарности за твою любовь и участие в моем испытании. Я не помню, чтобы, всегда любя тебя, испытывал к тебе такую нежность, какую я чувствовал эти дни и с которой я уезжаю. Уезжаем мы непредвиденно, потому что боюсь, что меня застанет здесь Софья Андреевна. А поезд только один, в 8-м часу. Прости меня, если я увезу твои книжечки и “Круг чтения”. Я пишу Черткову, чтобы он выслал тебе “Круг чтения” и “На каждый день”, а книжечки возвращу. Целую вас, милые друзья, и так радостно люблю вас. Л. Т. 4 ч. утра, 31»¹.

ТОЛСТОЙ В ДОРОГЕ

ШАМОРДИНО — КОЗЕЛЬСК

31 октября
Утро

Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого

«Ямщики ужасно медлили с подачей лошадей. Было почти шесть, когда Л.Н. и я садились в экипаж. Было туманно, сыро, температура могла быть на точке замерзания, безветренно, темно. Л.Н. был в поддевке, меховой шапке, башлык около шеи, свитку не хотел надеть. Я хотел ему накрыть ноги — почти крикнул на меня, не позволил. А ехал в одних сапогах, зимние калоши должна была Александра Львовна упаковать по его поручению — не хотел их надеть.

Мы с Л.Н. поехали. Александра Львовна с Варварой Михайловной остались ждать своего извозчика. Они выехали через час после нашего отъезда [...]

¹ Т. 82. С. 221.

Л. Н. был мрачен, молчалив, только изредка понукал извозчика ехать быстрее. Я еще раз попробовал накрыть ему ноги; не позволил, на полдороге сам себя накрыл свиткой.

[...] На замерзшей дороге лежал тонким слоем снег, по которому колеса тяжелых возов скользили, не ворочаясь. Нам пришлось его объезжать по широкой канаве. Начинало светать. Мы ехали под страхом встретить Софью Андреевну, которая могла приехать в Козельск в 6 часов. Я предложил поднять верх нашей пролетки. Л. Н. не согласился. (Я сказал ямщикам, что если будут встречные спрашивать, кого везут, чтобы не отвечали).

Л. Н. спросил, как далеко к Анненковым от станции Льгов, и сказал, что по дороге можно остановиться отдохнуть.

Л. Н. спросил ямщика про жизнь ямщика, того, который привез их третьего дня, и про жизнь его самого. И спрашивал, поспеем ли к поезду, не видать ли Александры Львовны и Варвары Михайловны, которые остались в гостинице в ожидании своего ямщика. Подъехали к самому Козельску, а их все не было видно. Мы усомнились, что поспеем к поезду, но ямщик утверждал, что да.

Л. Н. намекнул, ввиду невероятности поспеть к поезду, не остановиться ли в гостинице, и спросил ямщика, какая в Козельске гостиница. [...]

Догадайся я спросить Л. Н., как он себя чувствует, может быть, Л. Н. признался бы в своем недомогании»¹.

ШАМОРДИНО — ГОРБАЧЕВО

31 октября

7 часов 40 минут утра

[ПОЕЗД № 12 ОТПРАВИЛСЯ ОТ КОЗЕЛЬСКА, УВОЗЯ НЕОБЫЧНОГО ПАССАЖИРА И ЕГО СПУТНИКОВ — ДУШАНА ПЕТРОВИЧА МАКОВИЦКОГО, ДОЧЬ САШУ И ЕЕ ПОДРУГУ ВАРВАРУ МИХАЙЛОВНУ ФЕОКРИТОВУ-ПОЛЕВУЮ НА ЮГ. — В. Р.]

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 412, 413.

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого**

«Поезд должен был стоять восемь минут. Мы сели в буфет подождать, подъедут ли Александра Львовна и Варвара Михайловна.

Не прошло трех минут, как и они прибыли. Поспешили сесть в вагон второго класса. Пустого купе не оказалось, Л. Н. сел к одному белевскому интеллигенту, приятному человеку. Он сразу узнал Л. Н. и вскоре ушел, чтобы ему не мешать. [...] Л. Н., влезая в вагон, обо что-то поранил себе палец. Пришлось перевязать.

Александра Львовна согрела кофе, Л. Н. выпил стакан с сухарями, после она сварила овсянку, Л. Н. много и с аппетитом съел ее, и два яйца всмятку, потом разговаривал, читал и, кажется, продиктовал Александре Львовне письмо (приписку к письму В. Г. Черткова от 31 октября 1910. — В. Р.).

[...] Мы вещи разложили и опять стали советоваться, куда ехать. Пока не решили ничего и взяли билеты до Волова.

За Горбачевом опять советовались и **остановились на Новочеркасске**. Там у племянницы Л. Н. (Е. С. Денисенко. — В. Р.) отдохнуть несколько дней и решить, куда окончательно направить путь — на Кавказ, или, раздобыв для нас, сопровождающих Л. Н., паспорта (“У вас у всех виды, а я буду прислужой без вида”) поехать в Болгарию или в Грецию. Л. Н. намечал обе эти страны, предполагая, что там его не знают. Он не помнил или не знал, как он известен и в Болгарии. Ни на одном языке в мире, не исключая английского, чешского, нет столько переводов последних писаний Л. Н., как на болгарском. Но никто из нас тогда и не думал объяснять Л. Н., что ему **скрыться надолго нигде нельзя**.

Мы тогда думали только о том, чтобы хоть несколько недель (а пока хоть несколько дней) не быть разысканными, догнанными.

Впрочем, Л. Н. не хотел вперед загадывать. Говорили о том, чтобы около Новочеркасска, неподалеку в деревне, поселиться.

В Горбачеве и раньше на станциях заметили сыщика. Прочли сыщицкий номер “Русского слова” с фельетоном Дорошевича “Софья Андреевна”. **Сплошное вранье.** Но оно на руку Софье Андреевне. В Горбачеве мы прочли сенсационную новость огромными буквами в “Русском слове”: “Уход Л. Н. из Ясной Поляны”. Целая страница была ему посвящена. Порядочно телеграмм сыщицких, очень неприятных. Л. Н. уходит тайком из дому, ищет уединения, скрытия, а редакция “Русского слова” выслеживает его, сообщает телеграммы из Щёкина, Горбачева, Козельска, где видели Л. Н. Множество пассажиров и кондукторов получали “Русское слово” и другие московские газеты и с таинственным любопытством заглядывали в купе Л. Н. из коридора вагона и с перрона.

[...]

Из Горбачева отправили письмо Л. Н. к Софье Андреевне и телеграмму»¹.

ВЕСТИ ОТ ТОЛСТОГО

Последнее ответное письмо Льва Николаевича Толстого Софье Андреевне Толстой на ее письмо от 29 октября 1910 г.

31 октября 1910 г. Шамордино Калужской губ.

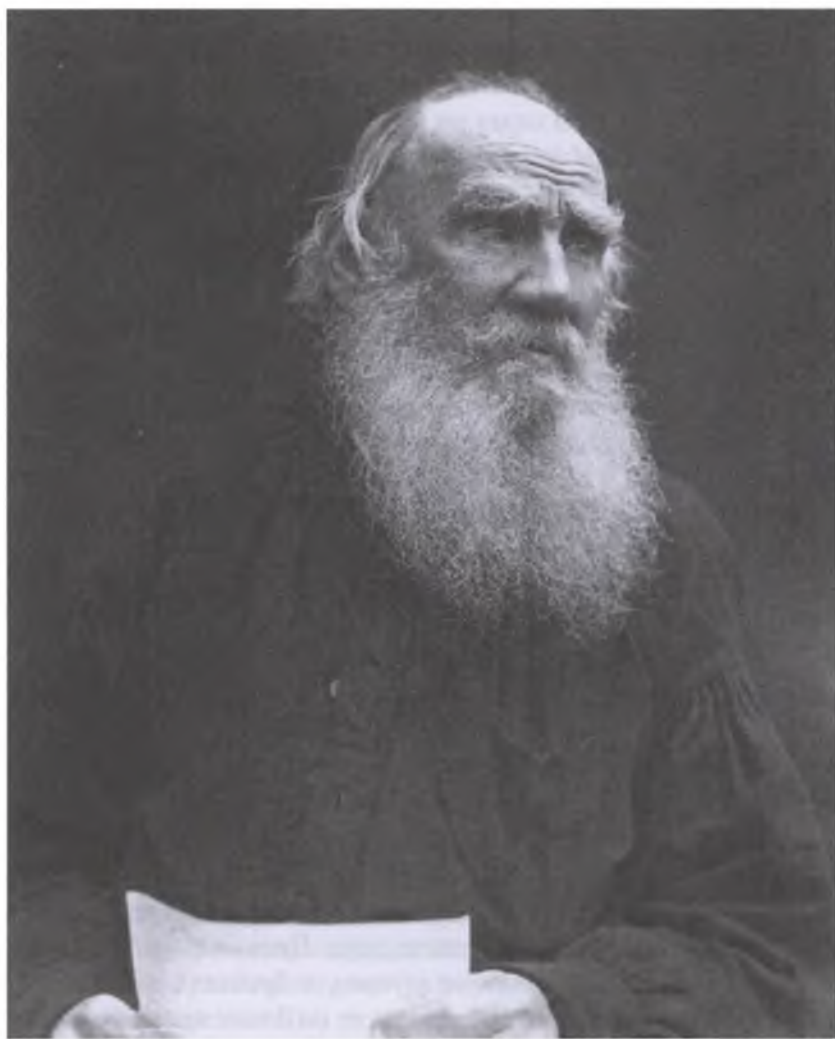
«Свидание наше и тем более возвращение мое теперь (слово выделено Л. Толстым, и это примечательно! — В. Р.) совершенно невозможно. Для тебя это было бы, как все говорят, в высшей степени вредно, для меня же это было бы ужасно, так как теперь мое положение, вследствие твоей возбужденности, раздражения, болезненного состояния стало бы, если это только возможно, еще хуже. Советую тебе примириться с тем, что случилось, устроиться в своем новом, на время, положении, а главное — лечиться.

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 412–414.

Если ты не то что любишь меня, а только не ненави-дишь, то ты должна хоть немного войти в мое положение. И если ты сделаешь это, ты не только не будешь осуждать меня, но постарайся помочь мне найти тот покой, воз-можность какой-нибудь человеческой жизни, помочь мне усилием над собой и сама не будешь желать теперь моего возвращения. Твое же настроение теперь, твое желание и попытки самоубийства, более всего другого показывая твою потерю власти над собой, делают для меня теперь немислимым возвращение. Избавить от испытываемых страданий всех близких тебе людей, меня и, главное, са-мое себя никто не может, кроме тебя самой. Постарайся направить всю свою энергию не на то, чтобы было все то, чего ты желаешь, — теперь мое возвращение, а на то, чтобы умиротворить себя, свою душу, и ты получишь, чего желаешь.

Я провел два дня в Шамардине и Оптиной и уезжаю. Письмо пошлю с пути. Не говорю, куда еду, потому что считаю и для тебя, и для себя необходимым разлуку. Не думай, что я уехал потому, что не люблю тебя. Я люблю тебя и жалею от всей души, но не могу поступить иначе, чем поступаю. Письмо твое — я знаю, что писано искренно, но ты не властна исполнить то, что желала бы. И дело не в исполнении каких-нибудь моих желаний и требований, а только в твоей уравновешенности, спокойном, разумном отношении к жизни. А пока этого нет, для меня жизнь с то-бой немислива. Возвратиться к тебе, когда ты в таком состоянии, значило бы для меня отказаться от жизни. А я не считаю себя вправе сделать это. Прощай, милая Соня, помогай тебе Бог. Жизнь не шутка, и бросать ее по своей воле мы не имеем права, и мерить ее по длине времени тоже неразумно. Может быть, те месяцы, какие нам осталось жить, важнее всех прожитых годов, и надо прожить их хорошо. Л. Т.»¹.

¹ Т. 84. С. 407, 408.

Л. Н. Толстой. Кочеты. 1910.
Фотография В. Г. Черткова

[В НОЧЬ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ ИЗ ШАМОРДИНА, ПОМИМО ПИСЬМА С.А. ТОЛСТОЙ, ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ НАПИСАЛ ЕЩЕ ТРИ ПИСЬМА: «СЕРЕЖЕ И ТАНЕ», В.Г. ЧЕРТКОВУ, МАРЬЕ НИКОЛАЕВНЕ — ЖЕНЕ СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА ТОЛСТОГО. ПЕРВЫЕ ДВА СТАЛИ ОТВЕТОМ НА РАНЕЕ ПРИВЕЗЕННЫЕ В ШАМОРДИНО ДОЧЕРЬЮ САШЕЙ ПИСЬМА ОТ РОДНЫХ И В.Г. ЧЕРТКОВА (СМ. ВЫШЕ. — В.Р.).]

Письмо Льва Николаевича Толстого

С.Л. Толстому и Т.Л. Сухотиной

31 октября 1910 г. Шамордино Калужской губ.

«Благодарю вас очень, милые друзья — истинные друзья — Сережа и Таня, за ваше участие в моем горе и за ваши письма. Твое письмо, Сережа, мне было особенно радостно: коротко, ясно и содержательно и, главное, добро. Не могу не бояться всего и не могу освободить себя от ответственности, но не осилил поступить иначе. Я писал Саше через Черткова о том, что я просил его сообщить вам — детям. Прочтите это. Я писал то, что чувствовал, и чувствую то, что не могу поступить иначе. Я пишу ей — мамá. Она покажет вам тоже. Писал, обдумавши и все, что мог. Мы сейчас уезжаем, еще не знаем куда... Сообщение всегда будет через Черткова.

Прощайте, спасибо вам, милые дети, и простите за то, что все-таки я причина вашего страдания. Особенно ты, милая голубушка, Таничка. Ну вот и всё. Тороплюсь уехать так, чтобы, чего я боюсь, мамá не застала меня. Свидание с ней теперь было бы ужасно. Ну, прощайте. Л.Н.

4-й час утра. Шамардино»¹.

Письмо Льва Николаевича Толстого В.Г. Черткову

31 октября 1910 г. 4-й час ночи. Шамордино

[ПИСЬМО БЫЛО ПОЛУЧЕНО И ПРОЧИТАНО В.Г. ЧЕРТКОВЫМ ПО ПРИЕЗДЕ В АСТАПОВО. — В.Р.]

«Спасибо, милый друг, за помощь и за меня, и за Сашу. Мы всего боимся и решили ехать сейчас же. 4-й час утра

¹ Т. 82. С. 220, 221.

31-го. Куда — еще не знаем. С пути извещу. Надеюсь на вашу помощь, а помощь нужна большая.

1) Мое письмо к Саше, посланное через вас, сообщить тем из моих детей, кто в Ясной. Сообщить ли содержание этого письма Софье Андреевне, решат они сами. Я пишу Софье Андреевне, не отказывая вернуться, но первым условием ставлю ее работу над собой и успокоение.

2) Всю мою переписку получайте и пересылайте.

3) Самое главное, следить через кого-нибудь о том, что делается в Ясной, и сообщайте мне, узнав, где я, известить меня телеграммой, чтоб я мог уехать. Свидание с ней было бы мне ужасно.

4) Пустяки: пусть Булгаков найдет мою статью “О социализме” и пришлет мне, “Круг чтения” и “На каждый день” пошлите сестре, монахине М. Н. Толстой, в Шамардино, станция Подборки Калужской губернии. Это главное. Что будет еще нужно — напишу. Пусть по-прежнему любит меня Галя (жена В.Г. Черткова. — В.Р.). Я-то особенно теперь дорожу любовью и болезненно умиленно сам отзываюсь на нее тем же. Димочке (сын В.Г. Черткова. — В.Р.) и всем друзьям привет и милому Алеше спасибо за его труды. Как он доехал? Ну, вот и все. Л. Т.

Приписываю еще несколько слов в вагоне. Мы боялись, как бы Софья Андреевна не приехала в монастырь, и решили уехать сейчас же. Едем на юг, вероятно, на Кавказ. Так как мне все равно, где быть, я решил избрать юг, особенно потому, что Саша кашляет. Разумеется, будем извещать вас о том, где будем. Если захотите телеграфировать, то телеграфируйте в Ростов Фроловой. Очень бы желательно было узнать, что делается там. Если по-старому, то хоть два слова.

Л. Т. 31. 12-й час дня.

Я здоров, радостно быть с Сашей»¹.

¹ Т. 89. С. 234, 235.

Художник В. И. Россинский. По дороге в Астапово.
Первые признаки болезни.
Толстой с дочерью Александрой в вагоне поезда

Письмо
Льва Николаевича Толстого
жене Сергея Львовича Толстого
Марье Николаевне Толстой
29 октября. Оптина Пустынь

«У вас, милая Маша, воображаемые беды, чему очень радуюсь, а у нас самые настоящие, и очень, очень тяжелые. Ты, верно, уж знаешь все. Я теперь в Оптиной. Еду к сестре в Шамардино. Очень хочу не возвращаться. Много надеюсь на влияние Сережи и Тани, но ничего не могу предвидеть. Главное, как бы не согрешить. А что будет, не могу и предвидеть. Я рад случаю сообщить тебе о нашей горе, потому что знаю, что ты своим добрым сердцем принимаешь в нем участие. Случай же, по которому я пишу, это сейчас пришедшая ко мне женщина вдова. у которой 6 человек детей и которая просит о помещении ее детей хоть сколько можно — одной в приют. Она придет к тебе, вот ее имя. Прости за то, что утруждаю (подчеркнуто мною. — В.Р.). Знаю, что ты сделаешь, если можно. Целую тебя. Лев Толстой. 29 октября. Оптина Пустынь»¹.

Телеграмма Л.Н. Толстого Толстым
31 октября 1910 г. Горбачево Тульской губ.

Уезжаем. Не ищите. Пишу².

ГОРБАЧЕВО — АСТАПОВО

Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
31 октября

«Л.Н. лег (на диван) и больше почти что не вставал. Лежа читал и беседовал. В вагоне Л.Н. читал “Круг чтения” и книжку

¹ Т. 82. С. 219.

² Т. 82. С. 222.

Новоселова “О религии и смысле жизни”, и понравился ему конспект из его статьи (выдержки из статьи Л. Н. Толстого “Религия и нравственность”. Сидел больше один в купе. Александра Львовна к нему входила раза два, и Варвара Михайловна, и я. Л. Н. до сих пор чувствовал себя довольно хорошо, а затем в 5-м часу Л. Н. стал сонлив и жаловался на холод, познабливание, просил потеплее накрыть его. Пульс 88 (правильный и не очень полный и сильный), температура 38,1; холод в левой лопатке и больше ничего. Никакой боли в груди, кашля, удушья.

Мы накрывали его одеждой, укрывали ему особенно спину, которая зябла больше всего — как всегда, у Л. Н. Озноб усиливался, Л. Н. дрожал и стонал. В 6 часов — 38,5 и перебои, температура в 8 часов — 39,5. [...]

Л. Н. духом был бодр.

Жар у Л. Н. поднимался. **Я опасался воспаления легких** и считал необходимым на первой большой станции остановиться.

В 6.35 (вечера. — В. Р.) **приехали в Астапово**¹.

АСТАПОВО

Из «Яснополянских записок»

Душана Петровича Маковицкого

31 октября. Вечер

Дом начальника станции И. И. Озолина

«Я поспешил к начальнику станции, который был на перроне, сказал ему, что в поезде едет Л. Н. Толстой, он заболел, нужен ему покой, лечь в постель, и попросил принять его к себе, сразу же сказав, что у Л. Н., вероятно, воспаление легких и придется пробыть ему дольше недели; спросил, какая у него квартира. Начальник ответил не сразу и отступил назад на несколько шагов — он мне не поверил. Рядом стоявший кондуктор подтвердил ему мои слова, и тут он сразу охотно согласился.

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 412–414.

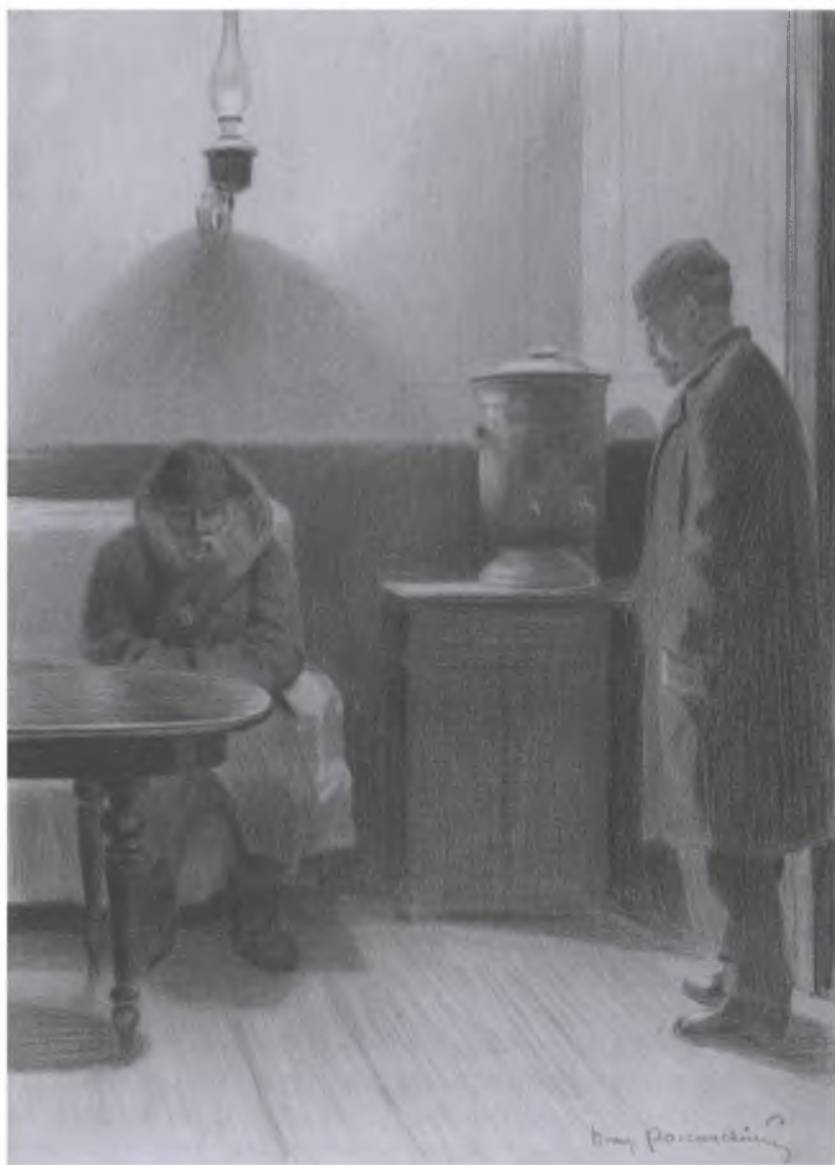
Вид здания вокзала (главный и боковой фасады) на станции Астапово.
1910 г. Рязанская губ. (ныне Липецкая обл.).
Фотография С.Г. Смирнова

Я спросил еще, чисто ли у них (пол оказался мытым вчера). Я попросил его задержать поезд и поспешил в вагон. У двери в купе нашел встревоженную Варвару Михайловну.

Я ей сказал, что хочу предложить здесь остановиться и чтобы она поддержала. Вошли в купе к Л.Н., где была и Александра Львовна. Я сказал Л.Н., что ему, больному, нельзя рисковать продолжать путь, что надо здесь слезть и что можно остановиться в квартире начальника. Варвара Михайловна и Александра Львовна дружно попросили Л.Н. согласиться, и он, не сказав ни слова, быстро сам приподнялся; одели его, приподняли воротник и, слегка поддерживая, повели в дамский зал ожидания. **Похолодало, и дул острый ветер. Л.Н. не хотел, чтобы его поддерживали, в буфет вошел один и оттуда в пустой дамский зал ожидания. Сел на край узкого дивана, втянул шею в воротник, наклонил голову вперед, засунул руки в рукава (как в муфту) и сейчас стал дремать. Голова отвисла на бок. Я приставил к ней подушку, Л.Н. отклонил. Л.Н. кутался, втягивался от озноба в меховое пальто, иногда глубоко стонал. Лечь на диван не хотел.** Просидел так минут 20, пока Варвара Михайловна распоряжалась в квартире, приготовила кровать в гостиной у Озолиных. В это время уходили то я, то Александра Львовна на квартиру. И.И. Озолин еще был занят, поезда еще не отошли. В коридоре толпа господски одетых людей, я принял их за пассажиров, а они были железнодорожные служители. Знать мне это, я вызвал бы охотников мне помогать. Но так мы оставались одни с Л.Н., приходили мысли: надо вынести мебель из комнаты, выбить из нее пыль. Надо бы принести сюда кровать, Л.Н-чу одетым лечь на нее, накрыть его и понести. Надо было печку топить, греть кирпичи к ногам. Но все эти мысли некому было сообщить, поручить исполнить, и они как являлись, так и исчезали. Догадайся предложить тогда свои услуги ехавший с нами корреспондент «Русского слова», он мог много помочь. Догадайся И.И. Озолин поручить свои занятия товарищам, он мог бы нам услужить.

Художник В. И. Россинский. Маковицкий обращается с просьбой к начальнику станции Астапово И. И. Озолину устроить больного Толстого

**Художник В.И. Россинский. Толстой и Маковицкий
на станции Астапово (дамский зал)**

Публика в коридоре вокзала и на перроне почтительно расступилась и снимала шапки. Торжественная тишина. Из нее вызвался помочь только один служащий железной дороги, он помог провести Л.Н. в дом. Он сзади поддерживал его под мышками. Отец его (фамилии не запомнил) — уроженец Ясной Поляны. Когда вели Л.Н. по лестнице вниз, подошел старик, сторож железной дороги, и поддерживал Л.Н. спереди. **Л.Н. сильно падал вперед, вообще шел с большим трудом, чем из вагона на вокзал.**

В гостиной у Озолиных сел в кресло и просидел так почти полчаса. **Отказался лечь в постель — боялся холодной постели. Термометр был ему холоден.** Все продолжал сидеть в кресле в пальто на меху и шапке. **Просил позвать хозяина. Поблагодарил его за приют и извинялся за причиняемые ему и его семье неудобства.** Добродушный, простосердечный, И.И. Озолин растрогался. **Потом просил позвать хозяйку, и ее благодарил и просил иметь терпение.** Она высказала искреннее сожаление о том, что не может лучше услужить, более спокойнее устроить, **дети кричат, будут беспокоить** (они в это время громко играли в соседней столовой).

Л.Н.: «Ах, эти ангельские голоса, ничего».

Л.Н. лег. Предложили горячего чаю с вином. Л.Н. выпил очень мало (треть чашки), больше пил нарзан с красным вином и еще больше чистый нарзан. Озноб прекратился. **Никакой боли в груди, ни давления, стеснения в груди, ни удушья. Только озноб, сонливость, слабость. Кашлянул три раза, как при ларингите.**

В 11 часов температура упала с 39,7 до 39,3, пульс — 91 с переборами, неполный, скорее слабый. Л.Н. глубоко дышал.

В 11 часов стал потеть и бредил, что приедет Софья Андреевна, догонит его.

Около 12 часов sheyne-stokes дыхание (форма дыхания, названная по имени врача В. Штока. — В.Р.). **Л.Н. потерял сознание (обморок), стал шевелить губами, как если бы сосал, слюну глотал. Мышцы около глаз, уст и др. лицевые стали стягиваться, и слабое подергивание рук. Припадок продолжался**

Л. Н. Толстой рассказывает сказку об огурце внукам сына
Андрея Львовича — Соне и Илюше. Крекшино. 1909.
Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. Толстой с внучкой
Танечкой Сухотиной.
Ясная Поляна. 1909.
Фотография Т. Тапсея

40 секунд. Во время припадка лицо было бледное. Глубокий сон. Через четверть часа еще один слабый припадок: подергивание мышц лица секунд пять.

Вечером, когда Л.Н. спал, Стоковский (Леон Иосифович, железнодорожный врач на станции Астапово. — В.Р.) — за чаем.

Ночью очень сильно потел, болей никаких, только озноб, сонливость, слабость. Боли в ногах появились. Спал плохо.

Со 2-го часа ночи спал, но плохо, скорее дремал, температура постепенно падала.

В 2 часа — 37,5.

Озолин — латыш, его жена — саратовская немка. Я просил начальника станции взять отпуск и перебраться с семьей куда-нибудь. Нужен воздух, тишина, место для нас, ходящих за Л.Н. Но ему, и особенно его жене это показалось до того неожиданным; покрутила головой: это невозможно»¹.

Из книги Александры Львовны Толстой «Отец»

«Когда мы под руки вели отца через станционный зал, собралась толпа любопытных. Они снимали шапки и кланялись отцу. Отец едва шел, но отвечал на поклоны, с трудом поднимая руку к шляпе.

Едва успели мы раздеть и уложить его в постель, как с ним сделался глубокий обморок, судороги сводили левую половину лица, руку и ногу. Мы с Душаном думали, что конец. Вызвали станционного врача, впрыскивали какие-то средства для поддержания сердца. Наконец, отец заснул. Проспав два часа, он проснулся и подозвал меня к себе. Он был в полном сознании.

— **Что, Саша?** — спросил он меня.

— Да что ж? Нехорошо.

Слезы были у меня в глазах и в голосе.

— **Не унывай, чего же лучше: ведь мы вместе.**

К ночи стало легче на душе. Температура упала, и отец хорошо спал»².

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 414–416.

² Толстая А. Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. С. 474.

Из дневника Льва Николаевича Толстого

31 окт. [Астапово.] Все там в Шарапове (описка Толстого. Читай «в Шамордине». — В.Р.). **Саша, и Варвара Михайловна забеспокоились, что нас догонят, и мы поехали. В Козельске Саша догнала, сели, поехали. Ехали хорошо, но в 5 часу стало знобить, потом 40 градусов температуры, остановились в Астапове. Любезный начальник станции дал прекрасные две комнаты.**

[Озолин Иван Иванович — «любезный начальник станции», «милый Озолин». Так звали начальника станции Астапово Толстой и его друзья. Латыш по происхождению Озолин Иоганн-Александр родился в 1872 г. в Витебске в семье железнодорожного рабочего. Отец рано умер. С 16 лет Иван начал свою рабочую жизнь на железной дороге Рижско-Орловского направления. Окончил железнодорожное училище в Саратове. Здесь познакомился со своей будущей женой.

Сначала служил телеграфистом на железной дороге, потом работал помощником начальника станций Ильинка, Саратов-Товарная, Козлов, начальником станций Увек, Кочетовка, Елань, Сердобск. В конце 1908 г. был назначен начальником крупной узловой железнодорожной станции Астапово. **Она представляла собой уникальный по целесообразности и красоте архитектурный комплекс железнодорожного зодчества конца XIX — начала XX века.**

В 1897 году в лютеранской церкви Саратова Иоганн обвенчался с латышкой Анной Ассмус. У них было 7 детей: три девочки и четыре мальчика. Четверо из них были в доме, когда впервые туда зашел больной Толстой. Это их «ангельские голоса» слышал он.

Озолин знал латышский, русский, немецкий языки. В служебном доме, где он жил, среди небольшого количества книг были произведения Льва Толстого. Их любила семья и часто читала. Так уж случилось, что в Астапове на перекрестке железных дорог встретились два человека:

И.И. Озолин с женой и детьми

заболевший Толстой и станционный смотритель, предоставивший великому человеку «последний приют» — две комнаты в небольшом доме.

Эти 7 дней были поистине героическими в жизни Ивана Ивановича Озолина. Со всех сторон давила власть в лице шпионов, жандармов, губернаторов, требовала отправки больного Толстого домой или в больницу, постоянной отчетности. Толпы журналистов и просто любопытствующих осаждали Астапово — все смешалось в кучу, всем нужна была информация, так как толком никто не знал, почему Лев Толстой ушел из Ясной Поляны, что за болезнь у него разыгралась в дороге, как ведут себя родные и близкие, какова позиция представителей власти и Церкви, лучше ли ему или хуже.

Взоры всего мира были обращены к Астапово. Прекратились войны. Человечество замерло в ожидании исхода борьбы Толстого со смертью. Многие километры ленты отстучал астаповский телетайп. Никто не хотел верить в то, что это может случиться. **Концентрация энергий пала на плечи Озолина.** Он стал связующим центром. Через него мир узнавал подробности о болезни Толстого, о самочувствии родных и близких, о ситуации на станции, где «все переверотилось», где не умолкал шум голосов понаехавших журналистов, любителей русской словесности, любопытных и искренне страдающих. **Ноша, которую взвалил на свои плечи Озолин, была на столь велика, что у него подчас «сдавали нервы, и он начинал плакать», часами, сидя в углу соседней комнаты, не мог заснуть, слыша стоны Льва Николаевича.** Он «до последнего» верил, что его дом не станет местом смерти великого автора «Войны и мира». **«Нет, я не могу допустить, чтобы у меня в доме умер Лев Толстой».**

Сделав все необходимое для того, чтобы дом превратить в музей, став первым рассказчиком о последних днях жизни Толстого, написав воспоминания «Последний приют», Озолин поздней осенью 1912 года, будучи уже больным инсультом, покинул Астапово и переехал в Саратов. Через год его не стало.

С.А. Толстая после смерти мужа прислала письмо И.И. Озолину, в котором искренне благодарила его за сочувствие и оказанную помощь в скорбные дни. Дети Толстого устроили Озолина в московскую клинику для прохождения курса лечения. Но это не помогло. Как будто Толстой звал его за собой. Иван Озолин умер 15 января 1913 года на сороковом году жизни. — В.Р.].

1 ноября АСТАПОВО

Телеграмма Льва Николаевича Толстого В.Г. Черткову
1 ноября 1910 г. Астапово Рязанской губ.

«Вчера захворал, пассажиры видели, ослабевши шел с поезда. Боюсь огласки. Нынче лучше. Едем дальше Примите меры Известите Николаев (псевдоним Л.Н. Толстого во время ухода. — В.Р.)»¹.

Из «Яснополянских записок» Душана Петровича Маковицкого

«Л.Н. проснулся в 9.30 утра, казался бодрым, только был бледен, но сам чувствовал большую слабость. Когда температура упала до 36,2°, Л.Н. говорил, что ему лучше и что можно ехать дальше. Когда температура начала снова повышаться, Л.Н. стал говорить, что это, может быть, и смерть и что это хорошо и просто... [...]

Между 10 и 11 часами продиктовал длинное общее письмо Сергею Львовичу и Татьяне Львовне. Потом просил прочесть “Круг чтения”.

Еще потом, в 12.25, продиктовал другую мысль о Боге. В это время смерили температуру (в 12.25). Он спросил, какая. Ответил: 39,7°, пульс — 94, восемь перебоев.

— Вот как хорошо, — сказал Л.Н.

¹ Т. 89. С. 237.

**И. И. Озолин в группе ж/д служащих
на крыльце своего дома в Астапове. Ноябрь 1910 г.
Фотография Чернявского (ж/д машиниста)**

Телеграфъ		Телеграмма.	
Въ <u>Асинох</u>		<u>Асинох</u>	
<u>Асинохъ</u>		<u>Асинохъ</u>	
№ <u>Асинохъ</u>		М <u>29</u>	
Принята <u>1</u> ч <u>10</u> м	№ <u>18</u>	Часъ <u>12</u>	Минуты <u>30</u>
Отъ <u>Асинохъ</u>	Душевно <u>Асинохъ</u>	Службѣнныя отметки	
Вчера зафрахтовать пассажи- ры вагономъ освободивши место въ поезде бѣжецъ охотни- чьихъ путей поднимъ дѣлѣ принятъ лѣтѣ извѣстѣ Николаевъ			

Последняя телеграмма Л. Н. Толстого.
1 ноября 1910 г. Автограф

Стонал, но, кроме как на озноб, ни на что не жаловался. Сонливость»¹.

**Письмо Льва Николаевича Толстого
С.Л. Толстому и Т.Л. Сухотиной
1 ноября 1910 г. Астапово**

«Милые мои дети, Сережа и Таня.

Надеюсь и уверен, что вы не попрекнете меня за то, что я не призвал вас. Призвание вас одних без мамá было бы великим огорчением для нее, а также и для других братьев. Вы оба поймете, что Чертков, которого я призвал, находится в исключительном по отношению ко мне положении. Он посвятил свою жизнь на служение тому делу, которому и я служил в последние 40 лет моей жизни. Дело это не столько мне дорого, сколько я признаю, ошибаюсь или нет — его важность для всех людей, и для вас в том числе. Благодарю вас за ваше хорошее отношение ко мне. Не знаю, прощаюсь ли или нет, но почувствовал необходимость высказать то, что высказал. Еще хотел прибавить тебе, Сережа, совет о том, чтобы ты подумал о своей жизни, о том, кто ты, что ты, в чем смысл человеческой жизни и как должен проживать ее всякий разумный человек. Те усвоенные тобой взгляды дарвинизма, эволюции и борьбы за существование не объяснят тебе смысла твоей жизни и не дадут руководства в поступках, а жизнь без объяснения ее значения и смысла и без вытекающего из него неизменного руководства есть жалкое существование. Подумай об этом. Любя тебя, вероятно, накануне смерти, говорю это.

Прощайте, старайтесь успокоить мать, к которой я испытываю самое искреннее чувство сострадания и любви. Любящий вас отец Л. Толстой»².

[ПИСЬМО НАПИСАНО РУКОЙ А.Л. ТОЛСТОЙ ПОД ДИКТОВКУ ТОЛСТОГО И ИМ ПОДПИСАНО УЖЕ ОСЛАБЕВШИМ

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 416, 417.

² Т. 82. С. 222, 223.

[illegible]

Предсмертное письмо Л. Н. Толстого Сергею и Татьяне Толстым.
1 ноября 1910 г. Автограф

Творцы природы и жизни руководящих
 сил, дающих всем существам жизнь
 и движение, дающих им силу и способность
 к деятельности, дающих им разум и волю,
 дающих им все, что нужно для жизни,
 дающих им все, что нужно для счастья,
 дающих им все, что нужно для спасения.
 Творцы природы и жизни, руководящих
 сил, дающих всем существам жизнь
 и движение, дающих им силу и способность
 к деятельности, дающих им разум и волю,
 дающих им все, что нужно для жизни,
 дающих им все, что нужно для счастья,
 дающих им все, что нужно для спасения.

Предсмертное письмо Л. Н. Толстого Сергею и Татьяне Толстым.
1 ноября 1910 г. Автограф (окончание)

ПОЧЕРКОМ. А.Л. ТОЛСТАЯ В СВОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ «ОБ УХОДЕ И СМЕРТИ Л.Н. ТОЛСТОГО»¹ ПО ПОВОДУ НАПИСАНИЯ ЭТОГО ПИСЬМА РАССКАЗЫВАЕТ: «ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ... ПОЗВАЛ МЕНЯ И СКАЗАЛ: **“ТЕПЕРЬ Я ХОЧУ НАПИСАТЬ ТАНЕ И СЕРЕЖЕ”**. ЕГО, ОЧЕВИДНО, МУЧИЛО ТО, ЧТО ОН ПРОСИЛ МЕНЯ НЕ ВЫЗЫВАТЬ ИХ ТЕЛЕГРАММОЙ, И ОН ХОТЕЛ ИМ ОБЪЯСНИТЬ ПРИЧИНУ, ПОЧЕМУ ОН НЕ РЕШАЕТСЯ УВИДЕТЬ ИХ. НЕСКОЛЬКО РАЗ ОН ДОЛЖЕН БЫЛ ПРЕКРАЩАТЬ ДИКТОВКУ ИЗ-ЗА ПОДСТУПАВШИХ К ГОРЛУ СЛЕЗ, И МИНУТАМИ Я ЕДВА МОГЛА РАССЛЫШАТЬ ЕГО ГОЛОС, ТАК ТИХО, ТИХО ОН ГОВОРИЛ. Я ЗАПИСАЛА СТЕНОГРАММОЙ, ПОТОМ ПЕРЕПИСАЛА И ПРИНЕСЛА ЕМУ ПОДПИСАТЬ. **“ТЫ ИМ ПЕРЕДАЙ ЭТО ПОСЛЕ МОЕЙ СМЕРТИ”**, — СКАЗАЛ ОН И ОПЯТЬ ЗАПЛАКАЛ». (КОММЕНТАТОР — Н.С. РОДИОНОВ²).

Из «Очерков былого» Сергея Львовича Толстого

«Письмо было передано нам в Астапове. Написано под диктовку Льва Николаевича А.Л. Толстой, подписано собственноручно.

“Отец приписал мне “взгляды дарвинизма”, “эволюции и борьбы за существование”, вспомнив далекое прошлое — мои разговоры и споры с ним **во время моего студенчества**.

В 1910 году, когда мне было уже 47 лет, мои взгляды во многом изменились. Они были ему мало известны, так как я, во избежание споров, мало говорил с ним о принципиальных вопросах. Но мое расхождение с ним не было так резко, как он предполагал. Здесь не место мне излагать свое мировоззрение. Скажу только, что я меньше всего мог согласиться с его критикой той области чистого познания, которую принято называть наукой. Я думаю, что наука может и должна всего касаться, что нет области, в которую человеческому разуму запрещено было бы вторгаться. Поэтому наука не может не заниматься вопросами об отношениях между

¹ Труды музея-усадьбы Ясная Поляна. Тула, 1928. С. 34, 35.

² Т. 82. С. 223.

Молодой Сергей Львович Толстой (в центре), М. В. Иславин и В. А. Бернс.
С.-Петербург. 1885. Фотография фирмы «Современная фотография»

людьми — социологией, правом, историей, экономическими вопросами и т. п.»¹.

**Из «Дневника для одного себя»
Льва Николаевича Толстого**

31 октября (так в подлиннике. — В.Р.). *Продиктовано
Александре Львовне Толстой:*

**Бог есть то неограниченное Все, чего человек сознает себя
ограниченной частью.**

**Истинно существует только Бог. Человек есть проявление
Его в веществе, времени и пространстве. Чем больше
проявление Бога в человеке (жизнь) соединяется в проявлении
(жизнями) других существ, тем больше он существует.
Соединение этой своей жизни с жизнями других существ
совершается любовью.**

**Бог не есть любовь, но чем больше любви, тем больше
человек проявляет Бога, тем больше истинно существует.**

Астапово, 31 окт., 1 ч. 30 дня.

**Бог, если мы хотим этим понятием уяснить явления
жизни, то в таком понимании Бога и жизни не может быть
ничего основательного и твердого. Это одни праздные, ни
к чему не приводящие рассуждения. Бога мы познаем только
через сознание Его проявления в нас. Все выводы из этого
сознания и руководство жизни, основанное на нем, всегда
вполне удовлетворяет человека и в познании самого Бога,
и в руководстве своей жизни, основанной на этом сознании².**

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
(Продолжение записи от 1 ноября)**

**«Приходил корреспондент. Я – его, а Александра Львовна
— другого просили не приходить, не беспокоить нас.**

¹ Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1968. С. 259.

² Т. 58. С. 143, 144.

Л.Н. не желает, чтобы газеты давали о нем сообщения, но известия все же они получали через Озолиных. [...] При дальнейшем течении болезни многочисленные телеграфные и письменные запросы (распросы), корреспонденты, друзья, родные и все из местной публики, интересующиеся ходом болезни Л.Н., очень отвлекали, отягощали докторов. Требовалось постоянное внимание к Л.Н., а тут отрывают. Все мы, окружавшие Л.Н., были напряженные, взвинченные, усталые.

Озолину доставили в этот день четыре телеграммы от "Русского слова", умоляли его (телеграфировать) сообщать и прислали ему 100 р., которых он не принял, узнав от нас, что Л.Н. не желает, чтобы о нем публиковали сообщения. Он, бедняга, не знал, как поступить. Эти телеграммы озадачивали, волновали его [...]

В 4 часа пополудни температура — 39,8°, пульс — 106, 15 перебоев, дыхание — 30. Сонливость. Пил мало (нарзан); весь день ничего не ел.

В 6 часов вечера пот. Л.Н. очень стонал, но болей, стеснений в груди никаких не ощущал. Не бредил, не метался. Пил нарзан. Дремал. В легких, в обоих нижних долях сзади, обильные сухие и влажные хрипы. Бронхит. [...] Сегодня приходил Стоковский, был очень любезен, мил.

[Д.П. МАКОВИЦКИЙ И МЕСТНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВРАЧ Л.И. СТОКОВСКИЙ НАШЛИ У ТОЛСТОГО ВОСПАЛЕНИЕ ЛЕГКИХ. — В.Р.]

В 5 часов получена успокоительная телеграмма от Черткова о Софье Андреевне. Л.Н. было приятно, что Софья Андреевна спокойнее. Пожелал, чтобы приехал Чертков. Просил свою статью "О социализме".

Александра Львовна спрашивала, можно ли будет завтра или послезавтра дальше ехать, и переговорила с Озолиным о заказе отдельного вагона. Я ответил: "Дай Бог, чтобы можно было через 7–14 дней".

Вечером, когда Варвара Михайловна хотела посмотреть температуру, Л.Н. сказал:

— *Нет, вы мне посветите. Я сам люблю смотреть...*

Посмотрел на термометр и, увидя, что температура с 38° не падает, сказал:

— *Ну, мат! Не обижайтесь...»¹.*

**Телеграмма Александры Львовны Толстой,
подпись Фроловой, В.Г. Черткову
1 ноября 1910 г. Астапово Рязанской губ.**

«Вчера слезли Астапово, сильный жар, забытье, утром температура нормальная, теперь снова озноб — ехать невыносимо, **выражал желание видаться Вами, Фролова**»².

**Телеграмма
Александры Львовны Толстой
В.Г. Черткову
1 ноября 1910 г. Астапово**

«Ясенки Срочно Черткову № 82. Из Астапово ж.д. Принята 1/IX 1910 Подана 1-го 4 часа пополудни

Температура тридцать девять восемь опасается ее приезда»³.

1 ноября. 2 часа 46 минут дня

[ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «РУССКОЕ СЛОВО» НАЧАЛЬНИКУ СТАНЦИИ АСТАПОВО ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ОЗОЛИНУ С ПРОСЬБОЙ «ТЕЛЕГРАФИРОВАТЬ МЕЛЬЧАЙШИЕ ПОДРОБНОСТИ» ПРИЕЗДА, ПРЕБЫВАНИЯ, РАЗГОВОРОВ И СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ ТОЛСТОГО. — В.Р.]

1 ноября. 9 часов 15 минут вечера

Ответная телеграмма Ивана Ивановича Озолина «Русскому слову»:

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 416, 417.

² УЛТ. С. 573.

³ Там же. С. 576.

Телеграфъ
Москва, Мясницкая ул. 25
Въ

Телеграмма.
Русское слово
15/11/10

Изъ Астапово. № 6

Принята 18/11 1910 г.
Руса № 911781
Принят

Руб.	Скоп. коп.	Итого
15	15	30

Служебная печать:

М. В. Николаев
просит о нем
никаких сведений
ни не знает
Начальник социализм
Озолько

Телеграмма И. И. Озолина в «Русское слово».
1 ноября 1910 г. 9 часов 15 минут вечера. Астапово

«Лев Николаевич просил о нем никаких сведений не печатать».

ВДАЛИ ОТ ТОЛСТОГО

ЯСНАЯ ПОЛЯНА — ТЕЛЯТИНКИ

Из ежедневника Софьи Андреевны Толстой

30 октября. Ясная Поляна

«30 октября. Плачу день и ночь, страшно страдаю. Больней и ужасней ничего не могу себе представить. Лев Ник. был у сестры в Шамордине, потом через Горбачево поехал дальше неизвестно куда (поехал днем позже; запись сделана по памяти, отсюда неточность. — *В.Р.*). Какая ужасная жестокость!

31 октября. Не ем, не пью четвертый день, все болит, плохо сердце. За что? Писать нечего — стоны и слезы. Приезжал Беркенгейм (врач, друг семьи. — *В.Р.*); привезли глупого доктора — Расторгуева (П.И. Растегаев. — у С.А. ошибка. — *В.Р.*) и с медицинских курсов барышню. Только еще тяжелее эти чужие люди, а дети хотят снять с себя ответственность. Чего? Моей жизни? Захочу — и при всех уйду из этой тяжелой, мучительной жизни... Не вижу просвета, если даже вернется Л.Н. когда-нибудь. За те страдания, которые он мне причинил, никогда не будет прежнего. Мы не по-прежнему будем просто, легко любить друг друга, а будем бояться друг друга. Боюсь за его силы и здоровье.

1 ноября. Слабею; пятые сутки не ела и пила немного воды. Сегодня немного полегче и меньше той страстной любви к Л.Н., которая так уязвлена и так страшно истерзала мое сердце. Причащалась, беседовала с священником. Решилась принять немного пищи из страха не быть в состоянии ехать к Льву Ник., если он заболит. Приехал сын Миша. Занялась немного.

2 ноября. Рано утром получила от «Русского слова» телеграмму: «Лев Ник. заболел в Астапове. Температура 40°. Мы все

Дорога от деревни Ясная Поляна до станции «Козлова Засека». 1908.
Фотография К. К. Буллы

С.А. Толстая в своей комнате в Ясной Поляне. 1906 (?).
Фотография С.А. Толстой (?)

Л. Н. и С. А. Толстые. 1884. Ясная Поляна.
Фотография С. С. Абамелека-Лазарева

поехали из Тулы: Таня, Андрюша, фельдшерица — экстренным поездом в Астапово»¹.

[30 ОКТЯБРЯ, ПОСЛЕ ОТЪЕЗДА А.Л. ТОЛСТОЙ И В.М. ФЕОКРИТОВОЙ-ПОЛЕВОЙ ИЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ В ШАМОРДИНО, СОФЬЯ АНДРЕЕВНА В 4 ЧАСА НАПИСАЛА ВТОРОЕ ПОСЛЕ УХОДА ПИСЬМО МУЖУ. — В. Р.]

**Первое безответное письмо
Софьи Андреевны Толстой
Л. Н. Толстому
30 октября. Ясная Поляна**

«30 октября 1910 г. 4 часа ночи.

Еще нет от тебя, милый мой Левочка, никаких известий, и сердце раздирается от страданий. Голубчик мой, неужели ты не чувствуешь отклика их в себе? Неужели один мой глупый жест погубит всю мою жизнь? Ты велел мне сказать через Сашу, что то, что я с подозрительностью шарил в твоих бумагах в ту ночь, было переполнением, которое заставило тебя уехать? В ту ночь я носила свои письма вниз; желтая собака вбежала за мной, я поспешила затворить все двери, чтоб она не разбудила тебя, и не знаю, прямо, что меня заставило войти в твой кабинет и только *дотронуться* (здесь и далее, включая другие тексты, курсив С.А. Толстой. — В.Р.) до твоего дневника, что делала раньше и чего уже не делала совсем последнее время — чтоб удостовериться, что он на месте. Не от *подозрительности* я иногда смотрела на тебя, а часто просто, чтоб с любовью взглянуть на тебя.

Моя глупая ревность к Черткову, заставлявшая иногда искать насколько ты его любишь, — подтверждения этого, стала проходить последнее время, и я хотела тебе это несколько раз сказать, но было совестно, как будто унижительно для тебя разрешать *мне* ваши свиданья.

Левочка, друг мой, ведь **все, что ты писал великого, художественного и духовного, — все ты писал, живя со мной.**

¹ Т. 2. С. 326.

Если моя нервная болезнь теперь мешала тебе работать, — прости меня, голубчик. Я начала усиленно лечиться, вчера; ежедневно, два раза по целому часу я должна сидеть в теплой ванне с холодными компрессами на голове и почти весь день лежать. Буду слушаться тем более, что я дошла до ужасного состояния вследствие твоего поступка, — т.е. отъезда, и до тебя, верно, дошли слухи, что в ту минуту, как Саша мне сказала, что ты уехал *совсем*, я, не дочитав твоего ко мне письма, — убежала, и прямо навзничь, чтоб не было спасенья, бросилась в средний пруд...

И как это я, чуткая, не слыхала твоего отъезда? Когда я убежала, я, верно, имела ужасный вид, потому что Саша немедленно созвала Булгакова, Ваню и повара, и они пошли за мной. Но я уже добежала, и вода меня всю закрыла, и я почувствовала с наслаждением, что вот, вот — и конец моим душевным страданиям — навсегда. Но Богу не угодно было допустить нас с тобой до этого греха; — бедная Саша и Булгаков бросились *совсем* одетые в воду и с трудом вытащили меня с помощью Вани и повара и снесли домой.

Ты, конечно, рассердишься, узнав про это, но я, как тогда, так и теперь не помнила себя от отчаяния. Я сплю в твоей комнате, т.е. лежу и сижу ночью, и твои подушки обливаю слезами и молю Бога и тебя простить меня, вернуть мне тебя. — Рядом, на диване спит добрая, кашляющая всю ночь Марья Александровна. Бедная Саша простудилась и кашляет сильно.

Все дети мои, пожалев меня, приехали, спасибо им, лечат, утешают меня. Таничка такая худенькая! Она опять придет в начале ноября на месяц к нам с мужем и девочкой. Неужели ты и тогда не приедешь? Миша и Илья, увидав меня, так горько плакали, обнимая меня и глядя на мой страдальческий вид, что радость была мне от их любви. То же и Сережа.

Лёвочка, милый, неужели ты *навсегда* ушел от нас? Ведь любил же ты меня прежде? Ты пишешь, что старики уходят из мира. Да где ты это видал? Старики крестьяне доживают на печке, в кругу семьи и внуков свои последние дни; то же и в барском и всяком быту. Разве естественно слабому старику

Мамы пакт упузгва,
 Һәм ситдә упузгва,
 - Һәһә, Һәһә, Һәһә, Һәһә,
 а тиң упузгва Һәһә,
 Һәһә Һәһә Һәһә Һәһә.

На мой добрый, нежный,
но не очень острый
Амгунг мой, на верном
острий дуге, когда не needed
или, а не.

Коллеги! Вот в том месте, где
по то картинке в наш адрес,
в будущем, а не сейчас, мы
должны, наша группа и
наши люди должны и должны,
что будет лучше всего не
однажды. Ну вот с тобой,
Борис, мое будущее. (он)

A. H. H. H.
1910.

Мила. любил по-прежнему,
не боясь, что я откажусь
от тебя, не любил, а ка-
менною силой, что даже
близилось, да и не могу
представить никаких
препятствий, Милой, что тебе
лучше. Это страшно,
раскается ^{неужели} такой мал-
шой, что если оставлю
жива и ты сделаешь -
со мной, - а предпринимать

уходить от ухода, забот и любви окружающих его жены, детей и внуков?

Вернись, мой милый, мой дорогой муж. Вернись, Левочка, голубчик. **Не будь жесток, позволь хоть навестить тебя, когда я после леченья немного поправлюсь. Не будь и мучителем моим в том, чтобы скрывать именно от меня место своего пребывания.** Ты скажешь, что мое присутствие будет мешать тебе писать. Разве ты можешь работать, зная, как я мучительно страдаю? Но ведь и в Евангелии сказано: “Возлюби ближнего, как самого себя”. И нигде не сказано возлюбить больше человека — какие бы то ни было писанья. Если б ты мог чувствовать, как я люблю тебя, как я всем своим существом готова на всякие уступки, на все — чтоб служить тебе. Левочка! Прости меня, вернись ко мне, *спаси* меня! Не думай, что все это слова, *полюби* меня, умились еще раз душой своей; пренебреги тем, что о тебе будут писать и говорить, стань выше этого, — ведь выше *любви* ничего нет на свете, — и доживем *вместе* свято и любовно последние дни нашей жизни! Сколько раз ты поборол свои стремления, сколько раз, любя меня, ты оставался со мной, и мы любовно и дружно жили долгую жизнь. **Неужели теперь вина моя так велика, что ты не можешь простить меня и вернуться ко мне? Ведь я же, право, была больна.**

Милый Левочка, твои уступки, твое совместное со мной житье не уменьшили, не умалили твое величие, твою славу до сих пор. И твое прощение и любовь ко мне **возвеличат твою душу перед Богом, возвеличат и тем, что ты *спасешь* меня, жену твою, спасешь просто человека и пренебрежешь своей славой и желаньем себе блага.** Если б ты меня видел теперь, если б ты мог заглянуть в мою душу, ты ужаснулся бы, **какое страдание я переживаю; какое истязание всего моего духовного и физического существа!**

Я уже писала тебе, милый мой Левочка, не знаю, дошло ли мое письмо, Андрюша взялся его послать каким-то способом, — не знаю.

С. А. Толстая во время болезни в своей комнате.
Ясная Поляна. Май 1904 г.
Фотография С. А. Толстой

Прочти внимательно *это* письмо; больше я о чувствах своих писать не буду. **В последний раз призываю к тебе**, мой муж, мой друг, мой милый, любимый Левочка, прости, спаси меня, *вернись* ко мне. Твоя Соня»¹.

**Не прочитанный Л. Н. Толстым
ответ Софьи Андреевны Толстой
на его письмо от 31 октября 1910 г.**

1 ноября 1910 г. Ясная Поляна

«Твое письмо получила, не бойся, что я сейчас буду тебя искать; я настолько слаба, что едва двигаюсь, да и не хочу употреблять никаких насилий; делай, что тебе лучше. Это страшное несчастье, твой уход — такой мне урок, что если я останусь жива и ты сойдешься со мной, я употреблю все на свете, чтоб тебе было вполне хорошо. **Но почему-то мне кажется, что мы больше не увидимся.** Левочка, милый, я тебе это пишу очень сознательно, искренно и, несомненно, исполню. **Вчера мирилась с Чертковым, сегодня буду исповедоваться в том грехе самоубийства, которым хотела прекратить свои страдания.**

Не знаю, что писать тебе, не знаю ничего, что будет вперед. Твои слова, что свиданье со мной было бы *ужасно* для тебя, убедили меня, что оно невозможно. А как кротко, благодарно и радостно я встретила бы тебя! Милый мой, пожалей меня и детей, прекрати наши страдания.

Сережа уехал, здесь Андрюша, и сейчас приехал Миша. Таня так измучена, что сейчас уезжать хочет. Левочка, пробуди в себе любовь, и ты увидишь, сколько любви ты найдешь во мне.

Не могу больше писать, что-то очень уж ослабела. Целую тебя, мой дорогой, старый друг, когда-то любивший меня.

Нечего ждать от меня, что что-то *начнется* во мне новое, в душе моей и сейчас такая любовь, такая кротость и желание

¹ УЛТ. С. 560–562.

тебе счастья и радости, что время ничего нового не сделает. Ну, Бог с тобой, береги свое здоровье. Соня»¹.

**Третье безответное письмо
Софьи Андреевны Толстой
Л. Н. Толстому
2 ноября 1910 г. Ясная Поляна**

[Рукою С.А. Толстой написано: «Не успела послать». Во время написания письма **в 7½ часов утра** пришло известие о болезни Л. Н. Толстого и его пребывании в Астапове. — В. Р.]

«5½ часов утра.

Прежде чем нам расстаться, может быть, навеки, я хочу не оправдаться, а только *объяснить* тебе мое то поведение, в котором ты меня обвинил в письме к Саше <перед отъездом или вскоре после> **[в ломаных скобках воспроизводятся восстановленные автором публикации Ю. Д. Ядовкер тексты, зачеркнутые рукой С. А. Толстой. — В. Р.]**

Если я смотрела на тебя в дверь балкона, когда ты делал пасьянсы, если я встречала тебя и провожала на верховую езду и хотела встретить на прогулке, если бежала в залу, когда ты приходил или завтракал, то все это совсем не от подозрительности, а от какого-то в последнее время безумно-страстного отношения к тебе. Верно, я предчувствовала то, что случилось. Смотрю в окно и думаю: “Вот он, мой Левочка, еще тут, со мной, спаси его Бог”. **Часто, проводив тебя на верховую езду, я, входя в дом, перекрещусь и скажу: “Спаси его, Боже, верни домой благополучно”.** Я дорожила каждой минутой с тобой, радовалась, когда ты меня о чем-нибудь попросишь, или просто скажешь что-нибудь, назвав меня: “Соня”. Каждый день я брала на себя сказать тебе, что я хотела бы, чтоб ты видел Черткова, но как-то совестно было вторично как бы *разрешать* тебе что-то. А ты все делался мрачнее и суровее, ты передо мной протягивал чашку, прося у других налить тебе чаю или земляники, ты перестал разговаривать

¹ УЛТ. С. 574.

Л. Н. и С. А. Толстые. 13 августа 1905 г. Окрестности Ясной Поляны.
Фотография Д. А. Олсуфьева

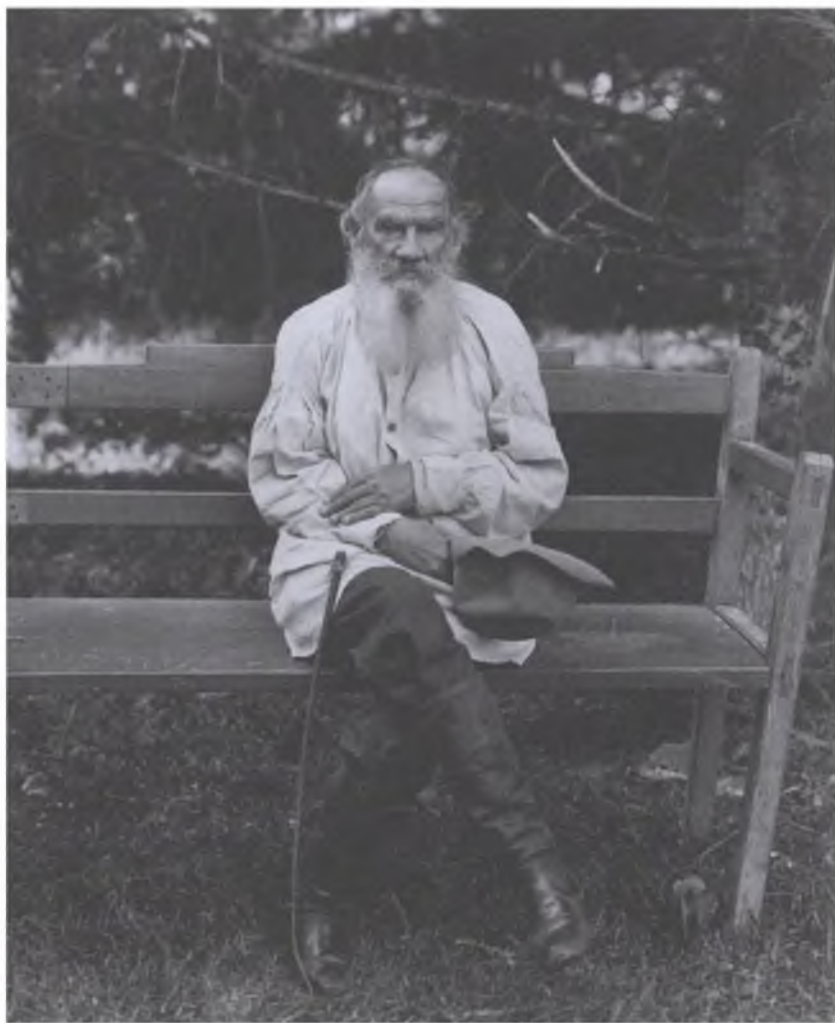
со мной и теперь ты жестоко отмстил мне за своего друга! И я болезненно это предчувствовала.

Что касается дневника, то я сделала глупую привычку, проходя, пощупать, там ли, на столе, дневник. В ту ужасную, последнюю ночь я <затворяя двери от пришедшей наверх желтой собаки, чтоб она тебя не разбудила> заглянула в твой кабинет, отнеся вниз письма, и по глупой привычке *коснулась* только рукой портфеля. Я ничего не *шарила*, ничего не искала, не читала, и тогда же почувствовала, что сделала ошибку и глупость.

Но ты все равно уехал бы, я это все время предчувствовала и страшно боялась.

Я лечусь, беру ванны, тяжело выношу присутствие чужих людей — глупого очень доктора и болтливой сиделки. Но этого хотят дети, я не смею противиться, хотя даже совестно, до чего им совсем делать нечего. Пытаюсь немного заниматься, но трудно; вчера начала немного есть, — дети так трогательно радуются на это, — я их измучила, моих любимых Таничку и Андрюшу; но остановить мои терзания душевные не в их власти. Не то может еще спасти меня. День и ночь думаю о том, здоров ли ты, где ты, что думаешь, что делаешь, **неужели тебе легко так истязать меня?** Как я скоро и радостно поправилась бы, как бы дала тебе слово никогда не следить за тобой, ничего не читать и не трогать, если ты не хочешь, делать все, что ты хочешь; **но я чувствую, что мы больше не увидимся, и это убивает меня.** Хоть бы не сойтись *жить* пока вместе, а только повидаться; я бы приехала на несколько часов и обещала бы уехать. Без твоего позволения, не бойся, я не поеду, да надо еще немного окрепнуть. Не бойся меня, лучше умереть, чем увидеть ужас на твоём лице при моем появлении.

Мы переписались с Чертковым дружелюбно, сегодня он ко мне приедет, вероятно; я хочу возбудить в себе не одно примирение при свидании, а хорошее доброе чувство к нему, которое было и в Крекшине, и раньше. Это будет облегчение душе, — и врагов у меня теперь перед смертью не останется, а ты уже в письме простил меня. Ну, прощай, устала. Соня.

Л.Н. Толстой в день своего 75-летия. 28 августа 1903 г. Ясная Поляна.
Фотография Ф.Т. Протасевича

Ты вызываешь во мне желание тебе блага. Но все мое сердце полно этим желаньем. Что может быть сильнее любви?

Урок от жизни мне был такой тяжкий, что мне легко изменить все то, что тебе было тяжело, но как тяжело сейчас! Ловочка, милый, пробуди в себе любовь — прости не словом, а делом»¹.

«ПОМИРИЛАСЬ» И «ПРИЧАСТИЛАСЬ» ЯСНАЯ ПОЛЯНА. ТЕЛЯТИНКИ

Из воспоминаний Валентина Федоровича Булгакова
31 октября. 1910 г.

«31 октября София Андреевна обратилась ко мне с просьбой: поехать в Телятинки к Черткову и просить его приехать в Ясную Поляну, так как она хочет помириться с ним “перед смертью”, попросить у него прощения в том, в чем она перед ним виновата. Положение ее — если не физическое, то психическое во всяком случае, — казалось действительно тяжелым, и у меня не было никаких оснований отказать ей в исполнении ее просьбы.

И вот снова, как в тот памятный день 12 июля, когда София Андреевна через меня просила Черткова о возврате рукописей и о примирении, шел я к Черткову с тайной надеждой, что это примирение, наконец, состоится. Но, увы, был снова разочарован в своем ожидании!

Когда Чертков выслушал просьбу Софии Андреевны, он, было, в первый момент согласился поехать в Ясную Поляну, но потом раздумал.

— Зачем же я поеду? — сказал он. — Чтобы она унижалась передо мной, просила у меня прощенья?.. Это ее уловка, чтобы просить меня послать ее телеграмму Льву Николаевичу. [...]

В Ясной Поляне все были удивлены, что я вернулся один. Никто не допускал мысли, чтобы Чертков мог отказать Софии

¹ УЛТ. С. 576, 577.

Л.Н. и С.А. Толстые в день 43-й годовщины свадьбы. 23 сентября 1905 г.
Фотография С.А. Толстой

Л.Н. Толстой и В.Г. Чертков на террасе дома в Ясной Поляне.
30 мая — 4 июня 1905 г.
Фотография А.Л. Толстой

Андреевне в ее желании увидеться и примириться с ним. Об ответе его, вообще, о моем возвращении решили пока совсем не говорить Софии Андреевне, которая с нетерпением ждала Черткова и сильно волновалась.

Среди лиц, собравшихся в эти дни в Ясной Поляне, находился, между прочим, д-р Г.М. Беркенгейм, человек, пользовавшийся исключительным уважением Льва Николаевича и всех лиц, знавших его. Он вызвался еще раз съездить к Черткову и уговорить его приехать. И он действительно отправился в Телятинки, где пробыл довольно долго. Но и его увещания не помогли: Чертков все-таки не приехал.

Он прислал с Беркенгеймом очередную ноту — письмо на имя Софии Андреевны, в котором в весьма дипломатических и деликатных выражениях обосновал отказ немедленно приехать в Ясную Поляну. Письмо прочли Софии Андреевне.

— Сухая мораль! — отозвалась она об этом письме своим словечком»¹.

**Неотправленная телеграмма
Софьи Андреевны Толстой Л. Н. Толстому
31 октября 1910 г. Ясная Поляна**

«Помирилась с Чертковым, причастилась. Быстро слабею от голодовки, если хочешь спасти, приезжай скорей, а то прощай, прости, не могла больше страдать. Соня»².

**Письмо Софьи Андреевны Толстой В. Г. Черткову
о задуманном ею самоубийстве
31 октября 1910 г. Ясная Поляна**

«Дорогой Владимир Григорьевич.

Хотела повидать вас перед смертью, чтоб примириться с вами и не иметь ни на кого в мире тяжелого чувства. Спасибо, что хоть за глаза у нас обоюдное прощение.

Теперь легче умирать.

¹ УЛТ. С. 155, 156.

² Там же. С. 567.

1856. «Детство». «Севастопольские рассказы»

1861. Брюссель. «Казачи».
Педагогическая деятельность

1868. Л. Н. Толстой — автор «Войны и мира» и отец трех детей.
Период семейного счастья

1876. Завершение работы над романом «Анна Каренина».
«Азбука». Рассказы для детей и юношества

Что касается угрозы самоубийства, то поверьте, мой друг, что это не угрозы, а просто я так исстрадалась душой, так непосильна мне жизнь без горячо любимого мужа, что я не могу, поверьте мне, я просто не могу жить без него. А главное, не могу без ужаса вспомнить, что мы расстались теперь навеки при таком с его стороны недобром ко мне отношении.

Владимир Григорьевич, не думайте, что мне легко умирать, истязая себя. Если я так твердо решила на это, если я не пощадила любимых детей — стало быть я после четырех месяцев нервного состояния потеряла свою волю к жизни. Всем развяжу руки, и чем скорее, тем лучше. Не удалось мне утонуть, естественно, я избрала другой путь прекращения моих невыносимых страданий, которые все усиливаются. Если б еще мы дружно, добром расстались, а то злоба Льва Николаевича ко мне заставила его уехать. И это больнее всего, и я не могу больше жить. Никакие доводы не помогут, и если мой муж после 48-летней жизни со мной хочет теперь отнять у меня жизнь — дело его. Он один мог бы спасти меня от смерти, приехав ко мне хотя бы только для того, чтобы проститься со мной. Если это невозможно — да простит ему и всем вам грех моего убийства.

Прощайте, Владимир Григорьевич, прошу Галю и Димочку и вас — простите меня за то, чем огорчила вас. В жизни же я одна вольна над собой, и если я уйду от жизни, то это несравненно легче, разумнее, чем бесплодно и безнадежно страдать. С. Толстая»¹.

Письмо Владимира Григорьевича Черткова
С.А. Толстой об отказе во встрече с ней
31 октября 1910 г. Телятинки Тульской губ.

«Многоуважаемая Софья Андреевна,

Благодарю Вас за переданное мне от Вашего лица желание помириться со мной. Мне сказали, что Вы хотели меня видеть для того, чтобы попросить у меня прощения. Спешу ответить

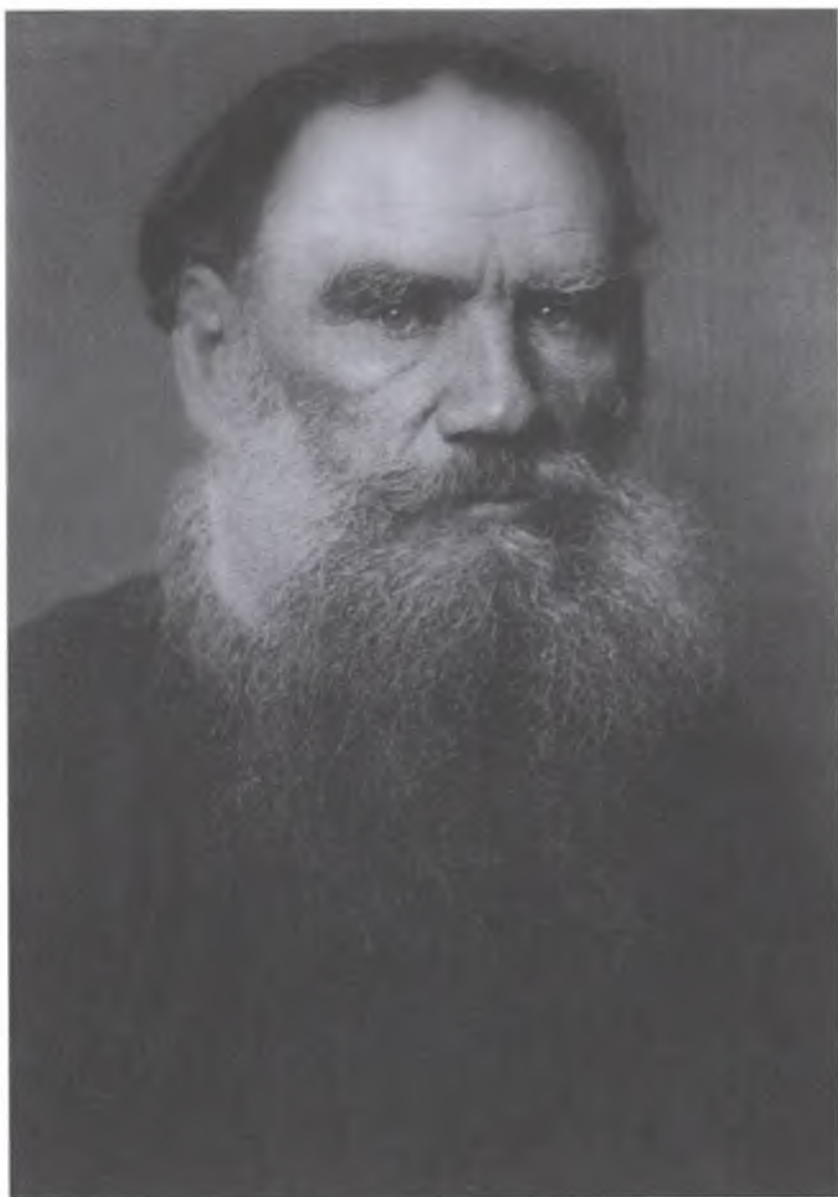
¹ УЛТ. С. 568, 569.

Вам, что от всей души прощаю Вас и, в свою очередь, прошу Вас простить меня, мои прегрешения, вольные или невольные, против Вас. Меня несказанно радует, что теперь мы можем считать совершенно стертым то нехорошее, что было между нами.

Что касается до личного свидания между нами, то мне кажется, что лучше, благоразумнее было бы нам отложить его до поры до времени. Мир между нами восстановлен уже одним Вашим желанием помириться, и повторять это друг другу на словах не представляется надобности. А между тем при личном свидании с Вами я не счел бы себя вправе умолчать о том, как я отношусь и не могу не относиться к Вашему поведению к Льву Николаевичу в настоящую минуту. Он мне слишком близок, я его слишком люблю для того, чтобы не заступиться за него. Но высказаться спокойно и ясно при волнении первого свидания с Вами мне было бы слишком трудно; и я боюсь быть неверно понятым Вами, что было бы хуже всего. Ввиду этого раньше, чем явиться к Вам, я постараюсь высказать Вам в нескольких словах то, что чувство нравственного долга побуждает меня сказать.

Вашим теперешним поведением, т.е. угрожая самоубийством, отказываясь принимать пищу, утверждая, что Вы умираете и проч., Вы совершаете по отношению к Льву Николаевичу самый несовместимый с любовью к нему, злой и безжалостный поступок, который может только больше и больше его от Вас отталкивать, все равно, приведете ли Вы или нет в окончательное исполнение Ваши угрозы.

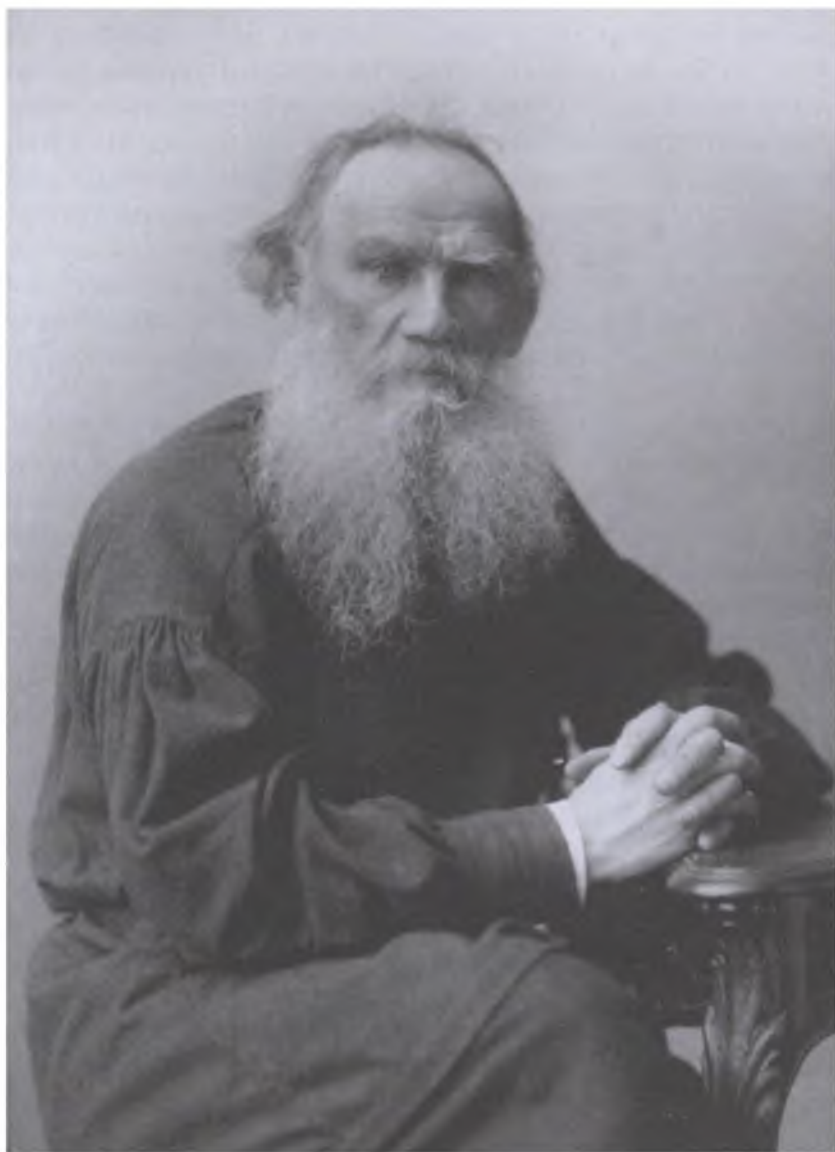
Если Вы имеете к нему теперь какую-либо действительную любовь и желаете ее проявить, то у Вас есть только одно средство это сделать, а именно — проявить эту любовь на деле, а не на словах. На деле же Вы можете ее опять проявить только одним путем — решившись раз навсегда предоставить ему такую же полную свободу и самостоятельность действий, какую он предоставляет Вам, и довериться ему в том, что он делает то, что делает, для Бога, для сохранения своей души, и что потому иначе поступить он не может.

1878–1879. «Исповедь»

1886. «Смерть Ивана Ильича».
Трактат «О жизни»

1996. Продолжение работы над романом «Воскресение».
Трактат «Что такое искусство?»

Если Вы, таким образом, отнесетесь к нему с истинной любовью и настоящим доверием, не на словах, а на деле, то Вы тотчас же прекратите Ваши угрозы самоубийства и пр., тотчас перестанете помогать того, чтобы он поступил по Вашей воле и вернулся бы к Вам немедленно или теперь же обещался к Вам вернуться; а станете делать то, что ему было бы приятнее и радостнее всего: взялись бы за то, что Вы считаете, что Вам надлежит делать, применяясь к Вашим новым, материально разобщенным с ним условиям жизни, и вместе с тем постепенно достигая действительного душевного сближения с ним таким Вашим поведением.

В этом и только в этом заключается единственное добро, которое Вы в состоянии в настоящее время оказать, и за такое добро он почувствовал бы к Вам глубокую благодарность. Этим, выраженным Вами **не на словах, а на деле новым отношением к нему он, несомненно, был бы сердечно тронут и умилен.**

Вместе с тем и для Вас самих такой образ действия был бы большим облегчением, так как предоставил бы Вам возможность спокойно, доверчиво и бодро жить, не продолжая причинять столько страдания ни другим, ни себе.

Высказывая Вам это, Софья Андреевна, я не думаю Вас поучать. И я не подумал бы вам это писать, если бы Вы сами не выразили желания меня видеть, т.е. возобновить личное со мною общение. А если мы желаем, чтобы взаимное отношение между нами было искреннее, то о чем же другом мы можем говорить, как не об этом предмете, и говорить вполне откровенно и без обиняков то, что мы думаем.

Итак, Софья Андреевна, я очень просил бы Вас позволить мне повременить свиданием с Вами с тем, чтобы мы оба могли сохранить в себе, ничем его не расстраивая, то радостное чувство нашего примирения, которое Вы сегодня вызвали и за которое еще и еще раз Вас благодарю.

В заключение повторю то, что я уже не раз Вам говорил, а именно, что **если бы мне когда-нибудь представился**

случай так или иначе проявить то истинное доброжелательство к Вам и всей Вашей семье, которое как друг Льва Николаевича я не могу не питать, то сделать это было бы для меня величайшей радостью.

Почтительно преданный Вам В. Чертков¹.

Письмо Софьи Андреевны Толстой В.Г. Черткову

31 октября — 1 ноября. Ясная Поляна

«Дорогой Владимир Григорьевич.

Не знаю, кто вам сказал, что я не хочу вас видеть. Мне очень, очень хочется повидать вас и поговорить с вами. Если вам не трудно, побывайте у меня. С. Толстая»².

Письмо Владимира Григорьевича Черткова

С.А. Толстой

1 ноября 1910 г. Телятинки

«Многоуважаемая и дорогая Софья Андреевна.

Благодарю Вас за Вашу добрую записку.

Не только мне не “трудно” быть у Вас, но я буду *истинно* рад возобновить с Вами дружеские личные сношения при первой возможности.

Сейчас я еду в Тулу по неотложному делу и потому не могу быть у Вас сегодня вечером.

Почтительно и сердечно преданный Вам В. Чертков»³.

Безответное письмо

Владимира Григорьевича Черткова Л.Н. Толстому

31 октября — 1 ноября 1910 г. Ясенки Тульской губ.

«Как и не может быть иначе, все думаю о вас, милый брат и дорогой друг, и **радуюсь**, радуюсь, но, как и вы, также и боюсь. Радуетесь мы, вероятно, более или менее одному и тому же; но, думаю, что боимся разного.

¹ УЛТ. С. 567, 568.

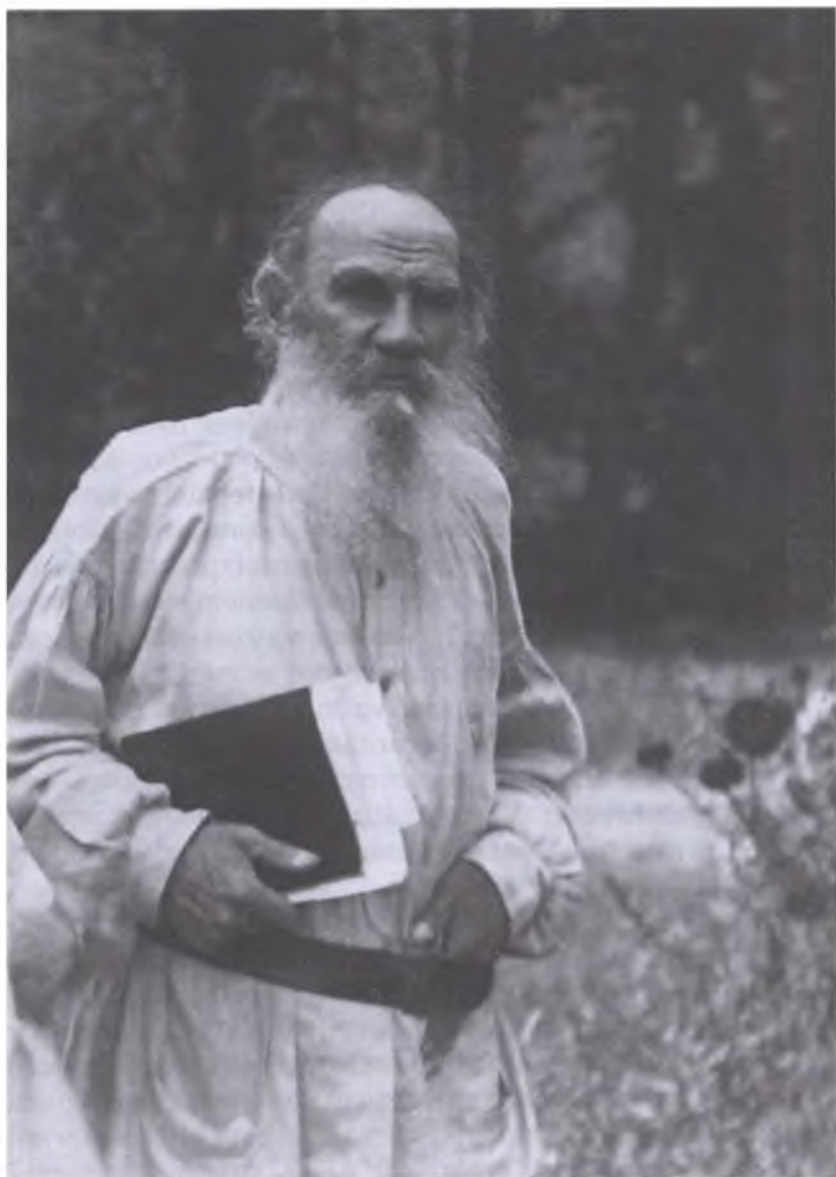
² Там же. С. 572.

³ Там же. С. 573.

Радуюсь тому, что вы освободились от положения, которое мне все время и вам иногда казалось недолжным и недостойным, недостойным и просто человека, и, главное, человека, отказавшегося от своей личной воли не для того, чтобы оказаться в руках другого человека, а для того, чтобы стать орудием в руках Божьих. — **Порадовало** меня также очень то, что как я узнал, раньше, чем уйти, вы успели освободить себя от всяких столь неподобающих по той же причине, связывающих обещаний, уговоров и условий. Не могу вам высказать, до какой степени **и то и другое меня радует** и как у меня спокойно теперь на душе по отношению к предмету, которое меня гложило и давило душу все это время. **Я все ждал, ждал, когда, наконец, вы это почувствуете и прекратите то, чего не должно быть.** Не то, чтобы я не доверял вам или не готов был бы мириться с тем, что и вы можете ошибаться, или считал себя неспособным ошибиться; напротив того, я ни на минуту не сомневался, что вы всей душой ищите у Бога руководства и делаете все, что можете, и что больше этого человеку невозможно делать; я знал, что вы человек и что и вам свойственно ошибаться, знал и то, что всякая ваша ошибка, в конце концов, пойдет вам впрок, как для всякого, живущего духовной жизнью; а про себя я слишком хорошо понимал, что могу ошибаться, не находясь на высоте вашей духовной жизни, что вполне понять чужую душу невозможно. **И так я и говорил, защищая вас,** всем огорченным и недоумевающим вашим друзьям и единомышленникам. Но про себя я не мог заглушить неотвязчивого чувства: **“А все-таки это не то; здесь есть что-то нехорошее, уродливое, нравственно недопустимое, от чего ему предстоит освободиться...”** И вот, вы освободились. От этого моя радость.

Страх же мой происходит вот от чего. (Буду говорить прямо, без дипломатической осторожности и смягчений, что вы не предположите во мне отсутствия уважения к вам, и надеясь, что не почувствуете с моей стороны не деликатности.)

За все это время вашего “пленения” вы бессознательно научили меня существованию соблазна, которого я раньше

1903. «Хаджи-Мурат». Круг чтения

и не подозревал, так как сам еще до него не дорос. Я и раньше замечал, что для каждой ступени духовного восхождения человека дьявол приспособил свои специальные соблазны, по своей тонкости и замаскированности соответствующие той степени силы и разума, которой человек достигает на том или другом уровне духовного роста. (Или, говоря более серьезно, не дьявол, а неизбежные условия, в которые поставлена духовная жизнь в человеке, создали это положение: если стремление к недостижимому идеалу, то на каждой ступени самоулучшения должны обязательно встречаться новые и новые соблазны, сначала незаметные и обнаруживающиеся только по мере освобождения от прежних, старых знакомых. Ведь движение вперед только и обусловлено предвозможанием соблазнов.) До сих пор я думал, что для наивысшей духовной ступени существуют два особенно хитрых соблазна: **обман духовного слияния между противоположными полами**, прикрывающего незаметно для участвующих, больший или меньший элемент обыкновенного влюбления; и 2) **соблазн духовной гордости или учительства**, подменяющий собой естественную и законную потребность помогать ближнему своим духовным опытом. Сколько людей, достигших каких великолепных высот духовной жизни, на моих глазах сваливались (и, как всегда в этих случаях бывает, падали ниже своей исходной точки), застигнутые врасплох одним из этих двух ехидных соблазнов или обоими вместе!

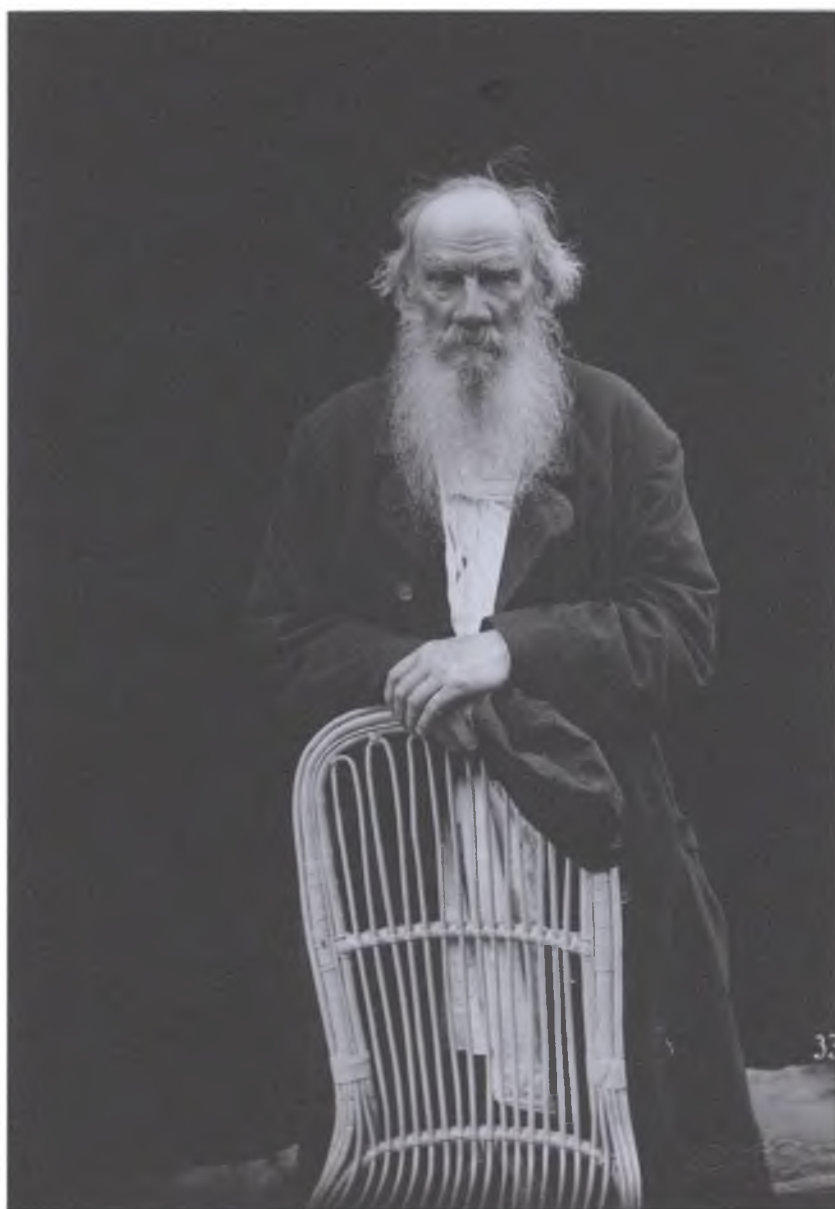
Но ваш случай, если только я жестоко не ошибаюсь, обнаружил мне еще новый, доселе не подозреваемый мною соблазн “высшей степени”. **От полового соблазна вы свободны. Соблазн духовной гордости, или тщеславия, вам слишком известен, вы слишком настороже против него для того, чтобы он был вам серьезно опасен.** Он иногда, как муха, назойливо к вам пристаёт, но вы тотчас же, как муху, его отмахиваете от себя. **На чем же было вас изловить?** И вот изобретен самый хитрый и тонкий из всех соблазнов — до такой степени тонкий, что он даже и не применим к тем,

кто не достигли большой степени духовного роста. “Известно” сказал себе дьявол, “что одна из самых привлекательных приманок к христианской любви, смирению, непротивлению, заключается **в том чувстве внутреннего удовлетворения и радости, которое человек испытывает, когда он отказывается от своей личной воли ради подчинения тому, что он считает для себя высшей волей.** Для религиозного человека терпеть, подчиняться обидам и побороть в себе чувство горечи и возмущения доставляет высшую степень духовного удовлетворения. Вот на этом-то и постарались поймать его. Человеку, достигшему большого и продолжительного самоуничижения в этом направлении, особенно осязательно то внутреннее духовное удовлетворение, которое это ему доставляет. Давай внушу ему, что лучшим мерилom для руководства в его поступках есть это чувство внутреннего удовлетворения, или духовного наслаждения. Давай незаметно для него подмешаю я к **этому, самому по себе доброму чувству хоть крошечную долю элемента эгоизма или духовного эпикуреизма.** Тогда он постепенно станет, вместо того, чтобы относиться к этому чувству удовлетворения в самопожертвовании, как к *последствию* следования разумно понятой воли Божьей, — **ставить самое это чувство самоунижения мерилom того, что он должен и чего не должен делать;** и тогда это привлекательное внутреннее чувство удовлетворения в самоотречении застелет от него действительную волю Божью, которая далеко не всегда требует от человека одного только *самоотвержения* (здесь и далее курсив В.Г. Черткова. — В.Р.), а наоборот иногда требует от него и *самоутверждения* в смысле охранения своего человеческого или божеского достоинства, своей духовной свободы, самостоятельности в служении Богу, справедливости к людям, *не поработавшим его*”, и пр и пр. Так должен был рассуждать дьявол, измышляя свой самый тонкий соблазн, состоявший, как и все его наиболее тонкие соблазны в применении системы “too much of a good thing” (слишком много хорошего. — англ.).

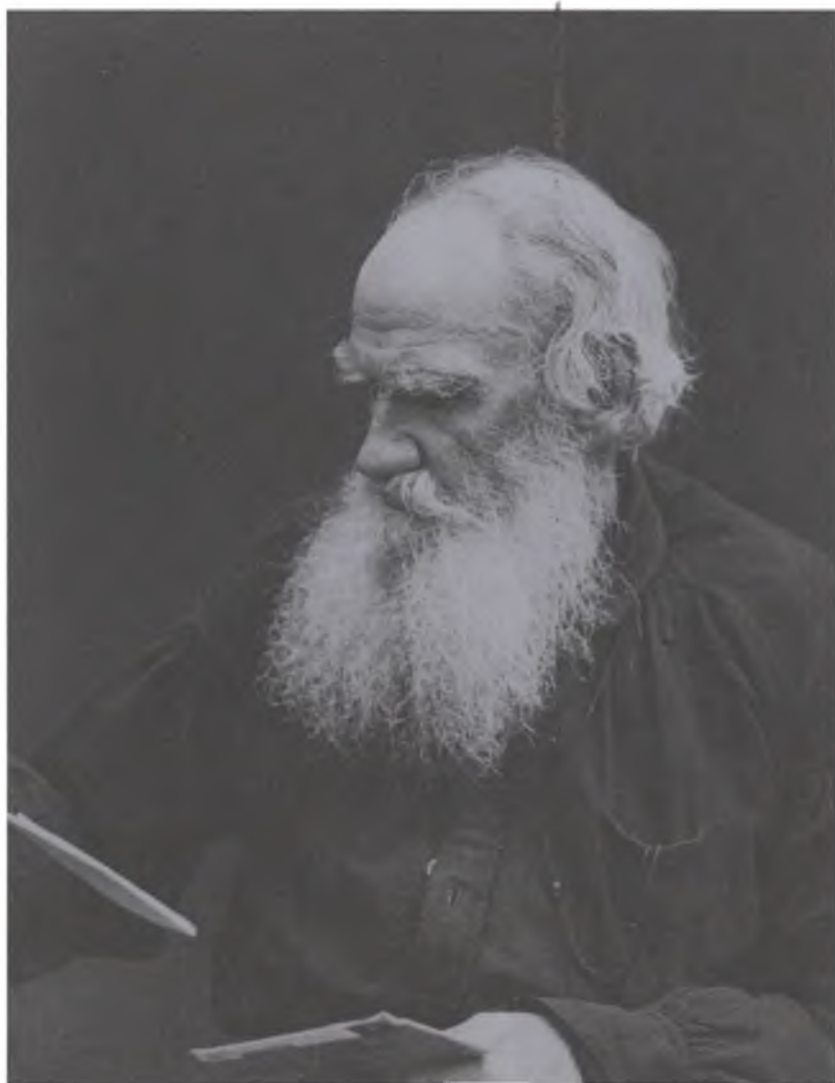
Связь моей мысли с теми, что вы переживали все последнее время, вы поймете без моих дальнейших объяснений. Об этом я вам писал еще за несколько дней до вашего ухода, но не решился послать, боясь вторгаться в слишком интимную область вашей внутренней жизни, в которой вам предстояло разобраться одному перед вашим Богом. Теперь же думаю, что могу послать и посылаю. Следующие страницы от знака до знака суть те самые, которые я тогда не послал.

<Понимаю также ваше чувство, как вы выражаетесь, чего-то “недолжного, постыдного” в вашем теперешнем положении, и одновременно с этим ваш взгляд на это, как на “благо”. Мне кажется, что особенно усложняет для вас ваше положение то, что протест против него и изменение его (так или иначе, не говорю исключительно об изменении внешней обстановки) сопряжено для вас с личным душевным облегчением. Если бы вы не сознавали, что вам лично было бы гораздо легче и приятнее, если бы вы предприняли что-нибудь решительное (опять-таки разумею под этим хотя бы просто твердый отпор и утверждение своей свободы), то вы, вероятно, гораздо скорее и решились бы на это. Но теперь вы боитесь эгоистического побуждения тем более, что по временам сознаете в себе возмущение и недоброе чувство. Это очень, я думаю, усложняет для вас разрешение вопроса. А если, находясь в вашем положении, еще принять в соображение, что на другой чашке весов лежит чувство радостного внутреннего удовлетворения от жертвы собой, то невольно становишься как бы пристрастным в одну сторону, и я думаю (не говорю, чтобы так было в вашем случае: об этом вам одним судить), я думаю, что при этих условиях бывает риск, и тем более бывает, чем человек добросовестнее, слишком мириться с положением действительно недолжным и недостойным для свободного слуги нашего хозяина. Это обоюдоостро и очень сложно, и дай вам Бог разрешить все это самым правильным и праведным образом.>

В связи с вашим теперешним положением боязнь моя проявляется вот в какой форме. Отложив решительный ваш шаг

1908. «Божеское и человеческое». «Не могу молчать»

1910. «Путь жизни»

до самого крайнего момента, для того, чтобы быть уверенным, что вы не можете поступить иначе, вы обрекли себя на то, что вам пришлось уйти не только убежденным, что оставаться нельзя и не следует, но и возмущенным до глубины души тем, чего вы были и свидетелем, и объектом. **А при возмущении, даже самом праведном, легко примешивается нотка горечи**, rancune (злобы. — фр.). А вы дождались такой степени нарастания производимого вокруг вас и над вами зла, что просто как человеческое существо, а не ангел, и притом утомленное, истерзанное существо, вы не могли одновременно с сознанием действительной необходимости уйти, чтобы прекратить происходившее, не могли также не ощущать и горечи, и гнева. Теперь, в вашей новой обстановке, отдохнув немного душой у вас, в этом последнем отношении должна произойти реакция, “сердце отойдет”, и вы будете осуждать себя в том, что чувство горечи поднялось было в вашей душе. Все это в порядке вещей: нельзя к себе быть слишком строгим, и всякое раскаяние хорошо. **Но вот тут-то у меня является страх**. Боюсь я, как бы, осердясь на блох, вы и шубу в печь не бросили. А шуба в этом случае то, что обстановка, в которой вы жили, и подчинение, в которое втянулись, и разобщение с людьми-братьями (например с рабочим народом), с которым вы мирились, — все это было не должным, нравственно недопустимым, и продолжать это вы уже не могли и не можете, не оскорбляя того Бога, которому служите. Боюсь я, как бы в вас не произошел *reversement* (поворот — фр). и, освободившись от временной горечи, вы не пренебрегли бы действительными основаниями для вашей перемены жизни, **и вас не потянуло бы опять в то положение, где вам пришлось испытать так много удовлетворения и радости от безропотного подчинения себя тем страданиям, которые там испытывали.**

Вот чего я боюсь, и боюсь я этого не потому, чтобы опасался, что вы физически не выдержите, в чем я убежден, — а потому, что мне глубоко чувствуется, **что конец жизни в такой обстановке не соответствует вам и тому, что**

Л. Н. Толстой у плотины через реку Воронка. Ясная Поляна. 1908.
Фотография В. Г. Черткова

вы на словах исповедовали и исповедуете, и что, раз оторвавшись от этой среды и обстановки, **было бы сугубой ошибкой добровольно туда вернуться, и самому опять лишиться себя той свободы, которую вы совершенным шагом приобрели**, и лишенным которой по своей воле не должен быть никакой человек, желающий иметь возможность беспрепятственно руководиться во всех поступках своей жизни не своей личной волей и не волей другого человека, хотя бы и самого близкого по семейной связи, а — единственно волей Божьей.

1 ноября

Вчера днем был у нас доктор Беркенгейм, приехавший из Москвы с присланными оттуда врачом и сиделкой, которые будут жить при Софье Андреевне. Он сообщил, что в Ясной все тихо. **По его мнению, Софья Андреевна и физически, и душевно здорова. Но она отказывается от пищи и говорит, что сознает приближение смерти, продолжает грозить самоубийством и т.п.** Беркенгейм приехал ко мне с поручением от нее. **Она просила передать, что просит меня приехать к ней, так как она желает попросить у меня прощения и помириться со мной.** Мне сообщили, что после этого она собирается приобщиться. А вечером я узнал, что она приготовила вам телеграмму о том, что помирилась со мной, приобщилась, слабеет, прощается с вами и т.д. и все надеется подействовать на вас так, чтобы вы вернулись. **Ехать к ней и принимать безмолвное участие в том, что более чем вероятно было с ее стороны комедией (совмещение причастия с самоубийством), представлялось мне невозможным.** Пойти и высказать ей, что у меня на душе, — могло бы выйти беспорядочное пререкание, причем, не выслушавши, она и не поняла бы меня. Оставить без ответа предложение примирения, в котором могла быть и доля искренности, я не хотел. А потому написал ей прилагаемое письмо, которое и было ей передано и на которое, как мне

говорят, она отвечает. Но сама признает теперь, что свидание со мной было бы ей тяжело...»¹.

**2 ноября
АСТАПОВО**

12 часов 00 минут ночи

2 ноября 1910 г. Тула

**Телеграмма Владимира Григорьевича Черткова
А.Л. Толстой**

«Астапово. Из Тулы. Принята 2/XI 12 час. 00 мин. ночи. Астапово железнодорожный Фроловой до востребования. “Приеду девять семь минут утра. Владимир”»².

2 часа 20 минут ночи

2 ноября 1910 г.

**Срочная телеграмма Александры Львовны Толстой
брату С.Л. Толстому**

«Положение серьезное. Привези немедленно Никитина (врача. — В.Р.). Желал известить тебя и сестру, боится приезда остальных»³.

10 часов 15 минут утра

2 ноября 1910 г. Астапово Рязанской губ.

**Срочная телеграмма Александры Львовны Толстой
сестре Т.Л. Сухотиной**

«Главное беспокойство отца ужасает возможность приезда больной. Примите все меры, иначе грозит опасность плохого исхода болезни. Отец просит тебя оставаться около больной, беречь ее и удерживать. Необходим полнейший покой. Александра»⁴.

¹ УЛТ. С. 569–572.

² Там же. С. 578.

³ Там же. С. 578.

⁴ Там же. С. 579.

Дом начальника станции Астапово,
в котором умер Л. Н. Толстой 7 ноября 1910 г.
Фотография А. И. Савельева

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
2 ноября**

«В ночь с 1 на 2 ноября к учащению дыхания прибавились еще боль в левом боку и кашель. Тут стало воспаление уже очень правдоподобным...

В 2 часа ночи — 39,2°, пульс — 96, и такая же температура до утра...

Ночью Л.Н. держал руки сложенными, как на молитву. Очень мало говорил. Температуру мерить, пульс щупать охотно давал. *Согласился на прослушивание, также на компресс. Дремал, но легко просыпался.* Надо было проветривать комнату. Принесли ширмы, обставили ими кровать Л.Н. и открыли форточку в той же комнате, в которой лежал. Вечером опять нашел дым в комнату. Дело было не в щелях, которые печник замазал, а в неумелой топке. [...] Печник починил печь ... но еще день прошел, пока выучились закрывать вентилятор на печи в то время, пока топили. *Ночью тараканы и мыши шумели. Есть и клопы — я снял с рубашки Л.Н.*

Утром в 9 часов дыхание — 38, температура — 39,2°. Дыхание пустое, вся грудь подымалась. Голос у Л.Н. ослабел и получил звук грудной, слышно было, сколько усилий и болей стоило ему говорить.

Допустили ошибку, что с самого начала не пригласили сиделку к Л.Н. и что мы сами не упорядочили свое дежурство...

Л.Н. был нужен отдых, а приехали В.Г. Чертков с А.П. Сергеевко.

Л.Н. был сосредоточен, озабочен, молчалив и слаб»¹.

2 ноября
9 часов утра

[В АСТАПОВО ПРИЕХАЛ ВЛАДИМИР ЧЕРТКОВ ВМЕСТЕ СО СВОИМ СЕКРЕТАРЕМ АЛЕКСЕЕМ СЕРГЕЕНКО. — В.Р.]

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 417, 418.

Из записок
Владимира Григорьевича Черткова
2 ноября

«Меня встретил местный начальник станции Иван Иванович Озолин. [...] Он провел меня в эту свою квартиру, где я застал Л. Н-ча в постели, весьма слабым, но в полной памяти.

Он очень обрадовался мне, протянул мне свою руку, которую я осторожно взял и поцеловал. Он прослезился и тотчас же стал расспрашивать, как у меня дома.

Во время нашей беседы он стал тяжело дышать и охать и сказал: *“Обморок гораздо лучше: ничего не чувствуешь, а потом проснулся, и все прекрасно”*. Видимо, болезнь заставляла его физически страдать.

Вскоре он заговорил о том, что в эту минуту его, очевидно, больше всего тревожило. С особенным оживлением он сказал мне, что нужно принять все меры к тому, чтобы Софья Андреевна не приехала к нему. Он несколько раз с волнением спрашивал меня, что она собирается предпринять. Когда я сообщил ему, что она заявила, что не станет против его желания добиваться свидания с ним, то он почувствовал большое облегчение и в этот день уже больше не заговаривал со мной о своих опасениях.

Он спрашивал меня про А. Б. Гольденвейзера, про свою дочь Т. Л. Сухотину и про то, что делается в Ясной Поляне, на что я отвечал ему, насколько мог, в успокоительном смысле. Между прочим он сказал: *“Я получил хорошее письмо от Сережи. Он очень тверд, согласен с моим уходом”*.

Затем, вспомнив мое последнее письмо к нему по поводу присланной ему из Ницы книги П. П. Николаева “Понятие о Боге как совершенной основе жизни”, Л. Н. очень сочувственно о ней отозвался, заметив, что автор *“обосновывает свою мысль обстоятельно и основательно”*.

Потом Л. Н. спросил меня, *нет ли вестей от Ивана Ивановича (Горбунова)*. Я сказал о том, что И. И. в напечатанной беседе с интервьюером сочувственно и сердечно отозвался об уходе Л. Н-ча.

Художник В.И. Россинский. Свидание Толстого с В.Г. Чертковым

Сказал я ему также, что **Марья Александровна (Шмидт) шлет ему привет, сочувствует ему и понимает, что он не мог поступить иначе.**

Он слушал все с большим вниманием. **Опять упомянул про Ив. Ив-ча, что ждет от него книжечек** (брошюры из “Пути жизни”. — В.Р.).

Мы молчали. Л.Н. протянул руку в мою сторону. Я нагнулся к нему. Но он тоскливо прошептал: **“Нет, я так”.**

Я: “Что, трудно вам?”

Л.Н.: **“Слабость большая, слабость”. Потом, помолчав: “Гая вас легко отпустила?”**

Я: “Конечно. Она сказала даже, что рада будет, если я провожу вас дальше на юг”.

Л.Н.: **“Нет, зачем, нет”.**

Несколько позже он спросил меня, не приехал ли к С. А-не врач-психиатр. На мой утвердительный ответ он спросил: **“Не Россолимо ли?”** Я сказал, что нет.

После молчания: **“А ваша мать, Елизавета Ивановна, где?”**

Я: “В Канне. Она телеграфировала, спрашивала о вашем здоровье”.

Л.Н.: **“Как, разве там уже известно?”**

Потом он сказал мне: **“До свидания. А девушки наши спят?”**

Я вышел и вызвал Александру Львовну.

Днем, когда я дежурил около его кровати, Л.Н., заметив, что я без своих обычных перчаток, спросил: **“А у вас экзема прошла?”**

В этот день я был свидетелем характерного проявления добродушного юмора, не покидавшего Л. Н-ча даже в минуты тяжелых страданий.

Л.Н. лежал на боку, тяжело дыша, и стонал. В это время по поводу маленького инцидента не совсем “печатного” свойства он вдруг с улыбкой повторил шутку одной отличавшейся остроумием умиравшей французской писательницы, по такому же поводу неожиданно сострившей над собою, к изумлению присутствовавших, считавших ее в агонии. [...]

Потом, помолчав немного, он сосредоточенно прибавил: **“Эта госпожа... (он назвал ее имя, которое я запомнил) была очень серьезная и достойная женщина. Она была друг Руссо, значит, разделяла его взгляды. То есть, — добавил он медленно, взвешивая каждое слово, как бы формулируя для самого себя что-то имевшее для него серьезное значение, — т.е.... она была... религиозна... но не правоверна”**¹.

2 ноября

11 часов 45 минут утра

**Телеграмма Александры Львовны Толстой
А. М. Хирьякову**

[АЛЕКСАНДР МОДЕСТОВИЧ ХИРЬЯКОВ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ УЧЕНИЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО, ЛИТЕРАТОР, СОТРУДНИК ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСРЕДНИК», АВТОР СТАТЕЙ О Л. Н. ТОЛСТОМ. — В. Р.]

«Поместите газетах от моего имени: отец заболел бронхитом, прервали путешествие, непосредственной опасности нет, обстановка самая покойная и удобная. Только корреспонденты досаждают окружающих. Убедительно прошу их не приезжать. Буду вам телеграфировать ход болезни. Сообщайте мои телеграммы петербургскому агенту Ассошиэтед Пресс»².

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
(Продолжение)
2 ноября**

«Л. Н., поговорив перед полуднем с Владимиром Григорьевичем, приехавшим в 9 часов, вздремнул.

В 12.30 дня в мокроте — кровь. Воспаление легких стало несомненным.

¹ УЛТ. С. 101–103.

² Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891–1910. М., 1960. С. 829, 830.

Когда Л.Н. был один, все время дремал, легко просыпался, в доброй памяти. Сегодня, как и вчера, немного диктовал: мысли о Боге и письма.

Около Л.Н. дежурили, чередуясь, Александра Львовна, Варвара Михайловна и я, теперь и Владимир Григорьевич. Приходил Стоковский. **Приезд Черткова внес успокоение, он твердо убежден, что у Л.Н. хватит сил перенести эту болезнь. Александра Львовна не теряетяся.**

Л.Н. серьезен и, наверно, понимает опасность, сознает, насколько ослаб, насколько болезнь серьезна.

Он нежен, смирен, старается угождать всем во всем, хоть и с напряжением сил, но не показывая этого, соблюдает душевное спокойствие. Очень благодарен за всякое внимание, услугу.

Температура между 2 и 5 часами пополудни — 39,5°, после упала до 38,8°.

Пожелал градусник и прочесть газеты. Владимир Григорьевич прочел статью Хирьякова (о Л.Н. и еще другие), Л.Н. еще просил — не о себе, а «что попадетя» политического.

Сзади, ниже лопатки влево, звук глуше, грохот крупных и малых пузырей. Вправо, под лопаткой, звук тоже немного глухой, хрипы. В этом же (правом) боку стал чувствовать легкую боль. Второй фокус воспаления.

В 6.30 вечера температура — 38,8°, дыхание — 38. Я проветривал в это время, виню себя.

Потом в 7 часов заснул. Слышно, охал: "Боже мой, боже мой". Я в первый раз слышал от стонущего Л.Н. эти слова¹.

Из записок Владимира Григорьевича Черткова

(Продолжение)

2 ноября

«Около 5 часов того же дня Л.Н., вероятно, желая рассеять немного свои мысли, попросил меня почитать ему что-нибудь из газет. Я взял лежавший около меня на столе номер какой-то газеты и, развернув его, стал читать чье-то сообщение

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 419.

о причинах ухода Л. Н-ча из Ясной. По этому поводу я сказал Л. Н-чу, что в ответ на поступавшие ко мне со всех сторон запросы я послал в газеты письмо по поводу его ухода. Он заинтересовался моим письмом [...] Во время чтения кто-то нас прервал. Возобновляя чтение, я хотел уже прямо приступить к газете, но Л.Н. спросил о моем письме: *“Это все?”* — “Нет, еще есть”. — *“Так дочитайте”*. Он прослушал все до конца с величайшим вниманием. Докончив чтение моего письма и взглянув на него, я заметил, что он плакал. *“Прекрасно”*, — проговорил он с умилением. Потом я почитал ему кое-что из тех вестей о нем, которыми в эти дни переполнены были газеты. Сначала он как будто слушал со вниманием, но вскоре, — как я и предвидел, зная его несочувствие к выдающемуся значению, придаваемому людьми его личности, — он попросил меня оставить это и почитать что-нибудь из политического отдела. Я прочел несколько передовых статей. Он лежал тихо, вероятно, только наполовину прислушиваясь и находя в механическом сцеплении читаемых ему мыслей некоторое отдохновение от напряженной работы своего собственного сознания.

Вечером Л.Н. попросил меня позвать Алексея Сергеенко и очень ласково с ним побеседовал. Вспомнив, что он его в Шамардине задержал и тем заставил пропустить поезд и проехаться 50 верст на лошадях, он участливо спросил его, как он тогда доехал.

С первого же дня моего приезда в Астапово я поселился в той квартире, где лежал Л. Н-ч, и в течение всех последующих дней и ночей принимал участие вместе с Ал. Л-ной и остальными в дежурстве около него и уходе за ним. [...] Время это протекло для меня как один день. Все слилось в какое-то одно непрерывное видение, в котором мне невозможно теперь отличить ни последовательности дней, ни дней от ночей. Каждое сказанное при мне слово Л. Н-ча я тотчас же заносил в свою записную книжку; и только по этим записям и обозначенным в них дням недели мог я теперь восстановить в своей памяти то, чего я был тогда свидетелем.

Говорил он со мной немного, очевидно, довольствуясь тем, что я находился около него. По тому, как он на меня от времени до времени глядел, — то ласково и нежно, то сосредоточенно и вдумчиво, то улыбаясь своей светлой улыбкой, — я не мог не видеть, как рад он был моему присутствию около него в эти столь значительные для него минуты. **Вспоминаю, как он раньше не раз, бывало, говорил мне, что желал бы, чтобы самые близкие ему люди, дочь его Саша и я, находились около него при его смерти.** Вместе с тем он, видимо, сознавал, так же как и я, что мы и сердцем, и душой слишком близки друг к другу для того, чтобы нужны были словесные излияния.

Раз я сидел один около него. Он лежал на спине, с головой, слегка приподнятой подушками, и тяжело дышал. Встретившись глазами со мною, он протянул свою руку в мою сторону и спросил: **“Ну, что, милый... милый мой?”** — “Ничего, дорогой мой, — ответил я, — потерпеть надо”. Он быстро ответил: **“Да, да”**, — и снова направил свои глаза в пространство, продолжая равномерно охатъ с каждым дыханием¹.

Из письма Владимира Григорьевича Черткова в «Русские ведомости»

«...О причинах его (Л. Н-ча. — В.Р.) ухода, касающихся интимной стороны его семейной жизни, распространяться, разумеется, не подобает...

Со своей стороны могу только сказать, что предпринятый Л. Н-чем шаг он предварительно долго обдумывал, и что если он, наконец, решился на него, то только потому, **что почувствовал перед своей совестью, что не может поступить иначе.** И все те, которые знают и понимают то, чем живет Л. Н., не станут сомневаться в том, что, как бы ни поступил он и в будущем, руководить им будет, в серьезных решениях его жизни, всегда это же самое стремление поступать **не так, как ему хочется, а как велит ему Бог.**

¹ УЛТ. С. 103, 104.

В.Г. Чертков. Телятинки. 1909.
Фотография Т. Тапселя

Вместе с тем ничего нет удивительного в том, чтобы человек его возраста искал для себя возможности тихой сосредоточенной жизни для того, **чтобы подготовиться к смерти, приближение которой он не может не чувствовать...**

...Мы можем только пожелать ему, в той скромной обстановке, среди близкого его сердцу простого народа, в которой он ищет уединения и сосредоточения, беспрепятственно **найти то, чего жаждет его душа и чего он так заслужил** своими неустанными и бесстрашными трудами в интересах, духовных и материальных, страждущего и поработанного человечества»¹.

2 ноября

7 часов 25 минут вечера

**Телеграмма Александра Львовны Толстой
А.М. Хирьякову**

«Катаральное воспаление нижней части левого легкого. Сердце работает хорошо. Максимальная температура — 39,8, падает — 37,2. Пульс 104 — 90. Экспекторация диуреза достаточна. Изжога. Сон спокойный. Душевно бодрый и спокойный».

8 часов вечера

[ПРИЕЗД В АСТАПОВО СЫНА — СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА ТОЛСТОГО. — В.Р.]

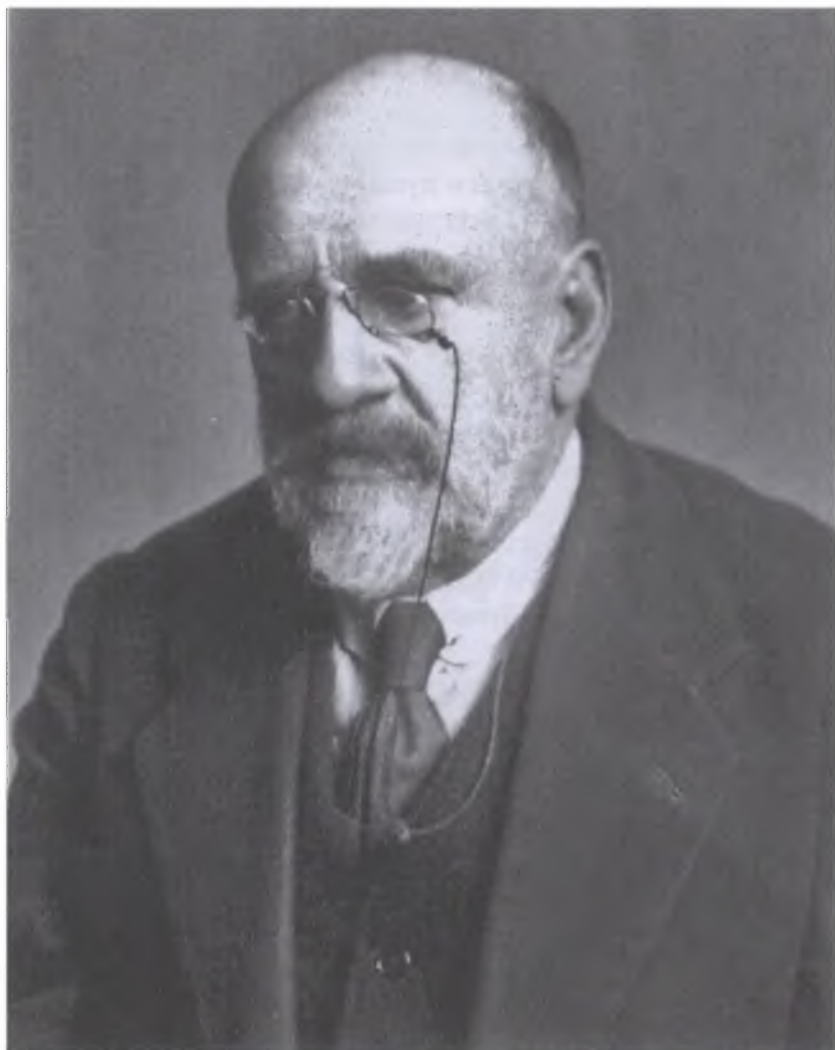
Около 10 часов вечера

[ТОЛСТОЙ ВСТРЕТИЛСЯ С ПРИЕХАВШИМ К НЕМУ СЫНОМ СЕРГЕЕМ. ВСТРЕЧА «ОЧЕНЬ ТРОНУЛА» ЕГО. — В.Р.]

**Из «Очерков былого»
Сергея Львовича Толстого**
2 ноября

«Все мы смотрели на будущее хотя и с тревогой, но и с надеждой. Доктора нашли воспаление обоих легких, главным

¹ УЛТ. С. 110.

С.Л. Толстой. 1910-е гг.

образом, левого легкого. Вечером температура была высокая, около 39°. Но пульс, говорили врачи, был не плох.

Мне рассказали, что отец спрашивал врачей, можно ли ему будет встать дня через два. Ему ответили, что едва ли можно будет и через две недели. Тогда он огорчился, повернулся к стене и ничего не сказал. *Саша дала мне письма отца, которые он написал мне, сестре Тане и ей.*

Саша, Душан Петрович и я раздумывали, пойти ли мне к отцу или нет. Ведь он все еще думал, что никому из нас не известно, где он. Увидав меня, он мог взволноваться. Душан Петрович настойчиво советовал мне пойти, и я с ним согласился. **Часов в десять я пошел к отцу.** Он лежал в забытьи. Я постоял в комнате. Тут еще оставались некоторые озолотенные вещи, ненужные для больного. На простом деревянном столе стояли лекарства. Горела небольшая керосиновая лампа с абажуром.

Душан Петрович, сказал: «Лев Николаевич, здесь Сергей Львович». Отец открыл глаза и посмотрел на меня удивленным и беспокойным взглядом. Я поцеловал его руку (чего мы обыкновенно не делали). Он спросил меня:

— *Сережа? Как ты узнал? Как ты нас нашел?*

Я сказал, тут же выдумавши: «Проезжая через Горбачево, я встретил кондуктора, который ехал с вами, он мне сказал, где вы». Это было только отчасти правдой: я спрашивал кондуктора, не знает ли он, где отец, уже получив телеграмму о том, что он в Астапове Кондуктор мне это подтвердил. Тогда отец спросил меня:

— *А как кондуктор тебя узнал? Он разве знал, кто ты?*

Я сказал: «Да, меня знают многие кондуктора Курской дороги».

После этого разговора он опять закрыл глаза и уже ничего не говорил. Судя по голосу, я не нашел, что он в очень плохом состоянии.

На другой день Саша мне передала слова отца: *«Сережа-то каков? Как он нас нашел! Я ему очень рад, он мне очень*

приятен. Он мне руку поцеловал!” И он всхлипнул. [...] **Около 12 часов ночи** пришел экстренный поезд, заказанный матерью в Туле. [...] **В эту ночь никто к отцу не пошел»¹.**

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
(Продолжение)
2 ноября**

«В 9.40 (вечера. — В.Р.) **температура — 39,2°, пульс — 114.** Томился, изжога. Пульс — каждый третий перебой. Принял четыре капли строфантовой настойки. Через 7 минут — 110, перебоев менее.

В 10 часов ночи — 140. Когда Л.Н. спросил меня, какой пульс, и я сказал, что 110, попросил часы и сам стал считать, насчитал 80 (перебои не дали ему правильно сосчитать пульс).

В 10.20 предложили кофе. Л.Н. не хотел пить, боясь усиления изжоги. По той же причине сегодня не пил молока и ничего не ел.

Хотя ободряем друг друга, особенно Владимир Григорьевич, сегодня все мы, окружавшие Л.Н., скрываясь один от другого, исплакались»².

**2 ноября
11 часов 44 минуты вечера**

[ЭКСТРЕННЫЙ ПОЕЗД ПРИВЕЗ В АСТАПОВО ЖЕНУ ТОЛСТОГО — СОФЬЮ АНДРЕЕВНУ, ДОЧЬ ТАТЬЯНУ, СЫНОВЕЙ АНДРЕЯ И МИХАИЛА, ДОКТОРА РАСТЕГАЕВА, ФЕЛЬДШЕРИЦУ СКОРОБОГАТОВУ, В.Н. ФИЛОСΟΦОВА И ДОКТОРА СЕМЕНОВСКОГО, ПОДСЕВШЕГО К НИМ В ДАНКОВЕ. СЫН ИЛЬЯ ПРИЕХАЛ ДНЕМ ПОЗЖЕ.

В АСТАПОВЕ ВАГОН ОТЦЕПИЛИ И ПОСТАВИЛИ НА ЗАПАСНЫЙ ПУТЬ. ТОЛСТЫЕ И СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ИХ УСТРОИЛИСЬ В НЕМ И РЕШИЛИ ЖИТЬ ТАМ СТОЛЬКО, СКОЛЬКО ЭТО БУДЕТ НУЖНО. — В.Р.].

¹ УЛТ. С. 38, 39.

² Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 419, 420.

**Из воспоминаний Варвары Михайловны
Феокритовой-Полевой**

«2 ноября вечером мы с Сашей, смотря в окно, увидели, как медленно, без шума подошел экстренный поезд, привезший семью Льва Николаевича.

Помню весь ужас, охвативший нас всех при появлении этого поезда!.. Мы бросились чем попало дрожащими руками завешивать все окна домика.

Страх, что Софья Андреевна посмотрит в окно, стукнет или громко назовет Льва Николаевича, поглотил нас совершенно»¹.

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
(Продолжение)
2 ноября**

«В 12.10 ночи приехал экстренный поезд с одним вагоном (санитарным: половина — второго, половина — третьего класса). Я пошел, переутомленный, встречать и сообщить Софье Андреевне о положении Л. Н.

Софья Андреевна имела не свой обычный деловой вид, была не такой, какая она есть, а какой-то нерешительной, несмелой. Была бледна. За ней следили, прерывали ее с нетерпением: “Мамá, не волнуйся”.

Софье Андреевне я рассказал, что у Л. Н. воспаление, которое в этом возрасте обыкновенно смертельное, но Л. Н. в последние пять лет два раза легко перенес бронхопневмонию, сил много, не безнадёжен. **Софья Андреевна заговорила о свидании с Л. Н., на это я сказал, что этого не может быть, что Л. Н. третьего дня бредил тем, что она его догонит.** Софья Андреевна упрекала меня, почему я тогда не разбудил ее, что она бы обласкала его и он не уехал бы, и что это он навлек на нее такой позор, жену бросил, она ему ведь ничего не сделала, “только вошла в кабинет посмотреть, у него ли дневник, который пишет,

¹ ОР ГМТ.

С.А. Толстая с сестрой милосердия Е.П. Скоробогатовой около вагона, где жила семья Толстых на станции Астапово.
Ноябрь 1910 г. Кадр из кинохроники

не отдал ли и его, и еще, услышав шум, заходила и спросила: “Левочка, аль ты нездоров?” — **“Изжога, миндаль принимаю, не мешай мне”**, — ответил злобным голосом, досадуя. Я долго стояла у двери. Сердце у меня билось. Потом, услышав, что потушил свечу и ложится спать, я ушла. Как это я крепко заснула, что не слышала, как он ушел”.

Если Л.Н. выздоровеет, в чем Софья Андреевна не сомневается, и если поедет на юг... (пропуск в рукописи. — В.Р.).

Татьяна Львовна, Андрей, Михаил и В. Философов были усталые и встревоженные, озабоченные положением и отца и матери. Успокаивали мать, но нервно, с укорами. Софья Андреевна выставляла причиной свое нездоровье... (пропуск в рукописи. — В.Р.), **а потом созналась: “Я пересолила”**»¹.

ВСЕ В АСТАПОВО

Из воспоминаний Валентина Федоровича Булгакова

1 ноября

«На другой день (1 ноября. — В.Р.) в Телятинках стало известно, что Лев Николаевич простудился по дороге, заболел и слег на станции Астапово, Рязано-Уральской железной дороги, где начальник станции милейший латыш И.И. Озолин предоставил в его распоряжение свою квартиру. Еще через день о месте пребывания Льва Николаевича узнали от одного журналиста Толстые. София Андреевна с сыновьями и дочерью Татьяной Львовной заказали экстренный поезд и тотчас выехали в Астапово. Чертков с неразлучным Сергеенко отправился туда еще раньше.

Перед отъездом Чертков просил меня о дружеском одолжении: остаться в Телятинках с его больной женой, взволнованной и потрясенной всем происшедшим, и помочь ей в случае необходимости. Таким образом, я оказался снова привязанным

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 420.

М. В. Нестеров. В. Ф. Булгаков. Набросок. 1923

к месту своего жительства, между тем как я знал, что в Астапове собрались многие друзья и близкие Льва Николаевича, и у меня было сильное желание поехать туда и еще раз, хоть мельком, увидеть дорогого учителя»¹.

**Из «Очерков былого»
Сергея Львовича Толстого**

«29-го вечером я поехал обратно в Москву для того, чтобы пригласить психиатра в Ясную Поляну. Здесь я через врачей Беркенгейма и Никитина узнал, что в Ясную мог бы поехать их товарищ по университету, некто Растегаев, бывший главным врачом психиатрической больницы, кажется в Екатеринославе. Растегаев был у меня, и я с ним уговорился, и он в тот же вечер поехал в Ясную. Вместе с Растегаевым в Ясную поехала медичка 5-го курса, фельдшерица и сестра милосердия Скоробогатова.

В Москве ко мне приходил Михаил Петрович Новиков. Он показал мне письмо отца к нему и рассказал свой разговор с ним, когда он был в последний раз в Ясной.

Отец говорил Новикову, что хочет переменить образ жизни и поселиться у него в избе (в деревне Боровкове близ станции Лаптево Московско-Курской железной дороги), что ему тяжело положение помещика, тяжело пользоваться услугами прислуги.

Новиков сказал ему: **“Л. Н., ваш возраст — предельный возраст, вам поздно изменять образ жизни. Вы живы, так сказать, искусственно. Вы можете жить только в привычных вам удобных условиях жизни. Вы не выживете в более суровых условиях”.**

Отец настаивал и стал жаловаться на свое семейное положение, на рознь с женой.

Тогда Новиков сказал ему: **“По-нашему, по-мужицкому, над вами, Лев Николаевич, посмеялись бы. Бабу надо учить”.**

¹ УЛТ. С. 156.

И Новиков рассказал ему, как его брат поучил вожжами свою жену, пившую запоем, и она перестала пить. [...]

Я разделял опасение врачей в том, что отец в новых, непривычных условиях жизни заболел, но, зная, что за последнее время здоровье отца было недурно, преуменьшал опасность. И странно: почему-то я думал, что за лето отец набрался довольно сил, чтобы дожить до конца зимы, но что опасность ему грозит именно в феврале.

Итак, 1 ноября в ночь я поехал прямо в Никольское (для решения хозяйственных проблем. — В.Р.), решив в Ясную теперь не заезжать. На другой день, проезжая станцию Лазарево, я на поезде, около 10 часов утра, получил следующую телеграмму от жены из Москвы: “Пассажирская. Срочная. Графу Сергею Толстому, пассажиру поезда 9 Курской дороги. Лазарево. Получили следующую телеграмму со станции Астапово: положение серьезное, привези немедленно Никитина. Желал известить тебя и сестру, боится приезда остальных. Никитину я сообщила. Маша”.

[...] вместо Никольского поехал в Астапово. Туда я приехал 2 ноября в 7 часов вечера»¹.

**Из воспоминаний
Татьяны Львовны Сухотиной
31 октября**

«Никто, кроме Александры, не знал, где он находился. Александра поехала к нему, дав нам слово, что известит нас, если отец заболел. Брат Сергей вернулся в Москву. Когда он уехал, все стало нам казаться еще мрачнее, а то, что нас ожидало, еще более страшным. Я не сомневалась, что перемена жизни означала для отца конец.

Мать тоже внушала мне опасения. И лично за нее, а также и потому, что я знала, что если попытка самоубийства ей удастся, отец никогда уже не обретет ни покоя, ни

¹ УЛТ. С. 36, 37.

Т.Л. Сухотина в Ясной Поляне. 23 мая 1903 г.
Фотография С.А. Толстой

счастья. Мы вызвали психиатра и сестру милосердия, которые не отходили от ее постели»¹.

**Первое безответное письмо Татьяны Львовны
Сухотиной Л. Н. Толстому
31 октября. Ясная Поляна**

«Милый папá,
я себя буду всю жизнь упрекать, если я не напишу тебе того,
что я думаю.

Сколько десятков твоих писем разослано по всему свету
с советами не бросать порочных, неверных и тяжелых мужей
и жен.

Что бы ты посоветовал мне, если бы ты знал, что мой муж
пьяница и бьет меня? Ты советовал бы мне *терпеть* (курсив
Т. Л. Сухотиной. — В. Р.).

Может быть, я ошибаюсь. Тогда объясни мне.

Мама́, если будет жива — нравственно не изменится. Я при-
шла к тому, что на это нет надежды.

Но надо ли бросать больную тяжелую жену?

Думаю, что она не переживет твоего отъезда. Доктора на-
ходят, что сердце ее слабо. **Она упорно отказывается есть,
и при ее истощении это долго не продлится.**

Ехать к тебе она не пытается и не может в теперешнем ее
состоянии. Должна тебе все это написать для того, чтобы ты
потом не упрекнул нас в том, что мы не сообщили тебе об очень
вероятном исходе.

Мне ни страшна ее смерть, даже и твоя. Но страшнее всего
для меня это то, если ты потом будешь мучиться и страдать
от ее самоубийства и считать себя виноватым в нем. Оба
доктора: психиатр и Беркенгейм считают, что это очень
вероятно.

Страдает она очень сильно, но все еще ждет какое-нибудь
известие от тебя. Целую тебя. Твоя Таня»².

¹ УЛТ. С. 71.

² Там же. С. 566, 567.

Спальня Л. Н. Толстого. На стене портрет дочери Татьяны.
Ясная Поляна. 1908.
Фотография К. К. Булы

**Второе безответное письмо Татьяны Львовны
Сухотиной Л. Н. Толстому**
1 ноября 1910 г. Ясная Поляна

«Милый, дорогой папенька, какое мы тяжелое время переживаем. Просто сил нет! Сегодня ночью ни минуты не спала и страдала ужасно, не умея ничем себя успокоить. Главное страдание — это то, что я все сужу, обсуждаю и, кажется, даже осуждаю. И не могу привести себя в то состояние смирения и покорности, когда говоришь себе, что надо думать только о том, что самому надо делать.

Так вот я хочу сказать тебе то, что я считаю своим долгом делать: **над мамá я не могу употреблять насилия ни в насильственном удержании ее от самоубийства, ни в удержании ее от поездки к тебе, если она это, несмотря на наши уговоры и увещания, решит сделать.**

Она живет теперь надеждой опять с тобой свидеться и ждет твоего позволения приехать с тобой повидаться. **Если хочешь знать мое мнение, то мне кажется, что не только следовало бы ей это разрешить (со временем и под условиями), но и опасно ей в этом отнять надежду.** Она, бедная, очень страдает, очень жалка, и, по словам доктора, который тут, она в таком состоянии, что при теперешней ее слабости малейший бронхит может ее унести.

Хотя я знаю, папенька, что мнения докторов для тебя не имеют значения и для меня с годами тоже все менее и менее, — но заставила его написать мнение о состоянии мамá для того, чтобы ты и Саша не обвинили меня в пристрастном взгляде.

Сейчас по уговорам Андрея и моим мамá выпила кофе и как будто в первый раз поверила нам, что единственное средство вам каким-нибудь образом сойтись — это ей взять себя в руки, и ни в чем не употреблять над тобой насилия, от которого ты ушел.

Я не надеюсь на то, чтобы она в корне изменилась, но я не могу вполне ей не верить. Она клянется и божится, что только хочет повидать тебя и потом уедет и подчинится всему, что ты захочешь.

По ночам слышу ее рыдания, нарочно не встаю, чтобы не дать ей возможности сильнее расстраивать себя разговорами со мной.

Хотя я мало верю в это, но возьму с нее письменные обещания в разных вещах, которые мы все считаем нужным, чтобы она исполнила.

Посылаю тебе мое вчерашнее письмо к тебе. Я беру назад свое право давать тебе советы. Но по этому письму ты поймешь, какие у меня мысли и чувства бывают, которые мне хочется побороть.

Целую тебя, твои руки.

Люблю тебя изо всех сил, жалею, и стараюсь тебе вполне доверять и не думать, что то, что я считаю нужным и должным — справедливо. Но это трудно. Трудно не доверять себе.

Твоя Таня.

Р.С. Мама пила кофе и ободрилась нашим обещанием просить у тебя разрешения повидаться с ней. Насильно ехать тебя искать, я думаю, она не будет. Когда она об этом говорила — мы ей не препятствуем, и это ее останавливает.

<Рукой П.И. Растегаева (врача С.А. Толстой. — В.Р.): >

По просьбе Татьяны Львовны считаю своим долгом высказать, что вообще неустойчивая нервно психическая организация Софьи Андреевны благодаря возрасту и последним событиям теперь представляет ряд болезненных явлений, которые требуют продолжительного и серьезного лечения. **Самым тяжелым симптомом является отказ от пищи:** хотя отказ и не полный (С.А. пьет воду), но ввиду того что продолжается 4 дня, отказ этот так может ослабить организм, что самое незначительное вредное внешнее влияние может вызвать серьезное заболевание. **Каких-нибудь психопатологических черт, указывающих на наличие душевного заболевания, ни из наблюдения, ни из бесед с Софьей Андреевной я не заметил.**

Врач П. Растегаев.

19 1/XI 10.

<Рукой М. А. Шмидт:>

*Дорогой Лев Николаевич, ни на минуту не перестаю думать, любить вас, чувствую ваши страдания и вместе с вами переживаю их. Крепко целую ваши руки и **верю, что иначе вы поспутить не могли. Ваша старушка***¹.

**Из воспоминаний
Татьяны Львовны Сухотиной
(Продолжение)**

«Через несколько дней после отъезда Александры Булгаков, живший у Черткова в Телятинках, пришел ко мне и сообщил по секрету, что отец заболел и что Чертков поехал к нему.

— А где же он заболел?

— Чертков запретил мне об этом говорить.

— Далеко ли? В России? За границей?

Я засыпала Булгакова вопросами, на которые он не мог отвечать: Чертков ему запретил.

— Неужели Чертков не понимает, что мне необходимо это знать, и почему он запретил говорить мне?

— Не знаю, — ответил Булгаков. И это таким тоном, словно хотел сказать: я и сам не понимаю. — Он заставил меня поклясться, что я никому не открою тайны, которую он мне доверил.

Можно себе представить, какую тревожную ночь провела я после этого сообщения!

Отец умирает где-то поблизости, а я не знаю, где он. И я не могу за ним ухаживать. Может быть, я его больше и не увижу. Позволят ли мне хотя бы взглянуть на него на его смертном одре? Бессонная ночь. Настоящая пытка. И всю ночь из соседней комнаты до меня доносились рыдания и стоны матери. Вставши утром, я еще не знала, что делать, на что решиться. Но нашелся неизвестный нам человек, который понял и сжалился над семьей Толстого. Он телеграфировал нам: **“Лев Николаевич в Астапове у начальника станции. Температура 40°”**.

¹ УЛТ. С. 574–576.

М.А. Шмидт. Москва. 1886.
Фотография И. Ф. Курбатова

До самой смерти буду я благодарна корреспонденту “Русского слова” Орлову.

Я разбудила мать и братьев. Мы поехали в Тулу. В Астапово ходил только один поезд в день. Мы на него опоздали. Мы заказали специальный поезд.

Перед отъездом из Ясной моя мать с лихорадочной поспешностью обо всем подумала, обо всем позаботилась. Она везла с собою все, что могло понадобиться отцу, она ничего не забыла. **Но если голова ее была ясна, то в сердце не было доброты. В те дни мы, дети, сердились на нее и осуждали ее. Мы не могли не видеть, что она была причиной всего происшедшего, и, не обнаруживая в ней и следа раскаяния, были не в состоянии простить ее**¹.

Из «Моих воспоминаний» Ильи Львовича Толстого

«В эту же ночь (с 29 по 30 октября. — В.Р.) я уехал к себе в Калугу.

Никто не сказал мне, куда уехал отец, но я был так уверен в том, что он в Шамардине у тети Маши, что на следующий же день я пошел к калужскому губернатору князю Горчакову и попросил его принять меры, чтобы козельская полиция не причинила отцу неприятностей из-за того, что у него не было с собой никаких документов.

Шамордино от Калуги в пятидесяти верстах.

В это время у меня в Калуге случайно стояла тройка лошадей. Моя жена настойчиво советовала мне тогда же сесть в экипаж и ехать к Марье Николаевне, но я этого не сделал только потому, что я побоялся спугнуть оттуда отца.

Ему могло быть неприятно, что я узнал, где он находится.

После выяснилось, что я ехал от Засеки до Калуги в том же вагоне, в котором ехала моя сестра Саша.

Если бы я последовал совету моей жены, я мог бы приехать в Шамардино одновременно с ней или даже раньше [...] Теперь я жалею, что я этого не сделал.

¹ УЛТ. С. 76.

Л. Н. Толстой с сыном Ильей Львовичем. Ясная Поляна. 14 марта 1903 г.
Фотография П. А. Сергеенко

Через два дня я получил телеграмму, что отец лежит больной в Астапове.

Я сейчас же поехал туда.

Там я застал почти всю нашу семью, приехавшую из Ясной Поляны на экстренном поезде и поселившуюся на запасном пути в вагоне первого класса»¹.

3 ноября АСТАПОВО

Утро

[ПРИЕЗД ИЗДАТЕЛЯ «ПОСРЕДНИКА» ИВАНА ИВАНОВИЧА ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА И ПИАНИСТА АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА. ТОЛСТОЙ ЗАХОТЕЛ ИХ ВИДЕТЬ. В ЭТОТ ЖЕ ДЕНЬ ИНКОГНИТО ДЛЯ ОТЦА ПРИЕХАЛ СЫН ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ ТОЛСТОЙ. — В. Р.].

Из «Яснополянских записок» Душана Петровича Маковицкого 3 ноября

«Вчера днем Л. Н. страдал от сильного жара (39,6).

Ночь на 3 ноября до полуночи спал очень плохо, почти все время бредил, кашлял, снова отхаркнул ржавую мокроту, стонал, страдал от изжоги. Перед полуночью жар постепенно упал до 37,7, после полуночи Л. Н. спал спокойно.

Температура утром в 6 часов — 37,2, дыхание — 36, пульс — 90.

Температура утром в 9 часов — 37,2, дыхание — 39, пульс — 104–120, перебои, слабый.

В 10.20 температура — 36,7.

Хотя Л. Н. значительно ослабел за время болезни, по два дня ничего не ел, мало пил, все-таки физических сил у него удивительно много. [...]

¹ УЛТ. С. 82, 83.

Просил обмыть лицо и руки. Александре Львовне, когда ему это делала, сказал:

— **Как вы, женщины, ловко это делаете.**

Опять выпил нарзану и обыкновенной воды.

Спросил, какая у него болезнь.

— Катаральное воспаление частей нижних долей легких.

Л.Н. помолчал.

— Старайтесь, Лев Николаевич, поменьше говорить, больше отдыхать.

Сегодня приехали Илья Львович, И.И. Горбунов, Гольденвейзер.

Л.Н. пожелал писать дневник и попросил поправить ему под головой. Я, поправляя, подложил ему подушку, привезенную ночью.

Л.Н.: Какая это подушка?

— Ваша, прислали из Ясной.

Л.Н. отстранил подушку.

— **С кем?**

— С Татьяной Львовной.

— **Когда Таня приехала?**

— Ночью.

Молчок.

— **И Дмитрий Васильевич здесь?** (Никитин. — В.Р.).

Л.Н.: Дмитрий Васильевич когда приехал? So viel Umstände! (“Сколько беспокойства”, нем. — В.Р.).

От Владимира Григорьевича Л.Н. узнал, что приехали Горбунов и Гольденвейзер.

Пришел Д.В. Никитин, добрый друг Л.Н. В начале 1900-х годов — домашний врач у Толстых. Он теперь занимается преимущественно бактериологией. Л.Н. мило, дружелюбно принял его и поговорил с ним о медицине: **говорил о бесполезности медицинского лечения, что важен один уход.** Ни в чем нет столько занятия тем, чего не знают, как в медицине. [...]

Потом спросил, на какой бок лечь от изжоги. Л.Н. инстинктивно ложился на правый бок, переменяя компресс.

Освидетельствовали Л.Н.-ча Никитин и А.П. Семеновский.

А.Л. Толстой (сзади) и М.Л. Толстой в дверях вагона,
в котором жила семья Толстых на станции Астапово. Ноябрь 1910 г.
Фотография С.Г. Смирнова

С.А. Толстая с сыном Ильей Львовичем у вагона,
в котором они жили на станции Астапово. Ноябрь 1910 г.
Фотография С.Г. Смирнова

Сердце слабо. Никитин приписывает это не столько органическому расстройству, сколько расстройству нервного аппарата сердца.

После Л. Н. отдыхал.

Ходила за ним Варвара Михайловна; ей сказал, что она идеальная сиделка.

Потом с Владимиром Григорьевичем говорил о дневнике и, кажется, диктовал (начало письма Э. Мооду. — В. Р.). Владимир Григорьевич прочел отобранные письма из полученных на имя Л. Н. после его ухода. [...]. Спросил о В. Ф. Булгакове (секретаре) и о С. М. Булыгине, не звали ли их на ставку. **Владимир Григорьевич слишком утомил Л. Н. разговорами и чтением писем, на которые Л. Н. диктовал ответ»¹.**

Из записок Владимира Григорьевича Черткова

«На следующий день, 3 ноября, Л. Н. справлялся у меня о ходе печатания у Сытина переработанного им нового издания “Круга чтения”, которое было значительно задержано, отчасти из-за цензурных притеснений. [...] Доктора попросили меня постараться уговорить Л. Н-ча принять пищи. Но на мое предложение поесть чего-нибудь он ответил: “Не хочется, а я думаю, что когда не хочется, то и не нужно”. [...] В этот день Л. Н. находился в особенно оживленном состоянии. [...]

Попозже Л. Н. подозвал меня к себе и сказал: **“Я хочу вас спросить об одной вещи; но если это будет вам неприятно, то скажите мне”. [...] и спросил меня, как следует, по моему мнению, ответить Мооду, английскому переводчику романа “Воскресение”, на его предложение прислать Л. Н-чу для помощи яснополянским крестьянам 500 рублей из прибыли от издания этой книги... [...] Я сказал ему, что, по-моему, следовало бы поблагодарить и принять эти деньги. [...] Потом, помолчав, он стал диктовать мне по-английски текст предполагаемого письма к Мооду: “On my way to the place where I wished**

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 420–422.

to be alone I was... — вы знаете, как сказать... “Я продолжал: ...taken ill”. Он: “Да, да. Так вы уж составьте”¹.

Последнее неоконченное письмо Льва Николаевича Толстого Эйльмеру Мооду (Aylmer Maude) (черновое)

«1910 г. Ноября 3. Астапово.

On my way to the place where I wished to be alone I was [taken ill]»².

[На пути к тому месту, где я хотел найти уединение, [я заболел], с англ.; последние два слова — подсказка В.Г. Черткова. — В.Р.].

Из записок Владимира Григорьевича Черткова

(Продолжение)

3 ноября

«Немного погодя он спросил меня, видел ли я “Таню” (его старшую дочь), о приезде которой в Астапово он узнал от Маковицкого. “Я хочу спросить ее, — продолжал он, — о состоянии Софии Андреевны. Как Таня уехала из Ясной? Я думаю, что она сказала С. А-не, что поедет к своим, а потом приехала сюда”.

“Я сегодня очень слезлив”, — заметил он мне. И действительно, когда я сказал ему, что меня трогают проявляемые к нему со всех сторон по случаю его болезни любовь и уважение, он прослезился. Я опять отошел от него за ширмы. Некоторое время спустя, вернувшись к его кровати, я заметил, что он платком вытирал слезы на своих глазах.

Днем Л. Н. послал за Татьяной Львовной. Свидание их было очень трогательное как по той радости, которую проявил Л. Н., увидав свою старшую дочь, так и по сердечному попечению о состоянии С. А-ны, которое он проявил в своих расспросах.

Л. Н. думал, что С. А. осталась в Ясной, между тем как в это время она уже жила в вагоне на станции Астапово, в нескольких

¹ УЛТ. С. 104–107.

² Т. 82. С. 223.

шагах от него. Татьяна Львовна не желала волновать отца выдачей местонахождения своей матери. [...] Она сказала ему, что лучше сейчас об этом не говорить. [...] **“Но ведь ты понимаешь, как мне, для моей души нужно знать это”**, — и прослезился. Т. Л-не оставалось только поспешно проститься и удалиться. Во все время этого разговора, при котором я присутствовал, Л. Н. ни одним намеком не подал повода думать, что он желает видеть С. А-ну¹.

Из воспоминаний Татьяны Львовны Толстой

3 ноября

«В Астапове наш вагон отцепили и поставили на запасный путь. Мы устроились в нем и решили жить там, пока это будет нужно. **Чтобы не допустить мать к отцу, мы объявили, что тоже не пойдём.** Один только брат Сергей, вызванный Александрой и приехавший раньше нас, входил в комнату, где лежал отец. Но отец случайно узнал, что я тут, и спросил, почему я не захожу. Задыхаясь от волнения, я побежала к домику начальника станции. Я боялась, что отец будет меня спрашивать о матери, а я не приготовилась к ответу. Ни разу в жизни я не лгала ему, и я знала, что в такую торжественную минуту не в состоянии буду сказать ему неправду.

Когда я вошла, он лежал и был в полном сознании. Он сказал мне несколько ласковых слов, а потом спросил: **“Кто остался с мамой?”** Вопрос был так поставлен, что я могла ответить, не уклоняясь от истины. Я сказала, что при мама сыновья и, кроме того, врач и сестра милосердия. Он долго меня расспрашивал, желая знать все подробности. А когда я сказала: **“Может быть, разговор на эту тему тебя волнует?”** — он решительно меня прервал: **“Говори, говори, что может быть для меня важнее?”** И он продолжал меня о ней расспрашивать долго и подробно.

После этого первого посещения я уже свободно входила к нему, и на мою долю выпало счастье видеть его часто

¹ УЛТ. С. 107.

Т.Л. Сухотина около вагона, в котором жила семья Толстых
и их близкие в Астапове. Ноябрь 1910 г.
Кадр из кинохроники

в последние дни его жизни. Мне очень хотелось, чтобы он позвал к себе мать. **Я страстно желала, чтобы он примирился с нею перед смертью.** Александра разделяла мои чувства. Но было ясно, что он боится свидания. **В бреду он повторял: “Бежать, бежать...” Или: “Будет преследовать, преследовать”.** Он попросил занавесить окно, потому что ему чудилось в нем лицо смотревшей оттуда женщины»¹.

«Он (отец) позвал меня, так как ему проговорились, что я приехала. Ему принесли его подушечку, и тогда он спросил, откуда она. Святой Душан не мог солгать и сказал, что я ее привезла. Про мама и братьев ему не сказали. Он начал с того, что слабым прерывающимся голосом с передыханием сказал: **“Как ты нарядна и авантажна”.** Я сказала, что знаю его плохой вкус, и посмеялась. Потом он стал расспрашивать про мама. Этого я больше всего боялась, потому что боялась сказать ему, что она здесь, а прямо солгать ему, я чувствовала, что у меня не хватит сил. К счастью, он так поставил вопрос, что мне не пришлось сказать ему прямой лжи.

— **С кем она осталась?**

— С Андреем и Мишей.

— **И Мишей?**

— Да. Они все очень солидарны в том, чтобы не пускать ее к тебе, пока ты этого не пожелаешь.

— **И Андрей?**

— Да, и Андрей. Они очень милы, младшие мальчики, очень замучились, бедняжки, стараются всячески успокоить мать.

— **Ну, расскажи, что она делает? Чем занимается?**

— Папенька, может быть, тебе лучше не говорить: ты взволнуешься.

Тогда он очень энергично меня перебил, но все-таки слезящимся, прерывающимся голосом сказал:

— **Говори, говори, что же для меня может быть важнее этого?** — И стал дальше расспрашивать, кто с ней, хорош

¹ УЛТ. С. 71, 72.

С. А. Толстая. Москва. 1894 (?).
Фотография М. А. Шиндлера и А. И. Мея
под фирмою «Шерер, Набгольц и Ко»

ли доктор. Я сказала, что нет и что мы с ним расстались, а очень хорошая фельдшерица, которая служила три с половиной года у С.С. Корсакова и, значит, к таким больным привыкла.

— **А полюбила она ее?**

— Да.

— **Ну, дальше. Ест она?**

— Да, ест и теперь старается поддержать себя, потому что живет надеждой свидеться с тобой.

— **Получила она мое письмо?**

— Да.

— **И как же она отнеслась к нему?**

— Ее, главное, успокоила выписка из письма твоего к Черткову, в котором ты пишешь, что не отказываешься вернуться к ней под условием ее успокоения.

— **Вы с Сережей получили мое письмо?**

— Да, папенька, но мне жалко, что ты не обратился к младшим братьям. Они так хорошо отнеслись ко всему.

— **Да ведь я писал всем, писал: “Дети”.**

Потом он спросил меня, куда я отсюда поеду — опять к мама или к мужу. Я сказала, что сначала, может быть, к тебе (т. е. к мужу). Он сказал:

— **Жалко, что ты не можешь его вызвать. Ведь ему надо с Танечкой оставаться.**

Я спросила:

— **А тебе хотелось бы его видеть?**

— **Не сюда вызвать — к ней, в Ясную...**

Я сказала, что ты ей телеграфировал, очень настойчиво приглашая ее в Кочеты к внучке, но что она на это только сказала “спасибо ему” и не поехала, потому что ждет, чтобы папá вызвал ее к себе. Он помолчал.

Потом велел мне прочесть в “Круге чтения” 28 октября. И сказал:

— **Я это прочел последне...»¹.**

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 639, 640.

Л. Н. Толстой с сыном Михаилом Львовичем. Ясная Поляна. 1903.
Фотография С. А. Толстой

Сыновья Толстого. Ясная Поляна. 1904. Фотография С. А. Толстой.
Слева направо: Лев, Илья, Сергей, Андрей, Михаил

Л. Н. Толстой с внучкой Танечкой Сухотиной. Ясная Поляна. 1909.
Фотография Т. Тапселя

Из «Очерков былого» Сергея Львовича Толстого

«В то же утро (3 ноября) приехали из Москвы наш друг доктор Д. В. Никитин, А. Б. Гольденвейзер и Ив. Ив. Горбунов. Я провел все утро в вагоне с матерью, сестрой и братьями.

На общем совете мы решили всячески удерживать мать от свидания с отцом, пока он сам ее не позовет. Главной причиной этого решения была боязнь, что их свидание может быть для него губительно. Братья также решили не ходить к отцу, так как, если бы они пошли, невозможно было бы удержать мать.

Мы решили так: прежде всего будем исполнять волю отца, затем — предписания врачей, затем — наше решение. И, главное, будем действовать единодушно. **Мать скрепя сердце согласилась с нами, говоря, что она не хочет быть причиной смерти отца.** Мы, однако, не очень ей верили, боялись, что она все-таки пойдет к нему, и решили следить за ней. Трудно себе представить, что произошло бы, если бы она пошла к отцу.

Мы решили выписать другую сестру милосердия для наблюдения за ней и, главное, для облегчения и замены утомившейся Скоробогатовой, оказавшейся очень дельной, умной и сердечной женщиной. С Растегаевым мы решили расстаться.

В озолинский дом я попал только днем. Вход в этот дом был обставлен трудностями. Сперва надо было постучать в окно; кто-нибудь отворял форточку, и через нее шел разговор. У двери же, почти безотлучно, находился Алеша Сергеевко и впускал только избранных; лишь изредка его сменял кто-нибудь другой.

Когда я вошел к отцу, он спал или, скорее, лежал в забытьи.

Я слышал, как он говорил:

— **Саша все идет в гору, чем это кончится?**

Когда отец очнулся, он торопливо спросил меня:

— **Сережа, ты сегодня уезжаешь?**

Я сказал, что еще не уезжаю.

— **Уезжай, уезжай, непременно уезжай.**

Мне кажется, что он надеялся скоро выздороветь, и велел мне уезжать, чтобы я не помешал ему ехать дальше. Впрочем, он говорил это в полузабытьи.

К вечеру отец очень утомился, и в самом деле было от чего утомиться. В этот день он взволновался, окончательно убедившись в том, что его местопребывание всем известно. Еще более его взволновал разговор с Таней. Затем ему читали газеты. Он говорил с Гольденвейзером и Горбуновым; в последний раз писал свой дневник; наконец, Чертков читал ему последние полученные на его имя письма»¹.

«Во время моего пребывания в Астапове я несколько раз писал и телеграфировал моей жене Марье Николаевне, остававшейся в Москве, о болезни отца и о настроении матери.

3 ноября я телеграфировал жене, чтобы она купила и выслала в Астапово хорошую кровать с матрацем для отца, что она немедленно же и сделала. Кровать скоро дошла, и отца переложили на нее»².

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
(Продолжение)
3 ноября**

«Л. Н. тяготился, что из-за него столько людей наехало, хотя он знает не про всех, кто здесь. Л. Н. так не хотел, чтобы из-за него от своего занятия отрывались люди, как раньше не хотел, чтобы его на прогулках верхом сопровождал кто-нибудь. Только когда стал 81-летним стариком, позволил. [...]

В час дня попросил «Круг чтения». Я ему прочел вслух **3 ноября**. Всегда спрашивал авторов»³.

¹ УЛТ. С. 39–41.

² Там же. С. 43.

³ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 422.

ИЗ «КРУГА ЧТЕНИЯ» Л. Н. ТОЛСТОГО

«3 ноября

Есть только один непреложный закон — закон Божий, общий всем людям; закон же человеческий может быть законом только до тех пор, пока он не согласен с законом Бога.

[Мысли Л. Н. Толстого приводятся без подписи. — В. Р.]

1

Иисус, отвечая им, сказал: мое учение — не мое, но пославшего меня; кто хочет творить волю его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или я сам от себя говорю.

Ин. гл. 7, ст. 16, 17

2

Что такое голос долга, если не внушение Бога?

Но, может быть, это предписание вашего же воображения? Повелительное наклонение вашей беседы с самим собой?

Или, может быть, это только отзвук человеческих мнений, покорность требованиям общественного мнения?

Но нет: если бы это был закон, нами самими выдуманный, мы могли бы простить себе нарушение его, могли бы отменить его. Но мы чувствуем, что сила этого закона вне нашей власти и что мы не можем пренебречь им.

Не можем допустить и того, чтобы это было влияние общественного мнения, потому что голос этот часто поднимал нас выше общественного мнения, давал нам силы бороться с несправедливостью толпы, бороться во имя добра одному и без надежды успеха. Скорее вы уверите меня, что дневной свет есть произведение моих глаз или общественного мнения, чем в том, что сознание добра не есть прямое сознание Бога.

Как ощущения учат нас тому, что вне нашего тела, так сознание Бога — тому, что вне нашей духовной личности, учит

нас тому, что справедливость, доброта, правда не суть произведения моей личности, а вложены в меня Богом.

Мартино

3

Первая трудность, представляющаяся теперь для осуществления закона Бога, состоит в том, что существующие человеческие законы прямо противоположны ему.

4

Законы человеческие хороши и ценны, лишь поскольку они сообразуются с законом Бога, применяя и развивая его. И дурны всегда, когда противоречат этому закону, а в таком случае мы не только вправе, но и обязаны уничтожить их (курсив Л. Н. Толстого — В. Р.)

Иосиф Мадзини

5

Всякому человеку для того, чтобы приступить к изучению важнейших вопросов жизни, необходимо прежде решения их еще опровергнуть веками нагроможденные и всеми силами изобретательности ума поддерживаемые постройки лжи по каждому из самых существенных вопросов жизни.

6

Учреждение правительства есть в сущности явный признак того, что человек потерял в общественной жизни сознание своей божественности и потому должен прибегнуть к внешней власти. Потеряв это сознание, он должен опираться на внешний закон. Внешний же закон всегда ошибочен. Если бы каждый человек удерживал это сознание, единое с сознанием своих ближних, не могло бы быть этого разлада; но когда сознание это ослабевает, становятся необходимыми искусственные средства для поддержания его, и таким образом с ослаблением сознания своего единства возникает форма правительства, не

представляющая действительного выражения жизни всего народа, но только внешне принудительную власть правящего класса.

По Карпентеру

* * *

Закон Божий противоречит закону человеческому: что же делать? Скрыть закон Бога и провозгласить человеческий? Это делают уже 1900 лет, но закон Божеский становится все виднее и виднее и внутреннее противоречие все сильнее и мучительнее. Остается одно: заменить закон человеческий законом Бога»¹.

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
(Продолжение)
3 ноября**

«После писал дневник, лежа, своим (подаренным ему Чертковым) самопишущим пером. Толстая тетрадь in 4 с черными коленкоровыми мягкими обложками. Под тетрадь положили дощечку с немецкими изречениями из Библии — эту дощечку сняли со стены и поставили ему на колени. Л. Н. лежал у стены. Л. Н. спросил числа дней, проведенных в Шамордине и здесь. И стал, торопясь, записывать, быстро водя пером. Записал дни 31 октября — 3 ноября. Потом просил простой воды. Стонал»².

Из дневника Льва Николаевича Толстого

«[3 ноября. Астапово.] Ночь была тяжелая. Лежал в жару два дня. 2-го приехал Чертков. Говорят, что Софья Андреевна. В ночь приехал Сережа, очень тронул меня. Нынче, 3-го, Никитин, Таня, потом Гольденвейзер и Иван Иванович. Вот и план мой. *Fais ce que doit, adv...*

И все это на благо и другим, и, главное, мне».

¹ Т. 42. С. 192–194.

² Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 422.

[ОН НАЧАЛ ПИСАТЬ ПО-ФРАНЦУЗСКИ ЛЮБИМУЮ ПОСЛОВИЦУ «ДЕЛАЙ, ЧТО ДОЛЖНО, И ПУСТЬ БУДЕТ, ЧТО БУДЕТ», НО ОБОРВАЛ ЗАПИСЬ НА ПОЛОВИНЕ И СМОГ ЛИШЬ ПРИБАВИТЬ К НЕЙ: «И ВСЕ НА БЛАГО И ДРУГИМ, И, ГЛАВНОЕ, МНЕ». ЭТО БЫЛИ ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА, НАПИСАННЫЕ ЕГО РУКОЙ. — В. Р.]

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
(Продолжение)
3 ноября**

«В 3 часа перенесли Л.Н. в соседнюю комнату, и его комнату проветрили, отворив парадный вход. **В это время поднялась на крыльцо Софья Андреевна. Сергеенко перед ней закрыл дверь.** Она обиделась и после говорила, что она хотела только вызвать одного из докторов. Я виделся с Софьей Андреевной пополудни, когда ходил поспать в вагон к Михаилу и Андрею Львовичам. Она все говорила о том, как ее огорчил Л.Н.: что она его любит и мечтает, чтобы он опять пожил в Ясной в обычных, привычных ему условиях; что она готова переселиться в Тулу или Телятинки жить и только временами приезжать в Ясную. Если же Л.Н. уедет, то она — за ним. Она готова 5000 р. дать сыщику за слеживание.

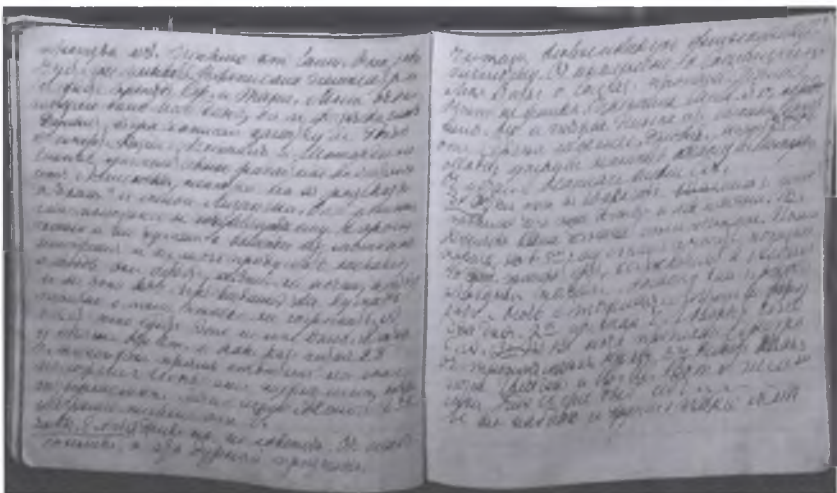
В 4 часа пополудни температура — 36,7, пульс — 96.

В 6 часов сам просил пощупать ему пульс.

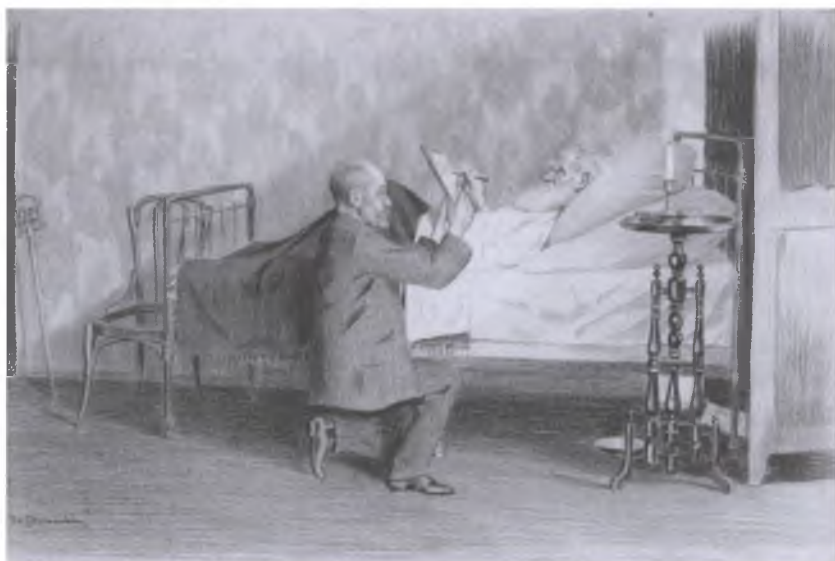
В 9 часов вечера — 37,8, пульс — 104, очень слабый, со множеством перебоев. Никитин предложил принять настойки строфанта.

— Позвольте не принимать, — ответил Л.Н., но принял и запил полным стаканчиком нарзана с мадерой. Сегодня Л.Н. почти ничего не ел.

Лечение: согревающий компресс, вино, камфора под кожу, клизма; пил глотками виши, температура вечером 37,8; деятельность сердца к вечеру несколько улучшилась (Никитин).

Последняя запись в Дневнике Л.Н. Толстого. 3 ноября 1910 г.

Художник В. И. Россинский.
Толстой пишет последнюю страницу дневника

Л.Н.: “Не могу заснуть... Все сочиняю, пишу, складываю. Можно только писать или газеты читать. Прочитайте “Голос Москвы”.

“Голоса Москвы” не оказалось. Я стал читать «Русские ведомости» от 2 ноября (**последняя газета, которую Толстой просил почитать. — В.Р.**), а продолжила Варвара Михайловна. Что о нем писали, просил пропустить. Слушал внимательно. Статью о тройном самоубийстве просил вырезать и положить ему в дневник.

Л.Н. готовил, писал в последнее время, кроме статьи о социализме, еще статью о безумии современной жизни, о самоубийствах.

Видно, что сам Л.Н. надеялся преодолеть болезнь. Видно было и то, что желал выжить, но и за все время болезни ничем не показал обратного, т.е. нежелания, лучше сказать — страха смерти. Л.Н. еще до сегодняшнего дня все время думает, что выздоровеет и поедет дальше»¹.

3 ноября
4 часа 5 минут дня

[Телеграмма в редакцию корреспондента газеты «Утро России» С.С. Раецкого: «ТЕЛЕГРАФ РАБОТАЕТ БЕЗ ПЕРЕДЫШКИ. ЗАПРОСЫ ИДУТ МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ, УПРАВЛЕНИЯ ДОРОГИ, КАЛУЖСКОГО, РЯЗАНСКОГО, ТАМБОВСКОГО, ТУЛЬСКОГО ГУБЕРНАТОРОВ... СЕМЬЯ ТОЛСТОГО ЗАБРАСЫВАЕТСЯ ТЕЛЕГРАММАМИ ВСЕХ КОНЦОВ РОССИИ, МИРА»²]

Из записок Владимира Григорьевича Черткова
(Продолжение)
3 ноября

«Вечером, в 5 часов, он послал за мной. Я подошел к его кровати. Он спросил: “Где же Никитин? Я его также просил прийти”. Позвали Никитина. Когда мы оба стояли, нагнувшись над ним, он сказал, что его беспокоит, что Софья Андреевна

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 422, 423.

² Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 831.

С.А. Толстая смотрит в окно комнаты,
где лежит больной Лев Николаевич. 3–6 ноября 1910 г.
Кадр из кинохроники

узнает про его болезнь и приедет в Астапово. И потому он попросил нас послать телеграмму его детям в Ясную. **«Скажите, что я очень слаб и свидание с ней было бы для меня губительно»**. Никитин ушел, чтобы передать поручение. Когда я остался со Л. Н-чем наедине, он с волнением сказал мне: **«Ведь вы понимаете, что если она здесь будет, то я не смогу ей отказать... (и он заплакал; видно, ему было очень тяжело), а если я ее увижу, это будет для меня губительно»**. Через некоторое время он опять за мной послал и сказал мне шутливо: **«Как все великие писатели дорожат точностью изложения своих произведений, так и я с этой телеграммой. Попросите телеграмму написать так: «Состояние лучше, но чрезвычайная слабость и т.д., кончая словами: свидание было бы губительно»»**¹.

[ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ «ТЕЛЕГРАММЫ» БЫЛ ТОТЧАС ЖЕ В АСТАПОВЕ ПЕРЕДАН С.А. ТОЛСТОЙ, А ПОЗЖЕ ОПУБЛИКОВАН АЛЕКСАНДРОЙ ЛЬВОВНОЙ ТОЛСТОЙ.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМЕННОЕ ПОСЛАНИЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО. — В. Р.]

Лев Николаевич Толстой Толстым

3 ноября. 1910 г. Астапово Рязанской губ.

«Состояние лучше, но сердце так слабо, что свидание с мамá было бы для меня губительно»².

Из Записок Владимира Григорьевича Черткова

(Продолжение)

3 ноября

«Однажды, при окончании этих операций (укладывание Толстого в постель после его вставания и укрывание ног больного. — В. Р.), в которых принимали участие два врача и я, Л. Н., лежа на спине и быстро переводя дыхание от совершенных усилий, слабым, жалостливым голосом произнес:

¹ УЛТ. С. 108, 109.

² Там же. С. 581.

“А мужики-то, мужики, как умирают!” — и прослезился. Когда доктора вышли из комнаты, я его спросил: “Что Л.Н., это вы, верно, вспомнили тех больных и умиравших крестьян, которых вы недавно навещали в деревнях?” (Я разумел сцены, описанные им в его очерках “Три дня в деревне”). — **“Да, да, — ответил он сквозь слезы, — так, видно, мне в грехах и придется умереть”**. — “Нет, Лев Николаевич, — возразил я, — теперь уже это — не грех, а любовь, вас окружающая. А вы сделали все, что могли, чтобы уйти от греха”.

Очень характерно и трогательно было это не покидавшее его до последних внешних проблесков сознания чувство беспокойства, угрызений совести и стыда перед теми материальными преимуществами и удобствами, которыми он пользовался и которых, как он никогда не забывал, были лишены все те миллионы рабочих масс, трудами которых эта роскошь добывается»¹.

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
(Продолжение)
3 ноября**

«Сегодня сказал Александре Львовне:

— Телеграфируй сыновьям, чтобы удержали мамá от приезда, потому что чувствую, что сердце мое так слабо, что свидание будет губительно, хотя здоровье лучше

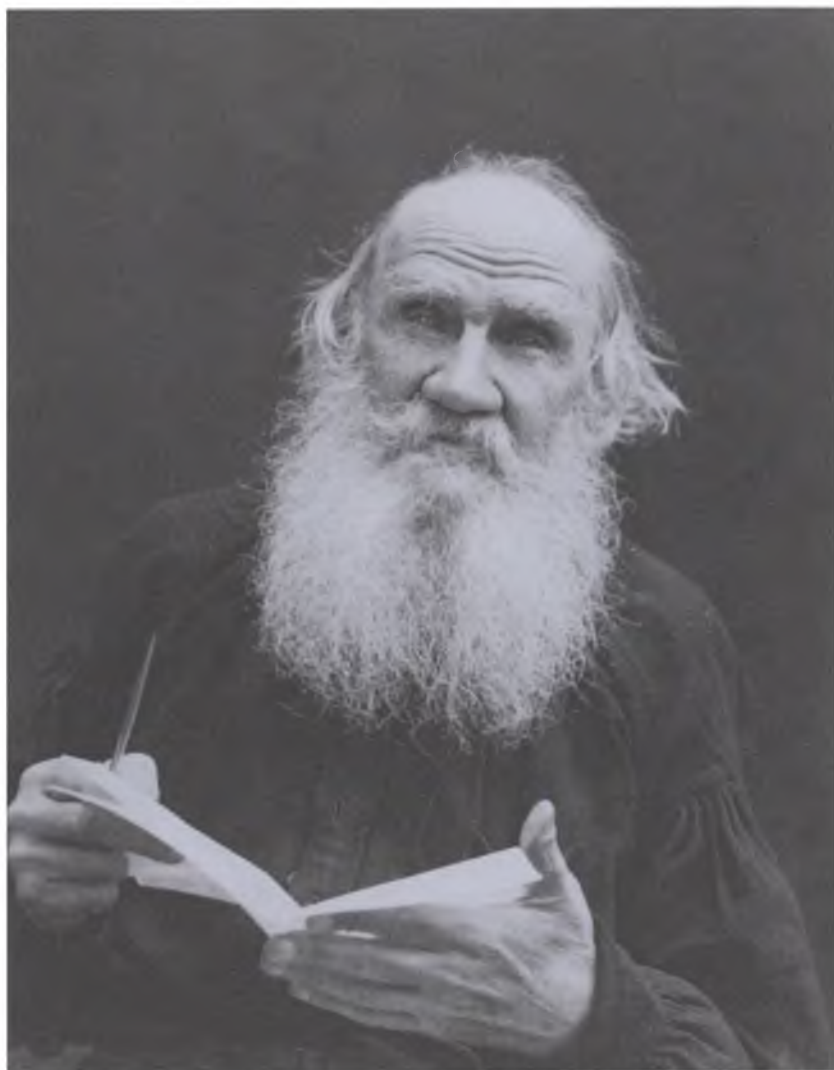
Сегодня входила к Л.Н. Татьяна Львовна. [...] Л.Н. был Татьяне Львовне так же рад, как и Сергею Львовичу. Л.Н. говорил Александре Львовне:

— Сережа-то каков! Как он меня нашел? Я очень ему рад, он мне приятен. Он мне руку поцеловал.

И Л.Н. всхлипнул.

Татьяна Львовна провела у него всего около шести — семи минут.

¹ УЛТ. С. 109.

Л. Н. Толстой. Кочеты. 1910.
Фотография В. Г. Черткова

Л. Н. Толстой записывает просьбы крестьян из голодающих деревень.
Дер. Бегичевка Рязанской губ. 1892.
Фотография Йонаса Стадлинга

Л. Н. Толстой и его помощники составляют списки голодающих крестьян, нуждающихся в помощи. 1892. Дер. Бегичевка Рязанской губ., находящаяся рядом с Астаповом.

Фотография П. Ф. Самарина.

Слева направо: П. И. Бирюков, Г. И. и П. И. Раевские, Л. Н. Толстой, И. И. Раевский (сын), А. М. Новиков (учитель сыновей Толстых), А. В. Цингер и Т. Л. Толстая

Сегодня приехал и Илья Львович. Так что съехались все дети, кроме Льва Львовича, который в Париже.

Все они единомышленны в том, чтобы убедить Софью Андреевну, что нельзя ей теперь к Л.Н. Она сама этого настойчиво не требует, пытается, как говорит, только заглянуть, ничего не сказать, не говорить с ним. Но все окружающие отговаривают ее от этого.

Илья, Андрей, Михаил самоотверженно отказываются войти к отцу, не желая тревожить его. Так и не говорили с ним. Когда дремал, входили в дверь посмотреть на отца. Л.Н. не знал, что они здесь.

Сиделки нет. Озолины сегодня покинули квартиру, предоставив всю нам.

Сегодня (и в следующий день) входили к Софье Андреевне в вагон пять корреспондентов. Она в возбужденном состоянии говорила им — и они строчили, что Л.Н. ушел ради рекламы (оправдывала себя)¹.

Из записок Владимира Григорьевича Черткова

(Продолжение)

3 ноября

«Я успел прочесть ему четыре письма и записать на их конвертах его ответы или отзывы на каждое из них. Письма эти — последние, обращенные к нему, с содержанием которых ему довелось ознакомиться.

Одно письмо было от друга его, крестьянина Михаила Петровича Новикова, недавно его посетившего и которому Л.Н. писал, спрашивая, может ли он временно поселиться в его избе, если придется покинуть Ясную Поляну. Новиков весьма сердечно отвечал, что будет очень рад оказать Л. Н-чу у себя гостеприимство. Приведу следующую выдержку из его письма:

«[...] Жизнь Ваша на краю заката (по смыслу времени), но она дорога и мне, и всем родным Вам по духу людям, и все мы только и желаем одного: чтобы она длилась возможно

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 423, 424.

Изба М. П. Новикова в д. Боровково,
куда соби́рался в 1910 г. уйти Л. Н. Толстой

[illegible]

Фрагмент автографа письма М. П. Новикова Л. Н. Толстому.
29 октября 1910 г.

М.П. Новиков. 1930

дольше. А это возможно только в тех привычных Вам условиях, в которых Вы прожили 82 года. Как ни желал бы видеть Вас разгороженным, на свободе со всеми простыми людьми, но ради сохранения Вашей жизни в таком старом теле для дорогого для всех общения с Вами — не могу желать этого серьезно. Желая только, чтобы остаток Вашей здешней жизни не стеснялся бы внешними условиями для общения с любящими Вас, а для такого временного посещения Вами Ваших друзей на день, неделю, две, месяц, моя хата очень удобна. В ней есть светлая комната, которую все мои семейные с удовольствием уступят Вам и с любовью будут служить Вам”. [...]

На это письмо **Л.Н. попросил меня очень поблагодарить Новикова и сказать, что он, Л.Н., теперь уже уехал совсем в другую сторону.**

Второе письмо начиналось словами: “Высокопочитаемый Учитель!” В нем девушка рассказывает о своей взаимной любви с женатым человеком, у которого двое детей. “Порвать со всем этим у нас не хватает силы, — пишет она. — Хорошо, если кончится тем, что я сама уйду от противного мне мира сего”. Л.Н. прервал чтение этого письма словами: **“Можно не читать. Что же тут можно отвечать?!”**

Третье письмо было от человека с разбитой, как он пишет, личной жизнью и потерявшего “вкус к жизни”. Он старался доказать Л. Н-чу, что “религиозная жизнь масс тесно связана с церковным культом”, что “среди чад церкви... немало людей истинно-религиозных”, что “церковь волей-неволей не перестает вещать глаголы живота” и т.д. И рядом с этим он сознается в том, что “современная церковь, это — механическое соединение людей против их воли”, что “она грубо, безжалостно мучает и истязает душу всякого отзывчивого человека”, и что он, пишущий, “ни в чем так не разочаровался, как в церкви”. Прослушав до конца это письмо, Л.Н. заметил, что **можно не отвечать**. На мой вопрос, почему он не считает нужным ответить, он сказал: **“Да неопределенно: и церковь хороша, и церковь нехороша”.**

Четвертое письмо с приложением 10 семикопеечных марок, было от **“глубокого почитателя”**, обращавшегося к **“Великому мыслителю”** с **просьбой снабдить автографом посылаемую одновременно фотографию**. Фотография эта еще не была получена, и письмо мы отложили в разряд **“просьб об автографе”**, которые Л. Н. имел обыкновение удовлетворять разом, когда накопится некоторое количество.

Душан Петрович попросил меня не слишком долго **занимать внимание Л. Н-ча чтением корреспонденции**, и я понемногу свел на нет это занятие, не дочитав всех привезенных с собой писем»¹.

**Из книги Александра Борисовича Гольденвейзера
«Вблизи Толстого»**

3 ноября

«Перед вечером мы с Иваном Ивановичем написали домой письма и пошли на станцию, чтобы опустить их в ящик. Проходя мимо домика, мы поговорили со стоявшими там Татьяной Львовной и Михаилом Львовичем и пошли все вместе к станции. У станции нас догнал кто-то и сказал, что Л. Н. узнал о нашем приезде и хочет нас видеть. Мы побежали назад.

В домике из сеней направо вход в кухню, прямо — заглушенная стеклянная дверь в комнату, где лежит Л. Н.; из кухни дверь в комнату, обращенную в столовую и вообще общую, где сходятся ухаживающие за Л. Н. родные и близкие. Из этой комнаты прямо вход в одну из двух комнат Л. Н. В первую его переводят иногда, когда ту нужно прибрать. Большей частью он во второй, налево от этой.

Придя в дом, мы сняли верхнее платье, обогрелись. Домик тесный, довольно грязный, насекомые... Впрочем, комната, где лежит Л. Н., чище и довольно просторная.

Меня позвали первым. Полутемно... Лицо Л. Н. я сначала с трудом разглядел. Я подошел, нагнулся и поцеловал его большую, еще сильную, такую мне знакомую руку... **Л. Н. молчал.**

¹ УЛТ. С. 111–112.

А. Б. Гольденвейзер. 1909–1910 гг. Москва.
Фотография Э. С. Бенделя

А. Б. Гольденвейзер играет на рояле в зале яснополянского дома.
Фрагмент фотографии

Видимо, волновался. Потом слабым, еле слышным голосом, прерываясь, спросил:

— **Как вы приехали?**

— Я узнал, что вы захворали, и приехал.

— **Как узнали?**

— Из газет. Про вас, Л. Н., все пишут. Я с Дмитрием Васильевичем вместе приехал. — **А! Я не знал.**

Помолчали.

— **Зачем вы концерт свой бросили?** (У меня на 4 ноября был назначен в Москве концерт, который я, уезжая в Астапово, отменил. Л. Н. об этом кто-то рассказал.)

— К вам, Л. Н., приехал.

— **Когда мужик землю пашет, а у него отец умирает... он не бросит свою землю. Для вас ваш концерт — это ваша земля: вы должны ее пахать... А когда концерт?**

— Завтра.

— **Ну, теперь, значит, сожгли корабли.**

Л. Н. помолчал, а потом тихо сквозь слезы прошептал:

— **Спасибо вам... за любовь...**

Л. Н. позвал Варвару Михайловну, попросил у нее вина. Я сказал:

— Я пойду, а то вы устанете.

— **Нет, оставайтесь... Может быть...**

Л. Н. замолчал. Я понял его недоговоренную мысль...

Вошел Дмитрий Васильевич. Л. Н. сказал ему про меня:

— **Вы на него не сердитесь.**

— Нет, я знаю, что Александр Борисович не станет вас утомлять.

Л. Н. отдал Дмитрию Васильевичу стаканчик с остатком вина и сказал:

— **Она мне слишком много дала.**

Дмитрий Васильевич вышел.

Мы остались вдвоем. Л. Н. сказал мне:

— **Давно уже я так не хворал. Верно, это настоящее...**

— Кто знает это, Л. Н.?

Л. Н. опять помолчал, а потом взволнованно сказал:

— Я боюсь, как бы Софья Андреевна по слабости своей не приехала... Я только на одно надеюсь, что дети ее от этого удержат...

Я встал. Л. Н. спросил меня:

— Вы читали “Круг чтения” на 28 октября?

— Нет.

— Вы возьмите, прочтите там... (Изречения, напечатанные в “Круге чтения” на 28 октября (день ухода Л. Н. из Ясной), удивительно подходят к тому, что было им пережито. Еще удивительнее совпадение мыслей 7 ноября, посвященных смерти).

Я еще раз поцеловал его руку и, с трудом удерживая слезы, вышел. Я был уверен, что это наша последняя беседа...

Иван Иванович пошел к Л. Н. вслед за мною и вскоре вышел весь в слезах. Вскоре после нашего ухода Л. Н. впал в очень возбужденное, почти бредовое состояние: он звал по очереди Александру Львовну, Варвару Михайловну, Черток-ва, Никитина и всех просил, чтобы послали Софье Андреевне телеграмму, чтобы она не приезжала; снова диктовал эту телеграмму. Ему все представлялось, что вдруг она войдет из застекленной двери в его комнату. Эта мысль преследовала его, как кошмар. Чтобы его немного успокоить, дверь завесили чем-то темным.

Всю ночь Л. Н. не спал. Чувствовал себя плохо. Страдал от мучительной изжоги. Температура 38°. Л. Н. часто бредил: все начинал диктовать какие-то бессвязные слова, просил, чтобы ему прочли продиктованное, сердился, что из этого ничего не выходит, говорил, что “*все это нужно переделать*”¹.

Из рассказа Елены Евгеньевны Горбуновой,
жены Ив. Ив. Горбунова-Посадова, о последнем
свидании ее мужа с Л. Н. Толстым
3 ноября

«Лев Николаевич лежал на спине. Сзади стояла ширма, загораживавшая его от окна. В полутьме ноябрьских сумерек

¹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Л. Н. Толстого. М., 2002. С. 616–618.

**И.И. Горбунов-Посадов, издатель «Посредника»,
единомышленник Л.Н. Толстого. Москва.
Фотография фирмы «Шерер, Набгольц и Ко»**

Ив. Ив. не мог видеть ясно лица Льва Николаевича, но ему казалось, что бесконечно дорогое ему лицо светилось в полумраке. Каждый звук слабого голоса Льва Николаевича так глубоко проникал в сердце.

— *Нас соединяет не только дело, но и любовь*, — сказал Лев Николаевич, и глубокая нежность была в его голосе.

— И все дело, которое мы работали с вами, Лев Николаевич, — сказал Ив. Ив., — все вытекало из любви. Бог даст, мы с вами еще повоюем для нее.

— *Вы — да*, — сказал Лев Николаевич. — *Я — нет*.

Лев Николаевич со всегдашней его лаской спросил Ив. Ивановича о всей нашей семье. А потом говорил о набравшихся в “Посреднике” его книжечках — главах из “Пути жизни”, последнего его большого труда самого последнего времени, печатанием которого он особенно дорожил. Ив. Ив. сообщил Льву Николаевичу, что привез с собой последние корректуры двух глав “Пути жизни”.

— *Я уж не могу. Сделайте сами*, — сказал Лев Николаевич.

Потом он спросил о движении других книжек, о появлении которых он очень заботился. **Это была та серия книжек о величайших религиозных учениях**, программу которых он много обсуждал с Ив. Ивановичем в последние годы и к составлению которых он с особенным вниманием и любовью прилагал свою руку. **Самим Львом Николаевичем была составлена для этой серии книжка об учении Лао-Цзы**. Предполагался целый дальнейший ряд таких книжек. О каждой из этих книжек Лев Николаевич особенно заботился. **Теперь с любовью говорил он о них в последний раз с моим мужем**.

Беседа Льва Николаевича с Ив. Ивановичем продолжалась еще несколько минут. Лев Николаевич слабеющим голосом говорил о ставшей ему, видимо, особенно дорогой мысли о том, что **надо не столько бороться со злом в людях, сколько стараться всеми силами уяснить им истину — уяснить благо людям, творящим зло**. Он говорил этим как бы последний завет Ив. Ивановичу.

Книги, изданные в издательстве «Посредник»

Но вот плеча мужа коснулась рука Алекс. Льв., говорившая, что надо кончать»¹.

Из книги
Александры Львовны Толстой
«Отец»
3 ноября

«Третьего приехал д-р Никитин. Приехали Горбунов и Гольденвейзер, и отец пожелал видеть их. **С Горбуновым он долго обсуждал издание своих книжек “Путь жизни”.** [...]

Отец был далек от мысли, что весть о его болезни облетела не только всю Россию, но и весь мир, и что вся семья в Астапове. Целая армия фотографов жила на ст. Астапово, ловя каждое слово, вылетавшее из домика начальника станции. Врачи ежедневно выпускали короткие бюллетени о ходе болезни. Телеграф работал безостановочно. **Станция Астапово, затерянная в глуши Рязанской губернии, превратилась в центр, на котором сосредоточилось внимание всего цивилизованного мира.**

Но тогда это все проходило мимо нас, людей, которые день и ночь следили за биением сердца, дыханием, температурой, за каждым словом отца. [...]

Отчаяние сменялось надеждой. Мы радовались низкой температуре, приходили в отчаяние, когда она повышалась. С одного легкого воспаления перекинулось на другое. Сердце работало плохо, и низкая температура только указывала на слабую сопротивляемость организма, дыхание учащалось, пульс неровный, с перебоями.

Выписали кислород, Сергей послал телеграмму в Москву, чтобы выслали удобную кровать, было установлено постоянное дежурство одного из нас и врача у постели больного.

“А мужики-то, мужики как умирают”, — со вздохом сказал отец, когда ему поправляли подушки»².

¹ Цит. по: Бирюков П. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 638.

² Толстая А. Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. С. 476.

«Война и мир»

Уход. «Мы все братья у одного Царя»

«Анна Каренина»

3 ноября. 6 часов 40 минут вечера
Телеграмма А.Л. Толстой А.М. Хирьякову

[«**Бюллетень.**

Воспаление нижней доли левого легкого, распространенный бронхит. Температура вчера вечером 39,1, ночью пот, сегодня утром 36,7, вечером четыре дня 37,3. Значительное ослабление сердечной деятельности, пульс частый, с переборами. Печень увеличена, болезненна, аппетита нет. Врачи Никитин, Маковицкий. Полное сознание, интересуется всем, душевно бодрее, чем вчера»^{1]}

3 ноября. 8 часов 15 минут вечера

[ТЕЛЕГРАММА ЖАНДАРМСКОГО УНТЕР-ОФИЦЕРА НА СТАНЦИИ АСТАПОВО ФИЛИППОВА РОТМИСТРУ М.Н. САВИЦКОМУ:

«ПРИБЫЛИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ “УТРО”, “РУССКОЕ СЛОВО”, “ВЕДОМОСТИ”, “РЕЧЬ”, “ГОЛОС МОСКВЫ”, “НОВОЕ ВРЕМЯ” И “ПЕТЕРБУРГСКОЕ ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО”. ЗАВТРА ПОЕЗДОМ 11 ЕДЕТ АСТАПОВО РЯЗАНСКИЙ ГУБЕРНАТОР»^{2]}

**4 ноября
АСТАПОВО**

В АСТАПОВО ВМЕСТЕ С ОТЦОМ ВАРСОНОФИЕМ

Из воспоминаний племянницы Льва Николаевича Толстого Елизаветы Валериановны Оболенской

«Утром 4 ноября я выехала из монастыря в Астапово.

Приехавши в Козельск на вокзал, я увидела там двух наших монахинь. На мой вопрос, что они тут делают, они сказали, что о. Иосиф едет в Астапово и что они его встречают. Действительно к вокзалу подъехала карета, но из нее вышел не о. Иосиф, а о. Варсонофий, игумен Оптинского

¹ Гусев Н. Н. Указ. соч. С. 832, 833.

² Там же. С. 833.

монастыря. Иосиф был стар, хвор, и вся братия, которая очень любила его, упросила его не ехать, боясь за его здоровье. **Монахини, увидав Варсонофия, были разочарованы;** они познакомили меня с ним, сказали, кто я, куда и зачем еду. Мы сели в один вагон. Еще не очень старый, красивой, представительной наружности, он мне не понравился, я не нашла в нем ничего духовного. Должно быть, желая щегольнуть передо мной своим светским образованием, **он заговорил о литературе, о Пушкине, Лермонтове и т.д.** Я не поддерживала разговора, мне было скучно, и мысли мои были не тем заняты. Но, подъезжая к Астапову, он, видимо, начал волноваться, стал расспрашивать про семью, сказал, что **едет в надежде быть принятым Львом Николаевичем, чтобы напутствовать его перед смертью, и просил меня оказать ему содействие.** Я ответила, что там жена и дети, а что я тут ничего не могу. Выйдя из вагона, я потеряла его в толпе и уже больше не видала его, чему, признаюсь, была рада. После я узнала, что он не был, конечно, допущен до Льва Николаевича, кажется, не видел и Александры Львовны, а только кого-то из сыновей»¹.

**Из ежедневника
Софьи Андреевны Толстой**

«4 ноября. Льву Ник. все хуже, томлюсь вокруг домика, где лежит Л. Н. Живем в вагонах»².

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
4 ноября**

«До 4 часов ночи Л. не спал. Изредка кашляет, ничего не отхаркивает. До 4 часов дежурил Никитин. **В 4 часа утра температура 38,3. Бред.**

¹ Оболенская Е. В. Указ. соч.

² Т. 2. С. 327.

С. А. Толстая смотрит в окно комнаты,
где лежит больной Лев Николаевич. 3–6 ноября 1910 г.
Кадр из кинохроники

В 5.30 очень беспокоен. Раскрывался и накрывался, “обирался”. **“Боже, избави меня”**, — говорил. Стонал. Выпил нарзану с мадерой.

Л.Н. стал (в бреду) решительно, отчетливо, громко диктовать (говорить): **“84, 85, 134, 135, 73, 74, 75, ну...”** и **“обирался”**... Я подал питье. Л.Н., беспокойно водя рукой, толкнул стакан, облился.

— **Это что?** — немного затих.

Потом снова начал громко диктовать и сердиться:

— **Отчего вы не делаете четвертое, пятое? Поставьте четвертое, пятое. Не понимаю, что вы делаете, поставьте четвертое, пятое. Ах, боже мой!**

Опять, водя левой рукой, отчетливо:

— **Отчего вы не пишете? Не думайте, что я глуп.**

При этом Л.Н. не находил себе места, лежал со скрюченными коленями, поворачивался с боку на бок, приподымаясь очень высоко, даже присел. Казалось, что движения эти делал очень легко.

Я позвал Сергеенко. Он догадался, что **“четвертое, пятое”** — это о том, что с 4-го на 5-е должно в газетах появиться письмо о том, что никто не имеет права продавать его сочинения.

Сергеенко сказал Л. Н-чу.

— Четвертое, пятое поставлено, — и стал читать вслух, не помню, какие, записанные слова Л.Н. Когда остановился, Л.Н. сказал: **“Потом, потом”**. Сергеенко опять прочел снова: “Поступило 4-го, 5-го и т.д.”, и, когда остановился, Л.Н.: **“Так оставьте”**, — и успокоился. Охотно пил нарзан. Поспал четверть часа спокойно.

В 6.30 утра опять начал одеяло снимать с груди и живота и опять натягивать его. Стонал, слабо бредил. Температура с 36,7 к 4-му часу утра поднялась до 38,3, а в 6.40 температура — 38, пульс около 100, перебоев меньше вчерашнего.

В 7 часов стал рукой писать по одеялу и произносить отдельные слова. Кашляет, не откашливая ничего. Как вчера, и сегодня икота. Она мучила его, чем дальше, тем больше [...]

икота, хотя, как **Л.Н. сказал, что она не мучительна, вредна Л.Н. была тем, что не давала ему спать.**

Позже, в 9 часов, температура — 38,1, пульс — 140.

С 7 до 9 был беспокоен, поворачивался, садился, места себе не находил. Пить не хотел. Разбудили Александру Львовну. Она ему подала пить — пил.

**Беспокойство все сильнее. Л.Н. открывался, снимал с себя оде-
яло. Рукой водил по воздуху, как если бы хотел что-то достать.**

В 9.40 температура — 38,1, дыхание — 33, пульс — 140, очень частый. Strophanti шесть капель.

В 10 часов сняли компресс. Никитин выслушал: сердце, как вчера, расширено, воспаление в левом легком не пошло дальше. В правом боку ниже лопатки какие-то посторонние шумы. Язык сух и мал. Слабость сильнее. Общее состояние более тяжелое, чем вчера. Не следовало давать шампанского из-за возбуждения сердца.

Попросил, чтобы его не будили, что хочет **“лежать”** (не находил точных выражений). Заснул и спал с полчаса более или менее спокойно. Изредка стонал. Владимир Григорьевич стоял возле.

В 10.30 Л.Н. вдруг сел, просил: “Пить!” Я подал воды с вином, оттолкнул. И **“пить, пить”** (опять не находя точного выражения)... После спокойно заснул. Верно, полегчало ему, так как после спал спокойно.

В 11.15 injectio coffeini (впрыскивание кофеина. — В.Р.).

Около 12-ти меняли компресс (Л.Н. охотно подчиняется).

Пульс держится около 100 (раз был недолгое время 140), перебоев меньше, чем вчера. Около полудня подали свежий компресс. После — **injectio camphorae** (впрыскивание камфоры. — В.Р.). Потом **пил по полстаканчику нарзана** с шампанским и миндальное молоко.

В 1-м часу попросил: “Не будите меня, хочу лежать”.

В 3.45 просил чего-то. Владимир Григорьевич спросил: “Чаю?” — **“Да”.** Подали с миндальным молоком, выпил 80 гр., полчашки — на восемь глотков, очень устал от питья. **Но вскоре “свободно” приподнялся, очевидно, сил у Л.Н. много.**

Александра Львовна его умыла. Разговаривал с ней. Выйдя, сказала:

— Он, как ребенок маленький совсем.

С 4 часов охает, в забыты. Пульс — 120, температура — 38,3.

Дмитрий Васильевич впрыснул камфору три раза сегодня.

В 4.30 бредил числами: 424 и т.д., потом повторял в бреду: “Глупости, глупости”.

Александра Львовна подавала пить:

— *Не хочу. Не мешайте мне, не пихайте в меня.*

У Л.Н. были причины просить: “*Не будите меня*”, “*Не мешайте мне*”, так как, действительно, **мы, ходившие за ним, будили его, мешали ему** (чего не следовало делать: в такой болезни главное — покой). [...]

В 6.30 (вечер. — *В.Р.*) температура — 38,4, пульс — 110.

В 7 часов. digitalis.

В 7.30 пообмывали, пообтирали и подложили гутаперчевый круг. Четвертая injectio camphorae.

С 2 часов (дня. — *В.Р.*) Л.Н. не хотел ничего пить.

В 7.50 (вечер. — *В.Р.*) от икоты проглотил три чайные ложки сахарной воды, а немного спустя молока с коньяком. Очень устал.

К вечеру стал бредить. [...]

Л.Н. сегодня, когда не бредил и не дремал, был погружен в себя; размышлял, мало говорил, старался спокойно лежать и спокойно переносить мучившую его изжогу и икоту. Не звал никого и сам не разговаривал.

Но, когда говорил, думал о всех, был необыкновенно впечатлительный, легко слезился¹.

**Из «Очерков былого»
Сергея Львовича Толстого
4 ноября**

«4 ноября утром, когда у отца никого не было, кроме Черткова и меня, он сказал: “*Может быть, умираю, а может быть... буду стараться...*”

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 424–427.

Потом Чертков ушел, и я довольно долго оставался один с отцом.

В это время я невольно подслушал, как отец сознавал, что умирает. Он лежал с закрытыми глазами и изредка выговаривал отдельные слова из занимавших его мыслей, что он нередко делал, будучи здоров, когда думал о чем-нибудь, его волнующем. Он говорил: *“Плохо дело, плохо твое дело...”* И затем: *“Прекрасно, прекрасно”*. Потом он вдруг открыл глаза и, глядя вверх, громко сказал: *“Маша! Маша!”*

У меня дрожь пробежала по спине. Я понял, что он вспомнил смерть моей сестры Маши, которая была ему особенно близка (Маша умерла тоже от воспаления легких в ноябре 1906 года).

Вскоре после этого я ушел обедать и вернулся часов в пять.

Саша давала ему пить. Он говорил: *“Не хочу теперь, не мешайте мне”*. Он, вероятно, продолжал думать о смерти»¹.

Из записок
Владимира Григорьевича Черткова
4 ноября

«На следующий день, 4 ноября, Л. Н-чу придавал особенно болезненное выражение вид его запекшихся и побелевших губ. В последующие дни, однако, этого уже не было. Но, вообще, с каждым днем щеки его худели, губы становились тоньше и бледнее, и все лицо его принимало более и более измученный вид, свидетельствовавший о тех физических страданиях, которые ему приходилось переносить. В особенности это страдальческое выражение заметно было около губ и рта [...] Других признаков физических мук он почти не проявлял.

Стоны и громкие вздохи, сопровождавшие по целым часам каждое его дыхание, каждую икоту, были так равномерны

¹ УЛТ. С. 41.

Маша, дочь Л. Н. Толстого, умершая в 1906 г.
Рисунок И. Е. Репина. 1891

Мария Львовна Оболенская, дочь Л.Н. Толстого.
26–30 июля 1906 г. Ясная Поляна.
Фотография В.Г. Черткова

Л. Н. Толстой с дочерью Марией Львовной в Ясной Поляне. 1906.
Фотография В. Г. Черткова

и однообразны, что **не производили впечатления особенно острого страдания**. Когда при этом его раз или два спросили, **очень ли он страдает, он отвечал отрицательно**.

Только несколько раз в течение всей болезни появлялись у него приступы особенно тяжких страданий. [...] Он, очевидно, сознавал, что терпеливое, безропотное перенесение усиливавшихся физических мук представляло в данную минуту его ближайшую задачу. И судя по тому, как он держал себя, к выполнению этой задачи он относился с той же добросовестной и выдержанной настойчивостью, с какою всю жизнь привык делать то, что считал должным.

Утром этого дня, очнувшись от забытья и узнав меня, он, видимо, очень страдая, сказал мне как-то особенно мягко и добро: **“Я, кажется, умираю. А может быть, и нет. Надо еще постараться немножко”**, — и прослезился. А накануне смерти, когда ему было особенно тяжело, он, очевидно, желая исполнить должное, сказал мне: **“Не понимаю, что мне делать”**.

В эти дни, лежа молча на спине, Л.Н. часто и подолгу шевелил пальцами правой руки, двигая кистью по одеялу, воображая, что, **по своему писательскому обыкновению, заносит на бумагу ту работу мысли, которая в это время происходила в его сознании**. [...]

Увидав перед собой стол с необычными для него предметами, Л.Н. стал меня расспрашивать про отдельные бутылочки и т.п. **“Что это такое?”** — спросил он, указывая на привлекательного вида розовую бутылочку. Я поднял ее и прочел: Eau dentifrice (вода для зубов. — В.Р.). **“А у меня dents (зубов. — В.Р.) совсем нет”**, — заметил он игриво. **“А это что?”** — “Это — прованское масло, присланное вам Галей по просьбе Ал. Л-ны”. — **“А для чего оно?”** — “Бывает полезно при клизмах и в других случаях”. — **“Ага!”**

В этот день у больного уже заметно было по временам несколько бредовое состояние и — в очень впрочем незначительной степени, то бессознательное раздражение, которое так часто бывает у больных от переутомления. [...]

Л.Н. **раза три** с промежутками **прошептал**: **“Трудно”**. Затем сказал очень решительно: **“Ничего не понимаю... Где шесть приняли?”** Последние слова: **“Где шесть приняли?”** — он повторил много раз, особенно старательно подчеркивая слово **“шесть”**, которое он произносил как-то неестественно и значение которого мы с Душаном никак не могли понять. Наконец, мне в голову пришло, не **часы ли свои он хочет**. Я поднес их к его руке, он взял их и успокоился, удовлетворенный.

...Немного погодя, глядя перед собой на постель, Л.Н. спросил Душана: **“Что это?”** Душан ответил: **“Это — одеяло, Л.Н.”** — **“А дальше что?”** — **“Кровать”**. — **“Ну, вот, теперь хорошо”**, — заключил Л.Н. с облегченным видом.

Л.Н. руками часто брался за одеяло, комкая его, и проводил пальцами по голой груди, как будто желая ее зацепить. Эти признаки, которые принято считать предсмертными, тревожили некоторых из нас. [...]

Вообще, что касается меня, то я надеялся почти до самого конца. Я вспоминал поразительную живучесть организма Л. Н-ча, уже столько раз вывозившую его тогда, когда окружавшие его теряли всякую надежду. [...]

А главное — все мое существо было, вероятно, слишком проникнуто необходимостью, как мне представлялось, его жизни, — продолжения деятельности среди нас его сознания, переполненного, как я знал, такими чудными замыслами художественного творчества и других задуманных работ, — для того, чтобы я мог допустить мысль, что эта болезнь его — смертельная.

В одном только я тогда не отдавал себе отчета, — в том, что его физическая живучесть была уже в корне подкошена теми невероятными душевными страданиями, которым он подвергался в течение последних месяцев своей жизни в Ясной Поляне. [...] А потому, приехав к нему в Астапово, я еще не знал, до какой степени его сердце, нервы и весь организм были уже переутомлены и в конец истощены душевными волнениями и страданиями, которые ему пришлось

Художник В. И. Россинский.
В. Г. Чертков у постели Толстого

перенести еще до своего ухода из Ясной Поляны. Я не знал еще, что, **раньше, чем уйти оттуда, он уже без остатка “положил душу свою” в своем великом подвиге любви и самоотречения** и что у него просто уже не оставалось сил для дальнейшей жизни»¹.

Из воспоминаний Александры Львовны Толстой

«Утро 4 ноября также было очень тревожное. Отец что-то говорил, чего окружающие никак не могли понять, громко стонал, охал, прося понять его мысль, помочь ему... И мне казалось, что мы не понимаем его мыслей не потому, что они бессмысленны — я ясно видела по его серьезному, одухотворенному лицу, что для него они имеют глубокий, важный смысл, а **что мы не можем понять их потому, что он уже был не в силах передать их на нашем, нам понятном языке.**

Но минутами он говорил ясно и твердо. Так, Вл. Григорьевичу он сказал:

— Кажется, умираю, а может быть, и нет.

Потом сказал что-то невнятное, и дальше:

— А впрочем, надо еще постараться немножко.

Днем проветривали спальню и вынести отца в другую комнату. Когда его снова внесли в спальню, он пристально посмотрел на стеклянную дверь, которая была против его кровати, и спросил у дежурившей около него Вари, куда ведет эта стеклянная дверь. Варя ответила, что в коридорчик. Он спросил:

— А что за коридором?

Она сказала, что сенцы и крыльцо. Я в это время входила в комнату.

— А что, эта дверь заперта? — спросил отец, обратившись ко мне.

Я сказала, что заперта.

¹ УЛТ. С. 112–114.

— **Странно, я ясно видел, что из-за этой двери на меня смотрели два женских лица.**

Мы сказали, что этого не может быть, так как из коридора в сенцы дверь тоже заперта.

Но видно было, что он не успокоился и продолжал с тревогой смотреть на стеклянную дверь. **Мы с Варей взяли плед и завесили ее.**

— **Ах, вот теперь хорошо,** — с облегчением сказал отец, повернулся к стене и на время затих.

Появился еще новый зловещий признак. Отец не переставая перебирал пальцами. Он брал руками один край одеяла и перебирал его пальцами до другого края и обратно, и так без конца. Это ужасно встревожило меня. **Я вспомнила, что у моей сестры Маши за два дня до кончины появилось это движение пальцев.**

Временами он лежал совершенно неподвижно, молчал, даже не стонал и смотрел перед собой. В этом взгляде его было что-то для меня новое, далекое, мне непонятное. “Конец” — мелькало у меня в голове.

Временами же он старался что-то досказать, выразить какую-то свою неотвязчивую мысль, которая как будто не давала ему покоя. Он начинал говорить, но **чувствовал, что говорит не то, громко стонал и охал.**

— **Ты не думай,** — сказала я ему.

— **АХ, КАК НЕ ДУМАТЬ, НАДО, НАДО ДУМАТЬ.**

И он снова старался сказать что-то, метался и, по-видимому, очень страдал. **К вечеру снова начался бред, и отец снова просил, умолял нас понять его мысль, помочь...**

— **Саша, пойдй посмотри, чем это кончится,** — говорил он мне.

Я старалась отвлечь его.

— **Может быть, ты хочешь пить?**

— **Ах, нет, нет... Как не понять, это так просто.**

— И снова, и снова он просил нас:

— **Подойдите сюда, чего вы боитесь, не хотите мне помочь, я всех прошу...**

Чего бы я не дала, чтобы понять, помочь. Но сколько я ни напрягала свой ум, **я не могла понять, чего он хотел, не могла помочь.**

Он продолжал говорить что-то непонятное нам:

— **Искать, все время искать...**

В комнату вошла Варя.

Отец привстал на кровати, протянул руки и громким радостным голосом, глядя в упор на Варю, вскрикнул:

— **Маша, Маша!**

Он как будто ее искал, ее ждал.

Варя выскочила из комнаты испуганная, потрясенная.

Вечером отцу стало легче, и он заснул»¹.

4 ноября. 4 часа 30 минут дня

[Бюллетень.

«Ночь плохо спал. Утром температура — 38,1, четыре часа дня — 38,3. Пульс — 100 и 120 с частыми перебоями; дыхание от 32 до 36; аппетита нет; днем сонливость. Маковицкий, Никитин»²]

5 ноября АСТАПОВО

Из воспоминаний Александры Львовны Толстой

«Ночь с 4 на 5 ноября была снова очень тревожная. Я не отходила от отца. Он все время метался, стонал, охал. Снова просил меня записывать, я брала карандаш и бумагу, но записывать было нечего, а он просил прочитать продиктованное.

— Прочти, что я написал, прочти, что я написал. Что же вы молчите? Что я написал, — повторял он, возбуждаясь все более и более.

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 641, 642.

² Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 834.

Все это время мы старались дежурить по двое, но тут случилось как-то так, что я осталась одна у постели отца. Казалось, он задремал. Но вдруг он сильным движением привстал на подушках и стал спускать ноги с постели.

— Что тебе, папаша?

— **Пусти, пусти меня, — он сделал движение, чтобы сойти с кровати.**

Я знала, что если он встанет, я не смогу удержать его, он упадет, и я всячески старалась успокоить и удержать его на кровати. Но он из всех сил рвался от меня и говорил:

— **Пусти, ты не смеешь меня держать, пусти!**

Видя, что я не могу справиться с отцом, так как мои увещания и просьбы не действовали, а силой у меня не хватало духу его удерживать, я стала кричать:

— **Доктор, доктор, скорее сюда!**

Кажется, в это время дежурил доктор Семеновский. Он вошел вместе с Варей, и нам удалось успокоить отца и удержать его на кровати.

Видно было, что отец ужасно страдал, и я страдала вместе с ним, не будучи в силах помочь ему»¹.

Из записок Владимира Григорьевича Черткова

«**5 ноября, в 2½ часа ночи**, А.Л. меня разбудила словами: “Папá нехорошо”. Я вскочил и, надевая куртку и туфли, слышал, как из третьей от меня комнаты, где находился Л.Н., доносился его громкий и возбужденный голос. Пospешив к нему, я застал его сидящим поперек кровати. Когда я подошел к нему, **он сказал мне, что хочет диктовать**. Я вынул свою записную книжку. Он приготовился было излагать свои мысли, но сначала попросил меня прочесть то, что́ уже было им продиктовано. Я объяснил ему, что только что вошел и ничего еще не успел записать. Тогда Л.Н. попросил меня прочесть у доктора Семеновского, что́ тот записал. Последний же, сидевший около кровати, посмотрел на меня

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 642.

многозначительно и повернул в мою сторону свою записную книжку, чтобы показать, что у него ничего не записано. **Тут только я понял, что Л. Н. находится в бреду.** Он стал более настойчиво требовать, чтобы я прочел написанное у Семеновского. Сам же Семеновский в это время встал и осторожно вышел из комнаты.

Л. Н. “Ну, прочтите же, пожалуйста”.

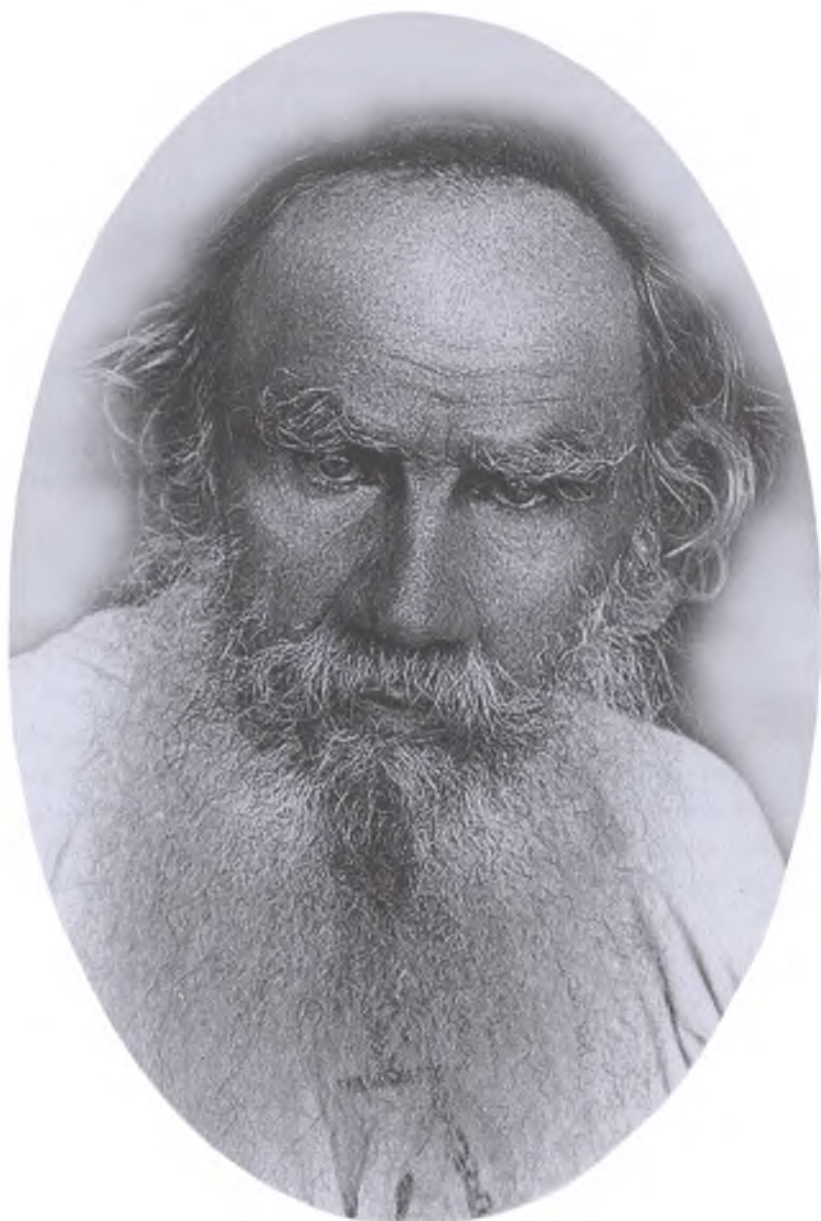
Я. “Он, Л. Н., ничего у себя не записал. Скажите мне, что вы хотите записать”.

Л. Н. (Еще более настойчиво) “Да нет, прочтите же. Отчего вы не хотите прочесть?”

Я. “Да ничего не записано”.

Л. Н. (С укором) “Ах, как странно. Вот ведь, милый человек, а не хотите прочесть!”

Тяжелая сцена эта продолжалась довольно долго, пока Ал. Л-на не посоветовала мне прочесть что-нибудь из лежавшей около меня на столе книги. **Оказалось, что это был “Круг чтения”,** который Л. Н. всегда держал при себе, никогда не упуская прочесть из него ежедневную главку. **Я нашел относящееся до 5 ноября. Лишь только я стал читать, Л. Н. совершенно притих и весь обратился во внимание,** от времени до времени **прося меня повторить какое-нибудь не вполне слышанное им слово.** И во все время чтения он ни разу не пытался прервать меня для того, чтобы диктовать свое. **“А это чья?”** — спрашивал он несколько раз про мысли в “Круге чтения”. Но когда я после некоторого времени, предполагая, что он устал, остановился, то он, обождав немного для того, чтобы убедиться в том, что я продолжать не намерен, сказал: **“Ну, так вот...”** — и собирался возобновить свое диктование. Боясь повторения его возбуждения, я поспешил продолжать чтение, причем он тотчас же опять покорно принялся слушать. Это самое повторилось и еще раз. А когда я, спустя продолжительное время, стал понемногу понижать свой голос и, наконец, совсем прекратил чтение, то он, должно быть, утомленный, произнес уже удовлетворенный: **“Ну, вот”,** — и совсем притих.

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 1908.
Фрагмент фотографии К. К. Буллы

Случай этот особенно ярко восстановил передо мною два **характерных свойства Л. Н-ча. Одно свойство — писательское:** его потребность делиться с людьми внутренней работой своего сознания, — потребность, до такой степени привычная и упорная, что даже во время тяжелой болезни, не будучи уже в состоянии сам писать, он стремился диктовать свои мысли. **А другое свойство — это замечательное его уважение и внимание к выражению чужой мысли.** До самого последнего периода своей жизни он чувствовал потребность посвящать много времени не только изложению для других своих собственных мыслей, но и ознакомлению себя с мыслями и внутренней жизнью других людей, у которых он всегда находил чему поучиться путем ли личной с ними беседы, или чтения их писаний. И этой никогда не покидавшей его способности воспринимать извне все хорошее и новое, не полагаясь исключительно на свою самостоятельную работу мысли, — так сказать, **впитывать в себя, как губка, все лучшее, до чего достигло человеческое сознание, претворяя приобретенное в свою плоть и кровь, — этой замечательной способности восприимчивости наряду с самобытной работой своего великого ума, Л. Н., я думаю, больше всего обязан тем отсутствием доктринерства и сектантства, той неотразимой общечеловечностью, которыми так отличается его жизнепонимание от большинства теорий других выдающихся мыслителей»¹.**

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
5 ноября**

«Ночью до 3 часов утра был плох.

Жар ночью был 37,7, к утру упал до 37,1, пульс — 100, и весь день до 6 часов вечера выше 37,0 не поднялся. Был очень возбужден, все бредил, метался в постели, то садился, то снова ложился, говорил невнятно. Сильная одышка (40–44), плохой, слабый пульс.

¹ УЛТ. С. 114, 115.

Ночью два впрыскивания 2-процентной камфары. При выслушивании сердца опять расстройство ритма. Воспаление дальше не распространялось. Угнетенное и подавленное состояние.

Тем не менее сознание яснее, полнее, чем вчера было, восприимчивость к внешним впечатлениям не понижена. Икота утром через каждые 20 минут и продолжается пять минут, потом глубокий сон.

В 8 часу Л. Н. сел и так пил.

В продолжение некоторого времени еще несколько раз так садился, спустивши ноги с кровати; **раз просидел дольше часа.**

Голос свободнее и не устает говорить, хотя старается мало говорить. Глотает легче. **Пьет мало,** потому что у него икота, и предпочитает не пить.

Когда я ему предлагал, ответил: **“Оставьте, друг мой”.**

Почти на все предложения пищи отвечал отказом, съел всего три ложки смоленской каши и **просил его как можно меньше тревожить;** не позволил себя перекаладывать на другую постель; весь день икота. На изжогу не жаловался.

За день впрыснуто два шприца дигалена, три — камфары, один — кофеина. Температура вечером 37,4. Мокроту откашливал легко, жидкая, крови самые малые следы. Л. Н. стал нетерпелив.

В 10 часов дня пульс — 96, температура — 37,1, перебои 1–2.

В 10.15 injectio digaleni 0,01.

Л. Н. против инъекции: **“Нет!”**

Спокойно спит»¹.

Из ежедневника Софьи Андреевны Толстой

«5 ноября. Приехали еще Щуровский и Усов, надежды, по видимому, мало, терзаюсь совестью, ожиданием тяжелого исхода и невозможностью видеть любимого мужа»².

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 427, 428.

² Т. 2. С. 327.

Из письма Татьяны Львовны Сухотиной мужу
М. С. Сухотину

5 ноября 1910 г. Астапово

«НИКАКОГО НЕТ МУЧЕНИЯ»

«Сидела у него утром. Варя читала “Круг чтения”. Он все переживал, просил другое читать, видимо, мучился чем-то, чего он не умел выразить. Спрашивал: **“Кончено ли? Да как вы не можете понять? Почему вы не хотите сделать?”** Видимо, мучился и раздражался. Во второй мой приход мы с Душаном поили его сладкой водой от икоты. (Кроме Саши, он стал теперь и от меня принимать питье и еду, так что Душан за мной приходил несколько раз, чтобы предложить ему поесть и попить). Он сам то держал, то поддерживал стакан, и сам утирал усы и губы. Икота прошла на время. Потом мы с Сашей кормили его овсянкой: «Папенька, милый, открой рот. Вот так. Пошире». И он покорялся очень кротко. Узнал меня, поглядел на меня и сказал: **“Милая Танечка”**. Опять икал, но в этот раз сахарная вода не помогла. Я попозже предложила кофе. Сказала, чтобы он выпил, чтобы икота прошла. Он отвел мою руку и сказал: **“Le mieux est l'ennemi du bien”** (Лучшее — враг хорошего; франц. — В. Р.). Потом, когда я про себя сказала: «Какое мученье», — он услышал и сказал: **“Никакого нет мученья”**¹.

Из воспоминаний племянницы Льва Николаевича
Толстого Елизаветы Валериановны Оболенской

«На другое утро, 5 ноября, я пошла в дом начальника станции с твердым намерением проникнуть к больному. Меня впустили. В комнате, смежной с той, в которой он лежал, меня встретила Александра Львовна, Мы молча поцеловались. Я ничего не стала спрашивать: взволнованные лица, запах лекарств, шепот, бесшумная суета сказали мне достаточно. Ко мне вышел Чертков.

— Он говорил, что ему так хорошо было у вас в монастыре, — сказал он мне.

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 643.

М. С. Сухотин. Москва. 1896.
Фотография Д. М. Асикритова

Как отрадно было мне это слышать! Дверь в комнату Льва Николаевича была открыта. Я долго стояла и смотрела на него. Он лежал высоко на подушках, глаза были закрыты, он тяжело и громко дышал; спал ли он, был ли в забытье — я не знаю. Я уже видела его раньше в 1902 году почти умирающим в Крыму, но теперь в выражении этого строгого лица было что-то особенное. Мне хотелось, чтобы он открыл глаза и увидел меня; мое присутствие не могло испугать его; Астапово от Козельска в четырех часах езды, и так естественно было, что я приехала. Но я так и не дождалась. Он застонал, к нему подошли Душан и Чертков, что-то стали с ним делать, и я ушла»¹.

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
5 ноября**

«В 10 часу дня Л.Н. в полубреду настаивал, чтобы что-то **“делать дальше”**. Мы стали ему читать “Круг чтения”, сначала я, потом Варвара Михайловна, потом Татьяна Львовна, которую Л.Н. спрашивал, благодаря ее за что-то, и сказал: **“Милая Таня”**.

Прочли **три раза подряд** 5 ноября “Круга чтения”.

Когда перестали читать, Л.Н. сейчас же спросил:

— **Ну, что дальше? Что написано здесь? — настойчиво. — Что написано здесь? Только ищи это... Нет, сейчас от вас не добудешь ничего.**

Последнюю фразу говорит Л.Н. **почти плачущим голосом** и, повертывая голову, ложится.

— **Что нынче было?»**²

5 ноября. 12 часов дня

[Официальный бюллетень:

«Ночь почти не спал, часто впадал в забытье, бредил, под утро успокоился. Температура вечером 38,4, утром 37,1; пульс

¹ Оболенская Е. В. Указ. соч. С. 319.

² Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 428.

120 с частыми перебоями, дыхание 40. Местные явления в легком без перемены. Изжога и частая икота. Очень большая слабость, сознание ясно. Врачи: Никитин, Маковицкий, Семёновский, Беркенгейм»¹].

Из книги Александра Борисовича Гольденвейзера «Вблизи Толстого»

«5 ноября. С утра Л. Н. слаб, но ему скорее немного лучше, чем с вечера, и особенно ночью. Л. Н. всех узнает, разумно отвечает на нужные вопросы, но все-таки часто впадает в забытие.

Утром приехал из Москвы Г. М. Беркенгейм. **Он очень озабочен улучшением окружающей Л. Н. обстановки:** велел вынести лишние вещи, вычистить все кругом. Заставил по нескольку раз в день мыть полы во всем домике. Обратил внимание на то, чтобы Л. Н. хоть немного питался.

Л. Н. попил немного молока и съел ложечки три овсянки. Беркенгейм советовал даже дать Л. Н. бульону, но на это Александра Львовна и другие никто не согласился.

Григорий Моисеевич предложил Л. Н. кефиру.

Л. Н. необыкновенно трогателен. Нынче он часто в полубреду; в минуты ясного сознания он говорит только ласковые слова...

Подошел Душан Петрович. Л. Н. сказал ему:

— **Душан, милый Душан!**

Татьяне Львовне тоже сказал:

— **Танечка, милая...**

Когда приехал Беркенгейм и был около Л. Н. с другими докторами, Л. Н. ничего не сказал. Потом, когда его уложили в чистую постель, он спросил Александру Львовну:

— **С кем я не здоровался?**

— Ты со всеми здоровался, папа.

— **Нет, нет. Я с кем-то не здоровался. Кто здесь?**

Александра Львовна стала всех называть.

Когда дошла до Григория Моисеевича, Л. Н. сказал:

¹ Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 834.

— **Позови его.**

Григорий Моисеевич подошел. Л. Н. сказал ему:

— **Спасибо вам, милый Григорий Моисеевич.**

Григорий Моисеевич наклонился и поцеловал ему руку.

Л. Н. заплакал, а Беркенгейм выбежал вон из комнаты.

Физически Л. Н. сильно страдает. Доктора, боясь ответственности, **вызвали телеграммой из Москвы Усова и Щуровского**, которых ждут завтра. Сейчас при Л. Н. четыре доктора: Никитин, Беркенгейм, Душан Петрович и Семеновский»¹.

Из «Очерков былого» Сергея Львовича Толстого

«5 ноября. Утром я сидел у отца вместе с Сашей. Потом пришла Таня. Он все говорил: **“Как вы не понимаете. Отчего вы не хотите понять... Это так просто... Почему вы не хотите это сделать”**. И он, видимо, мучился и раздражался оттого, что не может объяснить, что надо понять и сделать. **Мы так и не поняли, что он хотел сказать.**

Вечером отец стал медленно водить руками по груди, притягивать и отпускать одеяло — словом, делать то, что называется, по-народному, “прибираться”, или “обираться”. А иногда он быстро водил рукой по простыне, как будто писал»².

Из письма Татьяны Львовны Сухотиной мужу М. С. Сухотину

5 ноября 1910 г. Астапово

«В 5 часов (дня. — В. Р.) **сидела с доктором Семеновским.** Папа посмотрел на меня и говорит: **“На Соню много падает”**. Я слышала, но хотела более уверенно знать, что он говорит о ней, и переспросила: “На соду падает?” — **“На Соню... на Соню много падает. Мы плохо распорядились...”** Потом он сказал что-то невнятное. Я спросила: “Ты хочешь ее видеть? Соню хочешь видеть?” Он ничего не ответил, никакого знака не подал, ни отрицательного, ни положительного. У меня руки

¹ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. С. 624, 625.

² УЛТ. С. 41.

**Л. Н. Толстой играет в шахматы с М. С. Сухотиным,
мужем дочери Тани. Ясная Поляна. 1908.**

Фотография К. К. Буллы.

**Слева направо: Л. Н. Толстой, Т. Л. Сухотина-Толстая с Таней
(дочерью М. Л. Толстого) на руках, Ю. И. Игумнова, А. Б. Гольденвейзер,
С. А. Толстая, Ваня (сын М. Л. Толстого), М. С. Сухотин,
М. Л. Толстой, А. Л. Толстой**

и ноги затряслись, и я вся похолодела. Повторить вопроса я не решилась. Это было бы равносильно тому, чтобы задуть погасающую свечу»¹.

«Как-то он спросил меня: *“Ты к себе не едешь?”* Я ответила: “Нет, папенька”. Он грустно ответил: *“Что же ты?”*»².

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
5 ноября**

«Сегодня два раза будили Л. Н. — раз для того, чтобы напоить, раз, чтобы перенести на другую кровать.

Сегодня были все, несмотря на абсолютно плохой прогноз, поставленный Семеновским, в приподнятом, бодром состоянии духа. И не хочется верить, чтобы дорогой человек умер, к тому же недавно такой бодрый, крепкий и преодолевший столько тяжелых болезней. Воспаление не распространяется, и Л. Н. меньше горит и меньше вчерашнего бредит, движения свободнее...»³.

**6 ноября
АСТАПОВО**

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
6 ноября. Ночь и утро**

«Первую половину ночи на 6 ноября спал довольно спокойно, вторую — тревожно, громко стонал от икоты и изжоги.

Временами был в полузабытьи. Пульс был слабый, частый, с большими перебоями. За ночь впрыснуто два шприца камфары, температура утром 37,2. Большая слабость, одышка, икота.

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. Кн.2. С. 643.

² Там же. С. 643.

³ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 428.

Дыхание не затруднительнее, чем вчера. Прележень на правом костреце. Его заметил еще вчера вечером Дмитрий Васильевич (неободранный). А слева на левом колене тоже неободранный прележень. Утром под кожу впрыснуты дигален и камфара.

Приехали доктора Щуровский и Усов. Они очень деликатно и коротко выслушивали легкие Л. Н-ча. **Л. Н. их не узнал и задыхался.** После спросил:

— **Кто эти милые люди?**

После консилиума **все мы**, ходящие за Л. Н., **упали духом.** Один Владимир Григорьевич так же спокойно ухаживает за Л. Н., как и прежде. **Он невозмутимо спокоен и не теряет надежды»¹.**

Из воспоминаний Александры Львовны Толстой

6 ноября. Утро

«Сравнительно с предыдущей ночью **эта ночь прошла довольно спокойно.**

К утру температура — 37,3; сердце очень слабо, но лучше, чем накануне. Все доктора, кроме Беркенгейма, который все время смотрел на болезнь очень безнадежно, ободрились и на наши вопросы ответили, что **хотя положение очень серьезно, они не теряют еще надежды.**

В 10 часов утра приехали вызванные из Москвы моими родными и докторами **Щуровский и Усов.**

— **Кто пришел?**

Ему ответили, что приехали Щуровский и Усов. Он сказал:

— **Я их помню.** — И потом, помолчав немного, ласковым голосом прибавил:

— **Милые люди.**

Когда доктора исследовали отца, он, очевидно, приняв Усова за Душана, обнял и поцеловал его. Но потом, убедившись в своей ошибке, сказал:

— **Нет, не тот, не тот.**

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 428, 429.

И. Л. Толстой и врачи, лечившие Л. Н. Толстого,
у дома И. И. Озолина на станции Астапово. 6–7 ноября 1910 г.
Слева направо: Д. В. Никитин, Г. М. Беркенгейм, В. А. Щуровский,
И. Л. Толстой, П. С. Усов

Щуровский и Усов нашли положение серьезным, почти безнадежным.

Да я знала это и без них. Хотя с утра все ободрились, я уже почти не надеялась. Все душевные и физические силы сразу покинули меня. Я едва заставляла себя делать то, что нужно, и не могла уже сдерживаться от подступавших к горлу рыданий...

В этот день он точно прощался со всеми нами. Около него с чем-то возились доктора. Отец ласково посмотрел на Душана и с глубокой нежностью в голосе сказал:

— **Милый Душан, милый Душан.**

В другой раз меняли простыни, и я поддерживала отцу спину. И вот я чувствую, что его рука ищет мою руку. Я подумала, что хочет опереться на меня, но **он крепко-крепко пожал мою руку один раз, потом другой.** Я сжала его руку и припала к ней губами, стараясь сдержать подступившие к горлу рыдания»¹.

6 ноября. 1 час дня

[Официальный бюллетень:

«Ночь провел тревожно, утром 37,2, процесс в легком в прежнем состоянии, деятельность сердца внушает серьезные опасения, сознание ясно. Щуровский, Усов, Никитин, Беркенгейм, Семеновский, Маковицкий»²]

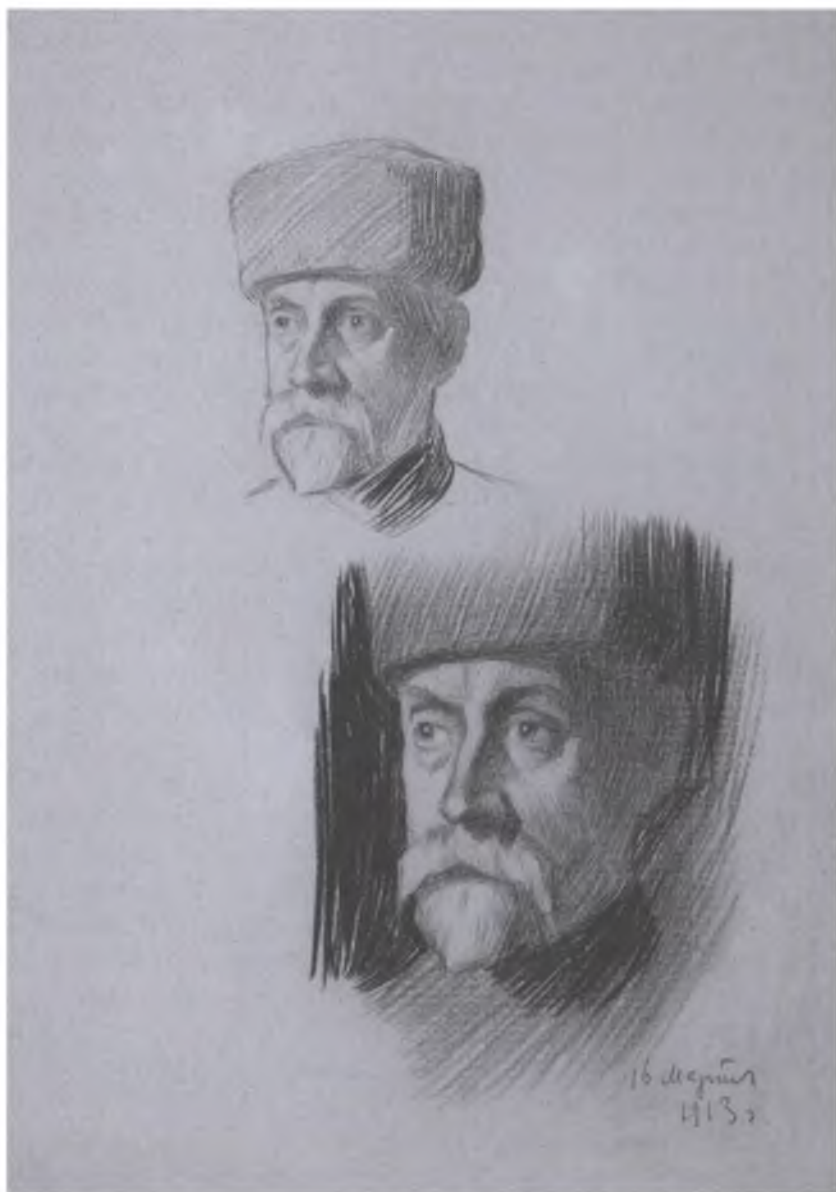
Из книги Павла Ивановича Бирюкова «Биография Л. Н. Толстого»

6 ноября

«В этот день в Астапове произошел один эпизод, очень мало имеющий прямого отношения ко Л. Н-чу, но, тем не менее, косвенно задевший его. Дело в том, что Л. Н-ч находился под отлучением синода и под запрещением молитвы о нем в случае его смерти. Синод не рассчитал последствий своего нелепого акта, а когда смерть Л. Н-ча стала приближаться, он

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. Кн.2. С. 644.

² Гусев Н. Н. Указ. соч.. Т. 2. С. 835.

Художник В. И. Россинский.
Душан Петрович Маковицкий (1861–1921) в шапке.
Два портрета на одном листе

спохватился и принял все зависящие от него меры, чтобы можно было, как ни в чем не бывало, произвести над Л. Н-чем все поминальные обряды и отпевание. Одной из таких мер была посылка в Астапово монаха Варсонофия, игумена Оптиной Пустыни, для увещания и принятия Л. Н-ча в лоно церкви.

Еще 4 ноября была получена телеграмма от митрополита **Антония** следующего содержания:

“С самого первого момента вашего разрыва с церковью я непрестанно молился и молюсь, чтобы господь возвратил вас к церкви. Быть может, он скоро позовет вас в суд свой, и я вас, больного, теперь умоляю примириться с церковью и православным русским народом”.

С общего согласия родных, друзей и врачей, окружавших Л. Н-ча, решено было телеграмму эту Л. Н-чу не показывать.

Вечером того же 4 ноября прибыл в Астапово Варсонофий.

5 ноября он не проявлял деятельности, а 6-го, вероятно, узнав от окружающих о том, что положение ухудшается, решил выступить со своей миссией. **Вот как рассказывает об этом Александра Львовна в своих воспоминаниях:**

“Вечером кто-то сказал мне, что меня желает видеть отец Варсонофий. Все мои родные и доктора наотрез отказали ему в его просьбе видеть отца, но он все же нашел нужным обратиться с тем же и ко мне. Я не хотела и не могла его видеть, и потому написала ему следующего содержания письмо:

“Простите, батюшка, что не исполняю вашей просьбы и не прихожу побеседовать с вами. Я в данное время не могу отойти от больного отца, которому поминутно могу быть нужна.

Прибавить к тому, что вы слышали от всей нашей семьи, я ничего не могу.

Мы, все семейные, единогласно решили, впереди всех других соображений, подчиняться воле и желанию отца, каковы бы они ни были.

После его воли мы подчиняемся предписаниям докторов, которые находят, что в данное время что-либо ему

Павел Иванович Бирюков — единомышленник Л. Н. Толстого
и его первый биограф.
Фотография конца 1890-х гг.

Антоний (А. В. Вадковский),
митрополит С.-Петербургский и Ладожский,
с 1900 г. — первенствующий член Св. Синода. 1900-е гг.
Профессиональная фотография

Варсофоний, схиархимандрит, преподобный,
старец Оптиной пустыни, ученик преподобного старца Иосифа

предлагать или насиловать его волю было бы губительно для его здоровья.

С искренним уважением к вам Александра Толстая”.

На это письмо я получила от отца Варсонофия ответ, который привожу полностью:

“Ваше сиятельство, достопочтенная графиня Александра Львовна. Мира и радования желаю вам от Господа Иисуса Христа. Почтительно благодарю ваше сиятельство за письмо ваше, в котором пишете, что воля родителя вашего для вас и всей семьи вашей поставляется на первом плане. Но вам, графиня, известно, что граф выражал сестре своей, а вашей тетушке, монахине матери Марии, желание видеть нас и беседовать с нами, чтобы обрести желанный покой душе своей, и глубоко скорбел, что желание его не исполнилось. В виду сего почтительно прошу вас, графиня, не отказать сообщить графу о моем прибытии в Астапово, и если он пожелает видеть меня, хоть на две — три минуты, то я немедленно приду к нему. В случае же отрицательного ответа со стороны графа я возвращусь в Оптину Пустынь, предавши это дело воле Божией.

Грешный игумен Варсонофий, недостойный богомолец ваш”.

На это письмо игумена Варсонофия я уже не ответила. Да мне было не до того»¹.

**Из воспоминаний племянницы
Льва Николаевича Толстого
Елизаветы Валериановны Оболенской**

«Утром 6-го приехали доктора — Шуровский и Усов. Осмотрев больного, они пришли в вагон к Софье Андреевне. Она начала просить, чтобы ее пустили к нему, но доктора сказали, что пока есть хоть малейшая надежда, они не могут разрешить ей этого, так как волнение, которое неизбежно при свидании с ней, может убить его; и дали ей слово,

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 644, 645.

И.Л. Толстой, С.А. Толстая и Е.П. Скоробогатова идут к дому начальника станции И. И. Озолина, в котором умирает Л.Н. Толстой.
Кадр из кинохроники

что, как только эта надежда будет потеряна, они придут за ней. Другими словами, она увидит его тогда, когда он будет без сознания и не узнает ее.

Не могу передать, как томительно проходит день. То выходишь из вагона, то опять возвращаешься. Сидим мы молча, да и о чем можно говорить? Жадно набрасываемся на всякого, приходящего “оттуда”, но вести плохие: он очень страдает, бредит, беспокоен, задыхается; ему дают дышать кислородом и впрыскивают камфару. “Зачем камфару? — думаю я. — Зачем мучают, не дают жизни уйти спокойно, опять возвращают — все равно она уйдет, не удержать им ее!”»¹

Из ежедневника Софьи Андреевны Толстой

«6 ноября. Тяжелые ожидания, ничего хорошо не помню»².

Из «Яснополянских записок»

Душана Петровича Маковицкого (Продолжение)

«Около часу дня я спросил Л. Н.:

— Можем ли вас в ту комнату перенести, а тут проветрить?

Л. Н.: *Постойте... Лучше нет.*

Как очень часто, особенно в болезни, Л. Н. не сразу соглашается на предложения. Потом, через несколько минут, еще раз спросили. Л. Н. не ответил, и мы (четыре доктора) понесли его.

Около 2 часов дня неожиданное возбуждение: сел на постель и громким голосом, внятно сказал присутствующим:

— *Вот и конец!.. И ничего!*

После ухода докторов остались у Л. Н. Татьяна Львовна и Александра Львовна. Л. Н. им ясно сказал:

— *Я вас прошу помнить, что, кроме Льва Толстого, есть еще много людей, а вы все смотрите на одного Льва.*

И еще сказал:

— *Лучше конец, чем так»*³.

¹ Оболенская Е. В. Указ. соч. С. 320, 321.

² Т. 2. С. 327.

³ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 428–430.

Художник В.И. Россинский. За день до смерти.
Знаменательные слова

**Из письма Татьяны Львовны Сухотиной
мужу М.С. Сухотину**

«6 ноября 1910 г. Прости меня, но я не в состоянии писать. Бюллетени ты читаешь в газетах; то, что я испытываю, — слишком длинно и трудно; говорить о своих надеждах и опасениях тоже бессмысленно, так как они ежеминутно меняются.

Сегодня, когда я пришла к нему, он узнал меня и сказал: **“Здравствуй, Танечка”**. А как-то, когда я вошла, он спросил: **“Это кто — Таня или...”**. Я поспешила сказать, что это я. **Сегодня я сидела с ним одна.** Семеновский ушел приготовить шприц с камфарой.

Он протянул мне руку, взял мою и сказал: “Вот и конец... и ничего...” — и стал все тише и тише дышать. Я думала, что пришли последние минуты. Хотела встать, чтобы позвать доктора, **но он меня придержал за руку.** Потом пришел Семеновский и впрыснул камфару. Через несколько минут он энергично приподнялся, так что мы за ним подняли его подушки, почти сел и вполне внятным голосом проговорил: **“Только одно советую вам помнить: есть пропасть людей на свете, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва...”**. Последние слова были сказаны уже слабее, и **сейчас же после этого он впал в забытие**»¹.

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого**
(Продолжение)

6 ноября

«Среди дня начали пускать кислород. Л.Н. позвал: **“Серезжа...”** — и говорил что-то, чего нельзя было понять. Так как тяжело дышал, пускали кислород вблизи него.

Л.Н. спросил:

— Что это?

— Кислород, чтобы легче было дышать.

Л.Н. неохотно дышал, много раз просил прекратить.

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 644.

Пьет порционно молока и воды. Выпил 100 гр. жидкой овсянки с одним желтком и 120 гр. молока. Делали инъекции камфоры, от икоты клали мешки с горячей водой на желудок.

Л.Н. просил: “Оставьте меня в покое”.

Страшно мучила Л.Н. весь день икота.

В 6 часов вечера после продолжительной икоты, отрыгивания, которое не дало ему отдохнуть, Л.Н. **в полузабытье говорил слова, фразы** — иные понятно, иные нет: **“Совершенно бесполезно”, “Глупости”** (о медицинских приемах?).

Потом произнес:

— Я очень устал: не хочу теперь думать.

[6 ноября. 6 часов вечера

Официальный бюллетень:

«Температура 37,9; около 2 часов дня был припадок резкого ослабления сердечной деятельности, продолжавшийся около 20 минут. К вечеру деятельность сердца улучшилась; сознание ясно. Щуровский, Усов, Никитин, Беркенгейм, Маковицкий, Семеновский»¹

Сегодня ходили за Л.Н. больше Владимир Григорьевич, А.П. Семеновский и я. С Чертковым очень хорошо. Он в самые тяжелые минуты не теряет спокойствия; и не разговаривает и ничего не спрашивает Л.Н.

К вечеру самочувствие несколько лучше; сделано впрыскивание дигалена, затем камфары. Л.Н. попросил есть. Выпил в течение вечера три маленьких стаканчика молока и съел немного овсянки. **Сознание у Л.Н. было вполне ясное.**

Но к концу вечера усилились икота и одышка.

Вечером, от 10 до 12-ти, когда было ему труднее всего, когда места себе не находил, *когда дыхание с 40 участилось до 50,* несколько раз ложился на левый бок, наклонясь (скрючась) сильно вперед; несколько раз откинулся сильно назад, так, что мог выпасть.

¹ Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 836.

Перед полуночью, употребив много сил, он быстро сел. Чертков, стоявший между правой стороной кровати и стеной, поддерживал его сзади. Тяжко-тяжко дышал 50 раз в минуту. Л.Н. сидел так с четверть часа со спущенными ногами. Потом перегнулся вперед, спустился до 45°. Голова повисла, но не совсем сильно.

Тут никто его не держал: Л.Н. не желал. Глубоко стонал и дышал; так пробыл с полторы минуты. Потом приподнял голову и плечи, посидел прямо, голову несколько назад закинул и сказал (в голосе вздох удушья и страдания):

— **Боюсь, что умираю.**

Движением головы и корпуса показал, что хочет лечь. Лег и все очень трудно дышал. Откашлялся с глубока, но не выплюнул, а проглотил.

— **Ах, гадко!**

Поднялась икота.

Л.Н. не находил себе места. Опять резко сел. Говорил с передышкой, то бормоча, то понятнее. Я понял эти слова:

— **Сережа... истину... я люблю много, я люблю всени (всех? Л.Н. иные слова не выговаривал точно).**

Дышал страшно тяжело, к тому же отрыжка.

Л.Н.: **“Ах, гадко!”**¹.

Из воспоминаний Александры Львовны Толстой

(Продолжение)

6 ноября. Вечер

«Вечером в столовую пришли братья, доктора. Щуровский много говорил с Вл. Гр. о состоянии болезни отца, причем не отчаивался, говорил, что силы у больного еще есть.

Затем все разошлись спать, и остались только Беркенгейм и Усов.

Я заснула. Меня разбудили в 10 часов. Отцу стало хуже. Он стал задыхаться. Его приподняли на подушки, и он, поддерживаемый нами, сидел, свесивши ноги с кровати.

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 430.

— **Тяжко дышать**, — хрипло с трудом проговорил он.

Всех разбудили. Доктора давали ему дышать кислородом и предложили делать впрыскивание морфием. Отец не согласился:

— **Нет, не надо, не хочу**, — сказал он.

Посоветовавшись между собою, доктора решили впрыснуть камфару, чтобы поднять ослабевшую деятельность сердца.

Когда хотели сделать укол, отец отдернул руку. **Ему сказали, что это не морфий, а камфара, и он согласился.**

После впрыскивания отцу как будто стало лучше. Он позвал Сережу: **“Сережа!”** И когда Сережа подошел: **“Истина... Я люблю много... Как они...”**

Это были его последние слова.

Но тогда нам казалось, что опасность миновала. Все успокоились и снова разошлись спать, и около отца остались только одни дежурные.

Все эти дни я почти не раздевалась и почти не спала, и тут мне так захотелось спать, что я не могла себя пересилить. Я легла на диван и тотчас же уснула, как убитая¹.

**Из «Очерков былого»
Сергея Львовича Толстого
6 ноября**

«Около часа дня, когда я вошел к отцу, в комнате находился один только Никитин. Усов и Щуровский уже окончили свой диагноз и ушли. **Отец лежал в забытии и часто дышал.**

Я со страхом насчитал около 50 дыханий в минуту. Дмитрий Васильевич впрыснул камфару и стал давать вдыхать кислород. Однако отец долго не оправлялся, лицо посинело, нос заострился, дыхание оставалось очень частым. Мне казалось: вот сейчас конец. Я потерял всякую надежду на выздоровление. Это был сердечный припадок, вызвавший сильный цианоз. Кислород и впрыскивание камфары в конце концов подействовали, и понемногу сердце справилось.

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 646.

Снова в озолинский домик я пришел после десяти часов. Отец метался, громко и глубоко стонал, старался привстать на постели. Раз, присев, он сказал: **“Боюсь, что умираю”**. В другой раз отхаркнул мокроту, сделал гримасу и сказал: **“Ах, гадко”**. Раза два он говорил: **“Тяжело”**. Дыхание, как я считал, было более 50 в минуту.

Не помню, когда именно он сказал: **“Я пойду куда-нибудь, чтобы никто не мешал. Оставьте меня в покое”**. Тяжелое, даже, скажу, ужасное впечатление на меня произвели его слова, которые он сказал громко, убежденным голосом, приподнявшись на кровати: **“Удирать, надо удирать”**.

Вскоре после этих слов он увидел меня, хотя я стоял поодаль и в полутьме (в комнате горела только одна свеча за головой отца), и позвал: **“Сережа”**. Я кинулся к кровати и стал на колени, чтобы лучше слышать, что он скажет. Он сказал целую фразу, но я ничего не разобрал. Душан Петрович потом говорил мне, что он слышал следующие слова, которые тут же или вскоре записал: **“Истина... люблю много... все они...”** Я поцеловал его руку и в смущении отошел.

К 12 часам он стал метаться, дыхание было частое и громкое, появилось хрипение, икота участилась. Усов предложил впрыснуть морфий»¹.

Из воспоминаний Татьяны Львовны Сухотиной

«6 ноября, накануне смерти, он позвал: “Сережа!” — и когда тот подошел, он тихим голосом с большим усилием сказал:

“Сережа! Я люблю истину... Очень... люблю истину”.

Это были его последние слова.

Будучи еще совсем молодым человеком, он гордо объявил, что его герой, которого он любит всеми силами своей души, это — Истина (у Толстого “Правда”. — В.Р.). И до того дня, когда он слабым голосом сказал своему старшему сыну, своему “истинному другу”, что он любил Истину, он никогда

¹ УЛТ. С. 45.

**Друзья Л. Н. Толстого идут к дому начальника станции Астапово.
Ноябрь 1910 г. Кадр из кинохроники.**

**Слева направо: П. А. Буланже, В. Г. Чертков, А. Б. Гольденвейзер,
И. И. Горбунов-Посадов**

не изменял этой Истине. “Узнаете Истину, и Истина сделает вас свободными”. Он это знал и служил Истине до смерти»¹.

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
(Продолжение)
6 ноября**

«У меня записано в 11 часов ночи:

— Как трудно умирать! Надо жить по-Божьи.

Как Л. Н. кричал, как метался, задыхался!

Уже раньше была речь между нами, врачами, что от икоты надо дать морфину (ввиду слабости пульса). Л. Н. сопротивлялся принятию питья. Хотел икоту так побороть. Обыкновенно начиналась без нам видного повода, но часто после питья. Л. Н. лежал с закрытыми глазами, дремал.

Когда в 11.35 я попросил Л. Н., чтобы пил теперь, пока икота, а то хотим впрыснуть ему от нее морфин и тогда заснет, пить не будет, Л. Н. слабым голосом произнес:

— Парфина не хочу (сказал “парфина” вместо “морфина”).

Теперь (перед полночью), когда Л. Н. так томился: одышка, икота, отрывка, — Усов посоветовал впрыснуть морфин; говорил, что он замечал: как икота подымается, пульс хуже. Если впрыснуть morphin, Л. Н. поспит, икота прекратится, пульс не будет от нее портиться, сердце отдохнет.

Впрыснули морфин.

Л. Н. еще тяжелее стал дышать и, немощен, в полубреду бормотал. Я разобрал:

— Я пойду куда-нибудь, чтобы никто не мешал (или не нашел)... Оставьте меня в покое... Надо удирать, надо удирать куда-нибудь, — сказал, когда **через четверть часа после морфина впрыскивали камфару**»².

[ПРИНЯТО СЧИТАТЬ, ЧТО ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА БЫЛИ СКАЗАНЫ С. Л. ТОЛСТОМУ:

¹ УЛТ. С. 74.

² Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 430, 431.

«ИСТИНА... ЛЮБЛЮ МНОГО... ВСЕ ОНИ...». У Д. П. МАКОВИЦКОГО, Т. Л. СУХОТИНОЙ, А. Л. ТОЛСТОЙ ДРУГИЕ ВЕРСИИ: **«ИСТИНУ... Я ЛЮБЛЮ МНОГО, Я ЛЮБЛЮ ВСЕНИ (ВСЕХ?)»;** **«Я ЛЮБЛЮ ИСТИНУ... ОЧЕНЬ... ЛЮБЛЮ ИСТИНУ»;** **«ИСТИНА... Я ЛЮБЛЮ МНОГО... КАК ОНИ...»** СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ ОТМЕТИЛ, ЧТО ОН «НИЧЕГО НЕ РАЗОБРАЛ» В ЭТОЙ ФРАЗЕ И ПЕРЕДАЛ СЛОВА ТОЛСТОГО СО СЛОВ МАКОВИЦКОГО.

ПОЛАГАЮ, ЧТО ПОСЛЕДНИМИ СЛОВАМИ Л. Н. ТОЛСТОГО БЫЛА ДРУГАЯ ФРАЗА:

«Я ПОЙДУ КУДА-НИБУДЬ, ЧТОБЫ НИКТО НЕ МЕШАЛ (ИЛИ НЕ НАШЕЛ)... ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ... НАДО УДИРАТЬ, НАДО УДИРАТЬ КУДА-НИБУДЬ». — В. Р.]

7 ноября АСТАПОВО

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
«7 ноября.**

Ночь. Л. Н. больше не говорил. Спал.

Дыхание уменьшилось с 50 до 40, до 36, с четвертого раза опять учащалось. Пульс становился *filitornis* (нитевидным. — В. Р.), (в 2 часа), а потом (кажется, в 3 часу) и совсем нельзя было (мне) его прощупать. Действие морфина стало ослабевать в 4 часа.

После 4 часов Л. Н. начал охать, стонать, переворачиваться, раз левое колено поднял. *Dyspnoë expiratoria* (предсмертная одышка. — В. Р.).

Руки, ноги теплые.

В 2.40 начал стонать.

В 3 (40) injectio — 175 гр. Na Chl 0,6% в берцо́.

Кислород. Обкладываем мешками с горячей водой.

В 4.40 Л. Н. заметно тяжелее дышит. Пульса никакого. Цианоз лица и губ.

Все время клали в постель мешки с горячей водой. Родные и друзья стали входить, взглядом прощаться с Л. Н.

В половине 5-го Щуровский вызвал меня, чтобы попробовать дать попить. **Я обратился к Л. Н. Он понял, приоткрыл глаза, левый больше, и сделал глоток с ложки. Через час та же проба. Л. Н. проглотил.**

Беркенгейм предложил позвать Софью Андреевну.

В 5 другая инъекция — 175 гр. Na Cl в левое и правое бедро. Л. Н. реагировал на боль»¹.

Из «Очерков былого» Сергея Львовича Толстого

7 ноября

«К 12 часам он стал метаться, дыхание было частое и громкое, появилось хрипение, икота участилась. Усов предложил впрыснуть морфий.

Я сидел в углу около стеклянной двери, против кровати, в ногах отца; Чертков сидел у изголовья; врачи тихо входили и выходили. Дверь в соседнюю комнату была открыта. Там сидели несколько человек: сестры Таня и Саша, Варвара Михайловна, И. И. Горбунов, А. Б. Гольденвейзер и другие. Потом пришли братья. Я впал в какое-то мучительное оцепенение. В комнате была полутьма, горела одна свеча, было тихо, только из соседней комнаты слышался сдавленный шепот, изредка кто-нибудь входил или выходил, слышалось только это тяжелое, равномерное дыхание.

Около двух часов по предложению Усова позвали мою мать.

Она сперва постояла, издали посмотрела на отца, потом спокойно подошла к нему, поцеловала его в лоб, опустилась на колени и стала ему говорить: “Прости меня” и еще что-то, чего я не расслышал»².

Из воспоминаний Александры Львовны Толстой

«Меня разбудили около 12-ти.

Собрались все.

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 431, 432.

² УЛТ. С. 45.

Отцу опять стало плохо. Сначала он стонал, метался, сердце почти не работало. **Доктора впрыснули морфий, он уснул.**

Отец спал до 4 часов утра. Доктора что-то еще делали, что-то впрыскивали. Он лежал на спине и часто и хрипло дышал. Выражение лица было строгое, серьезное и, как мне показалось, чужое.

Он тихо умирал.

Говорили о том, что надо впустить С.А.

Я умоляла не впускать ее, пока отец в памяти. Я боялась, что ее приход отравит его последние минуты»¹.

**Из воспоминаний племянницы
Льва Николаевича Толстого
Елизаветы Валериановны Оболенской
6 ноября**

«Утром 6-го приехали доктора — Щуровский и Усов. Осмотрев больного, они пришли в вагон к Софье Андреевне. Она начала просить, чтобы ее пустили к нему, но доктора сказали, что пока есть хоть малейшая надежда, они не могут разрешить ей этого, так как волнение, которое неизбежно при свидании с ней, может убить его; и дали ей слово, что, как только эта надежда будет потеряна, они придут за ней. Другими словами, она увидит его тогда, когда он будет без сознания и не узнает ее.

Не могу передать, как томительно проходит день. То выходишь из вагона, то опять возвращаешься. Сидим мы молча, да и о чем можно говорить? Жадно набрасываемся на всякого, приходящего “оттуда”, но вести плохие: он очень страдает, бредит, беспокоен, задыхается; ему дают дышать кислородом и впрыскивают камфару. “Зачем камфару? — думаю я. — Зачем мучают, не дают жизни уйти спокойно, опять возвращают — все равно она уйдет, не удержать им ее!”

Но вот томительный день приходит к концу. Мы ложимся спать, не раздеваясь.

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 646.

[7 ноября]

В четыре часа утра быстро входит в вагон доктор Усов, проходит в купе к Софье Андреевне и говорит:

— Софья Андреевна, я за вами.

Значит — умирает! Бедная Софья Андреевна растерялась, заволновалась, дрожит, не может одеться. Фельдшерица и Усов помогают ей. Он берет ее под руку и уводит. Дрожу и я — не от холода ноябрьского утра, а от волнения. По дороге подходят и другие — сыновья, друзья, и в темноте мы молча двигаемся.

Когда мы вошли в комнату, смежную с его спальней, в дверях стояла Александра Львовна; увидя мать, она сказала:

— Вы прямо идете против его желания, он не хотел ее видеть.

Это показалось мне до того чудовищно неестественным, что у меня невольно вырвалось:

— Саша, это невозможно, невозможно не пустить жену к умирающему мужу!

Мы все остались в смежной комнате. В спальне были только доктора, дети, Чертков, который за все время болезни не отходил от Льва Николаевича и которого он вызвал тотчас же по приезде в Астапово.

В обеих комнатах была тишина; тишину эту нарушает Софья Андреевна. Она кому-то начинает опять возбужденно рассказывать всю историю ухода, и опять слышится имя Черткова. Неужели Александра Львовна была права, и ее не следовало пускать? Усов подошел к ней и сказал, что если она будет волноваться, то он принужден будет удалить ее. Она замолчала»¹.

**Из книги Павла Ивановича Бирюкова
«Биография Л. Н. Толстого»**

«Врач Д. В. Никитин рассказывает в своих записках, что незадолго до кончины Льва Николаевича врачи решили

¹ Оболенская Е. В. Указ. соч. С. 320, 321.

убедиться, **есть ли у него еще сознание**. Душан Петрович Маковицкий взял стакан воды с вином, поднес его ко рту Льва Николаевича и громко, торжественно произнес: **“Лев Николаевич, увлажните ваши уста”**. Лев Николаевич приоткрыл глаза, сделал глоток. Таким образом, можно думать, что **последними людскими словами этого мира**, дошедшими до сознания Льва Николаевича, **были добрые слова его верного друга** и спутника его последнего путешествия, Душана Петровича Маковицкого»¹.

**Из «Очерков былого»
Сергея Львовича Толстого
7 ноября**

«Около трех часов отец стал двигаться и стонать. Но пульса уже почти не было, и сознание к нему уже не вернулось. Врачи сделали впрыскивание раствора. Душан Петрович подошел к нему и предложил ему пить. Отец открыл глаза и выпил. Кто-то поднес к его глазам свечу, он поморщился и отвернулся. Через полчаса пульс стал еще хуже. Врачи решили опять дать ему пить. [...]»².

**Из книги
Александра Борисовича Гольденвейзера
«Вблизи Толстого»
7 ноября**

«Только что мы, наполовину раздевшись, прилегли — я еще и задремать не успел, раздался стук. За нами прислали буфетчика: Л.Н. стало очень плохо. Было, кажется, около часу ночи. Мы вошли в дом. Там — полная безнадежность.

Л.Н. задыхается и томится в припадках сердечной тоски. Больше суток почти без перерыва его не оставляет мучительная икота... Доктора, чтобы облегчить страдания, решили дать ему морфий. После морфия Л.Н. несколько успокоился.

¹ Бирюков П. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 646.

² УЛТ. С. 46.

Часов, кажется, около двух Г.М. Беркенгейм, ввиду явно безнадежного состояния Л.Н., сказал Александре Львовне, что следует сообщить об этом Софье Андреевне и, если она пожелает, привести ее сюда, чтобы она могла проститься со Л.Н.

Беркенгейму поручили пойти к Софье Андреевне. Я пошел в комнату Л.Н. Она была чуть освещена слабым светом чем-то загороженной лампы.

Л.Н. лежал на спине, головой в сторону окна, ногами в сторону завешенной стеклянной двери. Кровать аршина на полтора отодвинута от стены. Между кроватью и стеной на стуле сидел В.Г. Чертков, между дверью и кроватью, тоже на стуле, Сергей Львович.

Л.Н. дышал часто и тяжело. Ужасный звук как бы от распиливания дров при каждом дыханье наполнял всю комнату. Чувствовалось веяние смерти. Я сел налево от двери в углу дивана.

Прошло довольно много времени. Софью Андреевну уже привели, и она сидела в столовой. Ввиду того, что Л.Н. на окружающее не реагировал, ее ввели в комнату, прося соблюдать осторожность. Боялись, что если Л.Н. узнает ее — это может быть роковым толчком. Жизнь висела на волоске.

Софью Андреевну ввели Усов и Щуровский. У постели поставили стул, на который она села. **Она стала шептать Л.Н. слова любви и просить прощения, крестила его. До него явно ничто не доходило.** Софья Андреевна посидела несколько минут, после чего ее **убедили выйти из комнаты.**

Перед приходом Софьи Андреевны Владимир Григорьевич вышел из комнаты.

Когда Софья Андреевна встала и пошла к выходу, она заметила меня на диване и стала беспокойно спрашивать:

— Кто это?

Потом она приблизилась ко мне и направила на меня свой лорнет...

После ухода Софьи Андреевны доктора по инициативе Щуровского решили сделать еще попытку — вливание соляного

раствора. Эта мучительная операция, во время которой Л. Н. тяжело стонал, не оказала никакого действия. Дыхание оставалось все таким же ужасным, и пульс все слабел. Чтобы выяснить, в сознании ли Л. Н., к глазам его поднесли свет. Душану Петровичу, который духовно ближе всех докторов был ко Л. Н., предложили окликнуть его. Душан Петрович взял стаканчик воды с вином и, подойдя ко Л. Н., раза два довольно громко позвал его:

— Лев Николаевич! Лев Николаевич! — и потом, сказав: — Увлажните ваши уста, — дал ему с ложечки воды с вином.

Л. Н. проглотил. **Сознание, значит, в нем было...**¹.

7 ноября. 5 часов утра

[Официальный бюллетень: «5 утра наступило резкое ухудшение сердечной деятельности»²]

Душан Петрович:

«В 5.20 вошла Софья Андреевна, сидела в трех шагах от кровати, шепталась с Усовым, который сидел слева от нее.

Между нею и кроватью стояли Никитин и я. Если бы Л. Н. очнулся и она хотела бы подойти, мы загородили бы путь. Побыла минут восемь, поцеловала темя Л. Н., потом ее увели.

Присутствовали Сергей Львович, все дети, Елизавета Валерьяновна, доктора. Потом пришли прощаться Буланже, Гольденвейзер, Сергеев, В. Н. Философов, И. И. Озолин, его семья».

В 5.30 другая инъекция — 175 гр. Na Cl в левое и правое бедро Л. Н. реагировал на боль. Еще пускали Oxidon. Л. Н. дал знак, что не желает. Стал все труднее дышать и нижней челюстью работать.

В 5.45 часто — 50 раз и чаще — поверхностно дышал.

В 6.03 — остановка первая.

¹ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. С. 629–631.

² Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 837.

Потом еще минуту дышал.

В 6.04 остановка вторая.

После минуты в 6.05 еще один вздох — последний. Смерть»¹.

Софья Андреевна:

«7 ноября. 6 часов утра Лев Никол. скончался. Меня допустили только к последним вздохам, не дали проститься с мужем, жестокие люди»².

Александра Львовна:

«Я подошла к нему, он почти не дышал. В последний раз целовала я лицо, руки...

Ввели мою мать, он уже был без сознания. Я отошла и села на диван. Почти все находящиеся в комнате глухо рыдали, мать моя что-то говорила, причитала. Ее просили замолчать.

Еще один последний вздох. Все кончено.

В комнате полная тишина.

Вдруг Щуровский что-то сказал громким, резким голосом, моя мать ответила ему, и все громко заговорили.

Я поняла, что он уже нас не слышит...»³.

Татьяна Львовна:

«Мы не знали, следует ли предупредить мать. Каждый высказал свое мнение, и мы решили сперва удостовериться, каково состояние отца, и в зависимости от обстоятельств звать или не звать ее. **Но не успели мы с Сергеем дойти до домика, где лежал отец, как заметили, что мать идет за нами.** Мы вошли. Отец был без сознания. Доктора сказали, что это конец.

Мать подошла, села в его изголовье, наклонясь над ним, стала шептать ему нежные слова, прощаться с ним, просить простить ей все, в чем была перед ним виновата. Несколько глубоких вздохов были ей единственным ответом.

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 431, 432.

² Толстая С. А. Дневники. Т. 2. С. 327.

³ Бирюков П. И. Указ. соч. Кн. 2. С. 646.

Художник В. И. Россинский.
Смерть Л. Н. Толстого

Так в уединенном уголке Рязанской губернии, в домике начальника станции, оказавшего ему приют, умер мой отец»¹.

Сергей Львович:

«Отец сделал глоток. Было около пяти часов утра. После этого жизнь в нем проявлялась только в дыхании, но и оно скоро стало реже и не так громко. Вдруг оно остановилось. Щуровский и Усов сказали: “Первая остановка”. Затем была вторая остановка... еще несколько вздохов, опять остановка, и негромкий последний хрип.

Минут за десять до кончины моя мать опять подошла к отцу, стала на колени у кровати, что-то тихо говорила. Услыхать ее, конечно, он уже не мог...

Несколько секунд после последнего вздоха продолжалась полная тишина. Ее нарушил кто-то из врачей словами: “Три четверти шестого”. **Душан Петрович первый подошел к кровати отца и закрыл ему глаза.** Не помню, кто и что говорил и когда именно все ушли, кроме Никитина, Маковицкого и меня. Мы раздели покойного, Никитин и Душан Петрович обмыли его и опять одели в серую блузу. **Тело мне показалось и сильным, и гораздо моложе своих лет. Отец так мало времени болел, что не успел еще похудеть. Выражение лица было спокойное и сосредоточенное»².**

Елизавета Валериановна:

«Не знаю, что произошло, позвал ли кто, сказал ли кто что, но только внезапно все встали и двинулись в спальню. Комната была маленькая, народу было много. Я пропустила вперед Софью Андреевну и детей и стояла немного позади. Тишина была мертвая. Только Софья Андреевна продолжала что-то шептать. Жутко билось сердце.

¹ УЛТ. С. 74, 75.

² Там же. С. 46.

Послышался глубокий вздох умирающего, опять тишина, и вдруг кто-то громко заговорил. Все кончено, беречь больше некого!»¹.

Александр Гольденвейзер:

«Я вышел на минутку из комнаты. Пройдя через соседнюю комнату, я заглянул в следующую — крайнюю. Там поперек комнаты стояла кровать, на которой сидел Д.В. Никитин и рыдал, как ребенок... Тут же в комнате были и другие: Александра Львовна, Варвара Михайловна, Чертков, Иван Иванович.

Всякие надежды кончились...

Я вернулся к Л.Н. и сел на прежнее место. Дыханье было все так же ужасно. В груди что-то клокотало и хрипело, но вдыхать Л.Н. стал все менее и менее глубоко.

Часу в шестом Душан Петрович, войдя в комнату, постоял некоторое время, потом подошел ко мне и тихо мне сказал:

— Агония...

Немного погодя, в комнату вошли остальные. Ввели Софью Андреевну.

Дыханье становилось все поверхностнее, стало редеть. Софья Андреевна стала в головах Л.Н. и взяла руками его голову. Я взял его еще теплую руку. Дыханье стало прерываться. Остановилось...

Кто-то из докторов (кажется, Щуровский) сказал:

— Еще будет вздох.

И действительно, Л.Н. еще раз, сильнее прежнего, вздохнул, и все было кончено...

Я вышел в соседнюю комнату. [...]

Я вышел в столовую.

Через окно в предрассветном сумраке я увидел Илью Львовича и довольно большую кучку народа, толпящуюся у дома, в ожидании вестей.

¹ Оболенская Е. В. Указ. соч. С. 321.

Я открыл форточку и сказал:

— Скончался.

Все сняли шапки. Было 6 часов 5 минут утра»¹.

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого**

«Стали расходиться.

Сыновья ушли из дому.

Александра Львовна, Варвара Михайловна, Владимир Григорьевич, Сергеенко стали торопливо укладывать вещи, чтобы успеть к поезду.

Софья Андреевна стала ссыпать и паковать вещи Л. Н-ча.

Я подвязал Л. Н-чу бороду и закрыл очи.

Мы с Никитиным раздели, переложили мертвое тело на другую кровать и обмыли с помощью фельдшера. Потом одели в холщовую рубашку, подштанники, вязанные нитяные чулки, суконные шаровары и в такую же [темную] блузу (ремень оставил)»².

Владимир Григорьевич:

«Судя по тому, что до самых последних часов своей жизни, лежа неподвижно на спине с закрытыми глазами и затрудненным дыханием, Л.Н., к удивлению врачей, проявлял признаки сознательности, отстраняя, например, руку доктора, собиравшегося произвести ему подкожное впрыскивание, отворачиваясь от подносимого к его лицу света и т.п., — судя по этим признакам, можно допустить, что в эти последние часы и минуты он сознательно готовился к приближавшейся “перемене”, переживая то предсмертное духовное состояние, которое ему так хотелось испытать.

Самая смерть Л. Н. произошла так спокойно и тихо, что произвела на меня умиротворяющее впечатление.

¹ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. С. 631.

² Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 431, 432.

ТЕЛЕГРАММА			
Плата		Передана	
Передано	Время	№	Получено
ПОДАНА		Получено	
Сегодня в 6 ч. 5 мин. от Л. Н. Толстого тихо скончался Буруковский, Усов, Николай Терехович, Мавроди Семеновский Копию из этого представления со мной в течение, оторван для корреспонденции			

Бюллетень о кончине Л. Н. Толстого. 7 ноября 1910 г.

Толпа народа у дома И.И. Озолина в ожидании выноса
гроба с телом Л.Н. Толстого. 8 ноября 1910 г.
Фотография С.Г. Смирнова

После непрерывных часов тяжелого дыхания и стонов — глубокое дыхание вдруг заменилось поверхностным и легким. Через несколько минут и это слабое дыхание оборвалось. Промежуток полной тишины. Никаких усилий, никакой борьбы. Потом глубокий-глубокий, протяжный, едва слышный — последний вздох...

Глядя на лежавшую на кровати оболочку того, что было Львом Николаевичем, я вспомнил **случайно подслушанный мной накануне отрывок из внутренней работы его души**. Я сидел тогда один около его постели.

Он лежал на спине, тяжело дыша. Вдруг, очевидно продолжая вслух нить занимавших его мыслей, он, как бы рассуждая сам с собой, громко произнес: **“Все я... свои проявления... Довольно проявления... Вот и все”...**

Я вспомнил представление Л. Н-ча о жизни человеческой как о проявлении духа Божьего, временно заключенного в пределы личности и стремящегося преодолеть эти пределы для того, чтобы слиться с душами других существ и с Богом. И я особенно живо почувствовал, что **жизнь, при таком ее понимании, есть ничем ненарушимое благо, и смерти нет**.

И поколебать во мне это сознание не могут никакие мои личные страдания от потери Льва Николаевича, как человека и друга»¹.

ИЗ «КРУГА ЧТЕНИЯ»

7 ноября

Можно смотреть на жизнь, как на сон, и на смерть — как на пробуждение.

[Мысли Л. Н. Толстого приводятся без подписи. — В.Р.]

1

Я не могу отрешиться от мысли, что я умер прежде, чем родился, и в смерти возвращаюсь снова в то же состояние.

¹ УЛТ. С. 119, 120.

Умереть и снова ожить с воспоминанием своего прежнего существования — мы называем обмороком; вновь пробудиться с новыми органами — значит родиться.

Лихтенберг

2

Если я умертвил животное — собаку, птичку, лягушку, даже хотя бы только насекомое, то, строго говоря, все-таки немислимо, чтобы от моего злобного или легкомысленного поступка могло превратиться в ничто это существо, или вернее, та первоначальная сила, благодаря которой это столь удивительное явление еще минуту тому назад представляло пред нами во всей своей энергии и жизнерадостности. А с другой стороны, миллионы животных всякого рода, каждое мгновение вступающих в жизнь в бесконечном разнообразии, полных силы и стремительности, — не могли совершенно никогда не существовать до акта своего рождения и не бывши ничем — начать быть. Если, таким образом, я замечая, что одно скрывается у меня из виду неведомо куда, а другое появляется неведомо откуда, и притом то и другое имеет одинаковую форму и сущность, одинаковый характер, но только не одну и ту же материю, которая, впрочем, и в продолжение их существования непрерывно отбрасывается и заменяется новой, — то само собой напрашивается предположение, что то, что исчезает, и то, что становится на его место, есть одно и то же существо, испытывшее лишь небольшое преобразование, обновление формы своего существования и, стало быть, то, что сон для индивида, то смерть для вида.

Шопенгауэр

3

Во сне мы живем почти так же точно, как и наяву. Паскаль говорит, что если бы мы видели себя во сне постоянно в одном и том же положении, а наяву в различных, то мы считали бы сон за действительность, а действительность за сон.

Л. Н. Толстой в день своего восьмидесятилетия. Ясная Поляна. 1908.
Фотография С. А. Толстой

Это не совсем справедливо.

Действительность отличается от сна тем, что в действительной жизни мы обладаем нашей способностью поступать сообразно с нашими нравственными требованиями. Во сне же мы часто знаем, что совершаем отвратительные, безнравственные поступки, но не властны удержаться. Так что я бы сказал, что если бы мы не знали жизни, в которой бы мы были более властны в удовлетворении нравственных требований, чем во сне, то мы сон считали бы вполне жизнью и никогда не усомнились бы в том, что это не настоящая жизнь.

Теперь наша вся жизнь, от рождения до смерти, со своими снами не есть ли, в свою очередь, сон, который мы принимаем за действительность, за действительную жизнь и в действительности которой мы не сомневаемся только потому, что не знаем жизни, в которой наша свобода следовать нравственным требованиям души была бы еще больше, чем та, которой мы владеем теперь.

4

Я не жалею о том, что родился и прожил здесь часть моей жизни, потому что я жил так, что имею причину думать, что принес некоторую пользу. Когда же придет конец, то я оставлю жизнь так же, как я бы ушел из гостиницы, а не из своего настоящего дома, потому что я думаю, что пребывание наше здесь предназначено нам, как переходное и только временное.

Цицерон

5

Если бы я даже ошибался, полагая, что душа бессмертна, я был бы счастлив, доволен своей ошибкой; и пока я живу, ни один человек не в силах отнять у меня эту уверенность, которая дает мне такое неизменное спокойствие, такое полное удовлетворение.

Цицерон

Уход. «Мы все братья у одного Царя»

* * *

Мы неправильно ставим вопрос, когда спрашиваем: что будет после смерти? Говоря о будущем, мы говорим о времени, а умирая, мы уходим из времени¹.

¹ Здесь и выше, во фрагменте «7-е ноября», курсив Толстого. — В.Р.С. 42, 232–234.

Nels Thompson

ВСПОМИНАЯ АСТАПОВО

*Не Петербург, не Москва — Россия... —
писал о тех скорбных днях Андрей Белый, —
а Россия — это Астапово, окруженное
пространствами; и эти пространства — не лихие
пространства:
это ясные, как день Божий, лучезарные поляны.*
Андрей Белый

**Из письма Сергея Львовича
жене Марье Николаевне Толстой
6 ноября**

«Здесь — центр железнодорожных служащих (600 семейств). Есть потребительская лавка, почта и пр. Буфет на станции — лучше обыкновенного. Все очень предупредительны и любезны.

Приезжал губернатор, предводитель, жандармский генерал, управляющий дороги, начальник почт и телеграфов и пр. Десяток корреспондентов рыскают, едят и пьют на вокзале.

Приехал Варсонофий — иеромонах Оптиной Пустыни, посланный от Синода. Он, по-видимому, уезжает не солоно хлебавши. Думаю, что какие-либо насильственные или насильные действия с его стороны — невозможны.

Мы живем частью в двух вагонах, а частью у служащих железной дороги. Отец — у начальника станции латыша И. И. Озолина. Жена его — немка (латышка. — В.Р.), мало культурная, но хозяйственная. Они все выселились из своего домика, крайне стеснились, но чрезвычайно предупредительны. [...] Твой Сергей»¹.

**Из «Очерков былого»
Сергея Львовича Толстого
6 ноября**

«Мне приходилось во все эти дни бывать в трех местах — в озолинском домике, в вагоне, где помещались мать

¹ УЛТ. С. 589.

Общий вид станции и поселка Астапово. 1910.
Фотография А.И. Савельева

Сергей Львович Толстой
со второй женой
Марьей Николаевной.
Ясная Поляна

**Дом начальника станции И. И. Озолина,
в котором умер Л. Н. Толстой. Астапово. 1910**

Вагоны, в которых жила семья Л. Н. Толстого и корреспонденты.
Общий вид. 1910. Станция Астапово.
Фотография С. Г. Смирнова

Вагоны, в которых жили семья Л. Н. Толстого и журналисты.
Астапово. 1910

и остальная семья, **и на вокзале**, где приходилось питаться. В вагоне тяжело было видеть мою мать, переносившую ужасные муки. Она понимала, хотя, может быть, не сознавалась самой себе, что послужила последним толчком для отъезда отца, последствием чего была его болезнь; она знала, что он не хочет ее видеть, и чувствовала свою беспомощность и не-поправимость совершившегося.

На тесном астаповском вокзале, вокруг большого стола и стойки, постоянно толпились корреспонденты разных газет — человек двенадцать. **Они пили водку, громко разговаривали и постоянно нас расспрашивали.** Тут же были жандармы и сыщики, и по вокзалу и платформе гулял о. Варсонофий, настоятель Оптиной Пустыни, с тайным поручением причастить Льва Толстого. Он как будто ждал, что его позовут. Такова была атмосфера астаповского вокзала. **Это, однако, совсем не относится к железнодорожным служащим. Они были в высшей степени предупредительны и деликатны»¹.**

**Из воспоминаний племянницы
Льва Николаевича Толстого
Елизаветы Валериановны Оболенской
4–6 ноября**

«Астапово — одно из самых тяжелых воспоминаний в моей жизни. Поезд пришел вечером. **Небольшой** и довольно тускло освещенный зал для приезжающих был полон народа; вся эта толпа сновала взад и вперед, толкалась, и гул голосов стоял в зале. Меня сразу охватило чувство тоски и какой-то безнадежности. Я очень близорука, и, хотя я знала, что здесь должен быть кто-нибудь из своих, я долго никого не могла отыскать и не знала, куда мне толкнуться. Наконец, я встретила П.А. Буланже, который и проводил меня в вагон, где были Софья Андреевна и Татьяна Львовна; тут же был и Сергей Львович. [...]

¹ Толстой С. Л. Указ. соч. С. 265, 266.

Когда я вошла с П.А. Буланже в зал, чтобы пообедать, на меня удручающе подействовала **любопытная, равнодушная толпа; тут и фотографы, и киносьемщики, и корреспонденты; нельзя было показаться, чтобы сейчас же не начинали интервьюировать.** Я наскоро пообедала и вернулась в вагон. К Софье Андреевне я старалась не ходить: при моем появлении она начинала без умолку говорить. Ей это было вредно, а мне тяжело слушать. Пришел Сергей Львович. Он был очень расстроен; поговоривши немного со мной, он сказал:

— Я часто последнее время думал о том, как будет умирать отец, но чтобы он так умирал — никогда не мог себе представить.

Как в Крыму тянуло в комнату больного, так здесь тянет к тому домику, где он умирает. Но какая разница! Там взойдешь, посмотришь на него, посидишь около него, он лежит с закрытыми глазами, не видит тебя, но чувствуется какой-то мир и спокойствие. **А теперь! Дверь в дом заперта изнутри; никого не пускают, не спросивши, кто это. Боятся, что войдет Софья Андреевна, от которой его тщательно оберегают. Не впускают и меня, и я с горечью думаю: “Неужели Гольденвейзер, Буланже и другие ближе ему, чем я? Ведь я люблю его, как себя помню”.** И вот ходишь взад и вперед перед домом в надежде услышать что-нибудь — хорошее или дурное, но что-нибудь; неизвестность хуже всего, а сидя в вагоне, мы ничего не знаем и мало кого видим. Холодно, темно; тут и свои близкие; тут опять корреспонденты, которые, как коршуны, ждут услышать или увидеть что-нибудь интересное; к нам подходить и нас расспрашивать они не решаются. Страшно тяжелое впечатление производит Софья Андреевна. **Вся дрожащая, под руку с фельдшерницей, она то подойдет к двери, то заглянет в окно, но дверь заперта, окно завешено.** Она сама создала себе такое положение, но нельзя не пожалеть ее»¹.

¹ Оболенская Е. В. Указ. соч. С. 319, 320.

**Иван Иванович Озолин, начальник станции,
в доме которого умер Л. Н. Толстой.
Фотография 1910 г.**

Телеграфисты и корреспонденты на станции Астапово. Ноябрь 1910 г.
Фотография С. Г. Смирнова

Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
4 ноября

«Наше дежурство не было упорядоченным, все мы были возбужденные, утомленные, **то и дело отвлекали нас (особенно Никитина) корреспонденты, родные, друзья, любопытные.** Получались в большом количестве газеты, переполненные известиями о Л. Н. Каждый получал во много раз большую корреспонденцию, чем обыкновенно, много телеграмм. **Как только кто-нибудь ложился спать, его будили из-за «срочных с ответом» телеграмм.**

Хотя квартира была семьей Озолиных оставлена, места стало больше, но нас, людей около Л. Н., и вещей прибавилось. Две комнаты квартиры были не вычищены и, кроме того, на ногах вносилось в квартиру много грязи, песку.

Жили в квартире Озолина Александра Львовна, Варвара Михайловна, Озолин, Чертков, Сергеенко, девушка-прислуга. Я, Никитин и Семеновский ходили ночевать в другие квартиры. Днем приходили еще доктор Стоковский, Татьяна Львовна, сыновья Л. Н., Горбунов, Гольденвейзер, позже еще прибавились доктора (Щуровский, Усов). Иногда входил разносчик телеграмм. Во время совместной еды порой бывало шумно. Когда Л. Н. было плохо, все приунывали; когда, казалось, ему легче, оживали.

Не догадались обзавестись мягкой обувью, не смазали дверей (это стали делать только с пятого дня); топка, мытье пола, умывание лица, рук, тела; не догадались, когда Л. Н. дремал, сделать на дверях знак не входить.

(Сегодня распоряжение о выселении лиц, не живущих в доме у начальника, не семейных Л. Н. и не корреспондентов — тоже растревожило нас, хотя напрасно. Это было сделано, чтобы предотвратить скопление народу, которого через несколько дней набралось бы из Москвы и других городов тысячи.)»¹.

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 426.

Комната, в которой умер Л.Н. Толстой. Астапово. 2010.
Фотография В.Б. Ремизова

Стол с лекарствами и медицинскими принадлежностями в комнате
рядом с той, в которой умер Л. Н. Толстой. 1910 . Астапово.
Фотография корреспондента газеты «Русское слово» (?)

**Из книги
Александра Борисовича Гольденвейзера
«Вблизи Толстого»
3 ноября**

«В Астапово оказался очень хороший старик — буфетчик, седой, крепкий — лет под шестьдесят. Он отлично кормит всех и готовит вегетарианские блюда для многочисленных съехавшихся вегетарианцев.

На станции и в буфете приходится встречаться с членами семьи Толстых... Софьи Андреевны я пока не видал.

Я опасался, что приезд наш с Горбуновым удивит или стеснит бывших при Л. Н. Но нам были рады и нашли наше появление совершенно естественным. На душе тяжело, но я рад, что приехал и нахожусь вблизи Л. Н.»¹.

«В домике из сеней направо вход в кухню, прямо — заглушенная стеклянная дверь в комнату, где лежит Л. Н.; из кухни дверь в комнату, обращенную в столовую и вообще общую, где сходятся ухаживающие за Л. Н. родные и близкие. Из этой комнаты прямо вход в одну из двух комнат Л. Н. В первую его переводят иногда, когда ту нужно прибрать. Большей частью он во второй, налево от этой»².

4 ноября

«Нынче утром сюда приехал губернатор. Все переполошились. Распространился слух, что губернатор вышлет из Астапова всех, кроме четырех ухаживающих за Л. Н.; станцию и буфет будто бы закроют для посторонних.

Сыновья Л. Н. отправились к губернатору. Он сказал им, что станция вне сферы его влияния, но что он, тем не менее, ручается, что никого из находящихся при Л. Н. не тронут. Вообще тревога, по-видимому, фальшивая. От начальника дороги получено распоряжение предоставить всем приехавшим возможные удобства.

¹ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. С. 616.

² Там же. С. 616.

Корреспонденты тоже остались. [...]

Здесь народу все прибывает. В буфете — клуб. Корреспонденты получают в известные часы от докторов бюллетени. Всякий, кроме того, старается получить какие-нибудь свежие новости; они положительно рвут каждого из нас на части, стоит только появиться в пределах станции.

В буфете в часы обеда — давка. Курят, шумят, держатся шумно и развязно... Разгуливает по станции со своим свояком,.. которого все Толстые зовут «Вака». Все они пьют (и много), едят и болтают... Вся эта толчея — мучительный контраст с роковой таинственной борьбой жизни и смерти, происходящей в двух шагах, в маленьком домике начальника станции...»¹.

6 ноября

«Третьего дня получилась на имя Л. Н. телеграмма из Оптиной пустыни от иеромонаха Иосифа с просьбой разрешить приехать.

Александра Львовна ответила, что семья Л. Н. просит его не приезжать, так как видеть Л. Н. все равно нельзя. Оказывается, старцу Иосифу было синодом предписано ехать в Астапово. Он по немощи отказался. Тогда командировали игумена.

Вчера вечером игумен Варсонофий приехал вместе с иеромонахом Пантелеймоном. Они выразили желание видеть Л. Н., но им сказали, что это невозможно.

Нынче они хотели повидаться с Александрой Львовной. Она послала им письмо, в котором написала, что не может отойти от отца, что свидание их с отцом невозможно по состоянию его здоровья, что доктора не считают возможным допустить кого бы то ни было к Л. Н., а главное — свидание невозможно потому, что оно противоречило бы воле Л. Н., а воля отца для нее священна. Монахи еще раз письменно обращались к Александре Львовне, но она им ответила то же самое. Говорят, они надеялись, что их допустят хотя бы войти в дом, чтобы потом

¹ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. С. 619.

иметь возможность говорить, что они были у Толстого и благословили его.

Варсонофий беседовал с Д. В. Никитиным, который от имени докторов сказал ему, что допустить свидание они ни в каком случае не могут»¹.

6 ноября.

После консилиума врачей

«На вопрос Татьяны Львовны — вызвать ли телеграммой Михаила Сергеевича (мужа Татьяны Львовны. — В. Р.), Щуровский ответил:

— Откладывать в долгий ящик не следует.

— Что же — может все кончиться до ночи?

Щуровский уклонился от прямого ответа, но повторил:

— Медлить не советую.

Софья Андреевна все в том же состоянии. Ей читали нынче фельетон Меньшикова о Л.Н., положительно обливающий его грязью, а она почти кричала, что все это правда и одобряла Меньшикова. Душевное состояние ее ужасно, и все-таки нельзя не испытывать к ней глубокой жалости...

Приблизительно в час — в половине второго, когда при Л. Н. были Александра Львовна, Татьяна Львовна и, кажется, Варвара Михайловна, он тихо сказал:

— **Вот и конец... Просто, хорошо...**

Потом он приподнялся и, собравшись с силами, довольно громко сказал:

— **Помните одно: есть на свете пропасть народу, кроме Льва Толстого, а вы все смотрите на одного Льва...**

После этого Л.Н. в изнеможении опустился на подушку и тихо сказал:

— **Как хорошо, легко... никто не мешает...**

Татьяна Львовна выбежала из комнаты и передала бывшим в домике, и мне в том числе, эти слова Л.Н.»².

¹ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. С. 628, 629.

² Там же. С. 627, 628.

**Железнодорожный колокол и подлинные часы,
стрелки которых указывают на время смерти
Л. Н. Толстого 7 ноября 1910 г.
Железнодорожный вокзал на станции Лев Толстой (Астапово). 2010.
Фотография В.Б. Ремизова**

Л. Н. Толстой на смертном одре. 8 ноября 1910 г. Астапово.
Фотография Т. М. Морозова

7 ноября.
Раннее утро.
6 часов 5 минут

«Через окно в предрассветном сумраке я увидел Илью Львовича и довольно большую кучку народа, толпящуюся у дома, в ожидании вестей.

Я открыл форточку и сказал:

— **Скончался.**

Все сняли шапки. Было 6 часов 5 минут утра.

Я вернулся в комнату Л.Н.

Мы внесли туда другую кровать, перенесли на нее Л.Н., подложили клеенку. Дмитрий Васильевич и Душан Петрович стали обмывать Л.Н. Потом мы его одели. Надели на него его серую блузу. Пояса не могли отыскать. Позже его нашли, но уже надевать не стали. Мне отдали его на память.

Одевши Л.Н., мы перенесли его снова на ту кровать, на которой он скончался.

Пока мы еще его одевали, Софья Андреевна, начавшая как-то вдруг говорить громко (мы все еще говорили шепотом), стала собирать вещи и сказала:

— **Надо собрать все, а то толстовцы живо все растащат!**

Она стала искать ложку, которой Л.Н. всегда ел, и, долго не находя ее, волновалась.

Она сказала при этом мне:

— Вы не думайте, Александр Борисович, что я ищу ее потому, что она серебряная. Ведь это ложка Льва Толстого!..

Немного погодя мы с Иваном Ивановичем пошли к себе. Там собрались все друзья. Добрые Устиновы устроили чай, который мы, измученные, с жадностью стали пить.

Александра Львовна собиралась с утренним поездом (часов в 10) ехать в Ясную. Мы решили ехать с нею.

Я пошел снова к Л.Н.

Там кровать уже была убрана еловыми ветками и откуда-то взявшимися цветами.

На станции я встретил управляющего Рязанско-Уральской железной дорогой, Матреницкого, который спросил меня,

Комната, в которой умер Л. Н. Толстой.
Станция Лев Толстой (Астапово). 2010.
Фотография В. Б. Ремизова

Вечер. Музей Л. Н. Толстого на станции Лев Толстой (Астапово). 2010.
Фотография В. Б. Ремизова

может ли он войти поклониться телу Л. Н. В домике я увидел Софью Андреевну и спросил ее об этом.

Получив ее согласие, я пошел за Матреницким. Когда я ввел его, я был поражен Софьей Андреевной, перед тем убравшей вещи...

Мне стало так тяжело, что я поспешил уйти.

К домику стали стекаться многочисленные обитатели поселка. Установилась очередь.

Пора было собираться в путь. Мы наскоро уложились. Поезд приближался.

Я зашел еще раз поклониться телу Л. Н. Домик был полон народу.

Л. Н. лежал с прекрасным просветленным лицом — весь в зелени и цветах.

Мы сели в вагон. С этим же поездом приехал в Астапово тульский архиерей с запоздалой миссией — обратить Л. Н. в лоно церкви.

Нас поехало восемь человек: Александра Львовна, Варвара Михайловна, Владимир Григорьевич, А. П. Сергеенко, Д. В. Никитин, Г. М. Беркенгейм, Иван Иванович и я.

Только в вагоне мы почувствовали, до какой степени мы все измучены. В особенно подавленном состоянии был Г. М. Беркенгейм, которого мучила, как *idée fixe*, мысль, не было ли ошибкой то, что Л. Н. дали морфию...»¹.

Из «Очерков былого» Сергея Львовича Толстого

«Весь день 7/20 ноября прошел в хлопотах и суете. Около восьми часов мы открыли двери озолинского домика, и народ потек поклониться праху Льва Толстого. Это были железнодорожные рабочие и служащие, окрестные крестьяне, корреспонденты газет и друзья Толстого, приехавшие из Москвы. Перебывало несколько тысяч человек. Моя мать почти весь день сидела у изголовья покойного. **Мне было мучительно смотреть на ее нервно подергивающееся**

¹ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. С. 631–633.

лицо и трясущуюся голову. Каково ей было сознавать, что она дала повод к уходу отца, не видала его во время его болезни и простилась с ним только тогда, когда он был уже в бессознательном состоянии.

Студент-медик пятого курса Н.А. Дунаев впрыснул формалин в тело покойного. Формовщик Агафьин и **скульптор Меркуров, приехавшие из Москвы, сняли маску с его лица, художник Пастернак и другие зарисовали его, фотографии сделали несколько снимков, кто-то обвел на стене карандашом тень лица покойного, даваемую лампой.**

Я получил письмо от профессора Д.Н. Анучина с просьбой разрешить вскрытие черепа покойного. Посоветовавшись со своими семейными, я ответил отказом, зная отрицательное отношение отца к этому научному приему.

Утром следующего дня 8/21 ноября мы, четыре брата: я, Илья, Андрей и Михаил, вынесли гроб из дома Озолина. Нас сменили другие, и гроб был перенесен в товарный вагон.

Кинематографические и фотографические аппараты усиленно работали.

Товарный вагон был украшен еловыми ветками и снопами, повешенными на стенах крест-накрест; в вагон внесены были венки, один из живых цветов — от служащих Рязано-Уральской железной дороги. Посреди вагона был поставлен помост, обтянутый черной материей. На этот помост и был поставлен дубовый гроб, заключенный в металлический ящик.

На запасном пути Астаповской станции стоял вагон первого класса, предоставленный управлением железной дороги семье Толстого. В нем с 3 ноября помещались моя мать, сестра Татьяна, братья Илья, Андрей и Михаил, фельдшерца Терская и еще кое-кто. Перешел и я туда же. Этот вагон, вагон с гробом, вагон с двадцатью пятью корреспондентами и вагон управляющего железной дорогой Матренинского были прицеплены к экстренному поезду, и 8 ноября в час пятнадцать минут дня мы выехали из Астапова по направлению к Данкову, Волову и Горбачеву.

Похоронная процессия около дома И. И. Озолина в Астапове.
8 ноября 1910 г.
Фотография А. И. Савельева

Похоронная процессия около дома И.И. Озолина.
Астапово. 8 ноября 1910 г.

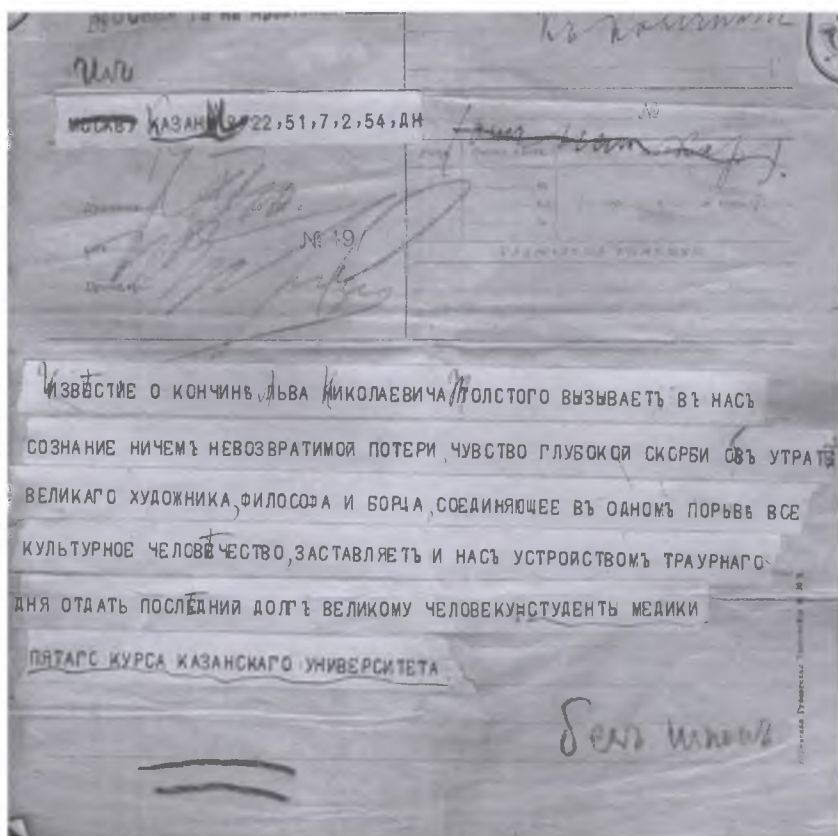
Гроб с телом Л. Н. Толстого несут его сыновья М. Л. Толстой (слева) и С. Л. Толстой (1-й план), И. Л. Толстой (слева) и А. Л. Толстой (3-й план). Астапово. 8 ноября 1910 г. Фотография С. Г. Смирнова

Похоронная процессия у траурного поезда на станции Астапово.
8 ноября 1910 г.
Фотография С. Г. Смирнова

Траурный поезд, в котором повезут гроб с телом Л.Н. Толстого
в Ясную Поляну 8 ноября 1910 г. Станция Астапово Рязано-Уральской ж/д.
Фотография С.Г. Овчинникова

Телеграмма в газету «Русские ведомости» на смерть Л. Н. Толстого
студентов медицинского факультета Казанского университета.
7 ноября 1910 г.

Могила Л. Н. Толстого

В Данкове исправник не допустил публику на вокзал и запретил возлагать венки. Этот исправник в голодную зиму 1891/1892 года был становым приставом в Епифанском уезде, где отец в то время устраивал столовые для голодающих.

В Горбачеве наш вагон и вагон с покойным были прицеплены к пассажирскому поезду Московско-Курской железной дороги, и поздно ночью мы тронулись. В Астапове и на поезде мы получили много сочувственных телеграмм, между ними: от писателя Куприна, академика Янжула, от Исторического музея, редакций газет, родственников и многих других.

Около семи часов утра 9 ноября поезд тихо подошел к станции Засека (находится в 4,5 километрах от Ясной Поляны. — В. Р.)»¹.

¹ Толстой С. Л. Указ. соч. С. 272.

« Я ПЕРЕСОЛИЛА »

Софья Андреевна в Астапове

31 октября

[В АРХИВЕ Д. П. МАКОВИЦКОГО СОХРАНИЛАСЬ КОПИЯ ЕГО ПИСЬМА ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1910 Г. К ДЕТАМ Л. Н. ТОЛСТОГО — С. Л. ТОЛСТОМУ И Т. Л. СУХОТИНОЙ:]

«Глубокоуважаемые Сергей Львович и Татьяна Львовна! Я вас от себя очень прошу никаким образом не пустите Софию А. за Л. Н.-чем. Подумайте, как тяжело Л. Н. скрываться, переезжать с места на место и как тяжело было бы для него, если бы его настигла С. А. А для С. А.-ны началось бы новое беспокойство. В нынешнее положение каждым днем больше и больше будет выправляться. Занятие с изданием у нее есть. Кланяюсь вам и всем. Д. П. М.»¹.

**Из «Яснополянских записок»
Душана Петровича Маковицкого
2 ноября**

«В 12.10 ночи приехал экстренный поезд с одним вагоном (санитарным: половина — второго, половина — третьего класса). Я пошел, переутомленный, встречать и сообщить Софье Андреевне о положении Л. Н.

Софья Андреевна имела не свой обычный деловой вид, была не такой, какая она есть, а какой-то нерешительной, несмелой. Была бледна. За ней следили, прерывали ее с нетерпением: «Мамá, не волнуйся».

Софье Андреевне я рассказал, что у Л. Н. воспаление, которое в этом возрасте обыкновенно смертельное, но Л. Н. в последние

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 482.

Перрон на станции Астапово. Ноябрь 1910 г.
Фотография С.Г. Смирнова

Дети Л. Н. и С. А. Толстых — Сережа, Лева, Таня и Илюша. Тула. 1872.
Фотография Ф. И. Ходасевича

Л. Н. Толстой в кругу семьи и гостей.
Слева направо: М. А. Стахович, Татьяна Толстая, Мария Кузминская,
Мария Толстая, С. Л. Толстой, С. А. Толстая. На ширме сидят Миша
и Андрюша Толстые. Ясная Поляна. 1887.
Фотография М. А. Стаховича

пять лет два раза легко перенес бронхопневмонию, сил много, не безнадежен.

Софья Андреевна заговорила о свидании с Л. Н., на это я сказал, что этого не может быть, что Л. Н. третьего дня бредил тем, что она его догонит. Софья Андреевна упрекала меня, почему я тогда не разбудил ее, что она бы обласкала его и он не уехал бы, и что это он навлек на нее такой позор, жену бросил, она ему ведь ничего не сделала, “только вошла в кабинет посмотреть, у него ли дневник, который пишет, не отдал ли и его, и еще, услышав шум, заходила и спросила: “Левочка, аль ты нездоров?” — *“Изжога, миндаль принимаю, не мешай мне”*, — ответил злобным голосом, досадуя. Я долго стояла у двери. Сердце у меня билось. Потом, услышав, что потушил свечу и ложится спать, я ушла. Как это я крепко заснула, что не слышала, как он ушел”.

Если Л. Н. выздоровеет, в чем Софья Андреевна не сомневается, и если поедет на юг... (пропуск в рукописи. — В. Р.)

Татьяна Львовна, Андрей, Михаил и В. Философов были усталые и встревоженные, озабоченные положением и отца, и матери. **Успокаивали мать, но нервно, с укорами.** Софья Андреевна выставляла причиной свое нездоровье... (пропуск в рукописи. — В. Р.), **а потом созналась: “Я пересолила”**¹.

3 ноября

«В 3 часа перенесли Л. Н. в соседнюю комнату, и его комнату проветрили, отворив парадный вход. **В это время поднялась на крыльцо Софья Андреевна. Сергеенко перед ней закрыл дверь. Она обиделась и после говорила, что она хотела только вызвать одного из докторов.** Я виделся с Софьей Андреевной пополудни, когда ходил поспать в вагон к Михаилу и Андрею Львовичам. **Она все говорила о том, как ее огорчил Л. Н.:** что она его любит и мечтает, чтобы он опять пожил в Ясной в обычных, привычных ему условиях; что

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 420.

она готова переселиться в Тулу или Телятинки жить и только временами приезжать в Ясную.

Если же Л. Н. уедет, то она за ним. **Она готова 5000 р. дать сыщику за отслеживание**¹.

3 ноября

«Сегодня (и в следующий день) входили к Софье Андреевне в вагон пять корреспондентов. Она в возбужденном состоянии говорила им — и они строчили, что Л. Н. ушел ради рекламы (оправдывала себя)»².

4 ноября

«Сегодня утром, в 7 часов, Софья Андреевна справлялась о здоровье Л. Н. Ходила вокруг дома, беспокоила нас; я боялся, что станет громко кликать, чтобы услышал Л. Н., что она здесь. В 9 приходила на крыльцо, долго задерживала Никитина. [...]

Семейный совет: решали, выписать ли еще московских врачей. Андрей Львович хотел. Переголосовали, решили “пока не выписывать”.

Как это несчастье сближает людей! Теперь сыновья Л. Н. все дружны, поступают заодно с другими»³.

Из «Очерков Былого» Сергея Львовича Толстого

Перед тем как расстаться с доктором Растегаевым, я просил его дать мне характеристику болезни моей матери, что он и сделал в следующем письме:

«Милостивый государь Сергей Львович. Дать согласно Вашей просьбе полную клиническую картину болезни матери Вашей гр. Софии Андреевны представляется затруднительным, так как срок моего наблюдения и изучения ее психической индивидуальности был довольно короток. Это обстоятельство послужит

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 422.

² Там же. С. 424.

³ Там же. С. 426.

для меня извинением, если вы почему-либо останетесь неудовлетворенным.

Приглашенный к Софье Андреевне в момент тяжелого приступа ее болезни, я не мог, да и не считал это крайне необходимым, произвести физическое исследование ее организма. Не считал же этого необходимым потому, что могущие быть изменения в физическом состоянии графини не могут объяснить болезненных изменений ее нервно-психической организации. Поэтому я прямо перехожу к последним.

Восприятие внешних впечатлений не нарушено, ориентирование в месте и времени сохранены вполне. Сознание совершенно ясное и остается таковым даже во время возбуждения. Внимание в общем не расстроено; но у Софьи Андреевны резкое стремление сделать себя, свою личность, свои интересы центром, на который были бы обращены взоры не только ее близких родных, друзей, знакомых, но и случайных лиц, с кем ей приходится сталкиваться. Память сохранена очень хорошо, и она припоминает факты близкого и далекого прошлого не только в их общих очертаниях, но припоминает и мелкие детали их. Со стороны суждения и критики у Софьи Андреевны наблюдаются известные расстройства. Эти расстройства выражаются в слабости критики и особенно самокритики. Считая свои взгляды, стремления справедливыми, она не обращает внимания на доводы окружающих, и в стремлении отстоять свои взгляды она нередко уклоняется от правдивой передачи виденного или слышанного. Будучи настойчива в достижении намеченной цели, она может совершать поступки, опасные для жизни. Но нельзя отрицать, что степень опасности ею учитывается, конечная же цель — достижение желаемого. Все ее действия и поступки вытекают из определенного эмоционального состояния. В суждениях Софьи Андреевны проглядывает непоследовательность и отсутствие связи между изложением и выводом. В моменты возбуждения она настолько слабо может подавлять проявления этого, что в состоянии выйти из рамок обычных повседневных отношений.

Вот в самых общих чертах те выводы о психической индивидуальности графини, которые дают мне право заключить,

что Софья Андреевна страдает психопатической организацией (истерической), под влиянием тех или иных условий может представлять такие припадки, что можно говорить о кратковременном преходящем душевном расстройстве. О том, как надо смотреть на таких больных, как лечить Софью Андреевну, я высказал в беседе с Вами на станции Астапово. Врач-психиатр Растегаев»¹.

Из книги
Александра Борисовича Гольденвейзера
«Вблизи Толстого»
3 ноября

«А здесь в Астапове — страшная суета: полон буфет приезжих — корреспонденты и всякий народ. Софья Андреевна говорит вслух на весь буфет ужасные слова о Л. Н. и окружающих его. И эти ее слова жадно подхватываются корреспондентами как сенсационный материал.

Даже... в ужасе от ее поведения. Они поздно спохватились, допустив ее довести... до гибели»².

5 ноября

«Нынче я несколько часов дежурил в домике. Мы (Татьяна Львовна, Александра Львовна и я) сидели в кухне и разговаривали. Вдруг я вижу: к самому стеклу приложилась лицом Софья Андреевна. Я выбежал наружу, за мной Татьяна Львовна.

Софья Андреевна, увидав меня, стала говорить:

— Я не войду, я не войду; я хочу только милую Сашу повидать. Позовите ее...

Говорит голосом тихим, жалким. Я пошел за Александрой Львовной, но из предосторожности дверь в кухню запер за собою на ключ.

Мы с Александрой Львовной выходим в сени. Софья Андреевна уже там. Мы уговорили ее выйти наружу. Все мы были

¹ УЛТ. С. 42, 43.

² Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. С. 618.

С.А. Толстая за печатной машинкой «Ремингтон».
Ясная Поляна. 10 декабря 1903 г.
Фотография П.А. Сергеевко

крайне взволнованы и тронуты ее приходом. Но Боже мой, что оказалось!

В Астапово приехали фотографы от какой-то кинематографической фирмы и захотели снять Софью Андреевну. Когда мы открыли дверь наружу, Александра Львовна увидела направленный в сторону крыльца аппарат, услышала треск вращаемой ручки, в ужасе отшатнулась и убежала назад в дом»¹.

**Из воспоминаний племянницы Льва Николаевича
Толстого Елизаветы Валериановны Оболенской**
4 ноября

«Софья Андреевна с фельдшерницей занимали маленькое купе; я прошла прямо к ней. Она была до чрезвычайности жалка, очень похудела, с трясущейся головой, имела какой-то виноватый и растерянный вид. Увидав меня, она сейчас же стала жаловаться, что ее не пускают ко Льву Николаевичу, что она не может добиться свидания с ним, возбужденно и недружелюбно говорила о Черткове. Она показалась мне совершенно ненормальной. Фельдшерница сделала мне знак, чтобы я ушла»².

Из воспоминаний Татьяны Львовны Сухотиной
5 ноября

«Поведение матери трудно было понять. То она заявляла, что не сумасшедшая, и сама понимает, что, если он ее увидит, это может его убить, то говорила, что все равно хуже не будет, что в любом случае она его больше не увидит. То начинала плакать и жаловаться, что не она за ним ухаживает: “Сказать только, я прожила с ним сорок восемь лет, и не я ухаживаю за ним, когда он умирает...”

Мы чувствовали всю чудовищность такого положения. Но, поскольку отец не звал ее, мы не считали возможным пустить ее к нему»³.

¹ Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. 625, 626.

² Оболенская Е. В. Указ. соч. С. 319.

³ УЛТ. С. 73.

С.А. Толстая пишет копию портрета Л.Н. Толстого
работы И.Е. Репина. Ясная Поляна.
Фотография П.А. Сергеенко

**Из письма Сергея Львовича Толстого
жене Марье Николаевне Толстой
6 ноября. Астапово Рязанской губ.**

«Милая Маша, я тебе не телеграфирую, потому что из газет, особенно из “Русских ведомостей”, ты все узнаешь подробнее: Если будет очень плохо, я тебе телеграфирую. Теперь дело несколько лучше, но далеко не хорошо: пульс до 140 и дыханье до 46, теперь немного только оправились. Но я еще надеюсь, что отец и на этот раз выскочит.

Мама все время под наблюдением сестры — Елены Павловны Скоробогатовой, очень почтенной женщины, к которой мама относится очень хорошо. Ко второй сестре мама относится враждебно.

Мама стала спокойнее, но взгляды и мысли ее не изменились. Тот же эгоизм и постоянная мысль только о себе. Она постоянно говорит и любит говорить на вокзале, где все корреспонденты ее жадно слушают, а мы сидим, как на иголках. Отсюда вся та грязь, которая появилась в газетах.

Мама покоряется, но только по необходимости, нам, всем ее детям. Мы действуем все единодушно и решительно. **Мы не пускаем ее к отцу и не пустим, пока отец ее не позовет и врачи скажут, что это не опасно для него.** Теперь врачи говорят, что это невозможно. Ее же мы уверяем, и это она сама понимает, что свиданье с ней убьет его.

Ручаться за то, что она вырвалась бы к нему — нельзя было бы, если бы не строгий надзор. Но сторожа у нас хорошие.

Отец три дня тому назад продиктовал Саше телеграмму матери, в которой просит ее не приезжать. (Он думал, а может быть и сейчас думает, что она в Ясной.) Потому что **“свидание с ней при моем больном сердце могло бы быть для меня губительно”**.

С тех пор он про нее не спрашивал и только в бреду при Тане сказал: **“На Соню много падает”**. Таня спросила его, не хочет ли он ее видеть. Он промолчал.

Меня он узнавал каждый раз. В первый раз удивился, что я его нашел, и расспрашивал, как я его нашел.

**С. А. Толстая с сыном Ильей Львовичем
на перроне станции Астапово. Ноябрь 1910 г.
Фотография С. Г. Смирнова**

Л. Н. Толстой на смертном одре.
8 ноября 1910 г. Астапово.
Фотография Т. М. Морозова

Софья Андреевна, поддерживаемая сыном Ильей (слева), выходит из вагона с гробом Л. Н. Толстого. Астапово. 8 ноября 1910 г.
Кадр из кинохроники

Раз в бреду он мне сказал:

— Сережа! Ты меня презираешь, но я не плох, я совсем не плох!

Ему мое письмо, которое я написал из Ясной, очень понравилось.

Из письма, которое отец написал из Шамардина Саше (привез его Сергеенко), видно, как ему было тяжело в Ясной последнее время. Это письмо — ужасный документ.

Растегаев (психиатр) уехал. Он нам не очень понравился, но я думаю, что мы правильно сделали, что его выписали.

Письмо мое можешь читать только близким, например, Бутурлину, Дунаеву. Впрочем, ты сама знаешь.

Пиши мне...»¹.

**Из книги
Александра Борисовича Гольденвейзера
«Вблизи Толстого»
6 ноября. День**

«Софья Андреевна все в том же состоянии. Ей читали нынче фельетон Меньшикова о Л.Н., положительно обливающий его грязью, а она почти кричала, что все это правда и одобряла Меньшикова. Душевное состояние ее ужасно, и все-таки нельзя не испытывать к ней глубокой жалости...»².

**Из воспоминаний
Варвары Михайловны Феокритовой-Полевой
7 ноября. Утро**

«Помню, что Софьи Андреевны я ни разу не видела в Астапове при жизни Льва Николаевича. Ее не пускали к нему, а я ни на минуту не оставляла его. Женский уход был необходим, и мы с Сашей только одни ухаживали за ним.

Помню, как мне было приятно услышать, как Лев Николаевич после моего ночного дежурства сказал Саше:

¹ УЛТ. С. 43, 44.

² Гольденвейзер А. Б. Указ. соч. С. 627.

— Какая Варечка хорошая сиделка! Только женщины умеют так ухаживать.

Ухаживать за ним было необыкновенно легко и приятно. Он был ласков, мягок и чрезвычайно благодарен за всякую мелочь, которую я ему делала.

Софью Андреевну выпустили в домик только тогда, когда, по мнению докторов, у него уже не было сознания. С нее взяли слово, что она не крикнет, не бросится к нему, а спокойно подойдет к постели. Она наклонилась над ним и тихо шептала слова любви и прощения.

Помню, мне было очень тяжело и безумно жаль Софью Андреевну, что она должна была испытывать!..

Но вот все кончено. Льва Николаевича не стало.

Послышались голоса. Все вышли из комнаты. И вдруг раздался громкий голос Софьи Андреевны:

— Надо собрать все вещи Льва Николаевича, а то толстовцы все утащат.

Она позвала меня и просила ей помочь. Я отказалась. Чувства жалости к ней как не бывало!..

Она осталась в комнате и одна собирала вещи.

В десять часов утра с первым отходящим поездом мы с Сашей выехали в Ясную¹.

Из «Моих воспоминаний» Ильи Львовича Толстого

«Отец продолжал идти по избранному им пути и дорос до высот недостижимых. Мать же не только перестала расти, но, потеряв стимул жизни, пожалуй, даже пошла назад.

Оба — и он, и она, — каждый по-своему, жалуются на полное одиночество. Он — одинокий на той громадной высоте, на которой он парит, она — **не могущая подняться за ним и ищущая чего-то на земле.** Он уже победил свое личное «я» и отнял его и у себя, и у жены; **она же — терзаемая своим «я» и не находящая ему применения.**

¹ ОР ГМТ.

Все чаще и чаще эти терзания доводят ее до раздражения, которое она выливает на него, самого близкого ей человека.

Как у всех, живущих близко друг к другу людей, у них вырабатывается схема столкновений. У него — терпеливое молчание, у нее — поток упреков и мелких нареканий. Она делает как раз то, **чего для своих же интересов она не должна была бы делать.** [...]

Ужасно было, что ее не допустили к умирающему мужу. Это было сделано по его желанию и по совету докторов, но мне кажется теперь, что это была ошибка. Лучше было бы, чтобы она взшла к нему, когда он был еще в сознании. Лучше и для него, и для нее.

После смерти отца мать прожила еще девять лет и умерла так же, как и отец, от воспаления легких, и тоже в начале ноября.

За последние годы она значительно изменилась, стала ровнее и спокойнее и все ближе и ближе стала подходить к мирозерцанию отца.

Перед смертью она трогательно просила у всех близких прощения и умерла примиренная.

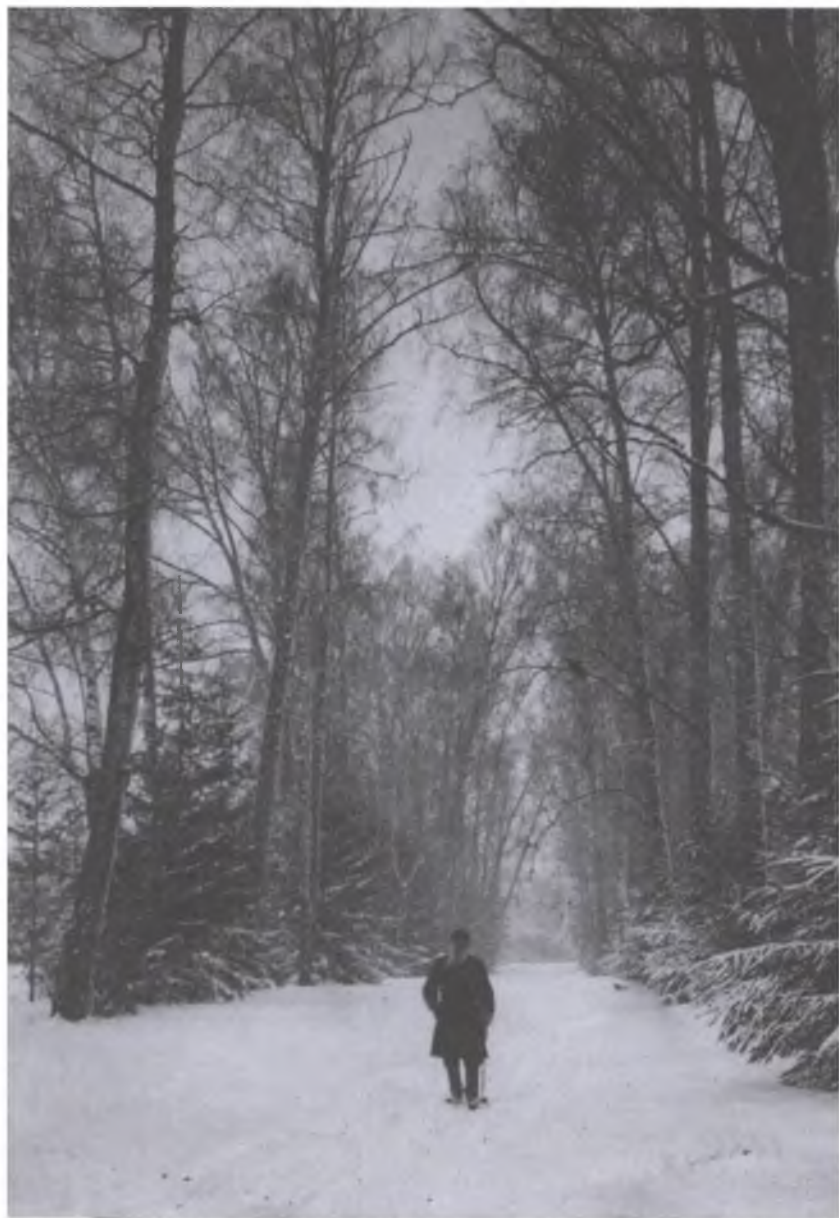
Когда сестра Таня спросила ее во время ее последней болезни, часто ли она думает об отце, она сказала: “Постоянно... постоянно...” — и прибавила:

— Таня, меня мучает, что я жила с ним дурно, но, Таня, я говорю тебе перед смертью, я никогда, никогда не любила никого, кроме него.

Хочется верить, что во всем происшедшем больше обвиняемых, чем виновных.

Быть может, если бы те люди, которые за последние годы жизни отца близко к нему стояли, ведали бы, что они творили, быть может, обстоятельства сложились бы иначе»¹.

¹ УЛТ. С. 95–98.

Л. Н. Толстой идет по «Прешпекту». Ясная Поляна. 1908,
Фотография В. Г. Черткова

С. А. Толстая в парке «Клины». Ясная Поляна. 1903.
Фотография С. А. Толстой

Nels Thompson

**ИЗ ОФИЦИАЛЬНОЙ
ХРОНИКИ УХОДА
Л. Н. ТОЛСТОГО**

30 октября

[По распоряжению тульского губернатора командирован в Ясную Поляну помощник начальника тульского сыскного отделения П.А. Жемчужников для выяснения, куда направился Толстой¹]

31 октября 1910

По дороге в Астапово из Шамардина через Горбачево.

«В Горбачеве и раньше на станциях заметили сыщика. [...]

Л.Н. было неприятно узнать об этой погоне за ним газетных Шерлоков Холмсов и настоящего сыщика, который по распоряжению тульского губернатора ехал с нами в поезде и обнаружился тем, что чуть ли не на каждой станции слезал и становился против нашего вагона, смотрел упорно в окно и несколько раз иначе переодевался»².

31 октября. 5 часов 50 минут дня

[Донесение жандармского унтер-офицера станции Данков Дыкина о том, что граф Толстой едет в поезде № 12³]

31 октября. 7 часов 43 минуты вечера

[Донесение жандармского унтер-офицера станции Астапово Филиппова начальнику Елецкого отделения жандармского

¹ Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 825.

² Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 414.

³ Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 827.

Вид на Свято-Троицкий храм и дом начальника станции
Астапово (справа). Ноябрь — декабрь 1910 г. Рязанская губ.
(ныне Липецкая обл.).

Фотография С. Г. Овчинникова

полицейского управления железных дорог М.Н. Савицкому о том, что начальник станции Озолин принял в свою квартиру графа Толстого¹]

1 ноября. 7 часов 10 минут вечера

[Телеграмма помощника тульского сыскного отделения П.А. Жемчужникова своему начальнику А.Д. Разумовскому об остановке Толстого на станции Астапово²]

3 ноября. 9 часов 45 минут утра

[Телеграмма из Москвы генерал-майора Н.Н. Львова ротмистру Н.Н. Савицкому: «Предложение губернатора приведением исполнение приостановите. Вслед за сим получите дальнейшие указания»³]

3 ноября. 2 часа 50 минут дня

[Телеграмма железнодорожного врача при станции Астапово Л.И. Стоковского старшему врачу управления Рязано-Уральской железной дороги А.А. Гамбурцеву: «Вчера состоялся консилиум из врачей Маковицкого, данковского земского врача Семеновского и меня. Диагноз: пневмония; положение серьезное. Сегодня прибыл из Москвы доктор Никитин»⁴]

3 ноября. 3 часа 20 минут дня

[Шифрованная телеграмма генерал-майора Н.Н. Львова жандармскому ротмистру М.Н. Савицкому: «По приказанию начальника штаба вам безотлучно находиться Астапове,

¹ Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 828.

² Там же. С. 829.

³ Там же. С. 831.

⁴ Там же. С. 831.

командировать туда пять жандармов и посылать донесения в штаб о положении больного»^{1]}

3 ноября. 4 часа 5 минут дня

[Телеграмма в редакцию корреспондента газеты «Утро России» С.С. Раецкого: «Телеграф работает без передышки. Запросы идут министерства путей, управления дороги, калужского, рязанского, тамбовского, тульского губернаторов... **Семья Толстого забрасывается телеграммами всех концов России, мира**»^{2]}

3 ноября. 8 часов 15 минут вечера

[Телеграмма жандармского унтер-офицера на станции Астапово Филиппова ротмистру М.Н. Савицкому: «Прибыли корреспонденты “Утро”, “Русское слово”, “Ведомости”, “Речь”, “Голос Москвы”, “Новое время” и “Петербургское телеграфное агентство”. Завтра поездом 11 едет Астапово рязанский губернатор»^{3]}

4 ноября

[Телеграмма Толстому петербургского митрополита Антония с увещанием «примириться с церковью и православным русским народом» Телеграмма не была показана Толстому, чтобы не причинять ему ненужного беспокойства^{4]}

4 ноября. 11 часов 35 минут утра

[Телеграмма прибывшего в Астапово рязанского губернатора кн. А.Н. Оболенского вице-губернатору В.А. Колобову: «Прошу сообщить, переговорив архиереем, можно ли местному священнику служить молебен здравии Толстого. Вчера его просили, он не склонен согласиться. Посоветуйте не разрешать»^{5]}

¹ Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 831, 832.

² Там же. С. 831.

³ Там же. С. 833.

⁴ Там же. С. 833.

⁵ Там же. С. 833.

4 ноября. 12 часов дня

[Шифрованная телеграмма рязанского губернатора А.Н. Оболенского товарищу министра внутренних дел П.Г. Курлову: «Прибыв Астапово, нашел полное спокойствие... Местное население никакого интереса не проявляет. Местному священнику указания даны на случай кончины графа Толстого»¹]

4 ноября. 2 часа 25 минут дня

[Телеграмма из Ельца жандармского вахмистра Новикова жандармскому унтер-офицеру станции Лебедянь Грицинину: «Сегодня поездом № 4 отправиться Астапово в распоряжение Филиппову взять винтовки с патронами»²]

4 ноября

[Прибытие в Астапово начальника Рязанского губернского жандармского управления П.П. Глобы³]

4 ноября. 6 часов 52 минуты вечера

[Телеграмма тамбовского губернатора Н.П. Муратова рязанскому губернатору А.Н. Оболенскому. «Если нужна помощь поддержки порядка, то городских, стражников могут выслать из Лебедяни, Козлова. Лебедянскому, козловскому исправникам одновременно даю знать; в случае надобности непосредственно обращайтесь к ним»⁴]

4 ноября. 8 часов 30 минут вечера

[Телеграмма жандармского унтер-офицера Филиппова унтер-офицерам Серегину и Дыкину: «5-го утром прибыть Астапово с оружием и патронами»⁵]

¹ Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 833.

² Там же. С. 833, 834.

³ Там же. С. 834.

⁴ Там же. С. 834.

⁵ Там же. С. 834.

5 ноября

[Секретный приезд в Астапово вице-директора департамента полиции Н.П. Харламова¹]

5 ноября

[Приезд в Астапово «старца» Оптиной Пустыни Варсонофия. Варсонофий сообщил жандармскому ротмистру Савицкому, что «приезд его в Астапово явился результатом командировки Святейшим Синодом и имел целью подготовить примирение Толстого с Православной Церковью... Он привез с собой “святые дары”, и если бы Толстой сказал одно слово “каюсь”, то игумен, в силу своих полномочий, считал бы его отказавшимся от своего “лжеучения” и напутствовал бы его перед смертью как православного»²]

5 ноября

[Тульский губернатор Д.Д. Кобеко запрашивает тульского викарного архиерея Евдокима, «может ли быть допущено, в случае смерти графа Льва Толстого, служение в тульской епархии панихид по нем»³]

5 ноября

[Запрещение рязанским архиереем местному священнику в случае смерти Толстого служить по нем панихиды, переданное священнику через рязанского губернатора⁴]

¹ Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 834.

² См.: Рапорт начальника Московско-Камышинского жандармского полицейского управления генерал-майора Львова в штаб отдельного корпуса жандармов. «Красный архив», 1923. Т. 4. С. 351 / Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 834.

³ Там же. С. 835.

⁴ Там же. С. 835.

5 ноября

[Распоряжение начальника дороги о том, чтобы поезда, проходящие через станцию Астапово, «не давали резких свистков, дабы не беспокоить больного»¹].

6 ноября

[На запрос тульского губернатора Д.Д. Кобеко тульский викарий Евдоким отвечает: «Пока постановление Св. Синода об отлучении графа Толстого от Церкви не отменено, не может быть никакой речи о служении по нем панихид»²].

6 ноября. 8 часов вечера

[По поручению синода игумен Оптиной Пустыни Варсонофий и иеродиякон Пантелеймон старались проникнуть к Толстому с целью увещания вернуться к Церкви, но дочь писателя отказалась допустить их к умирающему отцу. — В.Р.]

7 ноября. Раннее утро

[Приезд в Астапово тульского архиерея Парфения. Его расспросы членов семьи, не выражал ли Толстой перед смертью желания примириться с православной церковью. О своей миссии епископ сообщил жандармскому ротмистру Савицкому: «По личному желанию государя императора я командирован Синодом для того, чтобы узнать, не было ли за время пребывания Толстого в Астапове каких-либо обстоятельств, указывающих на желание покойного графа Толстого раскаяться в своих заблуждениях, или, быть может, имеются какие-нибудь намеки на то, что Толстой не был против погребения его по православному обряду»³].

¹ Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 835.

² Там же. С. 836.

³ См.: Рапорт начальника Московско-Камышинского жандармского полицейского управления генерал-майора Львова в штаб отдельного корпуса жандармов. «Красный архив», 1923. Т. 4. С. 352 / Гусев Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 837, 838.

7 ноября. 12 часов 30 минут и 1 час дня

[Шифрованные телеграммы жандармского ротмистра начальнику Московско-Камышинского жандармского полицейского управления Н.Н. Львову и Штабу корпуса жандармов: «Здесь, с разрешения рязанского губернатора, допущено возложение венков, но без вызывающих надписей и желания произвести демонстрацию... Никаких признаков желания использовать событие в нежелательном смысле. Число унтер-офицеров увеличено. Наружный порядок обеспечен. Приняты все меры к обеспечению быстроты перевозки с целью избежания скопления любопытных»¹].

7 ноября

[Донесение вице-директора департамента полиции Н.П. Харламова товарищу министра внутренних дел П.Г. Курлову: «Миссия преосвященного Парфения успеха не имела: никто из членов семьи не нашел возможным удостоверить, чтобы умерший выражал какое-либо желание примириться с церковью»²]

**Телеграмма Игумена Варсонофия
настоятелю Оптиной пустыни
Архимандриту Ксенофонту
Астапово. 7 ноября 1910 г.**

Граф Толстой скончался сегодня шесть часов утра без покаяния. Семья была при нем. Меня не приглашали, хотя все меры были приняты с моей стороны видеть больного. Два часа до смерти находился в бессознательном состоянии. Одновременно телеграфирую епископу. Завтра выезжаю. Игумен Варсонофий³.

¹ Гусев Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 838.

² Там же. С. 837.

³ ОР ГМТ.

Отправитель		Получатель		ТЕЛЕГРАФЪ РАЙОННО-УЧАСТКОВОЙ МЛ. ДОР.		Плата.	
Въ 1910		Въ 1910		7 - 10		2.50	
Служба		Служба		Копия		2.15	
Телеграмма №		Телеграмма №		500		Примеч.	
Разреш.		Счетъ словъ		ПОДАЧА		Сотрѣбная оплата	
7		7		7		7	

Козельскъ.
Настоятелю Оптиной Пустыни
Архимандриту Ксенофонту.
Графъ Толстой скончался, след
но шесть часовъ утра въ нака
нии. Смерть была при кресте. Жены не
приехали, хотя въ кресте были
приказъ съ своей стороны. Вдова
Бельяна. Два часа до смерти нахо
Сер. Т.К. № 2.4

Ваше Высочайшее со
стояние. Одновременно теле
графировано Епископу. Завтра
выступитъ Иеремей Варсонофий

Телеграмма Игумена Варсонофия настоятелю Оптиной пустыни
Архимандриту Ксенофонту. Астапово. 7 ноября 1910 г.

Телеграмма
Премьер-министра России П. А. Столыпина
Императору Всероссийскому Николаю II
Астапово. 7 ноября 1910 г.

Сего числа, в 6 ч. 5 м. утра, на станции Астапово, Рязанско-Уральской железной дороги, скончался на 83 году жизни граф Лев Николаевич Толстой. О чем приемлю долг всеподданнейше доложить
ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
Статс-Секретарь Столыпин (подпись)
«7» Ноября 1910 года.

Вверху рукою Императора Николая II сделана запись:
Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего, во времена расцвета своего дарования, в творениях своих родные образы одной из славнейших годин русской жизни. Господь Бог да будет ему Милостивым Судьею¹.

Император Российской империи
Николай II

П. А. Столыпин

¹ ОР ГМТ.

Душевно страдаю о кончине великого
писателя, воплотившего во времени
расцвета своего дарования, во творчестве
своих, редких образк одной из величайших
годит русской жизни. — Писать
Бог да будет Милостивый Судья.

Сего числа, въ 6 ч. 05 м. утра, на станціи
Астапово, Рязанско-Уральской желѣзной дороги,
скончался на 33 году жизни графъ Левъ Николае-
вичъ Толстой.

О чемъ прошу долгъ восподанкнѣше,
жить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Станис. Секретеръ Сталовицк

• 7 • Ноября 1910 года.

Телеграмма П.А. Столыпина Николаю II о смерти Л.Н. Толстого
с резолюцией Императора Российской Империи. 7 ноября 1910 г.

Nels Thompson

ЛЕВ ТОЛСТОЙ
ИЗ «ПУТИ ЖИЗНИ»

Если человек знает все науки и говорит на всех языках, но не знает того, что он такое и что он должен делать, он просвещен гораздо менее той безграмотной старухи, которая верит в батюшку спасителя, то есть в Бога, по воле которого она признает себя живущей, и знает, что этот **Бог требует** от нее **праведности**. Она просвещеннее ученого, потому что у нее есть ответ на главный вопрос, что такое ее жизнь и как ей надо жить (т. 45, с. 308).

Если я верю в Бога, то мне нечего спрашивать о том, что выйдет из моего послушания Богу, потому что я знаю, что **Бог — любовь**, а из любви ничего, кроме добра, выйти не может (21).

Если человеку плохо жить, то это только оттого, что у такого человека нет веры. Это же бывает и с народами. **Если плохо живется народу, то только оттого, что народ потерял веру** (22).

Главная разница между истинной верой и ложной та, что при ложной вере человек хочет, чтобы за его жертвы и молитвы Бог угождал человеку. При истинной же вере человек хочет только одного: **научиться угождать Богу** (29).

Христос научает человека тому, что в нем есть то, что поднимает его выше этой жизни с ее суетой, страхами и похотями. **Человек, познавший учение Христа**, испытывает то, что испытала бы птица, если бы она не знала того, что у нее есть крылья, и вдруг поняла бы, что она может летать, быть свободной и ничего не бояться (37).

Когда мы слышим про то, что человек сделал что-нибудь дурное, мы говорим: совести у него нет. **Что же такое совесть?** Совесть — это голос того единого духовного существа, которое живет во всех (38).

Тело — это пища души, это леса, посредством которых строится истинная жизнь. Самая большая радость, какую может узнать человек, — это **радость** познания в себе свободного, разумного, любящего и потому блаженного существа, **познание в себе Бога** (40).

Тот, кто говорит, что любит Бога, но не любит ближнего, тот обманывает людей. Тот же, кто говорит, что любит ближнего, но не любит Бога, тот обманывает самого себя (75).

Говорят, надо бояться Бога. Это неправда. **Бога надо любить, а не бояться.** Нельзя любить того, кого боишься. Да, кроме того, нельзя бояться Бога оттого, что Бог есть любовь... (76).

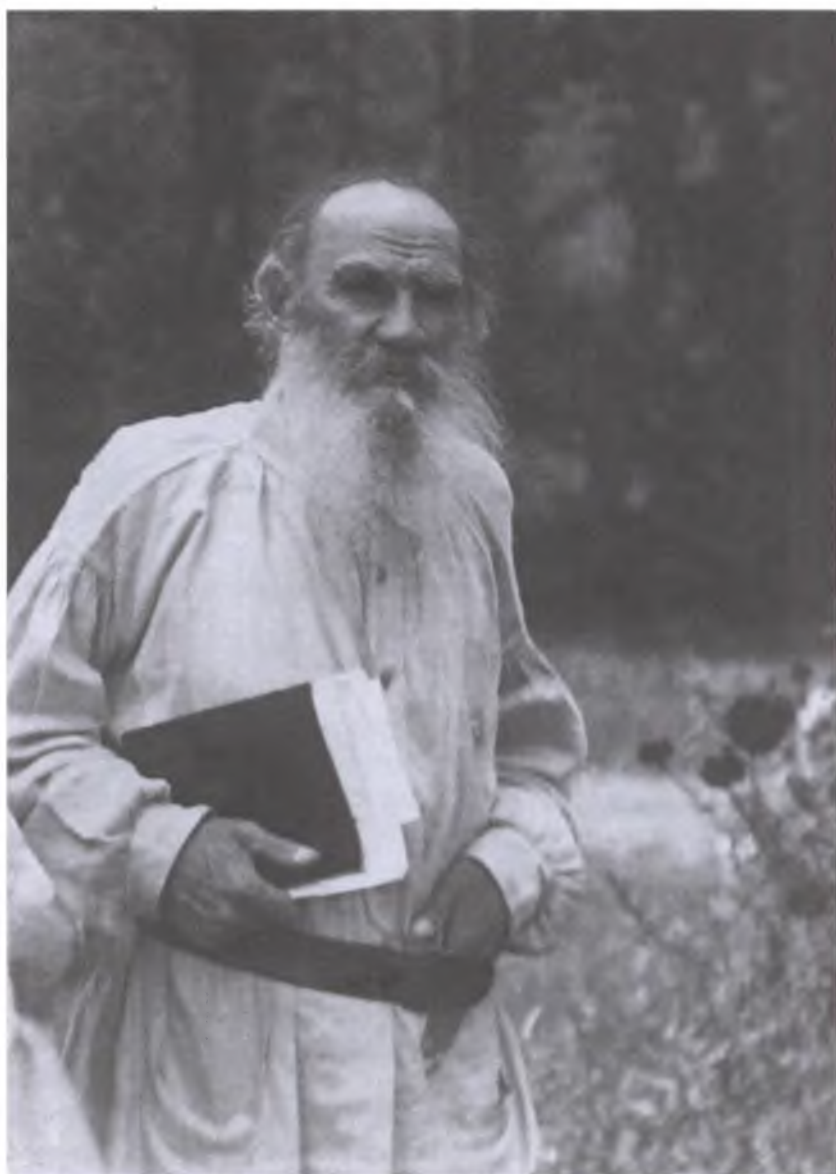
Постарайся полюбить того, кого ты не любил, осуждал, кто оскорбил тебя. И если это удастся тебе сделать, ты узнаешь новое, радостное чувство. Как свет яркий светит после темноты, так и, **освободившись от нелюбви**, свет любви сильнее и радостнее разгорится в тебе (80–81).

Есть такая притча о любви.

Жил один человек так, что никогда не думал и не заботился о себе, а думал и заботился только о ближних.

И жизнь этого человека была так удивительна, что невидимые духи любовались его доброй жизнью и радовались на нее.

Один раз один из этих духов сказал другому: «Человек этот свят, и, странное дело, он не знает этого. Мало на свете таких людей. Давайте спросим его, чем мы можем служить ему и какими дарами он хочет, чтобы мы одарили его». — «Хорошо», — сказали все другие духи. И вот один из духов неслышно и невидимо, но явственно, понятно сказал доброму человеку: «Мы видим твою жизнь и святость и хотели бы

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 9 августа 1903 г.
Фрагмент фотографии И. Л. Толстого

знать, чем мы можем одарить тебя? Скажи, чего ты желаешь? То ли, чтобы ты мог облегчить бедность и нужду всем, кого видишь и о ком жалеешь? Мы это можем сделать. Или хочешь, мы дадим тебе такую силу, что ты будешь избавлять людей от болезней и страданий, так, чтобы те, кого ты пожалеешь, не будут умирать прежде времени? И это в нашей власти. Или ты желаешь того, чтобы все люди на свете — мужчины, женщины, дети любили тебя? Мы можем и это сделать. Скажи, чего ты желаешь?»

И святой сказал: «Ничего из этого не желаю, потому что Господу Богу подобает избавлять людей от того, что он посылает им: от нужды и страданий, от болезней и от преждевременной смерти. Любви же от людей я боюсь. Боюсь, как бы любовь людская не соблазнила меня, не помешала мне в одном главном моем деле, в том, чтобы увеличить в себе любовь к Богу и к людям».

И все духи сказали: «Да, **этот человек свят истинной святостью** и истинно любит Бога».

Любовь дает, но ничего не желает (89).

Одни люди полагают жизнь в чревоугодии, другие — в половой похоти, третьи — во власти, четвертые — в славе людской, и на всё это тратят свои силы, а **нужно всегда и всем людям только одно: растить** душу. Только одно это дает людям то истинное благо, такое благо, какого никто отнять не может (курсив Л. Н. Толстого. — В.Р.; 92).

Пока у человека нет разума, он живет как животное, и хорошо ли, дурно ли ему, он не виноват в этом. Но приходит время, когда человек может рассудить, что ему должно и чего не должно делать. И вот тут-то человек часто, вместо того чтобы понять, что разум ему дан для того, чтобы познавать то, что должно, и то, чего не должно делать, употребляет свой разум на то, чтобы **оправдать то дурное, что ему приятно** и что он привык делать. Вот это-то и приводит людей к тем соблазнам и суевериям, от которых более всего страдает мир (95).

Л. Н. Толстой. Возвращение с купания. Ясная Поляна. 1905.
Фотография В. Г. Черткова

Люди могут кормить себя только тремя способами: или грабежом, или милостыней, или трудом. Легко отличить от остальных тех, которые кормятся трудом; так же легко заметны и те, которые кормятся милостыней; только грабителей не сразу можно признать, потому что их два рода: одни — простые грабители, те, которые или грабят, силою отнимая у других вещи, или воруют их. Этих все знают, и эти сами себя считают грабителями и ворами, и этих ловят и наказывают. Другой же род грабителей — это те, которые сами себя не считают грабителями, которых не ловят и не наказывают, но которые разрешенными правительствами средствами **грабят рабочий народ**, отбирают от него произведения его труда (155–156).

Как бурьян, когда вырастает в пшенице, вытягивает влагу, соки из земли и заслоняет пшеницу от солнца, так же и **гордость** забирает в себя все силы человека и заслоняет от него свет истины (183).

Грех гордости может быть уничтожен только признанием единства духа, живущего во всех людях. Понявши это, человек не может уже считать ни себя, ни своих близких, ни свой народ выше и лучше других людей (185).

Только тогда легко жить с человеком, когда не считаешь ни себя выше, лучше его, ни его выше и лучше себя (185).

Всякий человек, прежде чем быть австрийцем, сербом, турком, китайцем, — *человек*, то есть разумное, любящее существо, призвание которого никак не в том, чтобы соблюдать или разрушать сербское, турецкое, китайское, русское государство, а только в одном: в исполнении своего человеческого назначения в тот короткий срок, который предназначено ему прожить в этом мире. **А назначение это одно и очень определенное: любить всех людей** (курсив Л. Н. Толстого. — В. Р.; 193–194).

Нравственное усилие и радость сознания жизни чередуются так же, как телесный труд и радость отдыха. Без труда телесного

Л. Н. Толстой верхом в окрестностях Ясной Поляны. 1908.
Фотография К. К. Буллы

нет и радости отдыха; без усилия нравственного нет радости сознания жизни (328).

«Жить до вечера и до веку» — значит жить так, как будто всякую минуту доживаешь последний час и можешь успеть сделать только самое важное, и вместе с тем жить так, как будто то дело, которое ты делаешь, ты будешь продолжать без конца (333).

Любовь — это проявление божественной сущности, для которой нет времени, и потому любовь проявляется только в настоящем, сейчас, во всякую минуту настоящего (336).

Главный вопрос жизни нашей только в том, то ли мы делаем в этот короткий, данный нам срок жизни, чего хочет от нас Тот, Кто послал нас в жизнь. **То ли мы делаем?** (343).

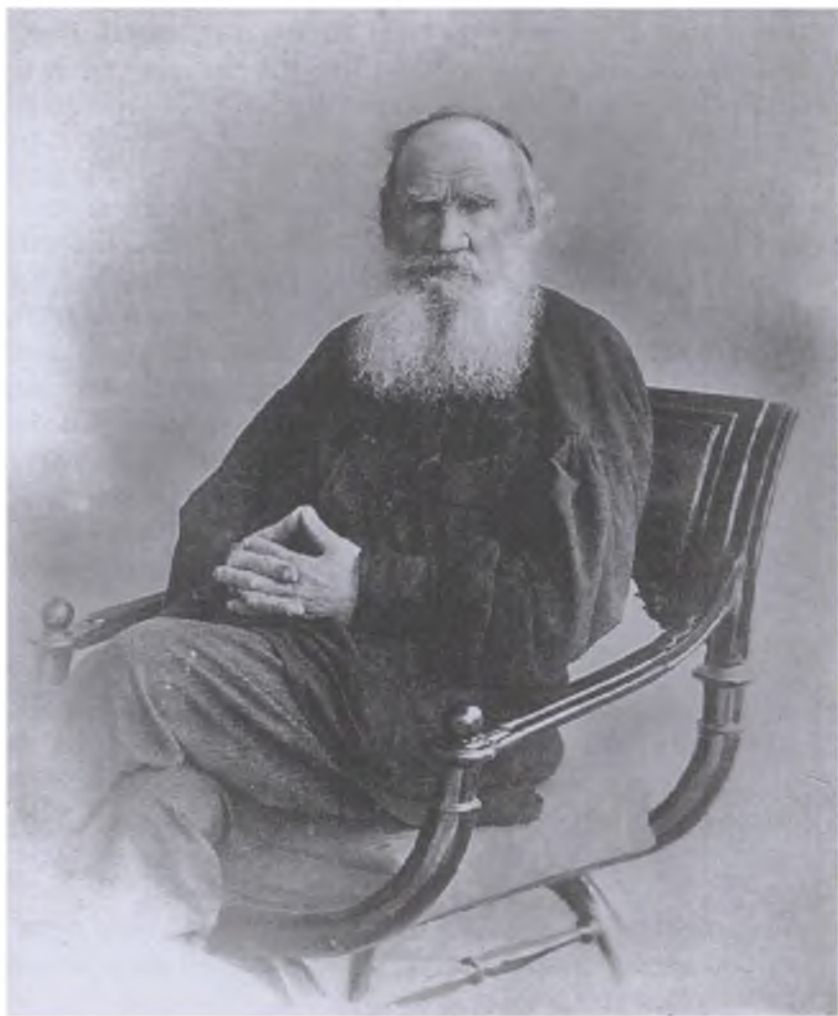
Человек — носитель Бога. Сознание своей божественности он может выражать словом. Как же не быть осторожным в слове? (354).

Уныние есть такое состояние души, при котором человек не видит смысла ни в своей, ни во всей жизни мира. **Избавление от него есть только одно:** вызвать в себе лучшие мысли свои или других людей, которые были тобою сознаны и которые объясняли тебе смысл твоей жизни. Вызывание таких мыслей совершается повторением тех высших истин, которые знаешь и можешь высказать сам себе, — молитвой (377).

Если человек стремится к Богу, то он никогда не может быть доволен собою. Сколько бы он ни подвинулся, он чувствует себя всегда одинаково удаленным от совершенства, так как **совершенство бесконечно** (403).

Самоуверенность — свойство животного; **смирение** — человека (403).

Нет ничего сильнее смиренного человека, потому что **смиренный человек,** отказываясь от себя, дает место Богу (407).

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна. 1910.
Фотография фирмы «Шерер, Набгольц и Ко»

Прекрасны слова молитвы: «Приди и вселися в ны». В этих словах всё. Человек имеет всё, что ему нужно, если Бог вселится в него. Для того же, чтобы Бог вселился в человека, делать нужно только одно: **умалить себя, чтобы дать место Богу**. Как только человек умалит себя, Бог тотчас же вселяется в него. И потому для того, чтобы иметь всё, что ему нужно, человеку надо прежде всего смириться (407).

Нет ни одного человеческого преимущества — силы, красоты, богатства, звания, учености, просвещения, даже доброты, которые **при отсутствии смирения** не уничтожались бы и не превращались бы из преимуществ и хороших качеств в отталкивающие свойства. Нет ничего противнее человека, кичащегося своим богатством, званием, умом, просвещением, ученостью, добротой. Люди желают быть любимыми людьми, знают, что гордость отталкивает людей, и все-таки не могут быть смиренны. Отчего это? Оттого, что смирение не может быть усвоено отдельно. Смирение есть следствие перенесения человеком своих желаний из области вещественной в область духовную (411).

Если люди говорят вам, что не надо во всем добираться до правды, потому что полной правды никогда не найдешь, **не верьте им и бойтесь таких людей**. Это самые злые враги не только истины, но и ваши. Они говорят это только потому, что сами живут не по правде и знают это и хотели бы, чтобы и другие люди жили так же (417).

Ложь закрывает от нас Бога и в нас самих, и в людях, и потому нет ничего дороже истины, возвращающей нас к любви к Богу и ближнему (418).

Помни, что ты не стоишь, а проходишь, что ты не в доме, а **в поезде, который везет тебя к смерти**. Помни, что тело твое только проживает или доживает, а только один дух в тебе живет (449).

Ничего нет вернее смерти, того, что она придет для всех нас. Смерть вернее, чем завтрашний день, чем наступление ночи после дня, чем зима после лета. Отчего же мы готовимся к завтрашнему дню, к ночи, к зиме, а не готовимся к смерти? Надо готовиться и к ней. А приготовление к смерти одно — добрая жизнь. **Чем лучше жизнь, тем меньше страх смерти, и тем легче смерть.** Для святого нет смерти (461).

Не верит в бессмертие только тот, кто не думал по-настоящему о жизни (472).

Если человек только телесное существо, то смерть — конец чего-то столь ничтожного, что не стоит и сожалеть о нем. Если же человек существо духовное и душа только временно живет в теле, то **смерть только перемена** (473).

Этот мир не шутка, не юдоль испытания и перехода в мир лучший, вечный, а этот мир, тот, в котором мы сейчас живем, — это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны нашими усилиями сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для всех, которые после нас будут жить в нем (480).

Надо быть всегда радостным. Если радость кончается, ищи, в чем ошибся (495).

Nels Thompson

**В ПОИСКАХ
БЕССМЕРТНОГО ХРАМА**

Виталий Ремизов

*«Я люблю тебя и жалею от всей души,
но не могу поступить иначе, чем поступаю».*

Из последнего письма Льва Толстого
Софье Андреевне. 31 октября 1910 г.

Вместо вступительной статьи — жанр послесловия. Причина тому — нежелание навязывать читателю чужое восприятие событий. Свободный читатель, свободное чтение.

У каждого участника воссозданной хроники трагических событий своя правда. Читатель, соприкоснувшись с разными точками зрения, сделает свой выбор. Избранный принцип объективной подачи материалов располагает к этому. Особенность же в том, что все они выстраиваются вокруг центра круговорота событий — личности Льва Толстого.

Ноябрь 1910 года был холодным и мрачным. Началась распутица, дождь переходил в снег. Ветрено, неуютно. Он уезжал из Ясной Поляны, где родился и провел более 60 лет своей жизни, темной ночью. Уезжал поспешно, *с чувством боязни, что его остановят, в который раз свяжут по рукам и ногам, лишив чувства свободы*, тогда как душа была уже устремлена к путешествию — неважно, насколько оно будет продолжительным, важно, чтобы оно стало началом новой жизни. И ворота этой жизни открылись...

Уход из дома, а потом смерть на астаповской станции посреди заснеженных полей России — все это было стремительно быстро, но он с юности думал о бегстве из мира богатых в мир трудящихся людей, где так много обездоленных и оскорбленных.

После мечты стать истинным представителем золотой молодежи — человеком «комильфо», после увеселительных балов, заканчивавшихся порой картинами истязания солдат на плацу, пришла мысль оставить учебу в Казанском университете,

уехать в Ясную Поляну, чтобы искренне и всецело помочь крестьянам в их нелегкой судьбе. Но суровый, забитый тяжестью жизнью яснополянский мужик явно не понял намерений молодого Толстого. Тогда под влиянием любимого брата Николеньки Толстой бежал на Кавказ с надеждой послужить Родине. Здесь не успехи в военной службе, а, как и Оленину из «Казakov», «мечта жить в крестьянской избе, заниматься крестьянской работой» глубоко и навсегда запала в душу Толстого.

Мечта с годами окрепла, а после того, как на сорок девятом году жизни, пережив внутренний переворот, он стал на сторону трудящегося народа и перерезал пуповину между собой и господствующим классом, давала о себе знать с еще большей силой. Ему было стыдно быть богатым среди униженного и умирающего от голода народа. Его охватывал стыд при виде барской роскоши, в которой пребывали господа жизни, и нищеты крестьян. Дом его в Ясной Поляне не отличался богатством, но и он казался ему «кричащим противоречием» в его жизни.

Сильны социальные мотивы ухода Толстого из Ясной Поляны. Но можно ли их считать главными?

Уход — это одна из основных онтологических категорий, в которой раскрывается характер не только человека, но и целых народов. Уход всегда сопряжен с выбором между жизнью и смертью — будь то изгнание человека из Рая, Исход из книги Бытия, монашеское уединение или странничество. Это выламывание человека из привычных форм существования. Оно может быть и таким безблагодатным «выходом» из тупика, как самоубийство, а может стать проявлением вечного движения от несовершенства к совершенству, «рождения духом», вдохновенно описанного Толстым в трактате «О жизни». Это всегда отказ от прошлого, переход из настоящего в подчас неизвестное будущее. **Здесь не время главное, а состояние души человека, совокупная воля народов, объединяющая идея — зачем и для чего?**

Для большинства знающих хотя бы отчасти биографию Толстого он типичный затворник Ясной Поляны. Здесь родился,

провел 60 из 82 лет своей жизни, здесь обрел вечный покой. Не любил Петербург, с радостью по весне бежал из хамовнического московского дома в Ясную Поляну, где, проводя большую часть времени за работой (по десять часов в сутки), он с наслаждением уходил от домашней суеты в тишину лесов и полей. Совершал пешие путешествия из Москвы в Тулу, из Ясной Поляны в Оптину пустынь. Увлекался верховой ездой. Любил общение, но с годами все больше уставал от него, хотел настоящей тишины и покоя — ухода от мирской жизни, уединения для общения с Богом.

Внешне — затворник Ясной Поляны, внутренне — неутихающий гений создания новых форм жизни. Его герои таковы, что, если они не находят смысла в реальном пространстве, или не находят в себе силы для противостояния внешним обстоятельствам, или лишены чувства христианской любви, они обречены на смерть — на переход в небытие, где нет и не может быть бессмертия, их останки, в отличие от костей Холстомера, и те бесполезны.

Многолик мир толстовских героев, широк диапазон их колебаний, утрат и открытий, взлетов и падений; многим из них удается вырваться из рутинной повседневности, выйти на дорогу больших жизненных смыслов. Кто-то из них мучительно и одиноко проходит через пограничные ситуации (Иван Ильич, Позднышев, Никита, Катюша Маслова, князь Нехлюдов), в ком-то мгновенно срабатывает инстинкт человечности и происходит преображение (Брежунов из «Хозяина и работника»), кому-то для пробуждения совести, рождения духом нужна поддержка рядом живущего. Но в каждом *есть этот «бесконечно малый момент свободы»*, возможность выбора между добром и злом, возможность движения к лучшему, нравственного совершенствования, приближение к духовному идеалу.

Размышляя о воспитании в начале XX века, Толстой призывал людей обратить внимание на опыт жизни и строй мыслей *мудрецов* мира. Предлагая читателю безбоязненно войти в реку мудрости, он, не переставая, указывал на важность

сохранения личной свободы: **она «есть необходимое условие всякого образования как для учащихся, так и для учащихся» (38, 62).**

О свободе воли писатель рассуждал с юности. Один из первых его философских фрагментов конца 1840-х годов посвящен именно этой проблеме. В эпилоге «Войны и мира» он назовет проблему свободы одним из самых сложных вопросов, который человечество задает себе с разных сторон.

Сам он всегда ощущал себя человеком свободным. И как мыслитель, художник, педагог он был, действительно, всегда свободен. Свободным настолько, что даже теория свободного воспитания Жан-Жака Руссо казалась ему ограниченной — Эмиль, герой романа Руссо «О воспитании», образуется и воспитывается по шаблону, созданному его творцом. У Толстого все иначе: каждый ребенок, каждый человек неповторим, индивидуален, и нужно идти в вопросах воспитания от особенностей его природы, а не от головных сторонних установок.

Такова личность Толстого, что она всегда стояла над схваткой эпох, партий, чужих мнений. Сказанные им после встречи с Герценом в Лондоне слова наглядно передают сущность Толстого: «Герцен сам по себе, я сам по себе» (60, 436). Он никогда не примыкал ни к одной из партий, ни к одному из общественных движений. Считая политику грязным делом, Толстой не просто находил слова для ее бичевания, но и предлагал новые пути развития общества. Он любил мужика, считал себя «адвокатом стомиллионного крестьянства», но не идеализировал его и не сливался с ним в прекраснодушных объятиях. Любовь к Родине никогда не угасала в нем, но она не была единственной. Чем глубже он постигал душу русского народа, тем очевиднее становилось для него то общее, что соединяет все народы и напоминает человеку о том, что он не только гражданин отечества, но и гражданин мира. Он не признавал абстрактной любви ко всему человечеству, считая это ни к чему не обязывающей декларацией. И не раз указывал на то, как, трудно подчас любить рядом живущего, как важно служить ближнему, исполняя законы Всевышнего.

Астاپовские дали. 2010. Фотография Н. Н. Повзуна

Станция Лев Толстой (Астапово). Вид на станцию и мемориальный Музей памяти Л. Н. Толстого сверху. 2010. Фотография Н. Н. Повзуна

С особой остротой он ощущал трагическое противоречие своего бытия: **любить свободу**, воспевать ее духовную суть, все время стремиться к ней **и вдруг в финале жизни понять, что ты пленник**.

Семьей и друзьями была создана такая атмосфера, что Лев Николаевич, столь всеми любимый и обожаемый, не мог ступить шага в сторону. Руки и ноги его были связаны. Зная его доброту, умение терпеть и прощать, окружающие его близкие люди вели себя разнузданно. **Пожилой человек оказался окольцованным схваткой враждующих сторон**, разыгравшейся не на жизнь, а на смерть.

Кошунственно нарушалась тайна творчества. Стоило Толстому выйти из кабинета, как тут же со всех сторон кидались родные и близкие, дабы снять копии с написанного. Толстой завел дневник для одного себя, тайный дневник, но и к нему умудрялись найти дорогу.

Ехал он на прогулку, а на расстоянии за ним следовал черкес или другой соглядатай, и не здоровье писателя беспокоило, а страх относительно встречи с Чертковым.

С одной стороны, возрастал поток оскорблений и обвинений чуть не во всех смертных грехах, включая кошунственное обвинение в сожительстве с Чертковым, с другой — Толстой получал жесткие, подчас жестокие письма от друга, призывавшего следовать его установкам и менее всего думающего о праве на свободу самого писателя.

Близкие хорошо знали, что Толстой был болен аффективной эпилепсией, такой формой болезни, которая вызывалась стрессом, скандалом, и несмотря на то, что окружающие его люди знали об этом, каждый день, не щадя старика, они подливали масла в огонь.

Он любил семью, потому так долго терпел и не уходил от нее.

Но духовная жизнь стремилась к молитвенному одиночеству и единению с Богом. Он стоял на таком уровне нравственной высоты, что равных ему в мире было очень мало, а если иметь в виду, что это был еще и художественный гений, то мы поймем, что Толстой — это не столько быт, сколько Бытие. Он

создавал свое звездное небо, где были его звезды, его планеты, создавал свою духовную карту мира, ибо он среди тех, кто приходят к нам, простым смертным, раз в несколько столетий.

Он не родился святым, с детства обреченным на святость, и потому провел свою жизнь в титанических искания «правды о мире и душе человека», оставив современникам и будущим поколениям 90-томное собрание сочинений. С юности защищал бедных и обездоленных, спасал тысячи жизней от голода, вызволял из тюрем России десятки невиновных людей. Постоянно работая над собой, неустанно шел к идеалу. «Идти по звезде, по солнцу»¹, — так говорил он, имея в виду движение к Христу. И на исходе жизни, когда Бог послал ему тяжелые испытания, он выдержал их с честью. Решение уйти вполне закономерно. Оно итог всей его деятельной натуры. *Звездную карту мира надо было достраивать «в уединении и тиши», с сознанием, что ты не раб, что ты рожден быть свободным и ты свободен!*

Эта не та свобода, о которой писал Иван Бунин в одной из лучших книг о Толстом. Это не освобождение от плотского и погружение в мир Нирваны. Это не свобода эгоистического своеволия, в котором упрекали Толстого некоторые члены семьи. Это не проявление анархизма, как склонны подчас считать ученые люди. Это не жест протеста против повседневности, обремененной завистью, корыстью, семейным эгоизмом. С этим Толстой научился справляться. Можно долго продолжать ряд того, что подходит под толстовскую формулу «не то» («Смерть Ивана Ильича»).

Но можно было бы сказать и так, что все перечисленное имеет место быть в акте Ухода Толстого. *Но есть главная причина, возвышающаяся над всеми остальными: неистребимое желание ищущей Души слиться с Богом, вырваться из тисков сиюминутной необходимости на простор свободной духовной*

¹ См.: Ремизов В. Б. Идти по звезде, по солнцу. Лев Толстой и Владимир Соловьев // Ремизов В. Б. Л. Н. Толстой. Диалоги во времени. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1999. С. 66–82.

жизни. Где никто не будет тебе мешать выражать свою волю, когда никто не сможет вторгнуться в пределы твоего таинства, твоих сокровенных мыслей, в твой диалог с самим собой О Жизни — Смерти — Бессмертии. Оставить позади жизнь, превращенную людьми в «крикливый базар», и отправиться на поиск Его Бессмертного Храма.

Софья Андреевна Толстая не столь знаменита, как ее муж, но у каждого человека, который соприкасался с жизнью автора «Войны и мира», ее имя всегда на слуху и вызывает разноречивые ассоциации. Споры вокруг супружеской пары всегда носили острый характер и продолжаются по сей день.

Кто она? Верная и добрая соратница мужа, мать тринадцати детей, помощник в переписывании и издании его произведений или «злой гений», с первых дней брака и все последующие годы супружеской жизни мучившая его? Жертва тирании гения, никогда никого не любившего, кроме себя самого и своей славы, как считал сын Толстых Лев Львович, или с детства тяжело больной человек, страдавший паранойей, склонный к истерии, которая с годами прогрессировала, и избравший предметом своего истязания собственного мужа?

В Софье Андреевне, безусловно, были ростки многих талантов. Она увлекалась садоводством, прекрасно вышивала, неплохо рисовала, профессионально увлекалась фотографией, искусно музицировала, была способна к иностранным языкам, учительской деятельности, проявляла серьезный интерес к философии, с юности была расположена к психоанализу, владела искусством слова.

Но лодка ее увлечений часто разбивалась о быт: заботы по хозяйству, напряженная работа по переписыванию и изданию сочинений мужа, бесконечные приемы многочисленных гостей, но главное — исполнением материнского долга. Рождение тринадцати детей, из которых пять умерли в раннем детстве, — высокая и трудная миссия. И, конечно, вечная проблема — на что содержать семью? Денег всегда не хватало. А муж Левочка витал, как ей казалось, в эмпириях, с определенного момента

**Вид на вокзал со стороны Музея памяти Л. Н. Толстого. 2010.
Фотография В. Б. Ремизова**

**Музей памяти Л. Н. Толстого и вокзал на станции Лев Толстой
со стороны парка. 2010. Фотография В. Б. Ремизова**

жизни отказавшись от гонораров за свои произведения. Одним словом, не просто трудно, а невыносимо трудно было «быть женою гения».

Живя в лучах славы великого человека, она боялась утратить то неповторимое, что в ней было. *Ей тоже хотелось славы. От избытка жизненной энергии, от избытка чувств хотелось любви — той любви, которую она, видимо, не находила в Толстом.*

Как-то в своем дневнике Лев Толстой записал: «...в жизни, как правило, крайности сходятся». Но современники Толстого, да и мы, живущие спустя 100 лет, склонны к резким, подчас полярным суждениям. По сей день среди людей, интересующихся жизнью и творчеством Толстого, бытует два лагеря.

В одном — сторонники Софьи Андреевны, — убежденные, что жить рядом с Толстым трудно, порой невыносимо, и она, страдалница, приняла на себя все муки. Логика их рассуждений вполне понятна. Толстой, пребывавший в каждодневном писательском труде, в постоянном поиске истины, внутренне менялся, кидался из одной крайности в другую. В итоге — он пришел к отрицанию богатства и стал на путь аскетизма, отказался от гонораров за свои произведения, пренебрег проблемами существования семьи, мало обременял себя заботами отцовства. К тому же с подачи Софьи Андреевны имел скверный, раздражительный характер (вечное недовольство собой, высокие требования к окружающим людям, **непомерные претензии** к членам семьи, социально конфликтная личность), осложненный резкой, всевозрастающей с годами критикой социальных основ общества, государства, церкви, науки, медицины и даже искусства, которому он преданно служил всю жизнь.

В другом лагере никогда не жаловали Софью Андреевну. Так, личный секретарь писателя, выдающийся биограф Толстого Николай Гусев считал ее мещанкой не только по рождению, но и по образу мысли. Ей не дано было подняться до высот духа великого мудреца и художника. Мучая его, она претендовала на конгениальность мужу, обвиняла его в эгоизме,

Дом, в котором умер Л. Н. Толстой, сегодня – мемориальный музей. 2010.
Фотография В. Б. Ремизова

Музей памяти Л. Н. Толстого и Церковь в поселке Лев-Толстовский
(станция Астапово). 2010. Фотография В. Б. Ремизова

самодовольстве, тщеславии, негодовала по поводу принятых им решений в области собственности, устраивала вечные скандалы по пустякам, высказывала несправедливые упреки в адрес его черствости, невнимательности к воспитанию детей, жестокости и равнодушии по отношению к ней. Все делала в оправдание себя, стремясь убедить современников и потомков в том, что предмет истязаний она, а не Лев Николаевич. Подобная позиция Софьи Андреевны, далекая от истинного положения вещей, не могла не возмущать тех, кто знал и искренне любил Толстого.

Кто прав? Кто виноват? Вечные вопросы, которые встают перед человеком, пытающимся разобраться в семейной жизни Толстых. Но гордиев узел так крепок, что мало кому удастся разрубить его и отыскать ответы на мучительные вопросы. Ситуация становится еще более сложной, когда к серьезным проблемам жизни подходят с обывательской, обыденной точки зрения. В массовом сознании, к сожалению, закрепилось убеждение, что Лев Толстой, хотя и гений, но человек тяжелый и неуживчивый, и потому жена его, Софья Андреевна, заслуживает всякого сострадания и оправдания. Ее дневники, повести, «Моя жизнь», известные широкому кругу читателей, склоняют именно к такому взгляду. Что делать? Толстой, хотя и написал 13 томов дневников, но менее всего был склонен описывать в них историю отношений с Софьей Андреевной, а главное — кто же возьмется за труд прочитать тринадцать томов? Вся сложность отношений могла бы предстать в переписке супругов, но она как переписка не издана. Искать же письма Толстого к жене по 90-томнику утомительно, а том с письмами Софьи Андреевны к мужу вышел в довоенные годы и недоступен массовому читателю.

Так что сегодняшний читатель имеет дело с одним взглядом на проблему: жизнь семьи увидена глазами супруги. Цель предлагаемой книги об Уходе Толстого как раз и заключается в том, чтобы предоставить слово самому Толстому, а также другим свидетелям драмы, восстановить право каждого участника событий на собственную точку зрения.

До свадьбы отношения между супругами рисовались Софье Андреевне в романтических тонах. Но перед самой свадьбой все изменилось. Искренний и по-мужски наивный Толстой дал накануне женитьбы возможность восемнадцатилетней Соне прочесть его дневники молодости. Ему было 34 года, и жестокого обета воздержания он не принимал. Связи с женщинами были, *но не часты*, и любовь к крестьянке Аксинье Базыкиной тоже была. При этом Соня не могла не чувствовать любовного и доброго отношения к себе со стороны Льва Николаевича — Левочки, как она будет в дальнейшем звать своего мужа. Прочитала, простила бы и забыла. Мудро и благостно для дальнейшей семейной жизни. Но увы... Чтение дневников молодого Толстого оказалось для Сони роковым. Будучи от рождения крайне ревнивой, эмоционально не сдержанной, склонной к подозрительности, она сама себе воткнула нож в сердце, кровоточащая рана обозначилась на всю жизнь. С годами ревность только возрастала, приобретая гипертрофированные формы. Толстой стал восприниматься Софьей Андреевной как ее неотторжимая собственность, на которую никто не имел права посягать, даже в плане дружеского общения. В памяти держалась каждая деталь из прочитанных его дневников, а внутри всегда сидело затаенное чувство страха — он продолжает вести дневник, наверняка, казалось ей, записывает все их разговоры и ссоры, и, оправдывая себя, выставляет ее не в лучшем свете перед теми, кто будет читать его дневники.

Она мечтала выйти замуж за романтического героя, и таковым поначалу ей представлялся Лев Толстой. Герой романтических чувств влюблен только в нее, живет ради нее и будущих детей, она — безраздельный кумир его сердца. Впереди жизнь графини: с модными одеждами, в высокопоставленном обществе, с увлекательными путешествиями, в блеске лучей славы своего известного мужа.

Но все вышло наоборот. Мало того, что *в ее воображении* муж до женитьбы — «развратник», он еще и беден и нацелен жить не в Москве или Петербурге, а в деревенской глуши — в Ясной Поляне, заниматься сельским хозяйством, а жене уготовил участь

домохозяйки, затворницы. В поэзию отношений молодых супругов с первых дней их совместной жизни ворвалась будничная жизнь. Проходили не просто дни, а годы, десятилетия будничного существования. Толстой творил художественные миры, ему вполне, видимо, хватало творческих проекций, ухода в воображаемую и им же создаваемую действительность. Как бы ни страшна была реальность, она выводила художника и мыслителя на бескрайние просторы художественного и философско-публицистического творчества.

А Софья Андреевна, при всем ее восторге от первых прикосновений к опусам мужа во время переписывания его рукописей, была чернорабочей, взвалила на себя каторжный труд и, надо признать, исправно исполняла его практически до конца жизни. А рядом с этим куча других забот.

Расчетливая от природы, не побоимся сказать правды, жадная на деньги, и вечно обеспокоенная проблемой собственности (о том писали дети, да и внуки говорили об этом), она умела вести хозяйство жестко, с пользой для семьи и по манере управления им во многом напоминала Фета. Надо сказать, что и Л. Н. Толстой до конца 1870-х годов не был равнодушен к материальной стороне жизни и сознательно приумножал свое состояние. Он никогда не жил в таких стесненных обстоятельствах, как Достоевский. Толстой радовался, что ему платили самый большой гонорар за написанный им печатный лист. Не считал зазорным торговаться относительно цены своих произведений. Позже в нем произойдет переоценка ценностей, приведшая к отказу от гонораров за произведения, написанные после 1880 года. Заявление для печати прозвучит в 1891 г. К этому времени Софья Андреевна на широкую ногу поставит процесс издания произведений Толстого. У нее появятся помощники. На территории московской усадьбы «Хамовники» она откроет контору-издание. Произведения раскупались быстро. Россия знала и любила Толстого, все с нетерпением ждали новых его произведений.

И вдруг это заявление! И без того отношения между супругами напряженные — почти 14 лет конфронтации из-за

Комната, в которой умер Л. Н. Толстой. Станция Лев Толстой (Астапово)

Вид на комнату, в которой умер Л. Н. Толстой, со стороны коридора. 2010. Фотография В. Б. Ремизова

новых религиозных и жизненных установок мужа, а здесь, когда в России голод, когда сам Толстой пишет, что нужны немалые деньги, чтобы содержать семью, он отдает сытым издателям право на безвозмездную перепечатку только что написанных им произведений. Но главное — он забыл, что есть семья, обязанность перед детьми, входящими в большую жизнь, а она требует немалых финансовых затрат. Такова была логика рассуждений С.А. Толстой. Житейски настроенному читателю трудно с этим не согласиться. Но доверчивый обыватель не вникает порой в суть заявления Льва Николаевича. **Он не обездолил семью, а сделал Софью Андреевну правопреемницей издания произведений, написанных в период его художественного расцвета.** Она печатала отдельными изданиями, выпускала собрания сочинения мужа, и в них входили произведения, которые уже при жизни писателя стали классикой, — «Севастопольские рассказы», Трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность», «Казаки», «Война и мир», «Анна Каренина», «Азбука» и Книги для детского чтения и др.

Коммерческой торговле произведениями религиозного содержания, связанными со вторым этапом жизни человека и раскрывающими суть его второго — «духовного рождения», Толстой положил конец. Он изгнал торговцев из храма своих духовных поисков и открытий.

Мысль его была уже занята другим: разделом собственности между членами семьи с тем, чтобы самому не владеть собственностью, добровольно отрешившись от нее. И это тоже вскоре свершилось — в июле 1892 г. Семья в целом восприняла это с радостью. Возникла ясность в распределении собственности между членами семьи. Софья Андреевна вместе с Ванечкой стала полнокровной владелицей Ясной Поляны. Маша и Лев Николаевич от владения собственностью отказались. Толстой получал в год 2000 рублей за постановку своих пьес на сценах российских театров. Эти деньги он и раздавал простым людям, которые приходили к нему за помощью.

Он исповедовал принцип разумной достаточности во всем: в одежде, питании, трудовой деятельности, в сфере общения.

М. И. Агафьин. Слпок с правой руки Л. Н. Толстого.
С. Д. Меркуров. Посмертная маска Л. Н. Толстого.
Фрагмент экспозиции в Музее памяти Л. Н. Толстого. 2010.
Фотография В. Б. Ремизова

К этому времени флер его величия был ему в тягость, и упреки Софьи Андреевны в его адрес относительно самолюбования и постоянного желания славы и хвалебных слов были в высшей степени несправедливы. Дорога Толстого вела к Хозяину, пославшему его в жизнь, и он пошел по ней, невзирая на многие трудности и препятствия. И чем далее он шел, чем более приближался к смерти телесной, тем мощнее была в нем потребность во внутреннем очищении и послушании Богу. Кстати замечу, что молитвы Толстого, произносимые им наедине с собой, часто в яснополянском парке «Клины» среди двухсотлетних лип, очень схожи по смыслу и направленности с молитвами оптинских старцев, как и в книгах собранных им афоризмов много совпадений с мыслями из «Добролюбия».

Софья Андреевна добросовестно выполняла свой долг перед мужем, детьми, внуками. Она искренне всех любила, за исключением, быть может, дочери Саши, которая от рождения была нежеланным ребенком. Софья Андреевна с успехом, с большой материальной прибылью для семьи вела издательские дела Толстого, до физического изнеможения доводила себя переписыванием рукописей мужа, но делала это не без удовольствия — первой, проявляя любопытство, прикасалась к слову Толстого, а к тому же и экономила деньги на переписчиках. Они, деньги, были, но их всегда как бы не доставало.

В ведении хозяйства ей не было равных. Она знала все: что, где и когда надо сажать, когда собирать и обрабатывать урожай, как выгодно продать его. В последние годы вместе с семьей с трех сторон Большого яснополянского дома посадила яблоневые сады, которые тоже должны были со временем приносить немалую прибыль. Как истинный специалист-ботаник, зарисовала с максимальной точностью грибы и полевые цветы Ясной Поляны, что сейчас при утрате значительной части флоры заповедника становится особенно ценным.

Когда Лев Николаевич вопреки воле царского правительства первым в России публично заявил о голоде и призвал к оказанию помощи голодающим народам Поволжья и центральных губерний, она возглавила финансовую комиссию по сборам

и распределению средств для голодающих. Он провел два года в странствиях — и в зной и стужу — по России, создавая столовые для голодающих, и она порой помогала ему в этом. Это было бескорыстное, нравственное по намерениям и исполнению действо. В процессе общения с крестьянами были найдены *новые формы организации сельского хозяйства на деревне, созданы десятки рабочих артелей*. Толстых волновала не просто кормежка голодных, а поиск эффективного выхода из сложившейся трагической ситуации. Важно было, чтобы люди сами наилучшим образом научились устраивать свою жизнь.

Как Львица, она кинулась защищать мужа перед Церковью, когда того в 1901 г. Святейший Синод признал отпавшим от Православной Церкви. Собственно, шум вокруг этого события подняла Софья Андреевна. Ей казалось, что муж нуждается в такой поддержке. Но то, что должно было превратиться в беседу между Толстым и Церковью, приняло форму «отлучения», мирового скандала. Не без помощи Софьи Андреевны.

Как бы она ни относилась негативно к крестьянским детям, она всегда принимала живое участие в их судьбе, много помогала Льву Николаевичу как учитель, ведя разные предметы и занимаясь с ребятами порой с утра до вечера.

В дни болезни Лёвочки она всегда была с ним рядом. И он признавал, что лучше нее ему никто не смог бы помочь. Одно прикосновение ее руки успокаивало его и приносило надежду на выздоровление. Особенно это сказало в Крыму, когда Лев Николаевич был тяжело болен и когда чудодейственная сила любви к нему Софьи Андреевны воскрешала его, возвращала с того света.

Известно и то, что на расстоянии друг от друга они не могли находиться долго. Сразу начинали тосковать, писать длинные письма, ходить каждый день на почту в ожидании ответного письма. Письма всегда были откровенные, напряженные, со стороны Софьи Андреевны немало пасмурных, со стороны Льва Николаевича — ободряющие и поддерживающие. Ему открывались философско-религиозные дали, он все сильнее погружался в те формы общения, которые приближали

к Богу. О том он и писал Софье Андреевне, искренне желая, чтобы она поняла его и, если смогла бы, — пошла за ним или рядом с ним.

Но именно эти разногласия во взглядах на жизнь стали камнем преткновения для Софьи Андреевны. Чтобы понять всю особенность ситуации, проведем аналогию с дружбой Толстого и его троюродной теткой Александрой Андреевной Толстой. Вот как об этом писала сама Софья Андреевна:

«Приезжала и графиня Александра Андреевна Толстая из Петербурга и погостила несколько дней. О ней я отзываюсь в дневнике, что она радостна, ласкова, но *придворная* (курсив С.А. Толстой. — В.Р.) до мозга костей. Любит царя, царскую фамилию, двор — и свое положение. Но разговоры мы с ней вели бесконечные. На все отзывчивая, чуткая, добрая и по-своему — религиозная, она всем и всяким интересовалась, **обо всем охотно говорила и никого не осуждала.**

Ее мучило новое верование Льва Николаевича, она не могла с ним согласиться, но она любила его всю жизнь и не осуждала его, жалела и его, и меня, и детей.

Такое же отношение к верованиям Льва Николаевича было и приезжавшей тогда из монастыря сестры его графини Марии Николаевны»¹.

Казалось бы, все ясно: позволь каждому жить согласно его убеждениям. Не надо осмеивать их, издеваться над ними, находить постоянные поводы для скандалов из-за них.

«Без чувства собственного достоинства, без уважения к самому себе, — а в аристократе эти чувства развиты, — нет никакого прочного основания общественному... *bien public* (общественному благу), общественному зданию. Личность, милостивый государь, — вот главное: человеческая личность должна быть крепка, как скала, ибо на ней все строится»².

Так Тургенев вместе со своим героем Павлом Петровичем из «Отцов и детей» определил суть аристократизма.

¹ Толстая С. А. Моя жизнь. В 2 т. Т. 2. М.: Кучково поле, 2011. С. 209.

² Тургенев И. С. Поли. собр. соч. В 28 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 47–48.

Но этим «тактом действительности» не обладала Софья Андреевна. Духовные прозрения мужа казались ей очередными фантазиями. Сам он, считала она, возомнил себя пророком, пребывающим в гордыне и славе — никто ему не нужен, кроме тех, кто поддерживал его новые идеи, кто готов был пойти за них на каторгу или в тюрьму. Почти постоянно на страницах «Моей жизни» она обращается к комментариям мыслей Толстого, его поступков, наполняя свои суждения иронией, сарказмом, придавая им негативно звучащий характер. Одним словом, создается впечатление, что **она вполне осознанно идет на обострение отношений с мужем, задевая его за самое больное, возникает ощущение некой супружеской мести.**

Живи, казалось бы, своей жизнью, дай возможность супругу думать так, как он хочет, выстраивай нормальные отношения со всеми окружающими, в том числе и с его друзьями-единомышленниками, уходи от конфликтности, резких оценок, неоправданных обвинений, и все было бы в доме и семье спокойно. По крайней мере, скандалов заметно поубавилось бы. Однако претензия на конгениальность мужу брала свое. Ей часто представлялось, что он подавил в ней многие таланты, отсюда внутренняя неудовлетворенность собой и избрание для предмета истерического раздражения своего собственного мужа, только его и более никого. В результате она добилась, возможно, и неумышленно, того, что он, при всей феноменальной терпеливости, иногда не выдерживал и впадал в затяжные приступы эпилепсии, вызванной не столько переутомлением от своего титанического труда, сколько эмоциональными надрывами. Надрезы в общении, обозначившиеся в начале супружеского пути, теперь превратились в кровоточащие раны. Это чувствовали сами супруги, это было очевидно для всех окружающих.

Но в поведении Софьи Андреевны сказывались и другие факторы. В частности, склонность с раннего возраста к суициду. С годами мысль о самоубийстве становилась все крепче. Дети, знакомые не раз выводили ее из состояния практически невменяемости. Зная за собой эту склонность, она не раз

предупреждала Толстого, что если он сделает хоть шаг из дома, она кончит жизнь самоубийством. Испытание для писателя было нешуточным. С одной стороны, мощный напор претензий, с другой — колоссальное терпение и умение прощать. С годами развивавшаяся истеричность — еще одно роковое наследие Софьи Андреевны.

В дневниках С.А. Толстой часто появляется мысль о мести Льву Николаевичу за несложившуюся жизнь, желание отравить ему последние годы жизни. Чувствуется это и в ее произведениях «Моя жизнь», «Чья вина?», «Песня без слов». Думается, Лев Николаевич не мог не замечать этого. Отвечать на озлобленность озлобленностью он не только не стал, но и не мог этого сделать в силу склада своего характера и религиозных убеждений. Чем больше Софья Андреевна проявляла неприязни к мужу, тем больше он давал ощутить ей, как много в нем любви, жалости, сострадания к ней.

Знакомясь с «Моей жизнью», Дневниками и повестями С.А. Толстой, читатель видит только одну сторону медали. Другая сторона, точка зрения Толстого, от него скрыта. Сегодня возникли однобокость и перекося в восприятии жизненной драмы супругов.

Лев Толстой вот уже много лет в глазах читателей находится перед судом собственной жены. И что странно — никто от него оправдания не ждет. Да их почти нет. В дневниках все пристойно, нет резких, полных неприязни, выпадов против жены, есть стремление разобраться в ее переживаниях, помочь ей преодолеть психологические трудности. Он прожил открытую, трудовую жизнь, где каждый день был для него значим.

Лев Толстой в конце жизни признался, что он никогда злым не был, за исключением трех-четырёх случаев. Не был и блудником. До женитьбы у него было 4–5 женщин, а женился он в 34 года. За 48 лет супружеской жизни ни разу не изменил Софье Андреевне (**«и ни разу не изменил жене»** — 56, 173). Около 900 писем к жене свидетельствуют о настоящей любви к ней. Его письма необычайно трогательные, нежные, пронзительные по искренности и правдивости. В них глубина постижения

семейных коллизий, судеб близких людей, желание, может быть, помочь, всегда быть рядом с женой и детьми. Он был внимательным и любящим отцом. Об этом свидетельствуют в своих воспоминаниях сами дети, подтверждает дошедшая до нас огромная переписка Толстого с ними. Он делал многое для того, чтобы облагородить быт семьи, придать ей формы подлинно духовной жизни.

С годами он пришел к убеждению, что жить надо без роскоши, скромно, без излишеств, ибо в могилу с собой все не утанешь. Некоторые члены семьи во главе с Софьей Андреевной думали иначе. Заметим кстати, работающим в семье по существу был только он — всемирно известный писатель.

Его мечту жить в крестьянской избе и заниматься крестьянским трудом разделяли в семье только две дочери — Маша и Саша. Софья Андреевна в целом отрицательно относилась к мужикам и постоянно с ними конфликтовала. Многие из друзей Толстого, разделявшие его идеи, становились ее врагами.

Одна из главных особенностей творческого гения Толстого — чистота нравственного чувства, то есть способность смотреть на мир изначально нравственно. При этом он видел бездны жизни, торжество зла и насилия, но всегда считал, что добро неизмеримо сильнее зла. И потому Толстой — светлый и добрый гений. Не только в творчестве, но и в жизни. Герои его произведений — это люди разных возрастов, разных национальностей, разных профессий, это сотни измученных войной, униженных и оскорбленных, но в каждом из них он искал частицу Божественной сущности. Сострадание и любовь были вечными спутниками его творчества.

Сострадание и любовь стали формами его миропознания и существования. Будучи офицером, он защищал простых солдат, в Ясной Поляне создал школу для крестьянских детей, во время голода два года провел в странствиях, спасая сотни тысяч жизней, восстал против смертных казней в России. Десятки людей по ходатайству Толстого были освобождены

из тюрем. Он написал более 10 тысяч писем современникам, и во многих из них ощущается пронзительная боль за судьбу конкретных людей.

С любовью и пониманием Толстой относился и к Софье Андреевне. Но с годами конфликт между супругами разрастался. На него наслаивались имущественные проблемы (борьба за завещание).

«Мы жили вместе-врозь» — эти слова, сказанные Толстым, как нельзя лучше передают суть супружеских отношений, а перед смертью Софья Андреевна призналась, что сорок восемь лет прожила с Львом Николаевичем, так и не поняв, что он был за человек.

У семьи своя жизнь, свои потребности, своя логика понимания событий и поведения. Впервые опубликованная шестимесячная переписка родных и друзей (июнь — ноябрь 1910 г.)¹ свидетельствует об их черствости, неразумности их общения с Толстым. Порой эгоцентризм окружавших его людей зашкаливал. Софья Андреевна уважала и боялась старшей дочери Татьяны Львовны. Одно слова Тани, один искренний жест любви к матери, и драмы можно было бы избежать. Ведь все знали, что мать тяжело больна. Так уговорите ее вырваться за пределы адского домашнего круга, увезите ее за границу, о которой она мечтала всю жизнь, найдите лучших врачей. Ведь смог же Лев Львович, средний сын Толстых, излечиться. Почему же мать никто не пожалел, почему все всё понимали, но держались нейтралитета. Так удобно? Или денег было жалко? Или такова мера их любви к родителям? Всю ситуацию по существу отдали на откуп Саше, а она была еще слишком молода, чтобы глубоко понять происходящее. Об этом она не раз писала и говорила спустя много лет.

Здесь скажу то, о чем долго не решался сказать, а уж писать и подавно. Александра Львовна незадолго до своей смерти рассказала Сергею Михайловичу Толстому, внуку писателя

¹ Уход Льва Толстого. Тула: ИПО «Лев Толстой»; ГМТ, 2011. С. 340–595.

(моему старшему другу, передавшему мне эту историю), о том, что, когда Толстой, уже больной, сходил с поезда в Астапове, он вспомнил о Софье Андреевне и захотел ее видеть. Иногда думаю, что есть правда в словах жены писателя, которая убеждала всех в важности ее присутствия при больном муже, справедливо плагая, что у нее есть опыт ухаживания за ним. Но жестокость семьи дала о себе знать и в эти скорбные дни. Человека, с которым Толстой прожил 48 лет, по существу, не допустили к умирающему. Она вошла к нему, когда он был без сознания. Этого Александра Львовна тоже не могла себе простить.

А он, Толстой, великий писатель, мудрец, и на смертном одре продолжал чертить свою карту мира. Говорят, что он умер на полустанке, как скиталец, как неприкаянный человек, наказанный Богом. Умер в страданиях и муках.

Страдания и муки были. Физические. Но он их мужественно переносил, стараясь как можно меньше тревожить окружающих. А вот духовные мысли, чувства, проявившиеся на смертном одре, были наполнены необычайной заботой о присутствующих, искренней благодарностью и любовью, христианской умиротворенностью. Он не боялся смерти, а смиренно шел к Богу, шепча, умирая: «...истину... люблю много... люблю всех».

Уходя из Ясной Поляны, он думал затеряться, как иголка в стогу сена. В нем всегда была доля наивности, что-то такое непосредственное, что сродни, как он любил говорить, «первообразу гармонии ребенка». И, действительно, на два дня полиция упустила его из виду. В российской жандармерии, начиная с Зимнего дворца, случился переполох, но вскоре след ухода обнаружился, и под контроль были взяты все оставшиеся дни жизни писателя.

Эти 10 дней потрясли мир. Прекратились войны, человечество будто замерло в ожидании развязки разыгравшейся драмы. В здании железнодорожного вокзала круглосуточно работали журналисты, телетайп регулярно отстукивал сообщения о состоянии здоровья Льва Толстого... Что будет с ним?..

С миром?.. С каждым из нас?.. Со всем человечеством?.. Маленький поселок в центре России на семь дней стал центром Земли.

При жизни Толстой был властителем дум и сердец людей разных поколений, разных профессий, национальностей, вероисповеданий. Свидетельств тому много — от высказываний простого мужика до признания европейски образованного писателя. Антон Чехов: «Что с нами будет, когда умрет Толстой? Страшно подумать». Александр Блок: «С Толстым ушла мудрая человечность». Томас Манн: «Если бы был жив Толстой, Первой мировой войны не было». Таков был нравственный авторитет Толстого при жизни.

Недавно в Сорбонне, в ноябре 2010 г., на открытии конференции, посвященной 100-летию смерти Л. Н. Толстого, старый профессор родом из Лидице рассказывал, как 7 ноября 1910 г. утром селяне, простые мужики и бабы, стали стекаться к площади и, собравшись на ней, стали плакать. Потом он, будучи мальчиком, спросил у раввина, что случилось. И тот ответил: «Умер Толстой», а потом добавил: «Никто из них не читал ни одного произведения, но все знали, что это самый добрый на земле человек, Апостол любви».

Астапово. Рядом Рязань, Липецк, Задонск, Лебедянь, Данков, Куликово Поле... Рядом места, знакомые Толстому по работе во время голода. Он и его товарищи создали более 240 столовых для голодающих, спасли сотни тысяч жизней.

Станция Астапово с большим вокзалом, железнодорожным депо, служебными зданиями, жилыми домами и скверами, возникшая в 1889–1890 гг., сохранилась по сей день, и сегодня, имея с 1918 г. другое название «Лев Толстой», представляет собой памятник архитектуры железнодорожного зодчества.

Дом начальника станции, в котором умер Лев Толстой, по существу, сразу же после смерти писателя стал народным музеем, а в середине прошлого века вошел в состав Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва). К 100-летию со дня

Один из залов Музея памяти Л. Н. Толстого
на станции Лев Толстой. 2010. Фотография В.Б. Ремизова

Памятник Льву Толстому в парке музея. 2010.
Фотография В.Б. Ремизова

**Здание Культурно-образовательного центра им. Л. Н. Толстого
в поселке Лев-Толстовский. 2010. Фотография В. Б. Ремизова**

смерти писателя мемориальный дом, вокзал, жилые дома были отреставрированы.

20 ноября 2010 г., в День Памяти, более двух тысяч человек почтили своим посещением Мемориал памяти «Астапово» на станции Лев Толстой. В Доме-музее открылась новая экспозиция «Астаповский меридиан. На пороге вечности». Состоялось торжественное открытие Культурно-образовательного центра им. Л. Н. Толстого с демонстрацией в его залах выставки редких картин из фондов музея, в кинозале — исторической хроники начала XX века «Живой Толстой». Перед многочисленными гостями из разных городов России и зарубежных стран с пронзительным и глубоким словом о Толстом выступил известный писатель и публицист Валентин Курбатов.

«Не Петербург, не Москва — Россия... — писал о тех скорбных днях Андрей Белый. — Россия — это *Астапово*, окруженное пространствами; и эти пространства — не лихие пространства: это *ясные*, как день Божий, *лучезарные поляны*»¹.

Когда утром 7 (20) ноября по всем концам света разлетелось одно только слово «скончался», все знали, кого потерял мир.

20 (7) ноября 2010 г. исполнилось 100 лет, как остановилось сердце Толстого.

Невзирая на его пророчества и предупреждения, человечество пошло по пути зла и насилия. XX век стал самым кровопролитным в истории цивилизаций, XXI поражает еще большими зверствами. Сегодня в разных концах умирают люди от войн, голода, продолжаются религиозные распри, богатые «давят» бедных, ханжество и лицемерие, ложь и обман в чести у власти. Иуда с его поцелуем жив.

Толстой не был предан забвению. Миллионными тиражами выходили и выходят в свет его сочинения, по мотивам его произведений созданы сотни спектаклей и фильмов, музеи Толстого в Ясной Поляне, в Хамовниках (Москва) посещают

¹ *Белый Андрей*. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой // Русские мыслители о Льве Толстом. Тула: Ясная Поляна, 2002. С. 285.

ежегодно десятки тысяч людей, среди них не только наши соотечественники, но и представители многих зарубежных стран. И все же с полной уверенностью можно сказать: для большинства живущих Толстой остается неизвестным писателем. А то, что он великий мудрец жизни, знают в нашей стране немногие. Причина тому — запрещение философско-религиозных работ писателя как при царской, так и при советской власти, гнет ленинских статей при анализе творчества Льва Толстым, когда каждый школьник мог смеяться над мудрецом, не читая его и не понимая, что стоит за ленинскими словами: «хлюпик, юродствующий во Христе», жалкий «непротивленец».

Те идеи и принципы жизни, во имя которых Толстой совершил свой путь на Голгофу, не только не востребованы, но даже и не осмыслены нашими современниками. Тогда как именно под воздействием идей Толстого Махатма Ганди принес свободу Индии от гнета англичан, в 1922 г. Корея стала самостоятельным государством, деятельность и смерть Мартина Лютера Кинга в США перевернули сознание американского общества, резко изменив в лучшую сторону отношение к неграм.

Дом, ставший последним земным пристанищем Л.Н. Толстого, не мемориал скорби, ибо это противоречило бы концепции «жизни — смерти — бессмертия» великого писателя, считавшего, что «смерти нет».

Пройдя через «арзамасский ужас» смерти, утрату многих родных и близких, страх перед смертью, Толстой в пятьдесят лет думал о самоубийстве, ибо не мог ответить на вопрос — где тот смысл жизни, который неуничтожим после смерти? Его философский трактат «О жизни» первоначально назывался «О жизни и смерти», но, написав его, Толстой зачеркнул слово смерть — ее нет для того, кто, пройдя через «рождение духом», нашел в себе силы для духовного движения к идеалу.

В Яснополянских записках Душана Маковицкого о предсмертных днях Толстого примечательно свидетельство: «Сам Лев Николаевич надеялся преодолеть болезнь, желал выжить,

Открытие Культурно-образовательного центра им. Л. Н. Толстого в День памяти, столетия со дня смерти писателя, 20 ноября 2010 г. Слева направо: вице-губернатор Липецкой области Л. В. Куракова, композитор Ширвани Чалаев (автор опер по мотивом произведений Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат», «Казачьи»), директор Государственного музея Л. Н. Толстого В. Б. Ремизов. Фотография М. И. Кузнецова

Культурно-образовательный центр им. Л. Н. Толстого. Перед входом в кинозал. 2010. Фотография М. И. Кузнецова

но и за всё время болезни ничем не показал обратного ... страха смерти...»¹

Толстой пришел к выводу, что для человека, познавшего смысл жизни в исполнении высшего блага — служении Богу, ближнему, нравственной истине, смерти не существует.

Смерть страшна человеку, пребывающему во власти тела. Вопрос о том, как прожита была собственная жизнь и какой след человек оставил о себе в мире, стал для Толстого одним из главных в его размышлениях о жизни и смерти. В любви, служении людям и Богу он увидел путь выхода из трагического тупика — здесь средоточие проблемы бессмертия, здесь порог вечности, и ты сам должен переступить через него. Чем раньше пробудится в человеке Разум, частица Божественного, чем скорее произойдет рождение духом, тем больше в нас бессмертного смысла, тем очевидней будет суть перехода «из времени в Вечность» (А. Фет), еще более таинственную, чем жизнь земная.

Переход — это тот порог, та точка отсчета, которой проверяется человек перед лицом смерти (в «Войне и мире» — «личность целого народа»). Эта точка отсчета выявляет значимость данной личности и то, что остается после ее физической смерти: жизнь рода, духа, идей, значимых и добрых деяний, произведение искусство, научное открытие или уголок в памяти любившего тебя человека... Это и многое другое вопреки нашему желанию может стать неотъемлемой частью культуры человечества, оказаться в орбите его памяти. Но само бессмертие духа после умирания тела, то бессмертие, к которому стремились многие герои Толстого и сам Толстой, — где оно? Оно в каждом человеке, если через Бога в нем неустанно идет работа бессмертной души. Вера в бессмертие — это таинство, с признанием которого жизнь наполняется светом и смыслами. Без нее, как писал Толстой, жизнь подобна «чистой выбеленной квадратной комнате», вызывающей «ужас красный, белый, квадратный».

¹ Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 423.

Выставка «Запечатленное слово» (живопись и графика из фондов ГМТ).
КОЦ им. Л. Н. Толстого. Фотография М. И. Кузнецова

На смертном одре Толстой слышит голоса умерших близких ему людей. Будто они зовут его к себе, в другой мир. Душой он откликается на этот зов, но «ум сердца» пока еще крепко связан с земными страданиями окружающих его людей. Даже на смертном одре судьба ближнего дороже вселенских переживаний. И потому он пишет в своем дневнике сначала по-французски: «Делай, что должно...», не дописывает продолжение любимого им изречения «и пусть будет, что будет». Собрав последние силы, дописывает по-русски: «И все на благо и другим, и главное, мне» (58, 126). Это были последние слова, написанные его рукой.

За день до смерти Толстой привстал с постели и громким голосом, внятно сказал присутствующим: «Вот и конец!.. И ничего!». Увидел дочерей Таню и Сашу и обратился к ним со словами: «Я вас прошу помнить, что, кроме Льва Толстого, есть еще много людей, а вы все смотрите на одного Льва». И еще сказал: «Лучше конец, чем так»¹.

Тема «Ухода — Смерти — Бессмертия», сопряженная с уникальностью астаповского дома, звучит по-особому в контексте философии Пути жизни.

Феномен Пути — это путь жизни человека, его бесконечное движение «от тьмы к свету»; духовное восхождение личности к сакральному центру — источнику высшей благодати и радости, к Богу; путь самопознания человека и познание мира; путь ищущей русской души, думающей о судьбах родины и всего человечества.

Сам Толстой — живое воплощение человека-Пути. Как мудрец он шел через аскетического очищения духа, стремившегося к добродетели, восходившего от материального к идеальному, пребывавшего в извечном движении ради духовного преображения.

Комната, в которой умер Лев Толстой — философский образ Порога, Перехода, встречи Человека с Логосом, Светом, — по экспозиционному замыслу просматривается с двух сторон:

¹ *Маковицкий Д. П. Указ. соч. С. 430.*

внутренней — взгляд собственно на комнату изнутри дома и внешней — взгляд на противоположную дверь (толстовский символ смерти и выхода к новой жизни), открытую со стороны дороги в мир. За ней прозрачная пуленепробиваемая установка и освещенная комната. Свет вырывается наружу, освещает траву, деревья, жилые дома и уходит ввысь. Толстой как бы благословляет весь мир, весь свет, но уже «без себя», без своего персонифицированного «я», находясь в светящемся ареале космоса. Он сам уже становится вечным источником света в вечно «живой жизни» мира.

В молодости он хотел быть самым богатым, самым великим, самым счастливым человеком на этой земле. Но отказался от богатства, тяготился прижизненной славой, в старости менее всего был мучим гордыней, хотел семейного счастья — оно не сложилось, мечтал о счастье для простого народа, но все уже дышало гневом, классовой непримиримостью, Россия шла к революциям, братоубийственным войнам. И стало ясно, что человек не властен над обстоятельствами, но он властен изменить свою душу к лучшему. От жажды богатства — к опрощению, от желания счастья — к «царству Божию внутри вас», от величия и славы — к просьбе похоронить его в самом простом гробу, над могилой не ставить памятника, не говорить траурных речей.

Последняя его книга «Путь жизни» вышла после смерти. Книга о том, как человек открывает смысл жизни, обретает бессмертие, чтобы на пороге Вечности можно было сказать словами Ивана Ильича: «Кончена смерть».

Мемориальные часы, показывающие время смерти писателя,
и колокол на станции Лев Толстой. 2010.
Фотография В.Б. Ремизова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Перед уходом. «Я отстоял свою свободу»	3
Уход. «Мы все братья у одного Царя»	251
Вспоминая Астапово	581
«Я пересолила». Софья Андреевна в Астапове	611
Из официальной хроники ухода Л. Н. Толстого	635
Лев Толстой. Из «Пути жизни»	649
<i>Виталий Ремизов. В поисках бессмертного Храма</i>	663

Виталий Борисович Ремизов за книгу «Уход Толстого. Как это было» стал лауреатом Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» 2017 г. в номинации «Творцы». Специальная премия «Творцы» вручается за произведение, которое призвано сохранить память о людях, посвятивших свою жизнь искусству.

УХОД ТОЛСТОГО

КАК ЭТО БЫЛО

В книге впервые представлена развернутая хроника последних месяцев жизни Льва Толстого: с 19 июня по 7 ноября 1910 г. Построенная на подлинных материалах — дневниках, письмах, документах, мемуарах участников событий, — она передает неповторимость каждого дня, создает условия для объективного и правдивого восприятия смысла происходящего. Читателю предоставлена возможность, минуя многочисленные трактовки и интерпретации, ощутить себя свободным в поисках ответов на сложные вопросы разыгравшейся драмы. Повествовательный ряд обогащен огромным количеством уникальных фотографий из фондов Государственного музея Л. Н. Толстого.

Издательство «ПРОСПЕКТ»
(495) 651-62-62
e-mail: mail@prospekt.org
www.prospekt.org